ЗАПИСКИ
ОБЪ ОСТРОВАХЪ
УНАЛАШКИНСКАГО
ОТДѢЛА.

ЗАПИСКИ

ОБЪ ОСТРОВАХЪ

УНАЛАШКИНСКАГО ОТДѢЛА,

СОСТАВЛЕННЫЯ

И. Веніаминовымъ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

Издано иждивеніемъ Россійско-Американской компаніи.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

1840.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи, представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ.
С. Петербургъ, 29 Мая 1840 года.

Цензоръ *А. Крыловъ*.

Въ типографіи Императорской Россійской Академіи.

ЗАПИСКИ
ОБЪ ОСТРОВАХЪ
УНАЛАШКИНСКАГО ОТДѢЛА.

ЧАСТЬ II.

Отдѣленіе первое.

ЗАМѢЧАНІЯ О ЖИТЕЛЯХЪ.

I.

Названія ихъ.

Жители здѣшнихъ острововъ, называемые Русскими и всѣми Европейцами *Алеуты*, сами себя называютъ Ѵна́ган. Слово это ничего не значитъ по Русски и не можетъ быть произведено ни отъ какого другаго Алеутскаго слова *.

---

* Правда есть Алеутское слово Ѵнага́нъ, означающее предлогъ *за* (напр. чанъ Ѵнага́нъ за руку); но изъ этаго едвали можно сдѣлать какія нибудь заключенія.

Названіе обитателей.

Названіе *Алеутовъ* здѣшніе жители первоначально получили отъ Русскихъ (Сибиряковъ). Но почему они назвали ихъ Алеутами, трудно доказать. Зная языкъ Алеутскій и ихъ обычаи, можно думать, что Алеуты, при первоначальномъ свиданіи съ Русскими—первыми посѣтителями и первыми людьми, которыхъ они увидѣли, кромѣ себя и своихъ сосѣдей, вѣроятно отъ удивленія говорили между собою: а́ликъ ȣа́я, или сокращенно алиȣа́я, т. е. что это, или что это такое? И также на всѣ вопросы Русскихъ, безъ сомнѣнія не знавшихъ Алеутскаго языка, не понимая ихъ, отвѣчали тѣми же словами *аликъ, алиȣа́я*, которыя очень часто употребляются и въ обыкновенныхъ разговорахъ, а иногда какъ присловіе. Русскіе же очень часто слыша такіе звуки могли подумать, что жители такъ называютъ сами себя; или, не имѣя возможности узнать настоящаго имени, начали называть ихъ Алиутами — а потомъ Алеутами. Эту же самую догадку, касательно названія Алеутовъ, предполагаетъ и Г. Шамиссо, (бывшій на Уналашкѣ въ 1817 году).

Сверхъ общаго названія ȣна́ганъ здѣшніе жители имѣютъ еще мѣстныя названія, и именно: жители Унги и всѣ прочіе до Унимака, называются Ӄа́ганъ Таяг̃ȣнинъ, т. е. люди, или мущины, восточные; Унимакцы называются ȣни́мгинъ; жители остро-

вовъ Креницына и первыхъ селеній Уналашки до Веселовскаго, называются Кигигӳнъ, т. е. сѣверовосточные; прочіе жители Уналашки и всѣ Умнакскіе—Каӳлянгинъ или Кагӳлянгинъ; жители Четырехсопочныхъ островъ назывались Акӳганъ, или Акӳгӳнъ, т. е. тамошніе или тутошніе; Атхинцы называются Нигӳгинъ, или Ниягӳнгинъ; Крысьевцы — Кагӳнъ; а самые ближайшіе къ Камчаткѣ—Сасигнанъ. Всѣ же вообще жители Андреяновскихъ острововъ называются иногда Намигӳнъ, т. е. западные.

II.

Наружный видъ Алеутовъ.

Къ какому племени народовъ принадлежатъ Лисьевскіе Алеуты? кажется это еще не совсѣмъ рѣшено.

Г. Блюменбахъ причисляетъ ихъ къ Монгольскому племени, вмѣстѣ съ Якутами, Тунгусами и прочими Камчатскими племенами; а Г. Форстеръ причисляетъ къ Ескимосскому, или Гренландскому племени; въ чемъ согласенъ и Г. Шамиссо, который сверхъ того находитъ большое сходство Алеутскаго языка съ Ескимосскимъ. Напро-

Наружный вид.

тивъ того знаменитый Лингвистъ Фатеръ сомнѣвается ихъ причислить къ сему послѣднему племени. Г. Бори Винцентъ (Bory de st. Vincent), по своему раздѣленію, причисляетъ ихъ къ гладковолосымъ (Lejotrichi) и Гиперборейскому племени, къ которому, по его раздѣленію, принадлежатъ: Якуты, Чукчи, Коряки, Камчадалы и другіе.

Кажется, вѣроятнѣе мнѣніе тѣхъ, кои причисляютъ ихъ къ Монгольскому племени; потому что Алеуты, по наружному виду, имѣютъ весьма большое сходство съ Якутами. У Алеутовъ, хотя и въ меньшей степени, но также какъ и у Якутовъ скуловатое лице, не широкіе глаза, кривыя ноги, черные и грубые волосы и почти одинаковый ростъ.

Напротивъ того въ образѣ жизни и въ образованіи языка * они больше подходятъ къ Гренландцамъ.

---

* Но не въ самомъ языкѣ; я такъ думаю по сравненію Алеутскаго языка съ Кадьякскимъ, который есть совсѣмъ другой языкъ и весьма различенъ отъ Алеутскаго въ окончаніяхъ и названіяхъ, такъ, что кажется, кромѣ названій *отца* и *воды* нѣтъ ничего похожаго; но образованіе ихъ совершенно одно и тоже; напр. въ томъ и другомъ языкѣ есть двойственное число напр.

Наружность нынѣшнихъ Алеутовъ, т. е. черты лица, не у всѣхъ между собою сходны; потому, что на нынѣшнее поколѣніе Алеутовъ (среднихъ лѣтъ) весьма большое вліяніе имѣло значительное число Русскихъ, бывшихъ здѣсь во время и послѣ частныхъ компаній *; почему не всякій Алеутъ можетъ быть взятъ за образецъ

по Кадьякски Тайхѵтъ иди́, Та́йтикъ идите двое, та̀йчи идите трое или многіе; я́макъ камень, ямакъ два камня, яматъ камни. Особенно большое сходство видно въ падежахъ, которые имѣютъ тоже самое раздѣленіе на *неопредѣленные, притяжательные* и проч. напр. Ямака мой камень, Яманъ твой камень, Ямагѵма́ его камень. Кажется и глаголы Кадьякскаго языка также имѣютъ множество окончаній и измѣненій какъ и Алеутскаго. Но въ Кадьякскомъ языкѣ есть буква *п*, которой нѣтъ въ томъ; счетъ Алеутской простирается далѣе 10,000, а Кадьякской только до 200, и совсѣмъ другаго образованія (одного съ Колошенскимъ); о чемъ будетъ сказано во другомъ мѣстѣ.

* До соединенія всѣхъ частныхъ компаній въ одну нынѣшнюю Россійско-Американскую компанію, здѣсь было много судовъ отъ разныхъ хозяевъ. Экипажъ каждаго судна жилъ и дѣйствовалъ отдѣльно и независимо одинъ отъ другаго, и назывался: компаніею *такого-то и такого-то*.

Наружный видъ.

при описаніи ихъ наружнаго вида, не смотря на то, что онъ, по происхожденію своему, будетъ называть себя *чистымъ* Алеутомъ.

И такъ, что бы сколько можно вѣрнѣе изобразить національную наружность Алеутовъ, я не буду брать за образецъ самаго безобразнаго и не уклюжаго; потому, что такихъ очень не много, и они, вѣроятно, суть только уроды въ своемъ родѣ; но не возьму и красиваго и виднаго мущину, — тутъ сомнительно, точно ли онъ чистый Алеутъ; а буду смотрѣть на тѣхъ, которые нѣсколько выше первыхъ и гораздо ниже послѣднихъ, потому, что число ихъ гораздо болѣе.

Ростъ.

Алеуты вообще росту средняго, т. е. отъ 5 до 9 вершковъ; но съ перваго взгляда они покажутся гораздо ниже; потому, что отъ сидѣнья въ байдаркѣ, въ домахъ не на стульяхъ и даже не на подмосткахъ, но на ровномъ мѣстѣ,—они не могутъ держать себя прямо. Сверхъ того, въ колѣнкахъ ноги у нихъ не разгибаются прямо, и голени у мущинъ вообще кривыя; отъ чего на видъ они кажутся не очень рослы и довольно не уклюжи, и, можно сказать, даже уродливы, если не въ своемъ національномъ костюмѣ. Но если бы Алеутамъ дать выправку, то большая часть изъ нихъ ростомъ были бы около 12 вершковъ

и даже есть нѣкоторые болѣе 14 вершковъ, какъ напр. бывшій главный тоэнъ Унгинскій, который и безъ всякой выправки былъ не менѣе 13 верщковъ; но подобный ростъ есть уже исключеніе, точно такъ, какъ и малорослые, изъ коихъ нѣкоторые едва будутъ два аршина.

Походка Алеутовъ не ровная; они ходятъ какъ бы спотыкаясь; и такъ какъ у нихъ кривыя ноги, то на ходьбѣ съ боку очень походятъ на Еврейскую букву ς; а спереди и сзади кажутся какъ будто танцуютъ. По новой тропинкѣ, проложенной по снѣгу Алеутомъ, Русскій никакъ не можетъ итти, ступая слѣдъ въ слѣдъ; ибо пятки ногъ его смотрятъ не внутрь, а наружу.

Но за то Алеутъ, когда сидитъ въ своей однолючной байдаркѣ, и, разумѣется, въ своемъ національномъ костюмѣ, совсѣмъ другой человѣкъ, чѣмъ на землѣ; въ то время, кажется, что онъ созданъ для байдарки, или байдарка изобрѣтена для того, чтобы показать его съ самой лучшей стороны. Случалось мнѣ видѣть нѣсколько разъ Русскихъ сидящихъ въ байдаркѣ, но никто изъ нихъ, даже изъ самыхъ бойкихъ и статныхъ, не дѣлаетъ такого вида какъ самый обыкновенный Алеутъ.

Алеуты вообще худощавы, или, какъ говорятъ, поджаристы; ни одного изъ нихъ я не видывалъ тучнаго, или съ боль-

Наружный видъ.

шимъ брюхомъ; но нѣкоторыя изъ женщинъ и особенно изъ грудныхъ дѣтей (при изобиліи хорошей пищи и именно китовины) довольно полны и толсты, особенно дѣти, у нихъ щеки почти равняются съ носомъ, а толщина ноги ни сколько не менѣе половины длины.

Цвѣтъ тѣла у Алеутовъ довольно смугловатъ, но не оливковый и не черный; онъ не измѣняется даже и въ третьемъ колѣнѣ, въ смѣшеніи съ Русскими.

Волосы черны и жестковаты, но не грубы; у Креоловъ они довольно скоро переходятъ въ темнорусые. Усовъ и бороды почти совсѣмъ нѣтъ и особенно въ среднихъ лѣтахъ; но подъ старость у многихъ выростаетъ небольшая сѣдая бородка; а у нѣкоторыхъ есть бороды довольно большія. Безволосыхъ и плѣшивыхъ совсѣмъ нѣтъ, только двухъ стариковъ видѣлъ я съ лысинами; и за то они имѣли необыкновенно большія бороды.

Ноги у Алеутовъ кривы, какъ объ этомъ сказано выше, и это, по словамъ ихъ, отъ того, что они у дѣтей никогда не связываютъ ихъ пеленками. Ступни какъ у мущинъ, такъ и у женщинъ широки, велики и неуклюжи; и здѣсь ножекъ, можно сказать рѣшительно, нѣтъ даже у молодыхъ женщинъ. У малорослыхъ мужчинъ ноги кажутся гораздо короче, чѣмъ бы надлежало.

Руки у мужчинъ грубы и съ наружной стороны гораздо чернѣе, отъ того, что они никогда не употребляютъ рукавицъ, исключая того времени, когда бываютъ морозы. У женщинъ руки гораздо менѣе и правильнѣе; у всякой взрослой женщины есть нѣсколько ногтей, отрощенныхъ для того, чтобы раскалывать жилы и траву при ихъ рукодѣліяхъ.

Черепъ головы вообще довольно не малъ, съ боковъ круглый, а въ верху, на темѣ, поднявшійся, иногда угловатый; и какъ нѣтъ череповъ свисшихся на задъ, такъ, нѣтъ, и совершенно плоскихъ. Лобъ, по соразмѣрности лица, кажется очень не широкимъ, особенно съ перваго взгляда; но въ сравненіи съ Русскими промышленниками онъ почти ни сколько не у́же ихъ. Средняя вышина его отъ $1^3/_4$ до $2^3/_4$ и даже до 3 дюймовъ; ширина — отъ $5^1/_2$ до 7; онъ почти всегда склоняется назадъ спереди; а съ боковъ къ верху уже. Волосы на лбу лежатъ почти горизонтально отъ средины лба къ ушамъ, т. е. безъ боковыхъ угловъ, какъ бы вѣнкомъ; и вообще начинаются вдругъ густою опушкою. У нѣкоторыхъ же даже на самомъ лбу, надъ глазами, есть волосы.

Глаза вообще хотя не большіе и не широкіе, но быстрые и зоркіе. Самая большая ширина глазъ не на срединѣ, но ближе къ носу. Длина ихъ гораздо менѣе,

Наружный видъ.

какъ бы должно быть по пропорціи лица. Они лежатъ не горизонтально, а наклонно къ носу, но не столько, какъ у Якутовъ, или Тунгусовъ. Разстояніе между глазами довольно большое. Цвѣтъ глазъ темнокарій, такъ, что черное зрачко почти не примѣтно. Фокусъ глазъ не совсѣмъ плоскій, и у нѣкоторыхъ онъ даже почти круглый; но при всемъ томъ они вдали видятъ также хорошо, какъ и всѣ прочіе. Вѣки всегда полныя, а верхнія какъ бы опухшія. Брови кругловаты и черны, а у нѣкоторыхъ сросшіяся. Корни бровей у нѣкоторыхъ не отъ носа къ косицамъ, какъ обыкновенно, но напротивъ. Рѣсницы же густыя, но не длинныя.

Носъ у Алеутовъ хотя и не коротокъ и не высокъ, но и не совсѣмъ сплюснутъ. Переносье вообще низко, ноздри полны и полуоткрыты.

Скулы лица вообще довольно высунувшіяся, и, кажется, едва ли менѣе Якутовъ, но не такъ остры, какъ у тѣхъ, и выдаются не столько въ бока, сколько впередъ.

Ротъ болѣе, чѣмъ средней величины. Губы большія или длинныя; но не слишкомъ толсты, и есть у нѣкоторыхъ губы, много похожія на губы Негровъ.

Щеки довольно полны, особенно у женщинъ и дѣтей.

Уши не велики, и больше прижаты

чѣмъ оттопырившись; отверзтіе ихъ очень у многихъ на линіи глазъ.

Зубы вообще довольно бѣлы, чисты и не широки, и, надобно прибавить, всегда здоровые. Особенно замѣчательно то, что на нижней челюсти, а иногда и на обоихъ, передніе зубы не острые и не тонкіе, или плоскіе; но круглые и даже у нѣкоторыхъ овально продолговатые поперегъ десенъ, съ верху плоскіе и гладкіе, какъ бы сточеные. Подобные зубы встрѣчаются только у чистыхъ Алеутовъ и взрослыхъ; но у Креоловъ и молодыхъ Алеутокъ, они гораздо правильнѣе, т. е. не столько круглые, но и не острые. Эти овальные зубы сверхъ того не всегда бѣлы; но желтоваты, а подъ старость дѣлаются почти совсѣмъ черны. И не у всѣхъ ли Ихтіофаговъ такіе зубы?

Вообще же лице Алеута довольно не мало какъ по длинѣ его, такъ особенно по ширинѣ; и вся голова не мала.

Почти все, что здѣсь сказано о наружности Алеутовъ, надобно разумѣть только въ разсужденіи мужчинъ. Но женщины очень много разнятся отъ нихъ: ростъ у нихъ менѣе, глаза и носъ правильнѣе, брови чернѣе и гуще; ротъ тоже менѣе и губы тонѣе и правильнѣе; груди у молодыхъ вообще полныя, но не круглыя, а отвисшія; цвѣтъ лица и тѣла бѣлѣе; но ноги короче чѣмъ бы надлежало; впрочемъ это

Наружный видъ.

можетъ быть отъ того такъ кажется, что вообще у всѣхъ женщинъ, отъ всегдашнаго сидѣнья на кукоркахъ, ноги согнуты. Отъ этого старухи Алеутки слишкомъ бываютъ согбенны и, въ сравненіи съ Русскими, довольно рано начинаютъ имѣть нужду въ костылѣ. Дряхлыя же и совсѣмъ не могутъ ходить безъ него, потому, что онѣ не въ состояніи разогнуться болѣе прямаго угла. За то руки и глаза имъ не измѣняютъ и въ самой глубокой старости. Употребленія же очковъ изъ нихъ не знаетъ никто.

III.

Способности.

Алеуты вообще, какъ мужчины, такъ и женщины, сложенія довольно плотнаго и много изъ нихъ есть широкоплечихъ и сильныхъ; отъ чего въ работѣ и на ходьбѣ они очень дюжи и неутомимы. Алеуты особенно удивляютъ своею неутомимостію въ байдарочной ѣздѣ. Мнѣ самому случалось ѣзжать съ ними нѣсколько разъ отъ 14 даже до 20 часовъ, не приставая къ берегу, и во все время таковыхъ переѣздовъ они останавливались не болѣе одного разу и не долѣе какъ минутъ на 15.

При переноскѣ тяжестей мужчины и женщины равно не утомимы и тяглы; они могутъ переходить въ одинъ день отъ 35 до 50 верстъ съ тяжестію отъ $1^1/_2$ до 2 пудовъ. И, имѣя кривыя ноги и большія ступни, они особенно искусны въ ходьбѣ по лайдѣ и большимъ каменьямъ *.

Зрѣніе у Алеутовъ весьма хорошее, и, въ сравненіи съ Русскими, несравненно превосходнѣе, такъ напр. когда Русской едва замѣчаетъ, что либо въ морѣ, Алеутъ уже видитъ что̀ это такое; если это байдарка, то онъ можетъ разсмотрѣть однолючная или двухлючная; а когда Русской увидитъ, байдарку, то Алеутъ уже узнаетъ въ лице и самыхъ гребцовъ. Причину такого хорошаго зрѣнія они полагаютъ въ томъ, что они не употребляютъ соли въ пищѣ. (Это же самое я слыхалъ и отъ Тунгусовъ, также имѣющихъ отличное зрѣніе). Глазомѣръ Алеутовъ также очень хорошъ. На морѣ, во время волненія, они всегда разочтутъ паденіе и скорость волны, и всегда отличатъ простое волненіе съ розсыпью на

* При первомъ ознакомленіи съ Русскими, Алеуты, прежде всего обратили вниманіе на ловкость Русскихъ ходить по каменьямъ, и, видя свое преимущество, они имѣли это въ виду при случаѣ ссоры.

Способности. чистомъ морѣ, отъ волненія на отмѣли и подводникахъ. По этой причинѣ промышлять бобровъ въ морѣ могутъ одни только Алеуты, или люди съ такимъ же зрѣніемъ и глазомѣромъ, а Русскіе, какъ бы ни сдѣлались искусны въ байдарочной ѣздѣ, никогда не могутъ быть бобровыми промышленниками.

Слухъ Алеутовъ кажется не лучше Русскихъ, если только не хуже. Это мнѣ самому случилось испытать, напр: я слышалъ отдаленный шумъ буруновъ и ревъ звѣрей тогда, какъ бывшіе со мною Алеуты, этого не слыхали; но различить шумъ, или голосъ, одинъ отъ другаго, они могутъ, впрочемъ это зависитъ отъ привычки. У нихъ есть слухъ для пѣнія и музыки и очень хорошій, что̀ доказываютъ дѣти Алеутовъ, находящіеся въ пѣвчихъ и нѣкоторые, играющіе на скрипкѣ и балалайкѣ.

О прочихъ ихъ тѣлесныхъ чувствахъ я ничего не могу сказать особеннаго, кромѣ того, что вкусъ у нихъ *свой — особенный*. Что бы съ аппетитомъ кушать китовину и квашенья рыбьи головки, и кислую икру считать деликатнымъ кушаньемъ, — то, для этого точно надобно имѣть свой вкусъ, и обоняніе не слишкомъ нѣжное.

Алеуты во всѣхъ обыкновенныхъ дѣйствіяхъ своихъ неповоротливы, тяжелы и мѣшковаты, даже до скуки; но движенія

ихъ всегда вѣрны; и только важность, или крайность заставляетъ Алеута быть живѣе и расторопнѣе. Но, что всего замѣчательнѣе, Алеутъ, будучи принужденъ быть живѣе, — совершенно бываетъ на своемъ мѣстѣ и ни при какомъ случаѣ не потеряется; по всѣмъ тогдашнимъ его пріемамъ и движеніямъ видно, что ему столько же свойственна живость и разторопность, какъ мѣшковатость и неповоротливость, видимыя въ немъ съ перваго раза. Впрочемъ есть нѣсколько молодыхъ мужчинъ, которые въ ловкости, бойкости и быстротѣ движеній, не уступятъ и самому лучшему изъ Русскихъ, если только не превзойдутъ, имѣя лучшее зрѣніе.

Алеуты, почти во всѣхъ отношеніяхъ, очень переимчивы. Это они доказываютъ тѣмъ, что очень скоро переняли отъ Русскихъ всѣ рукодѣлія, какія только имѣли случай видѣть. Такъ, — между ими есть хорошіе столяры, плотники, купоры, слѣсари, кузнецы и сапожники. Въ нѣкоторыхъ изъ ремесленниковъ видна и смышленность и умѣнье выгадывать время и матеріалы и пользоваться случаями. Хотя изъ здѣшнихъ Алеутовъ никто не имѣлъ случая обучаться въ высшихъ училищахъ; но изъ тѣхъ, кои здѣсь имѣли случай выучиться мореходству, нѣкоторые считались знающими свое дѣло, (я не говорю о Креолахъ). Напр: нѣкто Устюговъ, — природный Алеутъ,

Способности. очень хорошо зналъ морское дѣло; его морская карта рѣки Нушегака (первая изъ всѣхъ) и по сіе время считается очень вѣрною. Въ числѣ всего перенятаго Алеутами отъ Русскихъ, къ нимъ перешла и шахматная игра, въ которой многіе изъ Алеутовъ очень искусны, особенно изъ жившихъ, или живущихъ на островахъ Прибылова, гдѣ рѣшительно всѣ и каждый изъ мужчинъ знаютъ эту игру. До сихъ поръ еще не было случая испытать ихъ способности къ рисованью и живописи. Но я думаю, что они, имѣя очень живое воображеніе, хорошую память и вѣрный глазомѣръ, могли бы быть болѣе чѣмъ посредственными художниками. Я заключаю объ этомъ по нѣкоторымъ мальчикамъ, самоучкою учившихся рисовать; и особенно по Креолѣ Васильѣ Крюковѣ (полагая въ немъ способности Алеута), который, безъ всякаго учителя, выучился рисовать до того, что очень хорошо писалъ образа, и напослѣдокъ отлично хорошо дѣлалъ портреты (водяными красками): такъ, что ему довольно было видѣть человѣка два — три раза — и онъ являлся живымъ на бумагѣ, со всѣми выраженіями лица.

Живость воображенія ихъ доказывается тѣмъ, что они очень скоро замѣчаютъ человѣка, имѣющаго какія либо смѣшныя стороны, такъ, что надобно удивляться ихъ способности передразнивать другихъ и

подмѣчать всѣ ихъ движенія и тонъ разговора, въ самое короткое время. Это же самое можетъ быть доказательствомъ и того, что у нихъ хорошая память.

Алеуты, въ зрѣломъ возрастѣ, имѣютъ большую охоту учиться грамотѣ, которую особенно они показали въ послѣднее время, когда начали имѣть книги на своемъ языкѣ, такъ, что тамъ, гдѣ они имѣютъ болѣе свободнаго времени, напр. на островѣ С. Павла, почти всѣ до одного умѣютъ читать, и, какъ замѣтно, скоро выучиваются. Впрочемъ это показываетъ болѣе ихъ желаніе и охоту къ познаніямъ, нежели самыя способности, но при всемъ томъ не должно быть оставлено безъ вниманія при этомъ случаѣ.

Вообще же о душевныхъ способностяхъ Алеутовъ могу сказать, то, что они, хотя и имѣютъ хорошую память и воображеніе не мертвое, какъ напр. видно это было на мальчикахъ, обучавшихся въ Уналашкинской школѣ; что хотя и могутъ понимать и отвлеченныя вещи, какъ то: догматы вѣры, математику и проч.; и что даже хотя есть изъ нихъ и такіе, съ коими можно говорить болѣе, чѣмъ объ обыкновенныхъ вещахъ; но при всемъ томъ умственными способностями своими не могутъ равняться со способностями тѣхъ народовъ, которыхъ уже дѣды и прадѣды были просвѣщеннѣе, чѣмъ нынѣшнее поколѣніе Алеутовъ, т. е.

Способности. я хочу сказать, что самая порода Алеутовъ находится еще на низкой степени и далеко не можетъ равняться съ породою народовъ просвѣщенныхъ, — какъ съ породою человѣка уже улучшенною. Сто́итъ только взглянуть на черепы тѣхъ и другихъ, чтобы видѣть различіе ихъ способностей. Весь умъ Алеута и, самый лучшій, еще не очень далекъ отъ смышленности. Впрочемъ Алеуты, въ сравненіи съ другими народами — ихъ сосѣдями, особенно съ Калифорнскими Инцѣйцами, гораздо выше въ отношеніи способностей душевныхъ; чтобы видѣть это, сто́итъ только взглянуть на тѣхъ и другихъ *.

---

* Ежели всякое растѣніе, каждый родъ животныхъ можетъ быть улучшенъ и доведенъ до возможнаго совершенства — образованіемъ; то, безъ сомнѣнія, и порода человѣка, способнаго къ усовершенствованію всякаго рода, — можетъ совершенствоваться — образованіемъ, и — слѣдовательно имѣть степени совершенства. Алеуты выше Индѣйцевъ, потому, что мѣстность заставляетъ ихъ изобрѣтать средства къ продовольствію, и, слѣдовательно, совершенствовать смышленность свою; а ознакомленіе съ Европейцами и принятіе Христіанства пробудило и самыя способности ума. Но Алеуты ниже Русскихъ, потому, что они лишь только начали просвѣ-

Способности Креоловъ — мальчиковъ, говоря вообще, примѣтно лучше способностей природныхъ Алеутовъ и особенно ихъ память.

IV.

Характеръ.

Каждый народъ, не только въ отдѣльныхъ чертахъ характера, но даже и въ главномъ, имѣетъ свои исключенія и часто очень замѣтныя: такъ надлежало бы заключить и объ Алеутахъ. Но въ нихъ почти совсѣмъ нѣтъ исключеній, и, особенно, въ главныхъ чертахъ, (это есть особенно ихъ черта); они совершенно всѣ, какъ будто отлиты въ одну и туже форму. Правда, самое число ихъ не даетъ имъ возможности разнообразиться въ формахъ; но я сравниваю ихъ не съ цѣлымъ какимъ нибудь народомъ, а съ количествомъ равнымъ и даже меншимъ противъ числа Алеутовъ. Если взять въ соображеніе, что Алеуты,

---

щаться. Тогда, какъ нынѣшнее поколѣніе Русскихъ болѣе чѣмъ тринадцатое отъ начала просвѣщенія.

Характеръ.

составляя собою число менѣе 1500, разсѣяны на пространствѣ болѣе нежели 1500, верстъ, и такъ раздѣлены между собою, что весьма многіе изъ жителей крайнихъ селеній не только не видали другъ друга, но и не посѣщали самое главное селеніе; тогда еще замѣтнѣе будетъ ихъ единообразіе въ характерѣ. Правда, съ перваго взгляда можно усмотрѣть нѣсколько характеровъ и не похожихъ на Алеутскій — общій; но, по внимательномъ разсмотрѣніи, почти всегда оказывается, что эти мнимыя исключенія не суть уже Алеуты, хотя и называютъ себя Алеутами, что въ нихъ есть уже примѣсь крови иностранцевъ. Замѣчательно то, что и въ этихъ полу-Алеутахъ, характеръ матери почти всегда одерживаетъ верхъ и даже иногда совсѣмъ уничтожаетъ характеръ отца. Это можно видѣть въ нѣкоторыхъ, такъ называемыхъ, Креолахъ.

1) Самая рѣзкая и сильная черта характера Алеутовъ, есть ихъ *терпѣливость* — и терпѣливость почти до безчувствія; кажется не возможно придумать такой трудности и такого не выносимаго обстоятельства, которыя бы поколебали Алеута и заставили его роптать. Въ случаѣ голода для него ничего не значитъ пробыть три, четыре дня, совершенно безъ всякой пищи; и онъ никакими знаками не дастъ вамъ знать, что уже нѣсколько дней не ѣлъ ни-

чего, если вы не догадаетесь сами объ томъ по блѣдности лица его. Вы этаго не замѣтите даже и тогда, когда бы его попотчивали; и на вопросъ вашъ онъ не будетъ жаловаться ни на кого и ни на что. При продолжительномъ голодѣ, Алеутъ заботится болѣе о своихъ малюткахъ, нежели о себѣ; все найденное для пищи онъ отдаетъ имъ; даже дѣти въ такихъ случаяхъ оказываютъ самое скромное нетерпѣніе. Послѣ многихъ дней голода, Алеутъ принимается за пищу совсѣмъ не такъ, какъ бы надлежало ожидать отъ голоднаго: онъ спокойно, медленно и сдѣлавъ все, что нужно (т. е. убравъ байдарку и проч.), принимается за первый кусокъ, и еще такъ, какъ принимаются за ранній обѣдъ, послѣ сытнаго завтрака.

Въ болѣзненномъ состояніи не услышите отъ него ни стону, ни крику, даже при самой жестокой боли. Очень часто случается, почти каждый годъ, отъ 2 до 5 человѣкъ попадаютъ на клѣпцу (ловушку для лисицъ). Алеутъ, попавшій на такую ужасную ловушку, спокойно и съ возможнымъ хладнокровіемъ даетъ сдѣлать операцію, т. е. вынуть желѣзные зубки изъ своей ноги. Надобно замѣтить, что почти никогда нельзя вынуть ихъ тѣмъ же путемъ; но должно разколоть палку въ которой утвержены зубки, и потомъ продѣть ихъ сквозь кость ноги. Или, что также не рѣдко случается, по невозможности имѣть

Характеръ. помощь отъ другаго, несчастный самъ дѣлаетъ всю эту операцію, и съ твердостію выдерживаетъ потомъ трехдневную, строжайшую діэту, т. е. буквально не пьетъ и не ѣстъ ни капли, что̀ считается необходимостію въ такомъ случаѣ.

Въ тяжкихъ работахъ, какъ то: при большихъ переѣздахъ на морѣ, или переходахъ на сушѣ, Алеутъ дѣйствуетъ хотя не быстро и даже мѣшковато, но цѣлый день, или сказать лучше, до тѣхъ поръ, пока не выбьется изъ силъ, и, разумѣется, безъ всякаго ропота, хотя бы это было не по его воли. Онъ не поропщетъ даже и тогда, если, послѣ самыхъ тяжкихъ трудовъ, долженъ будетъ ночевать въ мокротѣ, голодный, и безъ пріюта. Я, путешествуя съ ними изъ края въ край, имѣлъ много случаевъ видѣть въ подобныхъ обстоятельствахъ ихъ спокойное, кроткое и безропотное терпѣніе. Я здѣсь приведу два примѣра тому.

Въ одно время, весною, ѣдучи въ западный край моей парохіи, я былъ задержанъ вѣтрами на пустомъ мѣстѣ, и такъ долго, что бывшіе со мною Алеуты, послѣдніе два дни, совершенно ничего не могли достать себѣ для пищи. По этому случаю я припужденъ былъ рѣшиться итти пѣшкомъ въ ближайшее селеніе, до котораго, по малой мѣрѣ, было не менѣе 25 верстъ; къ тому же я долженъ былъ взять всѣ вещи, нужныя для отправленія моей

должности, которыя составляли несколько пудовъ, не менѣе пуда на каждаго человѣка. Въ этотъ то день, я, въ первый разъ, увидѣлъ и узналъ, какъ велико терпѣніе Алеутовъ. Дороги совсѣмъ не было; крутыя горы покрыты были полузамерзшимъ снѣгомъ, по которому не было видно ни малѣйшаго слѣда; при томъ же вдругъ сдѣлался противный вѣтръ, со снѣгомъ, и съ столь сильными шквалами, что почти останавливалъ человѣка. Тягость на плечахъ, тощій желудокъ и цѣлый день такого труднаго пути: вотъ обстоятельства въ какихъ находились тогда Алеуты. Но не смотря на то, они, такъ были спокойны, бодры и даже веселы, что эти трудности для нихъ какъ будто ничего не значили — тогда, какъ для меня и двухъ бывшихъ со мною Русскихъ, разумѣется сытыхъ и не обремененныхъ, онѣ едва были выносимы.

Въ другое время, мы, ѣдучи въ байдаркахъ, въ половинѣ нашего пути, встрѣчены были противнымъ вѣтромъ (легкимъ) и сильнымъ дождемъ. Не находя удобнымъ пристать у ближайшаго берега, мы должны были ѣхать до лучшей, извѣстной пристани, и по этому переѣздъ нашъ продолжался сряду 14½ часовъ. Одинъ, изъ бывшихъ со мною Алеутовъ, не имѣлъ съ собою совершенно ничего, кромѣ изношенной парки и такой же камлейки. Не ожиданный нами

Характеръ. дождь промочилъ его до костей; но не смотря на то, по прибытіи нашемъ на мѣсто, онъ, такъ какъ и всѣ прочіе, спокойно занялся устройствомъ палатки, собираніемъ дровъ и проч., ни сколько не заботясь о самомъ себѣ. Когда, по окончаніи дѣла, всѣ усѣлись подлѣ огня, онъ былъ веселъ и шутилъ съ своими товарищами, слегка выжимая бывшую на немъ парку, мокрую какъ лужа, и такъ беззаботно, какъ будто занимался дѣломъ, совсѣмъ до него не касающимся. Если бы ему товарищи не дали другой парки, то онъ также безропотно, и спокойно легъ и ночевалъ бы въ своей мокрой.

Вотъ какъ терпѣливъ Алеутъ! и не удивительно, потому, что онъ родится и выростаетъ въ холодной юртѣ и въ дѣтствѣ своемъ почти всегда бываетъ полунагой и полусытый. При недостаткѣ пищи, почти всегда неизбѣжномъ, мать его утѣшаетъ только тѣмъ, что вотъ скоро обсохнетъ лайда, или скоро перестанетъ вѣтръ; и — онъ, хочетъ или не хочетъ, но долженъ этого дожидаться; а между тѣмъ, время отъ времени, примѣромъ другихъ и привычкою, научается быть терпѣливымъ и нечувствительнымъ къ страданіямъ, сперва тѣлеснымъ, а потомъ и душевнымъ.

2) Алеуты не имѣютъ склонности къ воровству. Это замѣчено съ самаго перваго прибытія Русскихъ на здѣшніе острова.

Доказательствомъ этому служитъ то, что у нихъ ни прежде, ни нынѣ, нѣтъ ни замковъ, ни затворовъ, и все лежитъ открыто. Нельзя сказать, что они ничего не воруютъ. Нѣтъ! почти каждый изъ нихъ самъ сознается въ этомъ; но воровство ихъ такъ мелочно, такъ дѣтско, что почти не стоитъ названія воровства. Алеутъ украдетъ только въ самой крайности, но и тогда столько, сколько ему нужно для перваго удовлетворенія своей нужды. Всего скорѣе онъ украдетъ изъ пищи, а изъ другихъ вещей, какихъ бы то ни было, онъ не возметъ никогда и ничего, хотя бы имѣлъ удобнѣйшій случай. Надобно сказать, что и при крайней нуждѣ (въ табакѣ и дровахъ и проч.), онъ не ищетъ случая украсть, а беретъ, такъ сказать, мимоходомъ.

Почему Алеуты не склонны къ воровству? Отъ того ли, что некуда дѣвать украденнаго? Или отъ того, что они боятся наказаній за воровство? То и другое справедливо, потому, что въ самомъ дѣлѣ, при такомъ малолюдствѣ и самый искусный воръ подумаетъ, куда и какъ сбыть украденное; а наказаній — кто не боится? а особенно они. Ближайшею же, по мнѣнію моему, этому причиною есть то, что Алеуты, всегда и при всѣхъ положеніяхъ, довольны своимъ состояніемъ (какъ объ этомъ будетъ сказано ниже); а въ случаѣ нужды онъ надѣется на свое терпѣніе. Ка-

Характеръ. жется, также не маловажною причиною этому есть и ихъ безпечность и лѣность. Алеутъ не заботится о завтрашнемъ днѣ, потому и достаетъ только на одинъ день. Упромыслить же или, все равно, украсть болѣе, ему не нужно и лѣнь. Но если принять въ соображеніе, что и въ прежнее время они никогда не имѣли привычки воровать, и воровство у нихъ не было какимъ нибудь удальствомъ, какъ напр. у Колошъ, а всегда считалось постыднымъ и грѣхомъ: то это сдѣлалось уже обычаемъ и перешло въ самый характеръ.

Во все время пребыванія моего въ Уналашкѣ, кажется одинъ только разъ было воровство между Алеутами, и, разумѣется, самое незначительное. При большомъ съѣздѣ Алеутовъ въ главное селеніе, одинъ молодой Алеутъ укралъ торбаса, и съ перваго раза былъ открытъ. Правитель Уналашкинскаго отдѣла предалъ виновнаго собственному суду Алеутовъ. Надобно было видѣть эту забавную сцену. Бѣдный виновный стоялъ безотвѣтенъ, съ поникшею головою, а взбѣсившіеся судьи, т. е. всѣ старики и пожилые, каждый порознь и всѣ вмѣстѣ, какъ пѣтухи, подбѣгали къ нему, и съ какими-то жестами, похожими на судорожныя движенія, дѣлали ему жесточайшіе выговоры: что онъ срамитъ всѣхъ Алеутовъ, что имъ стыдно теперь пріѣхать, въ гавань, и проч., и наконецъ хотѣли нака-

зать его, если бы позволилъ имъ то правитель. Этотъ несчастный очень долго былъ въ опалѣ и старался, какъ можно рѣже, быть въ главномъ селеніи.

3) Алеуты, въ исполненіи своихъ желаній и обѣщаній, тверды до невозможности, или, сказать лучше, упрямы въ полномъ значеніи этого слова. Эта сильная черта ихъ характера бываетъ причиною и добрыхъ и худыхъ поступковъ, напримѣръ: если Алеутъ, по убѣжденію кого нибудь, или, по собственному своему произволенію, захочетъ исполнить какое либо дѣло, разумѣется не противозаконное: то, какъ бы оно ни было трудно, лишь бы только было возможно, онъ непремѣнно исполнитъ его, въ самой строгой точности, даже не смотря на то, что это явно будетъ стоить ему здоровья, и что отъ того не получитъ онъ ни малѣйшей прибыли и выгоды. Но за то, если онъ заупрямится, то, кажется, никакія ласки и обѣщанія и никакія выгоды не въ состояніи принудить его перемѣнить свое намѣреніе. Конечно угрозы и страхъ наказаній, которыхъ онъ боится ужасно, и даже выговоры всегда могутъ имѣть свое дѣйствіе надъ нимъ и принудить исполнить то, что требуется; но исполненіе это будетъ самое не усердное, и точно, что называется, *съ рукъ да съ ногъ*. Эта черта видна даже въ дѣтяхъ. Впрочемъ и самыя наказанія, если они будутъ упо-

Характеръ. треблены безразсудно, то, вмѣсто ожидаемой пользы, болѣе ожесточать его. Это я могу доказать примѣромъ: одна молодая дѣвушка 15 лѣтъ, по обстоятельствамъ, принуждена была показать на одного человѣка, въ дѣлѣ очень серьёзномъ, совсѣмъ не имѣя понятія о слѣдствіяхъ этаго, чрезъ 9 же лѣтъ открылось, что она показала совершенно ложно, по наученію другихъ. Но показавши одинъ разъ, она не хотѣла перемѣнитъ своего слова, и подъ жестокимъ наказаніемъ говорила одно и тоже.

4) Алеутъ очень умѣетъ чувствовать печаль и радость; но очень равнодушно встрѣчаетъ и переноситъ ихъ. Всякою горестію, или потерею кого либо близкихъ сердцу, онъ будетъ тронутъ и даже можетъ быть пораженъ; но никогда не придетъ въ отчаяніе. А чтобы плакать, стонать, или рыдать, то это не слыханное дѣло даже между женщинами и дѣтьми. Говорятъ, или говорили, что они склонны къ самоубійству. Не знаю, на чемъ основано такое замѣчаніе; по крайней мѣрѣ я не слыхивалъ объ этомъ и не скоро повѣрю даже самовидцу. Не заключаютъ ли это изъ того, что Алеуты, во время страшной ихъ годины, укрываясь отъ ужаснаго Соловья, или Соловьева, были открыты и атакованы на одномъ маленькомъ островкѣ, и, при совершенной невозможности, ни

избѣжать, ни защищаться, многіе изъ нихъ низвергались съ утеса. Но не извѣстно отъ того ли они бросались, чтобы не сдаться живыми въ руки Соловья, или отъ того что были тѣснимы отъ нападающихъ. Кромѣ этаго событія и подобныхъ въ тогдашнее время, едвали когда нибудь былъ случай, показывающій ихъ малодушіе, или неравнодушіе. Алеутъ, сколько равнодушенъ въ печали, столько же равнодушенъ и въ радости. Онъ умѣетъ цѣнить всякое благодѣяніе ему оказанное, и даже различить существенное, прочное, отъ блестящаго; но никогда не обрадуется чрезмѣрно и ни отчего не придетъ въ восхищеніе. Правда, на лицѣ его видно бываетъ удовольствіе, но всегда спокойное и умѣренное. Даже дитя, послѣ долгаго поста, не схватитъ любимаго куска съ жадностію и не покажетъ на лицѣ радости, свойственной его возрасту.

Очевидно, что главною причиною такого равнодушія Алеутовъ, есть первая и главная черта ихъ характера—терпѣливость. Но ужели въ нихъ совсѣмъ нѣтъ никакой чувствительности и раздражимости? нѣтъ! этаго отъ нихъ нельзя отнять. Въ нихъ видна нѣжность къ дѣтямъ, и они оскорбляются даже презритетьнымъ взглядомъ; но то и другое умѣютъ удерживать и скрывать.

5) Алеутъ очень не прихотливъ и се-

Характеръ. вершенно равнодушенъ къ стяжанію, не говорю уже богатства, (потому, что и самый богатѣйшій изъ нихъ, выключая его байдарки и промысловыхъ орудій, едва ли имѣетъ состоянія на 200 или 300 рублей); но даже излишнихъ вещей. Онъ считаетъ себя довольнымъ, или, покрайней мѣрѣ, не жалуется на свое состояніе и никогда не ищетъ улучшенія, даже и тогда, когда бы имѣлъ одно только самое необходимое платье. (Каковыхъ примѣровъ болѣе половины всего числа). Спросите его, доволенъ ли онъ и хочетъ ли быть богаче? Онъ вамъ скажетъ, то и другое, т. е., нельзя сказать, чтобы Алеутъ совершенно не имѣлъ никакого желанія улучшить свое состояніе. Это не свойственно человѣку. Но это ихъ желаніе, въ сравненіи съ другими образованными народами, чрезвычайно умѣренно, слабо и, можно сказать, ничтожно. Если Алеутъ имѣетъ случай достать, или даютъ ему, что нибудь, то онъ не откажется и возметъ даже съ нѣкоторымъ удовольствіемъ. Есть у Алеута излишнія вещи, онъ ими пользуется, какъ умѣетъ; но безъ привязанности, такъ, что всегда готовъ перемѣнить ихъ на другія, совсѣмъ не равностоющія, если только тѣ покажутся ему пригоднѣе и нужнѣе; какъ это видно изъ обычая торговли.—Нѣтъ у него не только излишнихъ, но даже и такихъ, безъ коихъ

онъ не можетъ обойтись, — онъ не заботится много, не хлопочетъ и даже не думаетъ.

6) Если Алеутъ равнодушенъ къ стяжанію имѣнія, то натурально, что для него чужда зависть, и особенно, та злая зависть, которая ненавидитъ отличныхъ, — она совсѣмъ не можетъ имѣть мѣста въ его сердцѣ. Это они доказываютъ своими поступками и особенно на промыслѣ бобровъ *, который для Алеута составляетъ болѣе охоту чѣмъ выгоду; онъ очень доволенъ и тѣмъ, если удается ему попасть стрѣлкою уже въ подстрѣленнаго бобра; и со всѣмъ усердіемъ готовъ гоняться за бобромъ, хотя цѣлый день, не смотря на то, что онъ уже знаетъ, что изъ этаго бобра не достанется ему ничего. Упромысливщій нѣсколько бобровъ охотно отдаетъ ихъ или тому, кто ничего не добылъ, или какому нибудь больному старику, или родственнику.

Хотя исправный Алеутъ и болѣе уважается между своими собратіями, чѣмъ ничего не имѣющій; но Алеуты въ немъ уважаютъ не имѣніе его, но его трудолюбіе, бойкость, ловкость и умѣнье упромыслить звѣря. Напротивъ того, не имѣющій подобныхъ качествъ, если бы какъ нибудь и сдѣлался богатымъ, или исправнымъ, то

* Смотри стр. 142. Отд. III.

Характеръ. онъ скорѣе получитъ насмѣшки отъ своихъ собратій, нежели какое либо предпочтеніе.

7) Въ Алеутахъ, при всемъ ихъ хладнокровіи и равнодушіи, видна любовь къ дѣтямъ и дѣтей къ родителямъ, и даже, не рѣдко, въ такой степени, какая свойственна только нѣжнымъ серцамъ; но нѣжности и ласканій не увидите никогда. Такъ!—отецъ и мать во время голода заботятся единственно о дѣтяхъ своихъ; не рѣдко случалось видѣть, что малютки сыты и довольны тогда, какъ родители ихъ истощали отъ голода. Самый лакомый кусочикъ и самое лучшее платье родители берегутъ для дѣтей своихъ; и все, что только могутъ сдѣлать для нихъ — они дѣлаютъ, напр. въ бобровыхъ и другихъ промыслахъ, при большихъ переѣздахъ, старикъ — отецъ, или дѣдъ, садится въ одну байдарку съ малолѣтнымъ сыномъ, или внукомъ своимъ, и не щадитъ послѣднихъ силъ своихъ для того, чтобы сберечь его здоровье и предохранить отъ надсады. Бо̀льшимъ и лучшимъ этому доказательствомъ можетъ служить прежній ихъ обычай (впрочемъ не общій), съ печали по любимомъ сынѣ своемъ, или племянникѣ, лишать себя жизни. Напримѣръ если сынъ, или племянникъ, упалъ съ утеса, то и отецъ, или дядя, также кидался съ утесу; если тотъ утонулъ, то и

они брасались въ море*, и проч. Но если онъ былъ убитъ кѣмъ нибудь, то они старались отмстить.

Равнымъ образомъ и дѣти, если не всѣ, то многіе, умѣютъ быть благодарными и почитать своихъ не только родителей, но и дядей, дѣдовъ и крестныхъ отцовъ. Никогда не слыхано такого примѣра между Алеутами, чтобы дѣти явно оскорбили своихъ родителей; но напротивъ того очень часто они недорожатъ собственными выгодами для того, чтобы увидѣть родителей и спокоить ихъ на старости. Это особенно доказываютъ многіе изъ живущихъ на островахъ Прибылова. Былъ примѣръ, что двое изъ хорошихъ и умныхъ Алеутовъ были въ С. Петербургѣ и имѣли случай даже тамъ остаться; но не смотря, что имъ, такъ сказать, сыпались деньги за ихъ байдарочную ѣзду и, что водки и табаку уже не нужно выпрашивать было и за деньги; они все это оставили для того, чтобы видѣть и спокоить своихъ престарѣлыхъ матерей, и оба исполнили это. Одинъ изъ нихъ (Овсянниковъ), очень полюбившій Россію, съ 1820 года по нынѣ (1834), самымъ нѣж-

* Это не льзя почесть самоубійствомъ, иначе всякое пожертвованіе собою изъ любви къ другимъ, можно назвать тѣмъ же.

Характеръ. нымъ, примѣрнымъ образомъ, достойнымъ образованнѣйшаго сердца, заботится о своей дряхлой матери, доставляя ей все возможное спокойствіе (другой же товарищь его померъ). Такой примѣръ отнюдь не рѣдокъ между Алеутами; но я объ немъ упоминаю особенно потому, что самъ, нѣсколько разъ, проживая у него во время моихъ путешествій, съ сердечнымъ удовольствіемъ видѣлъ эти простыя, не поддѣльныя и чистыя заботы отъ пятидесятилѣтняго сына и его жены, — и съ какимъ терпѣніемъ, съ какою безропотностію, они, не имѣя у себя никакой прислуги, переносили непріятности, неизбѣжныя при дряхлости и слѣпотѣ ихъ матери.

Доказательствомъ любви дѣтей къ родителямъ, можетъ служить также и то, что многіе любимую жену свою (и только любимую) называютъ *матерью* (ананъ), а жены — мужа своего *сыномъ* или *отцемъ*. Они первое дитя свое всегда называютъ *отцемъ* или *матерью*, (смотря по полу) и не почему другому — какъ только изъ любви къ своимъ родителямъ.

8) Алеуты трусливы и боязливы. Скажите ему, что начальникъ сердитъ на него, и онъ, хотя бы ни въ чемъ не былъ виноватъ, оробѣетъ и сдѣлается унылымъ и скучнымъ. Разумѣется онъ боится не начальника, но наказаній, которыхъ онъ и въ дѣтствѣ не видывалъ. Теперь у нихъ

нѣтъ внѣшнихъ враговъ, кромѣ *Бѣглыхъ* своихъ собратій, которые хотя не дѣлаютъ имъ почти никакого вреда, кромѣ того, что стараются захватывать молодыхъ Алеутовъ въ свою шайку *; но, при видѣ этихъ *бѣглыхъ*, Алеуты чуть, такъ сказать, не мертвѣютъ отъ страха. Самая военная тактика ихъ прежнихъ временъ: нападать на непріятеля болѣе тайкомъ и нечаянно, показываетъ, что, не смотря на то, что они не боялись смерти, и умерѣть въ сраженіи съ непріятелемъ считали славнымъ дѣломъ— они были не совсѣмъ герои.

На противъ того, при опасности на морѣ, скольбы она не была велика и не ожиданна, Алеутъ не потеряется и не оробѣетъ; и до тѣхъ поръ будетъ противоборствовать со всею отважностію, осторожностію и искуствомъ, пока позволятъ его тѣлесныя силы. Равнымъ образомъ промышленникъ не трусить нападать на звѣрей всякаго рода. Напримѣръ Алеутъ, одинъ въ своей байдаркѣ, безбоязненно въѣзжаетъ въ стадо китовъ, или сивучей, которые, если и не нападутъ на него, (случается, что самки киты и нападаютъ), то, въ ис–

* Въ бытность мою пропало безъ вѣсти болѣе 7 человѣкъ и полагаютъ, что они захвачены *бѣглыми*; но объ нихъ будетъ сказано ниже.

*

Характеръ. пугѣ и стараясь избѣжать непріятеля, очень легко могутъ опрокинуть байдарку и тѣмъ лишить его жизни. Житель Аляксы и Унимака не боится нападать на медвѣдей съ однимъ ружьемъ, или лукомъ, не смотря на то, что въ случаѣ неудачнаго выстрѣла, медвѣдь можетъ броситься на него и разтерзать; и что онъ неиначе можетъ спастись отъ него какъ только увертками. При подобныхъ нападеніяхъ звѣрей Алеутъ нисколько не потеряется: такъ одинъ охотникъ, будучи въ такомъ положеніи, успѣлъ схватить медвѣдя за уши и сѣсть на него верхомъ, и потомъ нашелъ время заколоть его.

И такъ, судя по таковымъ поступкамъ Алеутовъ, можно сказать, что они не боятся морей и звѣрей; но боятся только людей (и весьма справедливо).

9) Алеутъ не скоръ на обѣщанія, не любитъ льстить и, такъ сказать, потчивать пустыми посулами; самыя трудныя обстоятельства не вынудятъ отъ него не удобоисполнимаго обѣщанія. Но если Алеутъ уже обѣщался что нибудь, то непремѣнно то исполнитъ. Если онъ вздумаетъ дарить кого нибудь, то даритъ безъ всякихъ расчетовъ, т. е. ни съ тѣмъ, чтобы получить какой нибудь отдарокъ. Отдарятъ ему, онъ возметъ, но также какъ подарокъ, и скажетъ: спасибо; не отдарятъ, — онъ доволенъ и тѣмъ, что приняли отъ него и ска-

зали: спасибо. Никогда не попроситъ онъ взаимнаго подарка ни отъ кого, и даже не огорчится тѣмъ, что его не благодарили даже и словами.

Здѣсь, кстати, я разскажу одинъ случай, бывшій со мною, который можетъ служить доказательствомъ сказаннаго мною. Въ одно время, при посѣщеніи моемъ Умнакскихъ жителей, (въ Августѣ), нѣкто Алеутъ, Таракановъ, при разставаніи со мною, подарилъ мнѣ пару палтусей юколы: и я, разумѣется принялъ ее, (ибо не принять отъ Алеута подарка; значитъ прямо обидѣть его; онъ будетъ думать, что вы не любите его или даже презираете); но гребцы мои, которымъ я отдалъ ее, въ хлопотахъ при погрузкѣ, забыли ее на берегу. По отправленіи нашемъ Алеутъ Таракановъ увидѣлъ юколу и взялъ къ себѣ для того, чтобы, при первомъ случаѣ, переслать ее ко мнѣ. Но случаю этаго не было до Января; а между тѣмъ въ Ноябрѣ и Декабрѣ онъ, какъ и всѣ жители того селенія, терпѣлъ большой недостатокъ въ пищѣ, такъ, что былъ въ самой крайности. Но при всемъ томъ онъ, имѣя большое семейство, не тронулъ моей юколы и въ Январѣ переслалъ ее ко мнѣ. Онъ былъ увѣренъ, что я никогда не могъ нуждаться такимъ количествомъ юколы, и, что я на навѣрное забылъ объ его подаркѣ.

Подобныя случаи между Алеутами

Характеръ. весьма часты и отнюдь не считаются за что либо особенное; но за самое простое, обыкновенное дѣло.

Алеуты умѣютъ быть благодарными. Все, что они считаютъ подаркомъ, одолженіемъ и особенно благодѣяніемъ, умѣютъ помнить, цѣнить, и, по возможности, доказывать то своими дѣлами и поступками *; такъ, что если не всякой изъ нихъ, то очень многіе, умѣютъ различить благодѣтеля отъ оскорбителя въ одной и тойже особѣ **.

Конечно можно замѣтить, что нѣкоторые изъ смѣтливыхъ Алеутовъ не пропустятъ случая подарить и тогда, когда они навѣрное надѣются за свой подарокъ полу-

* Но ничѣмъ нельзя столько заслужить ихъ благодарности и любви какъ поученіемъ ихъ слову Божію.

** И хотя они не умѣютъ благодарить отборными словами, но простыя и нелестныя ихъ выраженія благодарности за то, что я ихъ посѣщалъ и поучалъ, при какомъ-то особенномъ проницающемъ выраженіи лица ихъ—не рѣдко доходили до глубины сердца моего и раждали въ немъ чистое, не земное и невыразимое удовольствіе, которое я буду считать величайшею наградою за то, что, я по мнѣнію ихъ, сдѣлалъ для нихъ добраго.

чить именно водки, или чаю. Здѣсь уже дѣйствуетъ расчетъ. Но этотъ подарокъ въ мнѣніи ихъ считается уже не подаркомъ, а въ родѣ торговли, о чемъ будетъ сказано.

10) Алеутъ не умѣетъ быть привѣтливымъ. Никогда не ожидайте отъ него ни привѣтливой улыбки, ни ласковаго слова, ни мелочнаго угожденія и проч., только веселый взглядъ, усердныя, живыя услуги его и особый тонъ всеупотребительнѣйшаго слова *анъ*, показываютъ, что онъ душевно расположенъ къ вамъ. Вообще никогда не увидите, чтобы Алеутъ ласкалъ свою жену, или дитя свое, не смотря, что любитъ ихъ душевно; а это потому, что ему стыдно показаться нѣжнымъ. Только старушки, исключительно, своими протяжными и высокотонными напѣвами *анъ* и медленными покачиваніями головы, не стыдятся изъявлять свои нѣжности.

11) Алеуты очень не разговорчивы. Они цѣлый день и даже цѣлые дни, если нѣтъ ничего особеннаго, въ состояніи пробыть съ вами не говоря ни слова, особенно, когда они хотя сколько нибудь вами не довольны. И послѣ долгаго отсутствія изъ дома, не скоро пустятся въ разговоры, и не ранѣе какъ лягутъ въ постель; тогда то возвратившійся открываетъ уста и начинаетъ повѣствованіе съ самыми мелкими подробностями;

Характеръ. тѣмъ же отвѣчаютъ ему и домашніе. Подобные ихъ разсказы, которые, по мнѣнію нашему, въ два—три часа могли бы кончиться до истощенія, у нихъ продолжаются нѣсколько дней. Впрочемъ въ длинные зимніе вечера, когда нѣтъ ничего особеннаго для разговоровъ, они любятъ расказывать и слушать свои и Русскія сказки. О важжныхъ дѣлахъ, или о томъ, гдѣ нужно общее мнѣніе, они не толкуютъ много и долго; но по выслушаніи дѣла отъ Тоэна, или кого либо изъ стариковъ, и узнавъ ихъ мнѣніе, они, нѣсколько помолчавъ, говорятъ да, или нѣтъ, и тотчасъ оставляютъ разговоръ объ томъ.

12) Алеутъ ни при какомъ случаѣ не будетъ спорить ни съ кѣмъ, особенно съ Русскимъ, хотя бы совершенно былъ увѣренъ въ истинѣ. Онъ, лишь только услышитъ, хотя нѣсколько спорныхъ словъ, то тотчасъ же замолчитъ, и на всѣ вопросы спорщика, отвѣчаетъ: не знаю, ты больше знаешь, ты Русской. Впрочемъ онъ не совсѣмъ равнодушно уступаетъ въ спорѣ своему одноземцу.

13) Алеуты вообще не охотники ни въ какихъ случаяхъ лгать и выдумывать ложные слухи; но слышанному вѣрятъ и расказываютъ. Даже рѣдкій изъ нихъ солжетъ и тогда, когда бы падало на него какое либо подозрѣніе. Въ этомъ случаѣ, или когда точно бываетъ виноватъ, онъ если

и не признается явно и ясно, то на всѣ вопросы не отвѣчаетъ ни слова; это молчаніе, при робкомъ и нечистомъ его взглядѣ, есть вѣрное доказательство его вины.

Не имѣя въ себѣ наклонности ко лжи, имъ весьма обидно кажется, если не вѣрятъ и противорѣчатъ явно ихъ словамъ; и тогда Алеутъ не будетъ разсказывать самой вѣрной истины, хотя бы могъ потерпѣть отъ этаго самый вредъ, или убытокъ.

14) Алеуты умѣютъ хранить ввѣренную тайну и никогда не будутъ болтать о томъ, о чемъ нужно молчать, или, что, по ихъ мнѣнію, не прилично разглашать. И потому то очень трудно узнать отъ нихъ, что либо тайное и особенно касающееся до прежнихъ ихъ обрядовъ и суевѣрій. Они также и сами не охотники выпытывать тайны отъ другихъ. Напротивъ же того, то, что имъ кажется смѣшнымъ, не преминутъ разсказать при первомъ случаѣ.

15) Алеуты, или потому что сами не охотники лгать, или, будучи не проницательны, — очень довѣрчивы и даже легковѣрны. Довольно нѣсколько ласковыхъ словъ и привѣтливаго обхожденія, или одного добраго дѣла, для того, чтобы заслужить всю его откровенность *. Что ни го-

* Я разумѣю здѣсь не ту откровенность, какая бываетъ иногда между пріятелями, чтобъ вы-

Характеръ. вори ему и ни расказывай, даже чудесное, невѣроятное, онъ всему отъ чистаго сердца и безъ всякаго сомнѣнія повѣритъ, если только повѣствователь незамѣченъ имъ въ числѣ лжецовъ и умѣетъ выдержать себя въ расказѣ. Впрочемъ Алеутъ можетъ и притвориться вѣрющимъ; онъ не остановитъ разскащика и не измѣнитъ себѣ никакими знаками; только опытный можетъ видѣть изъ его взглядовъ и по тону подтвержденія, и узнать то или другое.

16) Алеуты скрытны, или, покрайней мѣрѣ, умѣютъ быть скрытными. Этому можетъ быть доказательствомъ отчасти то, что Алеутъ, подшучивая надъ своимъ товарищемъ, умѣетъ выдержать себя. Самое смѣшное и нелѣпое разсказываетъ онъ съ важнымъ видомъ и почти безъ всякаго измѣненія въ лицѣ, между тѣмъ, какъ внутренно, такъ сказать, надрывается отъ смѣха.

17) Алеутъ, или потому, что самъ никого не оскорбляетъ безвинно, или отъ того, что слишкомъ дорожитъ своею правотою или потому, что онъ раздражителенъ

сказывать свои слабости. Алеутъ стыдится такой откровенности и не желаетъ, чтобы и пріятель его былъ подобнымъ образомъ откровененъ.

и вспыльчивъ, (чего однакожъ въ другомъ случаѣ нельзя замѣтить) — очень чувствителенъ къ невиннымъ оскорбленіямъ дѣломъ и особливо словомъ. Оскорбительно даже для него и то, если ему будетъ слѣланъ какой нибудь выговоръ, хотя скромный и не строгой, но тогда какъ собственная его совѣсть нисколько не обвиняетъ его: подобные выговоры они принимаютъ себѣ за брань. (Справедливыми же выговорами, какъ бы они ни были строги, онъ не оскорбляется; но такъ сказать уничтожается). Презрительный даже взглядъ, если онъ успѣетъ понять его, брошенный на него напрасно, и особливо не уважаемымъ имъ человѣкомъ, можетъ тронуть его до сердца. Потому то, весьма вѣроятно, что мстительность въ прежнемъ быту ихъ была одною изъ сильныхъ причинъ къ междоусобіямъ. Но нынѣ они *не могутъ* быть мстительны. Нѣтъ и не было примѣра мщенія, даже хотя бы оскорбляемый былъ и не въ трезвомъ видѣ; въ такомъ случаѣ онъ скорѣе не пожалѣетъ самаго себя, и сдѣлаетъ себѣ вредъ, чѣмъ будетъ мстить словомъ, или дѣломъ. Это отъ того, что Алеуты умѣютъ владѣть собою и удерживать порывы своего гнѣва. Обыкновенное мщеніе Алеута состоитъ въ молчаніи. Онъ не будетъ говорить со своимъ оскорбителемъ, иногда даже до тѣхъ поръ, пока тотъ не сознается и не будетъ про-

Характеръ. сить прощенія *. Впрочемъ, кажется, что Алеуты сколько раздражительны, столько же и отходчивы и во все не злопамятны. Если они и не говорятъ другъ съ другомъ; то это потому, что каждому изъ нихъ стыдно начать говорить первому.

Не трудно угадать причину, почему Алеуты нынѣ не мстительны, тогда какъ прежде они, за оскорбленіе, сдѣланное однимъ, мстили цѣлому роду.—Страхъ наказаній и невозможность сдѣлать тайное мщеніе есть первая, а Законъ Евангельскій, свято почитаемый ими, вторая тому причина. Конечно не можетъ быть, чтобы въ нѣкоторыхъ и самой разсудокъ не одерживалъ верхъ надъ чувствительностію. Но что мщеніе самымъ дѣломъ весьма рѣдко случается и между дѣтьми, которые также мстятъ болѣе молчаніемъ, — можно думать, что молчаніе оскорбленнаго они считаютъ однимъ изъ чувствительнѣйшихъ наказаній.

18) Алеуты, при всемъ своемъ упрямствѣ, послушны тамъ, гдѣ видятъ, что долгъ ихъ требуетъ повиноваться, и, что за неповиновеніе ихъ могутъ послѣдовать

---

* Алеуты весьма строго исполняютъ обязанности Христіанина: просить прощенія предъ исповѣдію другъ у друга и даже у оскорбителя.

убѣжденія другаго рода; или, что ихъ отговорки, хотя бы то и уважительныя, не принимаются въ уваженіе. Въ такомъ случаѣ они не воспротивятся исполнить приказаніе и тогда, когда угрожаетъ имъ явная опасность. Байдара, погибшая подлѣ Аляксы, около 1815 года, служитъ особеннымъ тому доказательствомъ.

Нѣкто изъ Русскихъ байдарщиковъ, Невзоровъ, былъ съ Алеутами на островѣ Амакѣ (на N сторонѣ Аляксы), за сивучьимъ промысломъ. По окончаніи промысла ему непремѣнно хотѣлось ѣхать домой тогда какъ старики Алеуты говорили ему, что по ихъ вѣрнымъ замѣчаніямъ, совсѣмъ не возможно пристать къ берегамъ Аляксы, по причинѣ буруна. Но байдарщикъ не совсѣмъ вѣрилъ Алеутамъ, и потому рѣшился отправиться въ байдарѣ, а прочимъ Алеутамъ, имѣвшимъ свои байдарки, позволилъ остаться. Сказываютъ, что Алеуты, поѣхавшіе съ байдарщикомъ въ байдарѣ, разставаясь съ оставшимися прощались какъ обреченные на вѣрную смерть, и даже дѣлали завѣщанія, такъ, что это тронуло и самаго байдарщика, и онъ, утѣшая и укоряя ихъ трусами, глупыми и проч. пустился въ путь. Но послѣдствіе оправдало ихъ опасеніе: байдара, по причинѣ отмѣлыхъ береговъ Аляксы, была опрокинута буруномъ болѣе нежели за версту отъ берега, и никто изъ бывшихъ въ ней не

Характеръ. спасся. Тоже случилось и въ 1828 году съ байдарою, бывшею подъ начальствомъ Русскаго Меркульева, котораго Алеуты знали, какъ не опытнѣйшаго байдарщика и упрямаго человѣка; но должны были повиноваться и отправиться чрезъ проливы на Унимакъ, и всѣ погибли въ первомъ, Акутанскомъ, проливѣ.

19) Вѣтренность, или дикая, глупая веселость, совсѣмъ ни въ характерѣ Алеутовъ. Во всякое время, на безстрастномъ лицѣ Алеута и въ его поступкахъ и движеніяхъ, видна одинаковая степенность и важность, или, лучше сказать, не подвижность. При самыхъ смѣшныхъ сценахъ, онъ смѣется не много; даже дѣти мало смѣются; и всѣ вообще, почти никогда не хохочутъ. Алеутъ, почти всегда въ такомъ положеніи, какъ будто его тяготитъ какая-то печаль, или занимаетъ важная мысль.

20) Алеуты беззаботны и безпечны въ отношеніи удобства и довольства жизни, и совсѣмъ не хозяева. Не смотря на то, что они каждогодно, въ концѣ зимы и началѣ весны, имѣютъ недостатокъ въ пищѣ, — въ весьма многихъ Алеутахъ, еще и по сіе время, не видно никакаго старанія и попеченія обезпечить себя въ этомъ отношеніи. Все то, что имъ удается запасти въ теченіи лѣта, употребляютъ безъ всякаго расчета, такъ, что полугодовый запасъ истрачиваютъ въ два, три мѣсяца, и не столько

отъ излишняго и безвременнаго употребленія, сколько отъ небреженія, напр. при изобиліи юколы, они употребляютъ въ пищу одни только лакомыя мѣста и проч. Хотя нѣкоторые и начинаютъ разводить огороды, но все это дѣлается очень не хозяйственно; и можно полагать, что еще очень долго они не будутъ хозяевами; но изъ этого надобно исключиль нѣкоторыхъ Алеутовъ, и цѣлое селеніе Павловское, на Аляксѣ, о которомъ сказано выше.

Причина беззаботности Алеутовъ находится сколько въ самомъ ихъ характерѣ, столько и въ томъ, что они, живя при морѣ, всегда надѣются достать пищи и въ самомъ морѣ, или на берегахъ его; а въ случаѣ неудачи надѣются вытерпѣть*.

* Незнающимъ характера Алеутовъ, съ перваго взгляда покажется, что Алеуты терпятъ недостатокъ въ пищѣ отъ того, что они, занимаясь все лѣто бобровымъ промысломъ, не имѣютъ времени запасти себѣ ее; это можетъ быть правда, только въ отношеніи къ немногимъ. Но я готовъ утверждать, что очень многіе изъ нихъ, если бы и были уволены отъ этой повинности, то большую часть времени прогуляютъ за яицами, за нерпятами, т. е. за пустяками; и нисколько не занасутъ себѣ пищи, болѣе нынѣшняго. Я это видѣлъ на нѣкоторыхъ молодыхъ Алеу-

Характеръ.

21) Алеуты лѣнивы. Это надобно сказать прямо и безъ всякихъ обиняковъ. Очень часто можно видѣть Алеута, сидящаго безъ всякаго дѣла, тогда какъ кажется ему бы должно было работать день и ночь, дабы воспользоваться обстоятельствами, или погодою. Только лѣтомъ, онъ нѣсколько дѣятельнѣе; но и тутъ видно большое не усердіе. Сами Алеуты сказываютъ, что тотъ, кто не имѣетъ послать кого либо за водою, которая разумѣется всегда и вездѣ подъ бокомъ, — до тѣхъ поръ терпитъ жажду, пока, кто нибудь другой не сходитъ за нею, или, пока самаго его не пошлютъ; но будучи посланъ, идетъ безъ малѣйшаго ропота. И я этому вѣрю, потому, что видалъ, какъ посланный за водою самъ пьетъ ее съ большимъ аппетитомъ. Точно такъ не всякой Алеутъ поѣдетъ въ море, имѣя запасу пищи на два, три дня. Еслиже пошлетъ его байдарщикъ, или тоэнъ, то онъ исполняетъ свое дѣло безропотно и какъ

тахъ, оставшихся за болѣзнію. И при томъ, они и въ прежнемъ быту, весною также голодовали: названіе Марта *Кисягѹнакъ* (т. е когда гложутъ рѣмни) это доказываетъ; но кто хочетъ запасать болѣе, тотъ запасетъ и при нынѣшнихъ обстоятельствахъ, какъ напр. жители Павловскаго селенія, которые также бываютъ въ партіяхъ и сверхъ того за моржевымъ промысломъ.

слѣдуетъ. Но надобно отдать справедливость женщинамъ, которыя вообще дѣятельнѣе и трудолюбивѣе мущинъ.

Но удивительна и, такъ сказать, загадочна лѣность и самыхъ Алеутовъ; потому что сколько они не дѣятельны и лѣнивы кажутся съ одной стороны, столько же дѣятельны и неутомимы тамъ, гдѣ дѣйствуетъ ихъ собственная воля и желаніе, напр. въ приготовленіи промысловыхъ орудій, или выдѣлкѣ чего нибудь изъ кости, и проч. Равномѣрно тѣже самые Алеуты въ одномъ мѣстѣ усердны къ дѣлу, а въ другомъ небрежны. Напримѣрь, будучи въ главномъ селеніи, Алеуты, въ валовыхъ работахъ, вялы, лѣнивы и небрежны, особенно работая вмѣстѣ съ Русскими; но на островѣ Павла, они живы, проворны и усердны къ дѣлу.

Смотря на ихъ труды, тяжкіе и продолжительные, какіе напримѣръ требуются при переѣздахъ въ байдаркахъ, продолжающихся иногда по 20 часовъ сряду, и почти каждый день во все лѣто, — труды, для всякаго другаго кромѣ Алеута, почти не выносимые, — самое бездѣйствіе ихъ, продолжающееся иногда столько же времени, можно почесть соразмѣрнымъ отдыхомъ и приготовленіемъ къ новымъ трудамъ. Но не смотря на это, должно сказать, что Алеуты не очень трудолюбивы и вообще не способны къ трудамъ безпрерывнымъ и постояннымъ, какіе требуются на примѣръ при скотоводствѣ и

Характеръ. хлѣбопашествѣ. Они, дѣятельны только на время и на выдержку. Впрочемъ это, такъ и должно быть, потому что и въ трудящемся классѣ народа, только тотъ дѣятеленъ и трудолюбивъ, кто полюбитъ трудъ и плоды его, или кто съ дѣтства привыкъ быть въ непрерывномъ занятіи. Но Алеуты къ первому не имѣютъ склонности и не хотятъ, а послѣднему очень не благопріятствуетъ самый образъ жизни и воспитаніе. Дѣти ихъ, даже до возмужалости, почти ничего не дѣлаютъ, ибо родители, по слѣпой любви своей и по обычаю скорѣе сдѣлаютъ сами, нежели заставятъ сдѣлать дитя свое, хотя бы и самое легкое. Но притомъ, если бы родители и захотѣли приучитъ дѣтей своихъ къ дѣятельности, то для нихъ это гораздо труднѣе, чѣмъ для другихъ; они не имѣютъ къ тому и самыхъ средствъ. У нихъ нѣтъ ни фабрикацій, ни домашней скотины и даже, что называется, ни чашки, ни ложки, словомъ ничего такого, чтобы требовало ежедневныхъ и безпрерывныхъ занятій. Потому то дѣти ихъ, по необходимости привыкаютъ къ недѣятельности, а терпѣливость ихъ и равнодушіе поддерживаютъ эту привычку и въ зрѣломъ возрастѣ, гдѣ также почти нѣтъ занятій, требующихъ непрерывной дѣятельности.

22) Алеуты довольно не опрятны. Всѣ нечистоты выбрасываются подлѣ самаго

входа въ юрту. Пищу приготовляютъ очень небрежно. Домашняя посуда почти никогда не моется. Даже тамъ, гдѣ берутъ воду для пищи и питья, часто находится отвратительная нечистота. Дѣти почти всегда грязны, запачканы и со всклокоченными волосами, даже многіе и изъ взрослыхъ, особенно изъ женщинъ, не много чище дѣтей своихъ и часто въ разорванномъ платьѣ.

Конечно, всеобщая бѣдность ихъ и образъ жизни не даютъ имъ возможности наблюдать чистоту. Тотъ, у кого одна только парка, которая ему служитъ вмѣстѣ и одеждою, постелью, одѣяломъ, — не въ состояніи имѣть ее всегда чистою; и тотъ, кто съ дѣтства употребляетъ въ пищу кислое и гнилое, и тѣмъ, такъ сказать, сроднился съ отвратительнымъ запахомъ, — не можетъ пренебрегать нечистотою. При всемъ томъ нельзя не назвать ихъ не опрятными, особенно женщинъ, которыя сверхъ того чрезвычайныя неряхи, такъ, что многія изъ нихъ, въ какомъ бы ни было платьѣ, ситцовомъ, или шелковомъ, новомъ, или старомъ, безъ всякаго разбора садятся гдѣ ни попало, ни сколько не думая о томъ, что въ другой разъ ей, и въ праздникъ, придется надѣть запачканное платье, или, что она болѣе не въ состояніи будетъ завести себѣ подобное платье.

Но надобно сказать, что въ этомъ отношеніи, Алеуты нынѣ много измѣнились

Характеръ. и измѣняются, такъ, что уже многіе начинаютъ привыкать къ порядку и чистотѣ, особливо тѣ, кои чаще обращаются съ Русскими; а нѣкоторые изъ тоэновъ и почетныхъ, даже щеголяютъ чистотою, какъ въ одеждѣ своей, такъ и въ домахъ.

23) Алеуты, хотя не имѣютъ всегдашнихъ случаевъ доказать самымъ дѣломъ склонность къ пьянству; но въ нихъ сильно можно подозрѣвать ее; потому, что не смотря на то, что нѣкоторые изъ нихъ совсѣмъ не употребляютъ водки, а другіе умѣютъ сохранить ее до извѣстнаго времени; но никто изъ прочихъ не откажется выпить ее, столько, сколько можетъ; а нѣкоторые изъ живущихъ между Русскими, безошибочно могутъ быть причтены къ кандидатамъ въ пьяницы *. Также хотя

---

* Я не считаю излишнимъ описать полупьянаго Алеута. Алеутъ, будучи въ такомъ положеніи, старается казаться пьянѣе, чѣмъ онъ есть: безпрестанно улыбается, дѣлается веселѣе, развязнѣе и откровеннѣе и лице его становится выразительнѣе; говоритъ безъ умолку, или молчитъ не обращая вниманія ни на кого и ни на что. Сойдясь съ нимъ толкните его, и онъ почти не замѣтитъ. Но если бы кто обидѣлъ его въ это время, то онъ, вмѣсто того, чтобы вступиться въ самоуправство, начинаетъ плакать

нѣтъ примѣровъ, чтобъ Алеуты пропивали, что нибудь изъ своего имущества; но надобно думать, что, при всегдашнихъ случаяхъ достать водки, они все не необходимое для нихъ отдадутъ за нее. Этому доказательствомъ можетъ служить то, что они, почти всѣ вообще, чрезвычайно привержены къ табаку и самому крѣпкому, который, кажется, у всѣхъ дикихъ употребляющихъ его, нѣкоторымъ образомъ замѣняетъ имъ водку тѣмъ, что онъ, какъ говорятъ Алеуты, даетъ нѣкоторой *куражъ* и если это такъ, то навѣрное Алеуты не упустятъ удобнаго случая табачный куражъ замѣнитъ водочнымъ. Приверженность же къ табаку въ нихъ такъ велика, что Алеутъ безъ табаку унылъ и скученъ, и болѣе недѣятеленъ. При этомъ случаѣ онъ охотно промѣняетъ послѣдній кусокъ

какъ дитя. Но никокда я не замѣтилъ, чтобы Алеутъ припоминалъ кому нибудь прежнія его оскорбленія, или съ кѣмъ нибудь побранился, или подрался. Большая часть изъ нихъ, въ такомъ видѣ, бываютъ несносны своими поздравленіями, изъявленіями благодарности, поклонами и ласками. И нѣкоторые побродивъ кое-гдѣ для того, чтобы быть попотчивану. Наконецъ стараются найти случай удовлетворить свои послѣднія желанія.

Характеръ. пищи, или лучшую стрѣлку, за листокъ табаку. При изобиліи же табаку они безпрерывно употребляютъ его. Однакожъ въ послѣднее время были примѣры, что нѣсколько Алеутовъ, бывшихъ въ числѣ пристрастныхъ къ табаку, совершенно отказались отъ него и болѣе чѣмъ двухъ, трехъ лѣтъ — какъ *въ ротъ не берутъ* — расчитывая, что большая половина платы, получаемой ими за промысла, употребляется единственно на табакъ. По этому можно заключить, что Алеуты, если захотятъ, могутъ не вдаться и въ пьянство; (но лучше не дѣлать такихъ опытовъ).

24) Въ продолженіе десяти лѣтъ, проведенныхъ мною въ Уналашкѣ, между Алеутами не было не только убійства, или покушенія на жизнь, но даже ни драки и ни значительной ссоры, не смотря на то, что многіе изъ нихъ, и много разъ, бывали не въ трезвомъ видѣ. Извѣстно, что не только послѣ принятія ими Христіанства, но едвали не съ самаго прибытія сюда Русскихъ, не было между Алеутами убійствъ, выключая одного *, и никакихъ уголов-

* Въ 1819 году найденъ былъ одинъ убитый Алеутъ, но неизвѣстно кѣмъ, а полагаютъ, что его убили *Бѣглые*.

ныхъ слѣдствій касательно покушенія на жизнь, также кромѣ одного * случая.

Конечно, что причину этаго можно искать въ ихъ малолюдствѣ; и что страхъ гражданскихъ наказаній и невозможность остаться не обличеннымъ, — въ состояніи всегда удерживать ихъ отъ всякихъ уголовныхъ преступленій; но и Христіанская Религія, свято ими уважаемая, и самая ихъ прежняя вѣра, которая также возпрещала невинныя убійства, не маловажною тому служатъ причиною. Какъ бы то ни было, отъ чего бы это не произходило; но, во всякомъ случаѣ, это есть довольно достопримѣчательное и почти необыкновенное явленіе въ нравственно гражданскомъ порядкѣ, т. е. ни одного уголовнаго преступленія въ одинъ годъ между 60,000 человѣкъ или въ 40 лѣтъ — между 1800.

Также нельзя упустить изъ виду и того, что не только взрослые, но и дѣти,

---

* Это было въ 1823 году между Алеутомъ - тоэномъ и Русскимъ — Байдарщикомъ, изъ коихъ тотъ и другой хотѣли жениться на одной женщинѣ; но можно подозрѣвать, что таковое преступленіе взведено было на Алеута для того, чтобы удалить его отъ женщины, съ которою онъ имѣлъ связь и которая кажется его любила болѣе, чѣмъ Русскаго.

Характеръ. никогда не вступятся въ самоуправственное защищеніе себя. Они, будучи изобижены, или раздражены, замолчатъ и уйдутъ, и рѣдко, рѣдко назовутъ оскорбителя своего нарицательнымъ именемъ вора, лукаваго, и проч.; и никогда не назовутъ его не заслуженнымъ именемъ. Самые дѣти, разсорясь между собою, не ругаются иначе какъ укоряя другъ — друга недостатками своихъ родителей, говоря одинъ другому: твоя мать шить не умѣетъ; а твоя хромая; отецъ твой не проворный, а твой кривой и проч. Впрочемъ это можетъ быть и потому, что на ихъ языкѣ совсѣмъ нѣтъ ругательствъ, подобныхъ Русскимъ.

25) Искони между Алеутами водится, что во время недостатка пищи они дѣлятся между собою всѣмъ, что могутъ достать; напримѣръ: упромысливщій рыбы дѣлитъ ее всѣмъ, кто только имѣетъ нужду, и не только не беретъ себѣ больше другихъ, но не рѣдко ему самому достается менѣе чѣмъ другимъ, какъ напримѣръ случается, что если онъ, при раздѣлѣ не вспомнилъ кого нибудь, и если этотъ забытый приходитъ къ нему послѣ раздѣла, то онъ удѣляетъ ему изъ своей части. Отъ сердца, или отъ обычая происходитъ такая добродѣтель? но, пусть хотя бы то и отъ обыкновенія, нельзя не почтить ее и въ исполняющихъ и въ тѣхъ, кто учредилъ и поддерживаетъ такое прекрасное обыкновеніе. Эта добро-

дѣтель, или пожалуй назовемъ обычай, соблюдается даже и тогда, когда, послѣ продолжительной голодовки, кто нибудь одинъ изъ цѣлаго селенія успѣетъ достать хотя нѣсколько рыбъ.

Но если они и понынѣ сохраняютъ и умѣютъ сохранять такое обыкновеніе, и притомъ, если они охотно помогаютъ другому, въ иныхъ случаяхъ всемъ чѣмъ только могутъ, то нельзя отвергнуть, что бы здѣсь не участвовало сердце ихъ.

26) Алеуты вообще гостепріимны; они всякаго пріѣзжаго гостя встрѣтятъ на пристани и каждый изъ нихъ готовъ принятъ его къ себѣ, и угостить всѣмъ, чѣмъ только можетъ и что имѣетъ; а хозяйка дома, если нужно, починитъ ему камлейку, обтяжку и проч. Гость какъ бы долго не жилъ у нихъ, они кормятъ его совершенно безъ всякой платы; а при отправленіи еще и снабжаютъ сколько могутъ на дорогу. Многіе начинаютъ приглашать другъ друга въ гости и проч.; но это относится болѣе къ обычаямъ, чѣмъ къ характеру, и потому объ этомъ будетъ сказано ниже.

27) Алеутъ не знаетъ, что считается за стыдъ между просвѣщенными; но онъ стыдливъ по своему, и очень стыдится того, что между ими считается за стыдъ; но чего именно стыдится и чего не стыдится, будетъ сказано въ обычаяхъ.

28) Алеутъ сколько терпѣливъ, столько

Характеръ. же честолюбивъ и славолюбивъ. Справедливая похвала и добрая слава для него и прежде были, и нынѣ есть величайшая награда и высочайшее утѣшеніе; при всемъ хладнокровіи своемъ онъ готовъ не пощадить себя для пріобрѣтенія ея. По крайней мѣрѣ это такъ было у прежнихъ стариковъ, которые говаривали: что »если кто »на своемъ роду не бывалъ на чужой сто»ронѣ и не побѣждалъ непріятеля; или ес»ли кто, будучи въ походѣ противъ непрія»теля, не стерпя нуждъ, голода и холода, »и устрашась трудовъ или превосходства »непріятельской силы, воротится назадъ и »проч. — тотъ не человѣкъ.« И потому для избѣжанія подобнаго поношенія и пробрѣтенія славы, отцы и дяди съ своими дѣтьми и племянниками предпринимали дальнія пути и походы. О чемъ будетъ сказано ниже.

Нынѣшніе Алеуты уже не могутъ предпринимать таковыхъ походовъ; да и самое мнѣніе о томъ, что составляетъ истинную славу, уже измѣнилось; слѣдовательно имъ почти нечѣмъ показывать свое честолюбіе; но порывы его видны кое-гдѣ. Такъ напр. одинъ молодой Алеутъ въ одно время упромыслилъ очень мало лисицъ; но правитель при угощеніи ихъ вмѣсто того, чтобы сдѣлать ему выговоръ, сказалъ: ты нынѣ менше всѣхъ упромыслилъ, но я надѣюсь, что ты, какъ молодой и бойкой, на будущій

годъ упромыслишь болѣе всѣхъ.« И въ самомъ дѣлѣ этотъ Алеутъ сдѣлалъ такъ. Самые старики, которые уже совсемъ уволены отъ службы компаніи, охотно поѣдутъ въ партію, если польстить ихъ честолюбію.

Но надобно сказать, что Алеутъ дорожитъ похвалою и славою только такою, которую отдаютъ ему посторонніе. Иначе если кто самъ захочетъ хвалить себя, или разказывать о себѣ, что либо хорошее, хотя и справедливое; то вмѣсто славы пріобрѣтетъ насмѣшки. Въ старину такихъ самохваловъ, если они являлись, также воспѣвали въ пѣсняхъ, какъ и тѣхъ кои пріобрѣли истинную славу, но, разумѣется, въ насмѣшку ему и укоризну потомковъ его. А потому никто и никогда не станетъ хвастать не бывалыми, или чужими подвигами, а тѣмъ болѣе еще притворяться, или казаться добрымъ, или святошею. И Алеуты хвалятъ только того, кто напр., имѣя отличныя способности, или сдѣлавъ какое либо добро, или совершивъ какія либо подвиги, не старается выказать ихъ съ тѣмъ, чтобъ его хвалили; но тогда только хвалятъ когда увидятъ и скажутъ объ немъ другіе.

29) Алеуты склонны къ сластолюбію. До просвѣщенія ихъ Христіанскою религіею эта склонность дѣйствовала въ нихъ во всей возможной силѣ; одно только кровное род-

Характеръ. ство было уважаемо. Богатые имѣли по нѣскольку женъ и кромѣ ихъ еще и наложницъ изъ невольницъ; а самые отъявленные сластолюбцы (которыхъ впрочемъ не навидѣли другіе) очень часто перемѣняли тѣхъ и другихъ подъ разными предлогами: или неплодства или невѣрности. Пріѣзжій гость, какъ говорили наши путешественники и старовояжные, по праву гостепріимства, могъ участвовать въ ложѣ своего хозяина *; *а бываемая отай, о нихъ срамно есть и глаголати* по слову Апостола.

Прибытіе Русскихъ на здѣшніе острова хотя и положило конецъ междуусобіямъ и дракамъ, но не только не ослабило, но, кажется, еще усилило въ нихъ эту склонность, какъ примѣромъ и поведеніемъ пришельцовъ, такъ и хитростію и обманами въ этомъ родѣ **. Хотя, по принятіи Алеу-

---

* Но Алеуты говорятъ, что такое обыкновеніе было не общее, а только велосъ между Тоэнами и почетными, и притомъ угощали не женами, а калгами, или наложницами, и то только въ такомъ случаѣ, когда хозяинъ надѣялся самъ быть угощеннымъ такимъ же образомъ. Судя потому, что большая часть изъ ихъ междуусобій и дракъ были за женъ и любовницъ — это справедливѣе.

** Какіе то *мудрецы* изъ первыхъ Русскихъ увѣ-

тами Христіанства, многоженство, и обыкновеніе угощенія прекратились; но самая склонность была почти въ той же силѣ. Это можно видѣть изъ того, что до 1825 или 1827 года между Алеутами сильно свирѣпствовала любострастная болѣзнь (подарокъ Русскихъ), и что изъ одинадцати женщинъ, способныхъ по лѣтамъ раждать, раждала только одна; и число родившихся по всему отдѣлу не простиралось болѣе 55, и въ томъ числѣ до 7 человѣкъ незаконнорожденныхъ. Дѣтоубійство же между Алеутками чрезвычайно рѣдко *.

Но къ утѣшенію добродѣтельныхъ надобно сказать, что въ послѣднее время эта

рили Алеутокъ матерей, что естественный знакъ, свидѣтельствующій о цѣломудріи дѣвушки-невѣсты, не будучи открытъ за благовременно, обращается въ гніеніе и бываетъ причиною многихъ болѣзней. И потому легковѣрнѣйшія матери и бабушки, по слѣпой любви своей къ нимъ, заботились о томъ, чтобы сохранить здоровье ихъ. И потому еще и до 1825 года трудно было найти дѣвушки невѣсты даже между 12 лѣтними.

* Между Алеутами и понынѣ существуетъ мнѣніе, что дитя, убитое матерію и скрытое тайно, каждую ночь приходитъ въ селеніе и плачетъ; и это бываетъ причиною многихъ несчастій цѣлому селенію и проч. о чемъ будетъ сказано ниже.

Характеръ. склонность Алеутовъ очень примѣтно умѣрилась; этому можетъ быть доказательствомъ то, что нынѣ матери, которыя и въ старину много заботились о цѣломудріи своей дочери, нынѣ особенно заботятся объ этомъ и очень дорожатъ честію видѣть дочь свою честною невѣстою; и что любострастная болѣзнь почти уже совершенно истребилась. И наконецъ то, что число родившихся примѣтно увеличилось даже половиною, не смотря на то, что число раждающихъ уменшилось почти четвертою частію; а незаконнорожденныхъ въ послѣдніе 9 лѣтъ было только 17 человѣкъ. Для большаго доказательства сему я могъ бы прибавить нѣсколько важныхъ, даже разительныхъ примѣровъ тому, что нѣкоторые Алеуты Христіански противоборствуютъ этой сильной склонности — если бы это я могъ сдѣлать безъ нарушенія долга и благопристойности. Но довольно и сказаннаго для того, чтобы показать, что склонность къ сластолюбію между Алеутами если и не ослабѣваетъ, то уже имѣетъ границы.

30) Наконецъ должно сказать, что гордость, тщеславіе, пронырство, хитрость, коварство и тому подобное не имѣютъ мѣста въ ихъ характерѣ какъ и въ языкѣ ихъ. Впрочемъ это такъ и должно быть; потому, что тотъ, кто не любитъ хвалиться ничѣмъ и краснѣетъ при справедливыхъ похвалахъ; и кто чувствуетъ свое невѣже-

ство и преимущество другихъ, — не можетъ быть гордъ. Тотъ, кто умѣетъ быть довольнымъ, при всякомъ состояніи, и перенести все, не можетъ быть жаденъ къ богатству и не захочетъ обидѣть другаго, ибо не имѣетъ надобности, быть хитрымъ и пронырливымъ. Тотъ, кто умѣетъ забыватъ обиды, довѣрчивъ, не завистливъ и свято уважаетъ Религію — не можетъ быть коваренъ. И наконецъ тотъ, кто скоро, съ перваго раза и всемъ сердцемъ принялъ строгую и явно противную главной склонности его Религію, — долженъ имѣть добрую, простую и наклонную къ добру душу и сердце, не чуждое любви къ добродѣтели.

Начертавъ всѣ возможныя и, разумѣется, только мною замѣченныя черты характера Алеутовъ надобно сказать что нибудь и вообще объ немъ.

а) Нельзя не отдать должной справедливости и даже полюбоваться нѣкоторыми чертами характера Алеутовъ; но съ другой стороны и нельзя не пожалѣть, что отъ обращеніе съ Русскими нѣкоторыя черты ихъ характера дѣлаются чернѣе и глубже; напримѣръ: примѣтно отступленіе отъ прежнихъ обычаевъ, какъ то: дѣлиться въ случаѣ нужды, быть довольнымъ своимъ состояніемъ и проч., видно, что и въ ихъ сердце, закрытое толстою корою характера, прокрадывается личная притя-

Характеръ.

жательность и какое-то чувствованіе несправедливости; къ тому же и природная не определенная леность, отъ обращенія съ лентяями изъ Русскихъ, усиливается и делается определенною, чистою ленью, сопряженною съ нерачeніемъ, небрежностію, лукавствомъ и обманомъ — видимыми въ отправленіи компанейскихъ обязанностей. Но впрочемъ это отступленіе заметно еще только въ главномъ селеніи и более не въ природныхъ Алеутахъ, а въ Креолахъ или Полукреолахъ, въ Алеутахъ же замечается только въ техъ, кои много имели дела съ Русскими.

b) Очевидно, что все черты характера Алеутовъ, выключая объясненныхъ въ пунктахъ 23 и 29, имеютъ главнымъ основаніемъ *терпеливость*, которая более, или менее, посредственно, или непосредственно, но непременно имеетъ вліяніе на все ихъ качества, худыя и добрыя. При лучшемъ направленіи и воспитаніи, Алеуты, очень легко (и гораздо легче, чемъ другіе) могутъ быть добрыми последователями Христіанскаго закона, (какъ-то и видно на некоторыхъ); они въ состояніи быть: тяглыми и неутомимыми работниками, земледельцами и проч. твердыми и постоянными исполнителями самыхъ труднейшихъ намереній, и могутъ безропотно вынести все возможныя трудности. Но при другомъ направленіи они могутъ быть слишкомъ

упорны, своенравны, непреклонные послушны только по расчетамъ и проч., и особливо если отнять отъ нихъ боязнь наказаній и дать средства получать водку во всякое время, тогда они могутъ быть даже опасны.

c) Отъ чего Алеуты имѣютъ такой характеръ? ясно, что на ихъ характеръ и на самое основаніе онаго имѣютъ большое и непосредственное вліяніе грубый, холодный климатъ, не богатая мѣстность обитаемыхъ ими острововъ и самый образъ воспитанія. При такомъ образѣ воспитанія и жизни нельзя не быть Алеутомъ по характеру. Даже самый не терпѣливѣйшій изъ Европейцовъ, живя на Алеутскихъ островахъ, при нынѣшнихъ обстоятельствахъ, хотя и не совсѣмъ, но непремѣнно сдѣлается терпѣливъ и хладнокровенъ, какъ Алеутъ.

d) Если постъ, какъ говорятъ опытные, очищаетъ и укрѣпляетъ душу, усмиряетъ и укрощаетъ страсти, и тѣмъ совершенно измѣняетъ и обновляетъ внутренняго человѣка; то нельзя отвергнуть и его вліянія на характеръ Алеутовъ, которые очень часто постятся волею и неволею, т. е. соблюдая церковные посты и по недостатку пищи и по обычаю: не ѣсть по цѣлымъ днямъ при большихъ переѣздахъ по морю. Особливо нельзя отвергнуть вліянія поста на тѣхъ, кои съ постомъ соединяютъ молитву, и таковыхъ можно найти.

Характеръ.

е) Наконецъ и славолюбіе, или честолюбіе, эта великая и сильная пружина, болѣе или менѣе, такъ или иначе, но дѣйствующая во всѣхъ и каждомъ, — дѣйствуетъ и на характеръ Алеутовъ; и можетъ быть болѣе, чѣмъ всѣ другія причины; потому, что въ прежнемъ быту ихъ всякой старался въ продолженіи жизни своей сдѣлать какое либо славное дѣло. Слава, для нихъ была дороже спокойствія и богатства, и даже самой жизни.

—

V.

Обычаи.

Обычаи нынѣшнихъ Алеутовъ есть смѣсь ихъ прежнихъ обычаевъ съ обычаями Русскихъ, или, по крайней мѣрѣ, они придерживаются тѣхъ и другихъ; а потому, описывая обычаи Алеутовъ, я буду говорить о тѣхъ и о другихъ. Но должно признаться, что при всемъ моемъ стараніи узнать всѣ ихъ прежніе обычаи, я не могъ вполнѣ достигнуть этаго: ихъ излишняя застѣнчивость и стыдливость разсказывать то, что нынѣ для нихъ самихъ кажется или смѣшнымъ, или непристойнымъ, — тому причиною. Впрочемъ то, что я не могъ узнать, касается болѣе того, что и въ са-

момъ дѣлѣ не пристойно или слишкомъ мелочно.

Обычаи: Родины.

Лишь только женщина въ первый разъ почувствуетъ, что она беременна, то тотчасъ должна дать знать объ этомъ своей матери, или какой нибудь родственницѣ — старухѣ, которая, разумѣется если смыслитъ, учитъ ее какъ поступать во время беременности, чего ѣсть и чего не ѣсть, куда ходить и какъ ходить и проч. Изъ числа таковыхъ, весьма многихъ и пустыхъ и часто вредныхъ для здоровья, — совѣтовъ и наставленій, заслуживаетъ вниманія одно ихъ замѣчаніе, что если женщина хочетъ, чтобы дитя ея, которое она носитъ, было похоже на отца, или на кого нибудь изъ родственниковъ, то всегда, когда только ѣстъ, или пьетъ, должна въ это время воображать о томъ человѣкѣ.

Чрезъ два мѣсяца беременности, бабки, по временамъ, правятъ брюхо у будущей роженицы и чѣмъ далѣе, тѣмъ чаще. Во время родовъ заботятся болѣе о матери чѣмъ о дитяти. Лишь только роженица разрѣшится отъ бремени, тотчасъ ее садятъ на кукорки, отнюдь не позволяя ей ни лечь, ни сѣсть, надлежащимъ образомъ; до очищенія послѣдомъ наклоняютъ ее назадъ и правятъ животъ, или, какъ они говорятъ, *собираютъ рода*. По совершенномъ же разрѣшеніи отъ бремени, роженицу опоясываютъ поясомъ, или полотенцомъ по живо-

Обычаи: Родины.

ту, и перенеся съ прежняго мѣста на другое, садятъ ее въ такомъ же положеніи; а чтобы она не могла ни сѣсть и ни лечь, ее окладываютъ съ боковъ и сзади чѣмъ нибудь. Въ этомъ положеніи она должна пробыть четверо сутокъ. На пятый день ее обмываютъ и потомъ позволяютъ ей лечь, или сѣсть; но не иначе какъ съ тѣмъ, чтобы ни въ какомъ положеніи не протягивать ногъ. Въ первые пять дней въ каждые сутки правятъ брюхо, или собираютъ рода роженицы, а потомъ, по два раза въ недѣлю, правятъ и моютъ. Худое *собираніе*, или *поврежденіе родовъ*, по ихъ мнѣнію, бываетъ причиною того, что женщина, родивши одинъ разъ, болѣе никогда не раждаетъ и всегда страдаетъ *нутренностію*. Таковыя послѣдствія видны весьма на многихъ; но, какъ говорилъ одинъ Докторъ, совсѣмъ не отъ того, что они худо правятъ, а отъ того именно, что правятъ.

До сорока дней, роженица, считается нечистою, и ей не позволяютъ касаться ни до чего съѣстнаго, и какъ можно рѣже видѣть мужчинъ.

Несчастные роды, т. е. когда роженица долго не можетъ разрѣшиться отъ бремени, считались вѣрнымъ знакомъ ея невѣрности; а если при этомъ случаѣ рожденное дитя, по несчастію, не похоже еще на своего отца, то это бывало и бываетъ главною причиною семейнаго несогласія, а

прежде было поводомъ разводовъ, или безчеловѣчнаго наказанія жены *.

Новорожденнаго младенца принимаютъ на свое попеченіе другія бабки, коихъ обыкновенно бывало и бываетъ не по одной. Завязавъ пупокъ, какъ слѣдуетъ, онѣ омываютъ и согрѣваютъ его подъ паркою на жирникѣ. Послѣ того правятъ ему брюшко, или, какъ они говорятъ, собираютъ всѣ его внутренныя части къ надлежащему мѣсту. Грудью начинаютъ кормить младенца не прежде, какъ онъ выблюетъ изъ желудка нечистоту, которою онъ, по ихъ мнѣнію, питался въ утробѣ своей матери; а чтобы онъ извергнулъ изъ себя эту нечистоту, то бабки кладутъ ему палецъ въ ротъ. Оставшаяся же нечистота въ младенцѣ, впослѣдствіи бываетъ причиною многихъ внутреннихъ болѣзней, и такое дитя всегда будетъ слабо тѣлесными силами.

Для сохраненія и поправленія здоровья какъ роженицы, такъ и новорожденнаго, онѣ употребляютъ разные декокты, приготовляемые изъ травъ и кореньевъ, имъ извѣстныхъ.

Каждому новорожденному дитяти дава-

---

* А потому родители, поставляя таковыхъ въ примѣръ своимъ дочерямъ, учили ихъ цѣломудрію прежде брака и въ бракѣ; но (какъ и вездѣ) не всегда съ успѣхомъ.

Обычаи: Нареченіе имени.

лось имя, родовое со стороны отца или матри, а иногда и оба вмѣстѣ. Всякое имя, какое бы оно нибыло, непремѣнно означало что нибудь, напр. или военный подвигъ, какого нибудь его предка, или его удальство, или какой нибудь бывшій случай съ кѣмъ нибудь изъ его родственниковъ и проч. Напр. а̓лгакъ каюли́накъ, т. е. обезсилилъ звѣря; али́тхꙋкъ каюли́накъ, т. е. обезсилилъ войско; или иґлюка́нъ ꙋгꙋса́накъ, т. е. обманутъ манщикомъ (чучелою); и проч. Но не всякой имѣлъ, или могъ имѣть собственное имя, напр. одинъ отецъ именовался а̓лꙋкъ (волна), сынъ его назывался аягахъ а̓лꙋчхинакъ, а дочь аягамъ а̓лꙋча́, т. е. какъ бы *вичь* или *вна*.

Давать имя предоставлялось всегда дѣдушкѣ съ отцовской, или материнской стороны; а если не было ни того, ни другаго въ живыхъ, то имя давалъ дядя, или кто либо изъ родныхъ. Въ послѣднемъ случаѣ не такъ церемоніально, и по большой части производное отъ отца.

Имя новорожденному, давалось чрезъ сорокъ дней по рожденіи его и съ слѣдующею церемоніею. По прошествіи сороковаго дня, дѣдушка новорожденнаго, выходилъ на средину юрты, или *кажима*, и садился на полъ по обычаю. (Это знакъ, что онъ хочетъ говорить публично). Сказавъ небольшое предисловіе, и съ учтивостію попрося всѣхъ терпѣливо выслушать

его, — онъ начиналъ расказывать исторію своего рода, подвиги своихъ предковъ и то чѣмъ они были славны, потомъ повѣствовалъ и о себѣ все, чѣмъ онъ отличился въ своей жизни, или, что съ нимъ случилось необыкновеннаго, и каконецъ говорилъ, что онъ въ память того, или другаго подвига своего, или кого либо изъ предка, называетъ своего внука, или внучку, такимъ то именемъ, напр. обезсилилъ звѣря, побѣдилъ непріятеля и проч.

Сверхъ подобныхъ именъ многіе имѣли и нарицательныя, изображающія характеръ каждаго; напримѣръ: походку, или болѣзнь, или удальство его.

Въ нынѣшнее же время имена даются, такъ же и тѣже, что и у Русскихъ, а прозваніе остается фамильное, т. е. то, которое было присвоено предку ихъ, принявшему св. крещеніе. Обыкновеніе же давать нарицательныя имена въ насмѣшку, или шутку, ведется и нынѣ; и однажды удачно данное произвище нѣкоторымъ часто остается навсегда и даже переходитъ къ дѣтямъ.

Воспитаніе дѣтей обоего пола было обязанностію дяди съ материной стороны, который былъ обязанъ обучать своихъ племянниковъ и племянницъ, съ самаго малолѣтства и до полнаго возраста, приготовляя вполнѣ ихъ къ будущему роду жизни; а потому, каждый, отецъ, непремѣнно отда-

Обычаи: валъ своего сына шурину своему. За не-
Воспитаніе. имѣніемъ же дяди обязанность воспитанія лежала на самомъ отцѣ. Воспитаніе же дѣвушекъ было на попеченіи матери и бабушекъ, подъ главнымъ надзоромъ дяди.

Въ нынѣшнее же время дяди, почти уже совсѣмъ не берутъ на себя этой обязаности воспитанія, а предоставляютъ крестному отцу, или самимъ родителямъ.

Воспитаніе мальчиковъ заключалось въ томъ, чтобы сдѣлать ихъ терпѣливыми во всемъ. (У нихъ было въ обычаѣ, какъ и у Колошъ нынѣ, купать дѣтей въ холодной водѣ, или въ морѣ, во всякое время года, съ намѣреніемъ укрѣпить ихъ тѣло). Потомъ пріучали ихъ байдарочной ѣздѣ: учили быть искусными какъ при отвалѣ и привалѣ байдары, такъ и управлять ею при сильныхъ бурунахъ; наставляли, какъ должно спасать себя и другихъ въ опасныхъ случаяхъ и особенно какъ быть искусными въ промыслахъ и военномъ дѣлѣ. Домоводство же вообще почти не входило въ предметъ ученія; ибо оно, кромѣ постройки дома и домашней посуды, ограничивалось только тѣмъ, что бы припасти рыбы, или упромыслить звѣря для пищи, но не болѣе; все же прочее считалось не дѣломъ мущины. Полагали не нужнымъ и непристойнымъ учить мальчика мелочному домоводству. Ему назначалось другое поприще, — поприще славы.

Воспитаніе дѣвушки, кромѣ наставленій нравственныхъ, состояло въ томъ, чтобы дѣвушка умѣла сшить всякое платье, вышить узоры шерстью и волосомъ, плести ковры и корзинки, вычистить рыбу и приготовить для пищи все, что достанетъ мужъ ея; на ея попеченіи также лежало собирать коренья и найденные продукты и проч.; но наблюдать чистоту и обиходство домашнее считалося дѣломъ калговъ, или рабовъ *.

Вообще родители не думали приучать дѣтей своихъ трудолюбію и домоводству, говоря, что дѣти ихъ не изъ роду калговъ.

Нынѣшнее воспитаніе дѣтей много различествуетъ отъ прежняго тѣмъ, что военному искуству совсѣмъ не учатъ; въ морѣ, или холодной водѣ, не купаютъ; да и самое искуство ѣздить въ байдаркахъ, быть ловкимъ при отвалѣ и привалѣ и проч., далеко уступаетъ прежнему, такъ, что нынѣ уже прежнихъ ѣздоковъ, которые бы опрокинувшись, сами собою могли поставить байдарку и сѣсть въ нее, или искуснымъ

* Тѣлесныхъ наказаній розгами у нихъ совсѣмъ не было. И потому весьма вѣроятно, что наказаніе мальчиковъ аманатовъ, сдѣланное первыми Русскими, ускорило ихъ смерть и было одною изъ побудительныхъ причинъ къ нападенію на нашихъ. (см. Ч. I. отд. 1.

Обычаи: Воспитаніе.

дѣйствіемъ весла, не выходя изъ байдарки, поставить ее прямо, весьма мало, если не сказать, что во все нѣтъ. Хотя у Алеутовъ нѣтъ нынѣ калговъ, которые бы могли заниматься домоводствомъ, но они еще и по нынѣ не хотятъ приучать дѣтей своихъ трудолюбію и смотрѣнію за домомъ, по слѣпой любви своей къ нимъ.

И такъ, если исключить изъ предметовъ ученія—ученіе Христіанскихъ обрядовъ и отчасти обученіе граматѣ не многихъ: то, нынѣшнее воспитаніе дѣтей нисколько не лучше прежняго, а въ нѣкоторыхъ предметахъ едва ли не хуже: какъ напр. въ искусствѣ промышлять звѣрей и проч.

Браки.

Браки. Какихъ именно лѣтъ прежде вступали въ бракъ, заподлинно не извѣстно. Можно только сказать, что мущинѣ отнюдь не позволялось жениться до бороды; потому, что какъ они говорили, кто женится въ молодости, тотъ скоро забудетъ своихъ родителей и промѣняетъ ихъ на жену и на дѣтей: т. е. будетъ заботиться только объ нихъ; почему и не позволяли жениться рано, чтобы дѣти какъ можно болѣе были полезны своимъ родителямъ и родственникамъ. А дѣвушка не выходила замужъ ранѣе того, какъ могла быть совершенною хозяйкою.

Женихъ и невѣста хотя бы и хотѣли, но не могли вступить въ бракъ безъ общаго согласія своихъ родственниковъ и осо-

бенно родителей и дядей своихъ. Мущина, нарушившій это, долго былъ въ ненависти у своихъ родственниковъ. Но весьма часто случалось, что родители, не спрашивая жениха о томъ, на комъ бы онъ хотѣлъ жениться, и даже безъ вѣдома невѣсты, сватали ихъ между собою, и когда уже полагалось между ими быть браку, тогда только объявляли о томъ дѣтямъ своимъ и спрашивали ихъ желанія. Женихъ почти никогда не смѣлъ противорѣчить; но желаніе невѣсты очень часто было уважаемо, потому, что выборъ жениха почти всегда отдавался на ея волю, а ей, съ самаго дѣтства, было внушаемо, что бы она не выходила замужъ за худаго Алеута и тѣмъ не посрамила себя и своихъ родственниковъ. О выборѣ невѣсты всегда заботились родители и родственники жениха: они старались выбирать достойную дѣвушку и распознать ее какъ можно лучше; а отъ того нерѣдко дѣло разлаживалось даже и послѣ сватовства.

Когда же на бракъ изъявлялось согласіе всѣми, то женихъ съ того времени долженъ былъ годъ, или два, промышлять звѣрей въ пользу родственниковъ невѣсты; и если невѣста была изъ другаго селенія, то онъ переѣзжалъ въ то селеніе, что бы лично показать свое удальство. Но если, по какимъ либо обтоятельствамъ, онъ не могъ или не хотѣлъ работать за невѣсту свою,

Обычаи: браки.

то въ такомъ случаѣ долженъ былъ сдѣлать богатые подарки родителямъ и родственникамъ невѣсты. По выполненіи того, или другаго, жениху отдавали невѣсту въ полную власть, но безъ всякихъ отдарковъ и безъ всякихъ обрядовъ (кромѣ пира и угощеній). Послѣ сего онъ могъ, или увести жену свою домой къ себѣ, или, если бы жена его склоняла, могъ даже и переселиться совсѣмъ въ то селеніе.

Вступать въ бракъ возбранялось только единоутробнымъ, другое же никакое родство и никакія причины не могли быть препятствіемъ къ тому. И потому, дабы умножить родъ свой до того, если можно, чтобы цѣлое селеніе составилось изъ однокровныхъ,—невѣсту избирали вообще изъ своего рода, и преимущественно дочь роднаго дяди — въ томъ предположеніи, что женихъ и невѣста, какъ ближайшіе родственники, будутъ любить другъ друга болѣе. Но по политическимъ видамъ, какъ то: для избѣжанія вражды, или пріобрѣтенія дружественныхъ связей, они брали женъ и изъ дальныхъ селеній и не изъ одного; въ томъ мнѣніи, что кто имѣетъ большія родственныя связи чрезъ супружество, того никто не смѣетъ не только обидѣть, но и огорчить. Каждый изъ таковыхъ величался и былъ въ славѣ, какъ бойкой и удалый; его воспѣвали поздніе потомки въ своихъ пѣсняхъ, или сказкахъ; а особливо славили

того, кто могъ считаться прародителемъ многихъ селеній.

Многоженство не воспрещалось. Но, какъ жена доставалась очень за дорогую цѣну, то по большой части имѣли по одной, или по двѣ; очень же не многіе имѣли болѣе шести женъ. Сильные и храбрые воины могли имѣть и наложницъ изъ своихъ калговъ, т. е. плѣнныхъ женщинъ. Дѣти, рожденныя отъ невольницъ, несчитались уже калгами. Изъ всѣхъ женъ и наложницъ, сколько бы ихъ ни было, всегда одна имѣла первенство и старшинство надъ всѣми; она называлась аягáгамага, т. е. настоящая жена, а всѣ прочія носили названіе аягакъ (жена) или аягáда (наложница. Первенствомъ, или старшинствомъ, пользовалась не первая жена, но любимѣйшая изъ всѣхъ, или чаще та, которая болѣе рожала *.

По смерти одной жены всякой могъ взять себѣ другую. Равно, по неплодству, или за невѣрность, мужъ могъ прогнать жену свою, и замѣнить ее другою; но послѣд-

* Алеуты говорятъ, что у многоженцовъ жены вообще жили очень согласно между собою, не смотря на то, что онѣ были ревнивы. Это ихъ удивляло тѣмъ болѣе, что другіе и съ одною женою жили какъ кошка съ собакой.

Обычай: Браки.

нее не было во всеобщемъ употребленіи, и это дѣлали развратнѣйшіе; они всегда слыли подъ названіемъ Кȣсȣтȣликъ атьюгнáгинъ, т. е. сердитые и прихотливые, или надмѣнные.

Также женщинѣ дозволялось имѣть двухъ мужей, изъ коихъ одинъ былъ главнымъ, а другой его помощникъ, или, какъ называютъ Русскіе, половинщикъ. Такая женщина не только не почиталась развратною, но еще славилась какъ бойкая и расторопная; потому, что она должна была обоихъ мужей своихъ обшивать, и содержать въ исправности всѣ ихъ камлейки и байдарочныя обтяжки и проч., которыя обыкновенно находятся на попеченіи женъ. Второй мужъ, вполнѣ пользуясь правомъ мужа, долженъ былъ на равнѣ съ первымъ мужемъ промышлять и вообще стараться о содержаніи жены и семейства; но онъ не былъ полнымъ хозяиномъ въ домѣ. Въ случаѣ же если бы помощникъ захотѣлъ отдѣлиться, что онъ могъ сдѣлать всегда, то онъ имѣлъ право взять часть (но не половину) изъ всего того, что было въ домѣ. Но дѣти всегда оставались при матери, или чаще при дядѣ.

Случалось, что родители еще въ младенчествѣ дѣтей своихъ назначали соединить бракомъ; и когда они выростали, то непремѣнно и соединялись. Если женихъ

умиралъ прежде брака, то многія изъ такихъ невѣстъ, во всю жизнь свою оставались вдовами и не выходили въ замужество. Женихъ же всегда имѣлъ право жениться.

Вдовы, по выдержаніи траура, (о коемъ будетъ сказано ниже) были свободны или выйти въ замужество, или уйти къ отцу; вообще изъ нихъ немногія оставались вдовами послѣ смерти мужей своихъ.

Въ нынѣшнее же время, Алеуты вступаютъ въ бракъ въ тѣже годы, какъ и Русскіе и уже совсѣмъ нѣтъ обычая сватать безъ вѣдома жениха и невѣсты, или работать, или дарить, за невѣсту. Но что касаетдо родства, то они чрезвычайно осторожны и разборчивы; впрочемъ въ уваженіе ихъ малолюдства и какъ неофитамъ—имъ запрещены браки только тѣ, кои не позволены Моисеемъ.

Сватовство, вѣнчаніе и прочіе свадебные обряды, соблюдаемые Русскими простолюдинами, переходятъ и къ Алеутамъ; но часто бываютъ и исключенія, такъ напримѣръ въ бытность мою по моей обязанности на Умнакѣ, была подобная сватьба. Исполнивъ все, что требовалось, я сбиралля уже отправиться обратно, какъ увидѣлъ одного холостаго молодаго Алеута, назначеннаго со мною ѣхать, я спросилъ его: чтожь ты не женишься? и когда ты хочешь жениться? онъ отвѣчалъ мнѣ, что онъ еще не думалъ объ этомъ и что намѣренъ

Обычаи: браки.

жениться тогда, какъ я пріѣду къ нимъ опять, т. е. чрезъ два года. Разговоръ нашъ почти тѣмъ и кончился. Но спустя не болѣе часа времени онъ приходитъ ко мнѣ и проситъ обвѣнчать его. Онъ, въ это время, успѣлъ высватать невѣсту и приготовиться къ сватьбѣ. По обвѣнчаніи его я тотчасъ сѣлъ и поѣхалъ. Вмѣстѣ со мною поѣхалъ и онъ провожать меня до слѣдующаго селенія. Таковое скорое разставаніе молодыхъ супруговъ нисколько не рѣдкость; это случалось почти каждый разъ и на каждомъ селеніи. Подобныя разлуки продолжались не рѣдко по два мѣсяца и даже болѣе.

Похороны и поминки.

Похороны и *поминки*. Всякаго умершаго Алеута, родственники его, въ прежнее время, оплакивали до сорока дней, и трупъ его не выносили изъ дома болѣе 15 дней, Спустя нѣсколько дней *бальзамировали* тѣло умершаго, т. е., вскрывали мертваго, и вынувъ всѣ внутренности, вмѣсто ихъ набивали сухою травою и зашивали. Потомъ одѣвали его въ лучшую и любимую его одежду и спеленавъ какъ ребенка, клали въ зыбку, (раму обтянутую кожею), которую сначала подвѣшивали въ томъ же мѣстѣ, гдѣ померъ покойникъ, и держали еще 15 дней. Въ это время, каждодневно утромъ и вечеромъ, родственники особенно оплакивали умершаго, исчисляя всѣ его подвиги и досужество. Въ 16-й день послѣ *бальзамировки*, выносили тѣло

на кладьбище, и если это тоенъ, то въ сопровожденіи всѣхъ жителей того селенія, и вѣсили его въ той же зыбкѣ, въ срединѣ *гроба*, или *памятника*, (Кѹмнакъ), который у богатыхъ и почетныхъ былъ не иное что —какъ четыреугольный, высокой ящикъ, сверху покрытый досками, на два ската, и снаружи разкрашенный разными красками; а у бѣдныхъ—простая, не большая бараборка, обставленная досками и покрытая травою и сверху заваленная землею. Таковые *гробы* назывались ѣля́кигъ, а бѣднѣйшихъ и калговъ клали въ пещеры. Впрочемъ, кажется, иногда въ пещеры клали и богатыхъ, какъ это видно еще и нынѣ, по нѣкоторымъ признакамъ. *Гробы*, или *памятники* эти строились всегда на какомъ нибудь возвышенномъ мѣстѣ, по завѣщанію умершаго. Повѣсивъ трупъ, такъ, чтобы онъ не касался земли, клали съ нимъ разныя вещи, количествомъ по мѣрѣ любви къ нему родственниковъ, или состоянія его, а именно: промысловыя и воинскія орудія, разное платье и домашнюю посуду, изъ коей у всякой вещи дно выставляли.

До окончанія сорока дней, родственники продолжали оплакивать умершаго; а по прошествіи ихъ дѣлали поминки какъ возможно знаменитѣе (т. е. сытнѣе); онѣ состояли въ томъ, чтобы всѣ съѣстные запасы, какіе только могли найтись у покойнаго въ домѣ, выставить предъ гостями,

Обычаи· Похороны.

коими были всѣ и каждый житель того селенія, и угощать ихъ день, два и три, т. е. до тѣхъ поръ пока не истощатся всѣ запасы. Въ послѣдній день поминокъ, родственники умершаго обдаривали гостей, на память покойнаго, разными вещами, которыя разпредѣляемы были, или по завѣщанію умершаго, или по ихъ произволенію; этимъ совершенно оканчивались поминки по умершемъ, и въ другое время никогда не повторялись. Но родственники умершаго, а если это по Тоэнѣ, то и всѣ жители того селенія, налагали на себя трауръ на нѣсколько времени, который состоялъ въ томъ, чтобы въ это время не *дѣлать игрушекъ*, т. е. не веселиться, и безъ нужды не дѣлать того, къ чему былъ пристрастенъ покойникъ.

Но трауръ жены умершаго, хотя и не былъ продолжительнѣе, но очень не легокъ, и съ большими причудами. По прошествіи недѣли, послѣ смерти мужа, перевязывали всѣ ея составы рукъ и ногъ ремешками изъ нерпечей шкуры съ шерстью, и потомъ запирали ее въ особой бараборкѣ, или въ томъ самомъ жилищѣ отгораживали цереллами, или рогожками, особое мѣсто, откуда не выпускали ее ни на шагъ и особенно на морской берегъ. Во все это время она считалась нечистою, такъ, что никто къ ней, ни она ни къ кому и ни къ чему, не могла прикоснуться; даже самую пищу,

которую ей подавали, всегда изкрошенною, она не могла брать голою рукою. Всѣ изверженія свои, она сама зарывала въ землю, въ мѣстѣ своего заключенія. По прошествіи сорока дней, она, чрезъ каждые двои сутки, должна была мыться, что продолжалось цѣлую недѣлю, съ послѣднимъ омовеніемъ кончался ея собственный трауръ.

Тотъ же самый трауръ соблюдалъ и мужъ по женѣ своей, какъ и жена по мужѣ; изъ прочихъ же родственниковъ никто не подвергался оному *.

Женщины, услышавъ о смерти любимой особы, т. е., или своего дитяти, или мужа, отца, матери, брата и проч, обрѣзывали у себя волосы вокругъ, рвали на себѣ платьѣ и раздирали лучшія, любимыя свои одежды, и почти въ полунагомъ положеніи, начинали оплакивать ихъ столько, сколько доставало у нихъ терпѣнія и силы.

Бить калговъ, при похоронахъ и поминкахъ, также было и у Алеутовъ въ обыкновеніи; но не считалось непремѣннымъ,

---

* По ученію древней философіи, всякой, не исполнившій траура по своей половинѣ, подъ старость, лишался ума и, потерявъ порядочное отправленіе тѣлесныхъ нуждъ, помиралъ преждевременно.

Обычай: Похороны и поминки.

покрайней мѣрѣ въ послѣднее время, предъ прибытіемъ Русскихъ.

Если кто хотѣлъ соблюсти этотъ обычай: то могъ, и долженъ былъ совершить его по прошествіи сорока дней, т. е. во время поминокъ. Число закалаемыхъ калговъ было неопредѣленно: случалось, что закалали мужа, жену и всѣхъ ихъ дѣтей, вдругъ, а иногда одного кого нибудь изъ нихъ, или только мужа и жену, послѣднее было чаще. Калги, закалались, или по приказанію умершаго изъ числа его невольниковъ, или родственники его, по любви къ нему, закалали, или душили ихъ, сколько хотѣли. Но случалось, что не только родственники не били ни одного калгу своего; но и самые наслѣдники не всегда исполняли такое жестокое и варварское завѣщаніе умершихъ. Изъ сожалѣнія ли это дѣлалоськ къ несчастнымъ калгамъ, или можетъ было это слѣдствіемъ расчетовъ? Случалось также, что нѣкоторые изъ умирающихъ богачей, при смерти своей, не только запрещали убивать калговъ для нихъ, но приказывали нѣкоторыхъ отпускать на волю и даже отправлять ихъ на собственную ихъ родину, снабдивъ ихъ байдарками и всѣмъ нужнымъ къ пути. Но впрочемъ, послѣднихъ было чрезвычайно мало; подобныхъ людей, за ихъ человѣколюбіе, прославляло потомство въ своихъ пѣсняхъ. Напротивъ того бывали и такіе варвары изъ богатыхъ и почетныхъ Алеу-

товъ, которые, съ печали по своемъ любимомъ сынѣ, или племянникѣ, умершемъ нечаянно, въ утѣшеніе свое губили дѣтей калговъ, т. е., или топили въ водѣ, или кидали съ утесу, или кололи ихъ при видѣ родителей, въ отчаяніи и безъутѣшности которыхъ думали найти себѣ утѣшеніе.

По принятіи Алеутами Христіанской вѣры, всѣ подобные обычаи, противные Христіанству, совершенно оставлены; а дѣлать завѣщаній человѣколюбивыхъ, они не могутъ, потому, что нынѣ никто калговъ не имѣетъ. Впрочемъ есть еще нѣсколько изъ Алеутовъ такихъ, кои, хотя тайно и вполнѣ, но исполняютъ часть супружескаго траура, но не столько изъ боязни и опасенія подвергнуться страданіямъ, сколько по любви.

Игрушки, или *Праздники*, прежнихъ Алеутовъ были двоякія: одни торжественныя и общія, а другія частныя и простыя. Игрушки.

Торжественныя празднества состояли въ сценическихъ представленіяхъ, которыя происходили всегда зимою и попеременно: то въ томъ селеніи, то въ другомъ, и отправлялись неиначе какъ цѣлымъ селеніемъ, для чего всѣ и каждый изъ жителей, отдавалъ почти все что онъ имѣетъ, особенно съѣстные припасы, такъ, что всякой изъ нихъ, послѣ игрушки, непремѣнно голодовалъ въ полномъ значеніи этого сло-

Обычаи: Игрушки.

ва. Такая голодовка не только не поставлялась въ порокъ, но была славна. Каждое селеніе, на перерывъ, старалось перещеголять другъ друга въ изобрѣтеніи сценъ, искуствѣ представленій и богатомъ угощеніи. Игрушки, или представленія, одного селенія, не походили на игрушки другаго. Приготовленія къ сему начинались очень рано, смотря по затѣйливости. Подобныя игрушки назывались ӯка́макъ (представленіе), и на нихъ никогда не шаманили, но именно *представляли въ лицахъ* что либо историческое изъ ихъ древнихъ событій, какъ то: или сраженіе съ непріятелями, звѣрями, или нападеніе на тѣхъ, или другихъ, или мировая и проч., а не рѣдко, поэты ихъ, сочиняли и свои сцены. Замѣчательно то, что вездѣ и во всякомъ представленіи, у нихъ на сценѣ были два лица, или, лучше сказать, двѣ чучелы, необычайной величины, сдѣланныя изъ травы и одѣтыя въ лучшее платье, въ срединѣ коихъ дѣйствовалъ человѣкъ. Одно изъ сихъ лицъ, называемое Иґада́ґа́хъ (страшилище), представляло великана, со страшнымъ лицемъ и длинною бородою; а другое, называемое Кѹгалита́ликъ (что-то въ родѣ дьявольщины, отъ слова Кѹгакъ дьяволъ), было еще болѣе перваго и тоже со страшнымъ лицемъ. Лицедѣи, дѣйствующіе на сценѣ, и также всѣ пляшущіе, всегда оказывали имъ предпочтеніе и повиновеніе. Но что? или кого

означали эти два лица? или съ чего взяты? никто не можетъ сказать.

Представленіе происходило всегда въ общей бараборѣ, или кажимѣ, гдѣ передняя половина завѣшивалась церелами, изъ за коихъ лицедѣи и плясуны выходили на сцену, въ личинахъ и безъ личинъ.

По совершенномъ изготовленіи къ игрушкѣ, посылались *зазывные байдарки* по селеніямъ, приглашать гостей: приглашеніе не было по именно, но кто хотѣлъ и могъ ѣхать, тотъ и ѣхалъ. Гости, должны были пріѣзжать на праздникъ, не по одиначкѣ и не порознь, но всѣ вдругъ и вмѣстѣ, и притомъ не ночью, а днемъ; потому встрѣча и проводы гостей всегда были торжественные.

Хозяева, едва только завидятъ ѣдущихъ гостей, тотчасъ выходили всѣ на берегъ, и раздѣлясь на двое, ожидали привала гостей къ берегу. Одна половина всегда состояла изъ молодыхъ мужчинъ и женщинъ, и должна была встрѣчать и принимать гостей, а другая, состоявшая изъ всѣхъ остальныхъ жителей, въ это время, составляла хоръ музыкантовъ и пѣвчихъ. Лишь только гости начинали приставать къ берегу, то тотчасъ хоръ начиналъ свое дѣло, т. е., били въ бубны, какъ можно сильнѣе, и пѣли пѣсни, для сего случая сочиненныя, продолжая музыку и пѣніе до тѣхъ поръ, пока всѣ гости не выйдутъ на берегъ и

Обычаи: Игрушки.

не помѣстятся въ шалаши, нарочно для нихъ приготовленные, на самомъ берегу. Потомъ первенствующій хозяинъ, т. е. Тоэнъ, или, за неимѣніемъ его, кто либо изъ почетныхъ, произносилъ привѣтственную рѣчь къ гостямъ своимъ, въ коей, выхваляя гостей и себя, старался изъяснить имъ свою дружбу и усердіе, и что самая игрушка ими дѣлается для того, чтобы доставить имъ удовольствіе и угостить ихъ и проч. Этимъ заключалось торжество встрѣчи; за симъ начиналось угощеніе въ шалашахъ. Ко всякому шалашу, гдѣ помѣщались гости, приставлялись нѣсколько молодыхъ мужчинъ для прислуги.

Въ тотъ же день, или на другой, Тоэнъ, посылалъ сына своего, или племянника, къ гостямъ съ честію просить ихъ къ себѣ въ общую барабору. Въ это время лѣстница, стоящая обыкновенно у входа въ барабору (который всегда былъ сверху), отнималась совсѣмъ. На мѣсто ея, (для большаго веселія и узнанія ловкости гостей), дѣлали лѣстницу изъ надутыхъ пузырей и манщиковъ (или чучелъ) звѣриныхъ, также надутыхъ, положивъ ихъ одинъ на другой, и скрѣпивъ кое-какъ; на концахъ пузырей и манциковъ, прикрѣпляли тоненькіе шестики, къ коимъ также навязывали нѣсколько небольшихъ пузырей, равномѣрно надутыхъ и съ разными внутри побрякушками. По такой *забавной*

лѣстницѣ, могъ спуститься не упавши, только самый ловкій.

Гости, одѣвшись въ нарядное платье, шли всѣ вмѣстѣ за посланнымъ, который, идя впереди, показывалъ имъ дорогу и, подойдя къ новопостроенной лѣстницѣ, сходилъ по ней въ барабору первый; за нимъ должны были входить и гости, одинъ по одному. Лишь только первый гость ступалъ на первую ступеньку, или на первый пузырь, то, нѣкоторые изъ мужчинъ, били въ бубны, принаравливаясь къ тому, какъ дрожалъ гость, сходя по шутовской лѣстницѣ; а всѣ прочіе мужчины и женщины, начинали церемоніальныя пѣсни въ похвалу и честь гостямъ, (а иногда и въ насмѣшку имъ, если они не ловко спускались по лѣстницѣ).

Когда всѣ гости сойдутъ, или, все равно, перепадаютъ въ барабору, ихъ садятъ на приготовленныя мѣста и начинаютъ угощать. Послѣ угощенія начинались самыя представленія и пляски, въ коихъ гости никогда не участвовали, но были только зрителями.

Среди представленій, или чаще прежде, нѣкоторые изъ почетныхъ, начиная съ Тоэна, выходили на сцену безъ маски; но въ своемъ родовомъ и, разумѣется, нарядномъ платьѣ, изувѣшенномъ трофеями предковъ ихъ, т. е. вососами, зубами, оружіями, платьемъ, посудою и проч., отнятыми у

Обычаи: Игрушки.

непріятелей, или, разными звѣриными костями и лоскутьями шкуръ, и другими, разными вещами, чѣмъ либо достопамятными. Они выходили не для пляски, но для показанія, или для засвидѣтельствованія, подвиговъ своего рода. Всѣ же прочіе, выходившіе на сцену, были въ различныхъ маскахъ, и представляли въ лицахъ все, что вздумается, напр.: сраженіе, побѣду, миръ, ловлю звѣрей, и проч., имѣя въ рукахъ оружія, или какія либо вещи, приличныя представленію. Нѣкоторые изъ удалыхъ и ловкихъ, представляя сраженіе, старались сдѣлать это, какъ можно натуральнѣе и для этого они запасались небольшими пузырями съ нерпечьею кровью, искусно подвязавъ ихъ подъ паркою, въ извѣстномъ другъ другу мѣстѣ; во время же представленія они кололи въ то мѣсто, и кровь лилась въ виду зрителей. При воинскихъ сценахъ, два, несходившія со сцены лица, великаны, всегда представляли предводителей.

Во все время представленій, бубны и пѣсни, не умолкали, измѣнялсь только по роду представленій.

Таковыя представленія продолжались по нѣскольку дней, и вообще до тѣхъ поръ, пока не кончались всѣ ихъ приготовленныя піэсы, или сцены. По окончаніи каждаго представленія, обыкновенно слѣдовали угощенія, какъ и предъ началомъ. Наконецъ, въ заключеніе всего, гостей обдаривали

своими произведеніями. Всѣ вообще старались угощать — какъ можно сытнѣе, и обдаривать — щедрѣе.

Проводы гостей, были съ тою же церемоніею, какъ и встрѣча. Если хозяева были увѣрены, что гости ихъ остались довольны ихъ угощеніемъ, и, особенно, искусствомъ представленій, то, это для нихъ было величайшею наградою и славою, не смотря, что сами оставались послѣ этаго нищими. Хоть голоденъ да славенъ! Видно: что слава для всѣхъ милѣе всего.

Частныя, или *простыя*, игрушки, называемыя Каѓанáсикъ, веселіе, были и могутъ быть, во всякое время; но не иначе, какъ только тогда, когда были прiѣзжіе нечаянные гости. Онѣ состояли единственно въ попеременнномъ пѣніи пѣсенъ и плясаніи хозяевъ и гостей, и болѣе ни въ чемъ. Здѣсь, гостей, встрѣчали безъ всякихъ церемоній, и принимали въ барабору, безъ парадной лѣстницы. Когда соберутся гости, ихъ садили всѣхъ вмѣстѣ, на одной сторонѣ бараборы, а сами хозяева — мужчины, садились на другой сторонѣ, противъ гостей, въ разстояніи около 3 саженъ, и тѣмъ составлялась почти квадратная площадь, гдѣ желающіе могли плясать, а женщины и дѣти, помѣщались по сторонамъ бараборы.

Когда усядутся гости и хозяева, тогда мальчики приносили бубны съ палоч-

Обычаи: Игрушки.

ками, которыми бьютъ, и клали на полъ предъ хозяевами. Хозяева тотчасъ разбирали бубны, по рукамъ, начинали какую нибудь пѣсню, и пѣли, какъ можно выразительнѣе, т. е. громче, подъ тактъ бубновъ. Окончивъ одну пѣсню, пѣли другую и третью. По окончаніи третьей пѣсни, хозяева пересылали бубны къ гостямъ, чрезъ тѣхъ же мальчиковъ, которые приносили ихъ, и клали предъ гостями, не говоря ни слова. Тогда гости, взявъ бубны, начинали свои пѣсни; и послѣ второй, отсылали бубны къ хозяевамъ, которые, во время пѣнія, сидятъ и слушаютъ со вниманіемъ пѣсни гостей, такъ какъ и тѣ хозяйскія. Потомъ хозяева, пропѣвъ двѣ пѣсни, опять отсылали бубны къ гостямъ; и такъ далѣе.

Здѣсь главный интересъ состоитъ въ томъ, чтобы пѣсни были хорошо сложены, новы, и для противниковъ не слыханны; по этой причинѣ одна и таже пѣсня, въ одинъ и тотъ же вечеръ, не повторяется, но каждый разъ поются новыя пѣсни.

Во время пѣсенъ всякой, кто хотѣлъ, выходилъ на сцену и танцовалъ, присѣдая и прискакивая въ тактъ бубновъ, безъ всякой очереди и безъ всякаго порядка; но только съ тѣмъ, чтобы каждый танцовщикъ, или танцовщица, выходили на сцену, не иначе, какъ въ паркѣ, и самой нарядной; а потому, одна парка, переходила на нѣ-

сколько плечъ. Въ этомъ танцѣ участвовали всѣ: и хозяева и гости; и сами пѣвцы и музыканты попеременно плясали.

Въ нынѣшнее же время торжественныхъ игрушекъ не бываетъ; а бываютъ одни только частныя, и то, не иначе, какъ тогда только, когда бываютъ пріѣзжіе. Какъ ни просты, и какъ, по нашему, ни безъинтересны ихъ нынѣшнія игрушки; но Алеуты, не только молодые, но даже старики, чрезвычайные до нихъ охотники; не смотря на то, что имъ завтра предстоитъ путь отъ самой зори и до заката солнца, они готовы пѣть и плясать всю ночь. По окончаніи игрушки, они, обыкновенно благодарятъ другъ друга, но не за *посѣщеніе* и *угощеніе*, котораго почти никогда не бываетъ, кромѣ воды, но именно за пѣсни, слышанныя ими другъ отъ друга. Они всегда остаются довольны другъ другомъ, если ихъ пѣсни понравились другимъ, или, если самимъ удалось послушать новыхъ, или хорошихъ, пѣсенъ.

Образъ войны и проч.

Образъ войны. Войны, или, сказать справедливѣе, убійства и грабежи, у Алеутовъ были почти всегда. Особенно у Алеутовъ, средняго времени, т. е. прадѣдовъ и дѣдовъ нынѣшняго поколѣнія, войны были чрезвычайно часты и самыя губительныя. Они были, или, *междуусобныя*, или, *заграничныя*. Первыя были между родами и племенами, тѣхъ самыхъ Алеутовъ;

Обычаи: Образъ войны и проч.

а другія, со внѣшними ихъ вратами, какъ то: съ Аглегмютами и Кадьякцами.

Причины къ междуусобіямъ были безчисленны. *Желанія* человѣка, никогда не насытимыя, — и, особенно, человѣка необразованнаго, свободнаго, не знающаго ни мѣры, ни границъ своимъ животнымъ желаніямъ — были *первою* къ тому причиною. Красавица жена, пригожая дочь, всегда и вездѣ были одною изъ важнѣйшихъ причинъ къ раздорамъ и дружбѣ. Подробное описаніе произшествій и приключеній такого рода (хотя бы и было возможно сказать, что нибудь объ нихъ) совершенно не нужно; потому что онѣ всегда и вездѣ почти однѣ и тѣже. Измѣняются только имена, мѣста и обстоятельства, а прочее все одно и тоже. *Второю* причиною къ междуусобіямъ была скудная, во всѣхъ отношеніяхъ, мѣстность обитаемыхъ ими острововъ, которая чѣмъ далѣе, тѣмъ становилась бѣднѣе въ отношеніи продовольствія. Самыя земляныя ихъ сокровища, какъ то: краски, камни и проч., находимыя въ извѣстныхъ только мѣстахъ, — чѣмъ далѣе, тѣмъ дѣлались дороже и недоступнѣе, а съ тѣмъ вмѣстѣ и привлекательнѣе, и слѣдовательно болѣе подавали поводу къ ссорамъ. Такъ напр. извѣстно, что слабѣйшія и бѣднѣйшія семейства, будучи болѣе и болѣе стѣсняемы въ средствахъ къ пропитанію, принуждены были оставлять свою родину и искать

средствъ къ существованію въ другихъ мѣстахъ, и потомъ, усилясь въ новомъ мѣстѣ, дѣлались недругами и даже врагами прежнимъ своимъ утѣснителямъ, а потомъ и всѣмъ единоплеменнымъ. Въ отношеніи же произведеній земли извѣстно: что камни (обсидіанъ и порфиръ), изъ которыхъ они дѣлали топорики, ножи и носки для стрѣлокъ, находятся въ немногихъ мѣстахъ и послѣдній только на сѣверной сторонѣ Умнака, а лучшій янтарь находили также только на сѣверной сторонѣ Умнака подъ водопадомъ Игúдгѣмъ сúтханъ. А какъ не всякой могъ и хотѣлъ ихъ покупать или вымѣнивать на что нибудь, то многіе покушались доставать ихъ тайкомъ; отъ чего владѣтели тѣхъ мѣстъ, по праву владѣнія, берегли ихъ и хищниковъ убивали.

Таковыя и подобныя произшествія были первоначальными причинами къ междуусобіямъ; а мщеніе за обиду — сугубою обидою за кровь одного—убійствомъ многихъ и часто невинныхъ. — Мщеніе безъ всякаго обузданія — раздувало и поддерживало ихъ, и наконецъ сдѣлалось неизсякаемымъ источникомъ многихъ и жестокихъ кровопролитій. Междуусобія, начавшись между членами семействъ, переходили въ семейства, роды и племена, и прекращались неиначе, какъ совершеннымъ истребленіемъ, т. е. убійствомъ и плѣненіемъ ослабѣвшей стороны.

Обычаи: Образъ войны и проч.

Изъ множества междуусобій я разскажу только объ одномъ и последнемъ изъ всѣхъ. Въ одно время нѣкоторые изъ жителей Акутанскаго селенія (бывшаго на W сторонѣ Акутана), въ вечеру, при штилѣ, увидѣли что-то въ морѣ и двое изъ нихъ поѣхали туда. Подъѣхавъ ближе они увидѣли, что это байдара и въ ней нѣсколько человѣкъ Умнакцевъ, истощавшихъ отъ жажды и почти полумертвыхъ. Акутанскіе удальцы вмѣсто того, что бы подать помощь несчастнымъ, убили ихъ и, взявъ нѣкоторыя вещи, байдару пустили ко дну. Между тѣмъ надобно замѣтить, что одинъ изъ сихъ удальцевъ былъ женатъ на Умнакской урожденкѣ. Чрезъ нѣсколько времени Умнакскіе Алеуты, пріѣхавъ къ нему въ гости, увидѣли знакомыя имъ вещи на одномъ мальчикѣ и узнали чрезъ свою родницу, что эти вещи привезъ мужъ ея съ моря. Разпросивъ всѣ обстоятельства и узнавъ о участи своихъ земляковъ, они не сказавъ никому ни слова о томъ, что узнали эти вещи, уѣхали домой. Чрезъ нѣсколько времени они опять пріѣхали въ гости къ своему зятю, и привезли ему въ гостинцы парку самую нарядную. Выбравъ удобное время призываютъ къ себѣ въ барабору зятя ихъ съ женою и сыномъ и дарятъ ему эту парку. Тотъ не подозрѣвая ничего началъ надѣвать ее на себя; но такъ, какъ воротникъ у ней съ намѣреніемъ былъ сдѣ-

ланъ уже и нѣсколько зашнурованъ, то онъ не могъ скоро надѣть ее. И въ это самое время Умнакцы, захватя его въ паркѣ, убили, но впрочемъ по долгомъ сопротивленіи, потому что онъ былъ очень силенъ, и вмѣстѣ съ нимъ убили и сына его, который также по силамъ своимъ защищалъ отца своего. Сдѣлавъ это они тотчасъ уѣхали домой, взявъ съ собою свою родницу. Убитый же имѣлъ у себя роднаго брата — бойца, который въ это время былъ въ отлучкѣ. По пріѣздѣ своемъ тотъ, узнавъ объ этомъ, положилъ намѣреніе отомстить за смерть своего любимаго брата, котораго онъ такъ любилъ, что сдѣлавъ деревянную статую, похожую на него, одѣлъ ее паркою и держалъ у себя въ каморѣ въ память его. Спустя довольно долго времени онъ объявляетъ: что хочетъ ѣхать въ походъ на Кадьякцевъ, и къ нему—какъ храброму, много собралось охотниковъ. Онъ объявляетъ объ этомъ же и Умнакскимъ Алеутамъ, изъ коихъ также весьма многіе приняли его предложеніе. Мѣстомъ сборища назначенъ былъ островъ Тигалда, подлѣ самаго нынѣшняго селенія. Но истинное намѣреніе его было то, чтобы заманить Умнакцевъ и убить ихъ также измѣннически. Это намѣреніе его знали и его сообщники. И когда Умнакцы пріѣхали на Тигалду и расположились лагеремъ по берегу, тогда, по данному — условному знаку отъ пред-

Обычаи: Образъ войны и проч.

водителя, на нихъ напали со всѣхъ сторонъ и убили всѣхъ до одного. И хотя Умнакскіе Алеуты узнали о участи своихъ земляковъ, но отмстить уже не успѣли, потому что пришли Русскіе.

Внѣшнія войны Алеутовъ были съ Аглегмютами и прочими жителями сѣверной стороны Аляксы, особенно же съ Кадьякцами. Съ Чугачами же и Кенайцами они никогда не воевали, считая ихъ своими единоплеменными. Съ Аглегмютами войны были только въ первыя времена и очень скоро прекратились, по той причинѣ, что Аглегмюты не рѣшались пускаться на Уналашку на своихъ байдаркахъ, (которыя несравненно несовершеннѣе Алеутскихъ). Алеуты же прекратили свои набѣги къ нимъ потому, что сѣверные берега Аляксы отмѣлы и не имѣютъ пристаней и, главное, что они бѣдны лайдеными произведеніями. Но съ Кадьякцами у нихъ были безпрерывныя войны и съ незапамятныхъ временъ. Алеуты ихъ считали непримиримыми врагами, такъ, что слово анадѮикъ врагъ, было употребляемо вмѣсто Канаѓикъ (Кадьякской житель) или обратно *.

---

* И о которыхъ они имѣли самое невыгодное мнѣніе: они говорили, что Кадьякцы первые раздражители и зачинщики ссоръ, но не знаю-

Заграничныя войны, или военные походы (алитхўкъ тхиднпъ италикъ), у Алеутовъ считались охотою и ремесломъ столько прибыльнымъ, столько же и славнымъ. Таковые походы они совершали всегда на байдаркахъ, или байдарахъ. Но какъ ни велики и ни сильны бывали таковыя ихъ ополченія, но никогда не бывало всеобщихъ и даже очень рѣдко, чтобы жители цѣлаго острова вмѣстѣ предпринимали военные походы; но по большой части ополченія ихъ состояли изъ однихъ только родственниковъ между собою.

Полководцами у Алеутовъ всегда были ихъ родовые Тоэны, или его сыновья, или племянники. И потому не воины избирали себѣ полководца, но полководецъ набиралъ себѣ воиновъ. На неопредѣленное предложеніе: я хочу ѣхать *воевать* (или *странствовать* агўлаганъ *) къ нему собирались

щіе правилъ чести, они храбры только на словахъ и до начала дѣла; а въ сраженіи боязливы и уступчивы; хвастуны и крикуны какъ ворона надъ выкидомъ или упадью. Но объ Агегмютахъ и Чугачахъ они отзывались какъ о храбрыхъ и неустрашимыхъ, первыхъ называя áглюнъ, т. е. косатки.

* У нихъ бывали походы военные и изъ любопытства и торговли. О послѣднихъ будетъ сказано ниже.

Обычаи: Образъ войны и проч.

воины, въ полномъ вооруженіи. Но не всякой могъ накликать себѣ воиновъ, а только прославившійся своею храбростію, военнымъ искусствомъ, знаніемъ мѣстностей непріятельской земли, расторопностію и умѣньемъ распоряжаться. Къ таковымъ охотно шли и не родники его, если онъ находилъ нужнымъ принять ихъ въ свое ополченіе. Когда соберется къ нему довольное, по его мнѣнію, число воиновъ, тогда онъ объявлялъ имъ причину своего намѣренія, которою въ первомъ случаѣ всегда бывало отмщеніе за кровь предковъ, падшихъ въ непріятельской землѣ, или безчестіе, сдѣланное ему или его роду. И воины, выслушавъ его причины и намѣреніе, вмѣсто клятвы давали ему вѣрное слово повиноваться ему какъ отцу, и—вмѣстѣ съ тѣмъ возлагали на него власть дѣлать: что онъ хочетъ и что знаетъ.

Послѣ того предводитель всегда избиралъ къ себѣ нѣсколькихъ (отъ 4 до 8) помощниковъ изъ своихъ ближнихъ родственниковъ или опытныхъ воиновъ — славныхъ, которые распоряжались ввѣренными имъ отрядами и вмѣстѣ составляли его военный совѣтъ.

При самой отправкѣ всего ополченія въ преднамѣренный походъ, предводитель, въ присутствіи ихъ и всѣхъ провожающихъ, говорилъ торжественную рѣчь, въ коей старался изъяснить имъ, что кто не надѣется вытерпѣть всѣхъ нуждъ и трудовъ, не-

избѣжныхъ въ такомъ дальнемъ и опасномъ пути, кто боится встрѣтить смерть во время сраженія, и кто не надѣется на свою силу, тому лучше остаться дома и не трогаться съ мѣста, не дѣлать роду своему стыда и посрамленія. Но кто безропотно перенесетъ всѣ трудности и съ храбростію будетъ драться съ непріятелемъ, тому слава и добыча; а кто со славою падетъ на полѣ брани, тотъ заслужитъ роду своему честь и славу, и тѣло его будетъ привезено на родину. Послѣ того полководецъ говорилъ и о себѣ, что если и онъ самъ падетъ на сраженіи со славою; то не робѣть и не терять духу, но слушать и также повиноваться его старшему помощнику. Наконецъ всенародно и вторично обязывалъ каждаго (словомъ): быть послушнымъ ему во всякомъ случаѣ; быть другъ съ другомъ въ братскомъ согласіи; защищать другъ-друга вѣрно и не щадя себя; быть терпѣливымъ какъ въ дѣлѣ съ непріятелемъ, такъ при случаѣ несчастій и нуждъ, и проч. и потомъ отправлялись въ свой путь.

Приближаясь къ селенію, или партіи непріятеля, они старались ѣхать только по ночамъ. Пріѣхавъ на мѣсто предводитель распоряжался кому гдѣ быть во время нападенія и сраженія, кому остаться при байдаркахъ и проч. Самъ онъ всегда долженъ быть впереди сражающихся. Сдѣлавъ распоряженіе отправлялись они далѣе какъ можно осторожнѣе.

Обычаи: Образъ войны и проч.

Напасть на непріятеля и биться съ нимъ днемъ и открыто, хотя считалось славнѣе; но такъ какъ въ этомъ случаѣ сраженіе продолжается гораздо долѣе, и непріятель, видя свою опасность, дѣлаетъ сильный и отчаянный отпоръ, а нападающіе, прежде нежели увидятъ кровь, гораздо болѣе трусятъ смерти и плѣна, и какъ могло бы случиться, что за ослабленіемъ силы воиновъ и уменшеніемъ числа ихъ, должно было бы сдаться или запросить постыдный миръ; то по тому считалось за лучшее нападать на непріятеля тайно и въ расплохъ, а самое лучшее для этаго время считалось начало утренней зари.

Подкравшись къ непріятелю какъ можно ближе, они вдругъ съ крикомъ: *бьемъ, наши побѣдили*, а иногда и съ боемъ въ бубны нападали на сонныхъ непріятелей. И если имъ въ одинъ приступъ удавалось взять селеніе, что при такомъ образѣ войны случалось почти всегда; то престарѣлыхъ мущинъ и женщинъ били безъ всякой пощады, а молодыхъ обоего пола брали въ плѣнъ, и по окончаніи сраженія представляли предводителю. При взятіи приступомъ укрѣпленнаго мѣста, или бараборы, каждый воинъ, презирая опасность жизни, старался, очистивъ дорогу своимъ товарищамъ, войти первому туда и принудить непріятеля сдаться (что считалось славнѣйшимъ подвигомъ); по сему вошедшіе къ непріятелю не должны

были бить побѣжденныхъ, но брать каждаго руками и, заклеймивъ ихъ своимъ оружіемъ, высылать вонъ. Назначенному въ плѣнъ дѣлали кровавое пятно на лицѣ и на лбу, а кого хотѣли убить, у того отрѣзывали которое нибудь ухо или другую какую нибудь часть тѣла, напримѣръ: часть волосовъ съ головы со шкурою, и даже вырѣзывали дѣтородные уды какъ у мужчинъ, такъ и у женщинъ. И эти отрѣзанныя или вырѣзанныя части тѣла и также непріятельскія оружія были важнѣйшими трофеями побѣдителей, которые отъ нихъ переходили въ потомство для прославленія своего рода, какъ живые памятники военныхъ подвиговъ. А нѣкоторые изъ таковыхъ побѣдителей приказывали класть ихъ съ ними въ ихъ гробы.

По удачномъ окончаніи дѣла, воины, всю военную добычу представляли предводителю, который, взявъ принадлежащую себѣ часть, остальное отдавалъ имъ. Плѣнные, по праву войны, принадлежали только тѣмъ, кто, на самомъ дѣлѣ, доказалъ свою неустрашимость въ сраженіи и былъ дѣйствительнымъ побѣдителемъ; но они изъ тщеславія въ тоже время дарили ихъ въ Калги тѣмъ, кои, по военному праву, не могли получить плѣнныхъ. Воинамъ же низкаго сословія, т. е. Калгамъ и безроднымъ Алеутамъ, плѣнные никогда не доставались; на

Обычаи: Образъ войны и проч.

ихъ долю раздѣлялись непріятельскія: вещи, одежды, украшенія, посуды и военныя оружія.

У Алеутовъ бывали сраженія на морѣ, но очень рѣдко и почти только при нечаянной встрѣчѣ съ непріятелемъ. Но Алеуты, имѣя преимущество предъ Кадьякцами ходкостію своихъ байдарокъ, старались искать ихъ и на морѣ. При встрѣчѣ съ непріятелемъ на морѣ, они, не вдругъ нападали на него, но прежде дѣлали на него наѣзды, кидая стрѣлки, и гоняли его, и если увидятъ, что непріятель ослабѣваетъ, то, вдругъ и съ яростію, нападали на него и топили его безъ всякой пощады, до тѣхъ поръ, пока побѣжденные не запросятъ мира. Побѣда на морѣ не приносила имъ никакой корысти, кромѣ славы; и тѣхъ, кои ранѣе клали оружіе, щадили и дарили свободою.

Во всякомъ случаѣ, если видѣли, что, по нѣсколькихъ стычкахъ, они не въ состояніи побѣдить своего непріятеля и могли опасаться его силы; тогда дѣлали мирные договоры, или перемирія, на опредѣленное время и мѣнялись аманатами; а потомъ чрезъ переговоры предводителей заключали и *вѣчный* миръ, что называлось аңадȣ̆шикъ тхӥдикъ ильялѝликъ. Но послѣднее дѣлалось только съ своеплеменными или Аглегмютами, но съ Кадьякцами-никогда.

Власть предводителя, и особенно знаменитаго и опытнаго, во время похода и сра-

женія, была почти неограниченна; всякое повелѣніе его, какъ бы оно ни было трудно и опасно, было исполняемо съ трепетомъ и безъ всякаго прекословія. Но случалось, что если окажется, что предводитель ихъ, или трусъ, или неопытенъ и, что собственно отъ его неопытности и неблагоразумныхъ распоряженій, они будутъ поражены непріятелемъ, или потеряютъ людей при переѣздахъ чрезъ проливы или въ бурное время, или будутъ терпѣть крайній недостатокъ въ съѣстныхъ припасахъ; то сами воины убивали своего предводителя, по общему приговору, и избирали другаго.

Алеуты говорятъ: что они никогда не были трусами, хотя и не всегда были побѣдителями; что причиною ихъ неудачь, или гибели, были всегда ошибки, или не искусство, предводителей; и что Кадьякцы болѣе отъ нихъ терпѣли, чѣмъ они отъ Кадьякцевъ. Послѣднее правдоподобно, потому что Кадьякцы, хотя также дѣлали нападенія на Алеутовъ, но гораздо рѣже и притомъ самые отважные ихъ походы простирались только до Унимака, тогда-какъ къ Кадьякцамъ ѣздили Уналашкинцы и даже Умнакцы.

Оружіе Алеутовъ состояло: изъ двухъ родовъ стрѣлъ, кидаемыхъ съ дощечки, извѣстнаго лука, со стрѣлами, двухъ родовъ

Обычаи: Образъ войны и проч.

ножей или кинжаловъ; для защищенія же себя употребляли щитъ и латы.

Однѣ стрѣлы, изъ кидаемыхъ съ дощечки, были тѣже самыя, которыя употребляются нынѣ для промысла сивучей, называемыя игйканъ (дротики), съ однимъ наконешникомъ изъ кости; другія стрѣлы были подлиннѣе съ нѣсколькими наконешниками, кои дѣлались изъ крѣпкаго дерева, и въ каждой изъ нихъ вставлялись каменные носки изъ обсидіана, иногда напитанныя ядомъ, который былъ извѣстенъ весьма не многимъ. Стрѣла, брошенная въ человѣка, не входила въ него вся, но одинъ только наконешникъ съ носкомъ; наконешникъ при усиліи могъ быть вынутъ изъ человѣка, но носокъ всегда оставался въ немъ, и слѣдовательно всегда наносилъ хотя не скорую, но вѣрную смерть. Употребленіе лука и стрѣлъ извѣстно, стрѣлы также были напитываемы ядомъ. Воинскіе ножи, или кинжалы, употреблялись вмѣсто холоднаго оружія и они были обыкновенно каменные; одинъ съ обѣихъ сторонъ имѣлъ острія, длина его была около 6 вершковъ; а другой, называемый Камлитўкъ, былъ почти такой же величины, какъ и первой, только остріе у него было съ одной стороны и на обухъ нѣсколкко изогнутъ. Латы ихъ дѣлались изъ кругло выструганныхъ палочекъ, длиною около 5 четвертей, которыя плотно одна къ другой были переплетены жиле-

ными нитками; ихъ носили подъ верхнимъ платьемъ, навязывая вокругъ туловища, кромѣ рукъ и ногъ; и говорятъ, что таковыя латы ихъ, повидимому, не очень надежныя, весьма рѣдко пробивала стрѣла. Щитъ ихъ дѣлался просто изъ двухъ складныхъ досокъ, длиною 5 четвертей, а шириною каждая по 2 четверти; имъ обороняли свою голову отъ летающихъ стрѣлъ, держа лѣвою рукою за сдѣланную по срединѣ душку. Щитъ употребляли только при открытомъ сраженіи или при взятіи укрѣпленнаго мѣста приступомъ.

Разные обычаи. а) Всякая женщина, въ періодическомъ состояніи (аяӷигӯликъ), считалась нечистою (такъ какъ и вдова до окончанія ея траура) семь дней, и въ это время она не должна знать мужа, и вымыться три раза. Всякую дѣвушку, не смотря ни на какое состояніе и званіе, тотчасъ отдаляли отъ сообщества и запирали въ особо выстроенную барабору, не выпуская ее оттуда ни *за чѣмъ*, и строго запрещали показываться людямъ, а особливо мущинамъ. Ее могли видѣть только мать и близкія родственницы и то не на долго и не безъ нужды. Въ такомъ затворничествѣ дѣвушка должна пробыть въ первой разъ — 40 дней, во второй — 20, а въ третій и далѣе обыкновенно по 7 дней. По истеченіи дней затворничества, она должна была мыться чрезъ пять

Обычаи. дней. Замужнія женщины избавлялись затворничества.

Исполнять таковые обычаи очищенія повелѣвалъ имъ законъ или преданіе, которое говоритъ: что дѣвушка, не сохранившая такого обычая съ перваго раза, въ послѣдствіи времени сдѣлается черною какъ уголь, и сверхъ того къ ней пристанутъ всякія болѣзни, которыми заразятся и другія; а замужняя женщина, не сохранивъ этаго, испортитъ своего мужа, заразивъ его болѣзнями, и сверхъ того онъ будетъ несчастливъ: его убьетъ или съѣстъ звѣрь, утонетъ и проч.

Матеріи періодическаго очищенія у женщинъ, по мнѣнію ихъ, чрезвычайно боятся всѣ звѣри и даже рыбы; а потому, несоблюденіемъ въ строгости обычаевъ очищенія, можно отогнать всѣхъ животныхъ отъ своего селенія.

b) Изъ родныхъ и близкихъ родственниковъ, дядя по матери и по немъ дядя по отцѣ, имѣли и нынѣ имѣютъ большую власть надъ племянниками и племянницами; прежде они были непремѣнными наставниками ихъ въ молодыхъ лѣтахъ; а потому дядей предпочитали всѣмъ родственникамъ и особенно перваго, котораго почитали болѣе, чѣмъ отца. Дяди входили въ распоряженіе своихъ племянниковъ совершенно по всѣмъ частямъ.

c) Мущина никогда не принимался за женское дѣло; потому что считалось за стыдъ и порокъ мущинѣ отправлять женскую работу, какъ то: шить, плесть или дѣлать нитки и мауты, приготовлять пищу, рвать траву для крыши и другихъ употребленій, собирать ягоды и лайденыя произведенія, искать коренья и проч., и даже наблюдать чистоту около дома не считалось дѣломъ мущины; а потому и нынѣ рѣдкой примѣтся за это.

d) Алеуты думали и учили дѣтей своихъ: что свѣтъ есть всякому животъ, а ночь гибель и смерть и проч. (о чемъ будетъ сказано ниже) и потому, для здоровья и крѣпости тѣлесныхъ силъ и для долголѣтія, всякой долженъ былъ исполнять слѣдующее обыкновеніе, или правило: не просыпать утреннюю зорю, но лишь только начнетъ зориться, выходить нагому на улицу и встать лицемъ къ востоку или туда, гдѣ занимается зоря, и разинувъ ротъ глотать *свѣтъ* и *вѣтръ*; а потомъ придти къ рѣчкѣ, гдѣ берутъ воду для питья, ударить ее нѣсколько разъ правою ладонью и говорить: я не сплю, я живъ, я съ тобою «встрѣчаю животворный свѣтъ, и я съ тобою всегда буду живъ». Сказавъ это должно встать лицемъ на востокъ и поднять правую руку къ верху для того, чтобы вода, стекая съ нее, бѣжала въ низъ, по всему тѣлу, до самыхъ нижнихъ частей. Потомъ,

Обычаи. испивъ воды и умывъ лице и руки по локоть, забрести въ рѣчку до полуколѣна и ждать восхода солнца. И потомъ взявъ съ собою воды идти домой и всякаго пробуждающагося потчивать ею.

Но тамъ, гдѣ не было рѣчки близь селенія, выходили на морской берегъ для исполненія вышеписаннаго обряда, съ тою только разницею, что изъ моря неносили съ собою воды.

Вечеромъ отнюдь не ложиться спать до тѣхъ поръ, пока не потухнетъ зоря, потому, что кто ложится спать послѣ всѣхъ, тотъ останется въ живыхъ долѣе всѣхъ, и проживетъ до глубокой старости, въ примѣръ позднему потомству.

е). Алеуты торгуются не лично съ глазу на глазъ, но всегда заочно чрезъ повѣреннаго или прикащика, называемаго *Таӯянакъ* и избираемаго изъ молодыхъ Алеутовъ. Имѣющій какую нибудь излишнюю, или не столь нужную, вещь, посылаетъ ее съ прикащикомъ въ другую барабору или, по большой части, къ пріѣзжимъ гостямъ, и велитъ просить за нее табаку или что другое, или что дадутъ. Прикащикъ входитъ въ барабору, или къ гостямъ въ шалашъ, и говоритъ: ӯая таӯякъ (т. е. вотъ продажное). Но имя хозяина, кому принадлежитъ эта вещь, никогда не объявляется, хотя бы и всѣ узнали его по вещи. Желающій купить ее, спрашиваетъ, что за нее

просятъ, и прикащикъ отвѣчаетъ: то или другое. Покупатель, осмотрѣвъ вещь, оставляетъ ее у себя и посылаетъ съ тѣмъ же прикащикомъ табаку или чего другаго столько, сколько ему хочется дать, или также свою излишнюю, или не совсѣмъ нужную, вещь. Прикащикъ приноситъ данное ему отъ покупающаго къ тому, кто прежде послалъ его. И если тотъ доволенъ тѣмъ, что принесъ ему прикащикъ, то дѣло и кончено. Въ противномъ случаѣ онъ отсылаетъ обратно и проситъ, или прибавки, или перемѣнить. Покупатель или прибавляетъ до тѣхъ поръ, пока доволенъ будетъ хозяинъ, или если ему покажется дорого, отказывается отъ покупки, и тогда начинаетъ покупать другой. У нихъ совсѣмъ нѣтъ того, чтобы перебивать или набивать цѣны; и всегда почти оказывается, что они хотя и остаются довольны другъ другомъ, но судя по цѣнности вещей тотъ или другой остаются въ убыткѣ; ибо часто дорогая вещь—излишняя отдается за дешевую нужнѣйшую или нравящуюся. И какъ бы долго не продолжалась эта торговля или, лучше сказать, *мѣна*; но хозяинъ и покупатель не видятся другъ съ другомъ

Этотъ обычай торговли, есть самый древнѣйшій между Алеутами, и нисколько не измѣнился даже до нынѣ и повторяется очень часто.

Обычаи. f) Алеуты не имѣли обычая разкрашивать себѣ лица какъ напр. Колоши; но у нихъ были украшенія лица другаго роду. Мущины пронизывали нижнюю губу, носовой хрящь и уши; и вставляли въ губу: двѣ косточки, у коихъ наружные концы были загнуты и смотрѣли врознь, или одну, на подобіе пуговки или запонки (у рубашки). Въ носовой хрящь вдѣвали также двѣ косточки, съ загнутыми концами, или *сукли*, а въ ушахъ носили серги, т. е. кусочки горнаго хрусталя, подвѣшивая на жиленныхъ ниточкахъ. Женщины также пронизывали носовой хрящь, уши и нижнюю губу. Въ носовой хрящь привѣшивали разныя подвѣски наподобіе серегъ (называемыя Сѵклюгъ); въ ушахъ носили серги почти такія же какъ и у мущинъ; а въ нижнюю губу привѣшивали пару *суклей* или горныхъ хрусталей, которые назывались Качіхихъ. На шеѣ, на рукахъ, и даже на ногахъ онѣ носили разной формы ожерелья, которыя дѣлались изъ разноцвѣтныхъ каменьевъ (и особенно янтаря) и косточекъ. Всѣ таковыя украшенія женщинъ, и особенно шейныя ожерелья, у нѣкоторыхъ бывали очень дороги *; не рѣдко удальцы съ

* Первые Русскіе весьма удачно успѣли воспользоваться этою ихъ модою, такъ, что за нѣсколько штукъ корольковъ, или нитокъ бусу, получали десятки драгоцѣнныхъ шкуръ.

большимъ трудомъ и даже съ опасностію жизни предпринимали путь въ дальнія страны (они бывали даже до Кенаевъ и Чугачь) для того только, чтобы достать куплею, или храбростію, *сукли*, или что либо подобное, для своихъ возлюбленныхъ Изъ военной добычи таковыя украшенія предпочитались всему и доставались всегда храбрецамъ и предводителю.

Сверхъ таковыхъ украшеній женщины имѣли обычай вышивать или накалывать лице свое разными узорами (таковыхъ женщинъ съ узорчатыми лицами удалось видѣть еще и мнѣ). Главныя расположенія такого шитья, или накалыванья, были у всѣхъ почти одинаковы и обыкновенно вышивалось: вся борода, двѣ полосы поперегъ лица отъ одной щеки до другой черезъ носъ, двѣ полосы по бакенамъ и одна вдоль носа. Но въ частности узоры были не у всѣхъ одинаковы. Красавицы ихъ и также дочери славныхъ и богатыхъ предковъ и отцевъ, въ узорахъ своихъ, старались выказать и выколоть подвиги своихъ дѣдовъ, отцевъ и дядей, напримѣръ, кто изъ нихъ сколько на своемъ вѣку убилъ непріятелей на войнѣ или сильныхъ звѣрей на промыслѣ.

Всѣ таковыя украшенія какъ у мужчинъ, такъ и женщинъ нынѣ совершенно оставлены и у послѣднихъ замѣнены скромными сергами, или кольцами, какъ и у Рус-

Обычаи. скихъ женщинъ. У весьма не многихъ можно увидѣть ожерелья на шеѣ изъ стеклярусу или янтарныя.

g) Бани у здѣшнихъ Алеутовъ, въ прежнемъ быту ихъ, совсѣмъ не были въ употребленіи. И хотя они знали и видѣли ихъ у сосѣдей своихъ Кадьякцевъ, но считали ихъ излишнею роскошью и нѣгою, разслабляющею крѣпость тѣлесныхъ силъ; но вмѣсто того они употребляли холодныя ванны, т. е. всѣ вообще отъ младенца до старца купались и мылись въ морѣ, или въ рѣчкѣ, во всякое время года и при всякой погодѣ. По прибытіи же Русскихъ на здѣшніе острова, Алеуты, оставляя обыкновеніе купаться въ холодной водѣ, начали мало по малу привыкать къ банямъ, и нынѣ до того сдѣлались охотники до бань, что готовы мыться и париться даже каждый день.

Употребленіе минеральныхъ горячихъ ключей они считали и считаютъ весьма здоровымъ, и многіе очень любили мясо, вареное въ таковыхъ ключахъ.

Здѣсь скажемъ и то, что Алеуты, вмѣсто бань, или всего того, что грѣетъ, имѣли и нынѣ имѣютъ обычай грѣться на жирникахъ, т. е. спустивъ рукава у парки сидѣть на кукоркахъ и подъ паркою держать плошку или жирникъ съ огнемъ.

h) Алеуты не знали клятвъ кромѣ даннаго слова при свидѣтеляхъ или подтвержденнаго вторично, которое замѣняло всѣ

клятвы. Не сдержать своего слова считалось подлостію, и таковаго, не смотря на то, что онъ хотя бы это сдѣлалъ и въ первый разъ, оглашали неустойчивымъ и называли аягигукъ (т. е. баба въ полномъ значеніи) и даже таковаго гнушались его родственники.

При заключеніи мира съ непріятелями дѣйствовали и договаривались одни предводители и клялись только своею жизнію, и въ знакъ сохраненія даннаго слова и дружбы мѣнялись своими оружіями. И тотъ, кто первый подаетъ поводъ къ разрыву, не долженъ отрѣкаться отъ своего оружія, принять его обратно и честно защищаться на поединкѣ.

і) Алеуты не нестыдливы; это сказано выше. Но стыдливы по своимъ понятіямъ: напримѣръ слѣдующіе поступки считались постыдными: бояться неминуемой смерти; униженно просить пощады у врага; обманомъ или предательствомъ получить жизнь и свободу; не убить въ жизни ни одного врага и съ тѣмъ умереть; украсть чужое и быть уличеннымъ въ воровствѣ; не съумѣть противу своего брата сдѣлать что нибудь; опрокинуться на пристани и особенно при встрѣчѣ и проводахъ; бояться ѣздить въ морѣ при свѣжемъ вѣтрѣ и проч. Во время нужды и дальнихъ переѣздовъ ослабѣть первому и дать вести себя на буксирѣ; при дѣлежѣ добычи не быть до-

*

Обычаи.

вольнымъ и явно показать свою жадность, (въ послѣднемъ случаѣ всѣ отдавали такому свои части въ посмѣяніе); открыть женѣ или любовницѣ общественную тайну; будучи вдвоемъ на промыслѣ, лучшую добычу не предложить и не отдать своему товарищу; хвастаться своими дѣлами и особенно не бывальыми; въ досадѣ укорять другаго и проч. И сверхъ того Алеутъ стыдится: просить что нибудь хотя бы крайнѣ нуждался, поласкать жену свою, выходить на средину кружка и плясать, хотя бы былъ и искусникъ въ этомъ родѣ; торговаться лично; и краснѣетъ когда лично его хвалятъ при людяхъ и проч. А женщины стыдятся: не умѣть шить, плясать и отправлять женскія работы; ласкать своего мужа и дѣтей при людяхъ и даже говорить при незнакомыхъ; но не стыдятся мыться въ банѣ вмѣстѣ съ чужими мужчинами, кормить дитя открытою грудью при постороннихъ и проч.

k) Алеуты считали славнымъ: какъ можно болѣе убить непріятелей и звѣрей; во время бури и другихъ бѣдствій спасти другихъ или хотя одного съ явною опасностію своей жизни; во время походовъ или путешествій удальствомъ своимъ и расторопностію отвратить общую бѣду или недостатокъ въ пищѣ; быть храбрымъ на войнѣ и показать это на дѣлѣ; зная, что его подстерегаютъ въ намѣреніи отмстить

ему за сдѣланную имъ обиду, или, за вредное для общества дѣло его приговорили къ смерти, — итти прямо на смерть; хранить крѣпко ввѣренную тайну; быть вѣрнымъ въ дружествѣ; помогать другимъ безвозмездно, и особенно когда самъ бѣденъ; во всякомъ случаѣ соблюдать справедливость; — дать жизнь и свободу своимъ калгамъ тогда, когда ихъ надлежало умертвить, и особенно, снабдя ихъ всемъ нужнымъ для пути, отпустить на родину. Всѣхъ таковыхъ Алеуты превозносили похвалами и память ихъ передавали изъ рода въ родъ въ пѣсняхъ, сказкахъ и самыхъ украшеніяхъ женщинъ.

l) Привѣтствовать пріѣзжающихъ и встрѣчающихся — не было въ обыкновеніи между Алеутами прежде. Но нынѣ они начинаютъ перенимать у Русскихъ привѣтствія, какъ то: снимаютъ шапки при встрѣчахъ, берутъ другъ друга за руки, и *здороваются*, при разставаніи *прощаются* и проч. И особенно достойно замѣчанія привѣтствіе при встрѣчѣ и иногда и разставаніи, дѣтей, племянниковъ и крестниковъ къ своимъ отцамъ, дядямъ и крестнымъ отцамъ. Они обыкновенно, не смотря на лѣта и возрастъ, всегда подходятъ къ тѣмъ и, поклонившись, берутъ правую руку обѣими своими руками и въ наклоненномъ положеніи прижимаютъ ее къ своему челу.

m) Алеуты нынѣ вообще всѣ очень

Обычаи. дорожать посылаемыми поклонами. Они принимаютъ ихъ какъ подарокъ, и даже самый подарокъ безъ поклона для нихъ не дорогъ. Тотъ, кому дано на коммисію сказать поклоны, непремѣнно исполнитъ это со всею аккуратностію. И по возвращеніи отдаетъ отчетъ очень подробный.

n) Алеуты гостепріимны. Это сказано выше. Но ихъ прежнее гостепріимство считалось не въ томъ только что бы угостить гостей, (которыми считались одни только пріѣзжіе), но доставить имъ удовольствіе, дать имъ пріютъ и снабдить въ путь. Нынѣ многіе изъ Алеутовъ и особливо служащіе въ компаніи начинаютъ приглашать другъ друга (чего прежде не бывало) и даже почетныхъ Русскихъ къ себѣ въ гости напримѣръ на имянины и стараются угостить приглашенныхъ всѣмъ, что только могли достать. И не смотря на то, что припасенное досталось имъ и съ большимъ трудомъ, и хотя бы на завтра самимъ не осталось ничего даже перекусить, — почти всегда истрачиваютъ все въ одинъ день, безъ всякаго разсчета, и чрезвычайно бываютъ довольны посѣщеніемъ гостей и особенно почетныхъ.

—

VI.

Вѣра.

Вѣра прежнихъ Алеутовъ была отрасль Шаманской вѣры господствующей въ нашей Азіи.

Алеуты вѣрили и признавали, что есть и долженъ быть *Творецъ* всего видимаго и не видимаго, и котораго они называли Агӱгӱкъ (т. е. Творецъ). Но не умѣя составить понятій о Его неограниченныхъ свойствахъ, они слишкомъ отдаляли Его отъ міроправленія, до того, что они не дѣлали Ему никакого поклоненія. Но не покланяясь одному они покланялись всѣмъ, кого только считали могущественнѣе себя.

Властителями и управителями всего окружающаго они признавали двухъ духовъ или два рода духовъ, которые также дѣйствовали и на самаго человѣка во всѣхъ отношеніяхъ. Первыхъ они называли Кӱ́гакъ, а вторыхъ Агликáяхъ. Одни изъ нихъ дѣйствовали болѣе въ пользу человѣка, а другіе ко вреду. Но какъ далеко простиралось ихъ дѣйствіе и гдѣ ограничивалась власть ихъ, этаго вѣроятно и самые лучшіе ихъ богословы не могли бы сказать.

Въ прежнихъ Алеутахъ можно подозрѣвать нѣкоторое поклоненіе свѣту и почитаніе небесныхъ свѣтилъ и даже стихій.

Вѣра. Первое доказывается ихъ обычаемъ *глотать свѣтъ* (смотри выше стран. 109); а второе можно доказать тѣмъ, что они боялись и до нынѣ боятся говорить о небесныхъ свѣтилахъ что либо худое *.

* Старики учили, что кто говоритъ худое про солнце, напримѣръ за чѣмъ оно сильно печетъ или прячется и проч., того оно ослѣпитъ и не дастъ видѣть свѣта своего. Луна хулителя своего убьетъ камнемъ. А кто толкуетъ что нибудь про звѣзды, того онѣ принудятъ пересчитать ихъ, или иначе онъ сойдетъ съума. Если кто лѣтомъ, въ ясной и тихой день, будетъ говорить внѣ дома, что это за тихое время, и когда будетъ прохлада, или скажетъ своему товарищу: когда мы зимою видѣли нужды? а смотри какъ лѣто насъ томитъ своимъ зноемъ; то за таковыя хулы будетъ необычайное наказаніе, такъ напримѣръ бывало, что послѣ такихъ словъ вдругъ среди самаго лѣта дѣлался сильный вѣтръ и морозъ, и начиналась зима не въ свое время и была гораздо свирѣпѣе, чѣмъ въ надлежащее время. И тогда какъ бы ни просили зиму и вѣтръ, что бы они смилостивились и ушли въ свое мѣсто; но они не послушаютъ до тѣхъ поръ, пока имъ не выдадутъ головою ихъ хулителей. И Алеуты принуждены были это сдѣлать. И какъ скоро выносили на улицу виновниковъ (связанныхъ); то вѣтръ въ мгновеніе ока схва-

Алеуты вѣрили, что есть три *свѣта* (которымъ они приписывали бытіе и дѣйствіе). *Первый* свѣтъ, называемый ꙗ̂кад̑анъ Кю́ѕдакъ, т. е. высшій свѣтъ, не имѣющій ночи или вечера, гдѣ обитаетъ множество людей. *Второй* свѣтъ — нашъ міръ. *Третій* свѣтъ подземный, называемый ситхѕ̆гикъ Кѕюдакъ, гдѣ также обитаетъ множество людей, смертныхъ или безсмертныхъ, того не извѣстно.

У нихъ не было ни храмовъ, ни идоловъ, но были священныя или заповѣдныя мѣста, называемыя аѕдаґа́дахъ, и также жертвоприношенія невидимымъ духамъ. Первыя находились при всякомъ селеніи и были какой нибудь бугоръ или кекуръ, или какое нибудь замѣтное мѣсто, на утесѣ, куда строго запрещалось ходить всѣмъ женщинамъ и молодымъ мущинамъ и особенно сорвать травку или взять камешокъ оттуда. Но если бы кто изъ молодыхъ вздумалъ или изъ хвастовства, или любопытства, нарушить этотъ законъ, таковый не останется безъ кары: его не минуемо постигаетъ страшная *дикая*? болѣзнь или скорая смерть,

---

тывалъ ихъ и, разорвавъ на мелкія части, разносилъ въ разныя стороны и послѣ сего тотчасъ зима опять уходила въ свою сторону и опять дѣлалося красное лѣто.

Вѣра. или, самое меньшее, онъ лишится ума *. Но старики и пожилые мущины могли ходить туда въ извѣстное время и не иначе какъ только для жертвоприношенія.

Приношенія (ахсхиликъ, т. е. всего себя ему отдалъ) у нихъ были двоякія; одни, такъ сказать, частныя и неопредѣленныя, а другія общія и извѣстныя. *Первая* жертва состояла изъ какихъ нибудь вещей и болѣе звѣриныхъ шкуръ, которыя приносились въ заповѣдныя мѣста съ какими то мелочными обрядами и съ прошеніемъ помощи къ отмщенію врагамъ, или для промысла звѣрей. *Вторая* жертва состояла изъ перьевъ Урильяго хвоста и пестрыхъ перьевъ сыча, которыя могъ приносить всякой изъ мущинъ и всегда когда хотѣлъ (но приносилась болѣе въ пути); мѣста назначеннаго для сего не было, кромѣ того, что никогда не приносили въ самомъ селеніи или въ закрытомъ мѣстѣ. Самый обрядъ жертвоприношенія состоялъ въ томъ, что приносящій, взявъ извѣстныя перья и каж-

* Весьма долго еще, и по принятіи Христіанства, старухи и старики запрещали ходить на такія мѣста; но нынѣ нѣтъ таковыхъ заповѣдныхъ мѣстъ, кромѣ пещеръ, гдѣ находятся кости умершихъ прежнихъ Алеутовъ; но и они не запрещены.

дое изъ нихъ обмакивая въ какой нибудь краскѣ (но болѣе зеленой или красной) кидалъ ихъ порознь на всѣ четыре стороны, и при каждомъ разѣ, когда надобно было кинуть перо, онъ именно высказывалъ свою просьбу къ невидимымъ духамъ, т. е. прося или счастливаго успѣха въ войнѣ или на промыслѣ, или утишенія вѣтра и проч. и потомъ кидалъ перо на воздухъ, приговаривая нӯнъ акасахтхинъ, т. е. мнѣ принеси, или подай.

У прежнихъ Алеутовъ были и шаманы и шаманства. Но въ чемъ именно состояли ихъ шаманства или какъ происходили, я не могъ узнать; кромѣ общаго всѣмъ шаманамъ, т. е., что они во время шаманства скакали, кривлялись, били въ бубенъ и приходили въ изступленіе.

Шаманы здѣсь (какъ и вездѣ) были, или считались, посредниками между видимымъ міромъ и невидимымъ, между людьми и духами; и простолюдины вѣрили, что они, какъ говорится, знаясь съ дьявольщиной, могутъ предсказывать будущее и помогать страждущимъ; и потому прибѣгали къ нимъ за помощію въ опасныхъ болѣзняхъ и нещастіяхъ, просили у нихъ счастія въ промыслахъ, долголѣтія, чуднаго спасенія въ опасности на морѣ, укрощенія бури и вѣтровъ и проч., и также хотя они не были акушерами, но къ нимъ, какъ знахарямъ,

Вѣра. прибѣгали за помощію въ трудныхъ родахъ.

Касательно же ихъ знанія будущаго, Алеуты старики увѣряютъ, что нѣкоторые изъ знаменитыхъ шамановъ ихъ еще за долго до прибытія Русскихъ предсказывали, что придутъ къ нимъ изъ закрай моря бѣлые люди другаго обычая; и въ послѣдствіи всѣ Алеуты сдѣлаются такими же какъ и пришельцы и будутъ жить по ихъ обычаю. А съ появленіемъ Русскихъ они начали пророчествовать, что на восточной сторонѣ, надъ ихъ островами, они видятъ свѣтлую зорю или большой свѣтъ (аналигадигамъ 'акка́) и въ немъ много людей подобныхъ новопришельцамъ; а въ нижнемъ свѣтѣ людей, которыхъ они видали прежде, стало очень мало, и тамъ сдѣлалась непроницаемая тма *.

При всемъ знаніи и могуществѣ шамановъ и какъ они не старались казаться чудными, они не были въ большомъ уваженіи и наружно ничѣмъ не отличались

---

* Точно ли слова шамановъ или выдумка стариковъ? предоставляю судить всякому, но я, если и не совсѣмъ, то отчасти на сторонѣ первыхъ, потому что Алеуты всѣ вдругъ и безъ малѣйшаго принужденія приняли Христіанскую вѣру.

отъ другихъ; помогая другимъ въ нуждахъ, они сами по большой части нуждались и требовали помощи и очень часто умирали въ нищетѣ и нещастіяхъ. И потому весьма рѣдко было, чтобы сынъ шамана вступалъ въ ремесло отца своего. Вѣроятно шаманъ, при смерти своей, или прямо запрещалъ имъ или, объясняя ремесло свое съ самой худой стороны, отбивалъ охоту у нихъ. Впрочемъ многіе шаманы, называя ремесло свое прямо служеніемъ діаволу, говорили молодымъ людямъ, что кто не надѣется перенести всѣ страхи и ужасы, тотъ не желай быть шаманомъ; и что, если и они сдѣлались шаманами, то не совсѣмъ по желанію и волѣ своей, а по принужденію и невозможности отвязаться отъ дьявола.

Шаманы Алеутскіе говорили, что не они накликали къ себѣ духовъ (какъ у Колошь), но духи сами вербовали себѣ своихъ служителей. Они разсказывали, что когда они были около 15 лѣтъ, то дьяволъ начиналъ ихъ испытывать мечтами и привидѣніями. Напримѣръ: поѣдутъ ли на морѣ, то вдругъ предъ ними дѣлается неприступный островъ или ужасная скала, или изъ моря показываются страшныя чудовища; пойдутъ ли они куда пѣшие, то имъ являются разныя привидѣнія, или вдругъ имъ представятся, что они перенесены совсѣмъ въ другое мѣсто, или стоятъ на краю без-

Вѣра. дны и готовы свергнуться и проч. Такъ, что какъ они ни были небезстрашны, но не видя конца страшилищамъ и привидѣніямъ, принуждены были просить помощи и пощады у того, кто надъ ними дѣйствовалъ, т. е. отъ дьявола. И тогда онъ начиналъ говорить съ ними и договариваться и требовать клятвы или условія; но въ чемъ состояло таинство условія, никто кромѣ шамановъ не зналъ и боялся узнавать. Но если кто не вынесетъ всѣхъ испытаній дьявола и начнетъ искать помощи не у него, того онъ задушитъ нещастнымъ образомъ.

Извѣстно, что шаманы Алеутовъ не имѣли никакого особеннаго участія и вліянія на свадебныя дѣла, похороны и даже на самыя жертвоприношенія и проч.

Алеуты хотя и неопредѣленно, но вѣрили безсмертію души человѣческой и будущей жизни. Это видно изъ того, что почетные, умирая завѣщавали убивать калговъ и класть съ собою въ томъ мнѣніи, что они тамъ ему будутъ прислуживать также какъ и здѣсь. И хотя они не могли сказать въ какомъ состояніи на будущемъ свѣтѣ были души умершихъ, но судя потому, что не всякой калга удостоивался чести быть вмѣстѣ съ господиномъ, но только заслуженный и любимый, можно заключить, что если не всѣ, то по крайней мѣрѣ нѣкоторые надѣялись жить хорошо и въ той жизни.

Но вообще всѣ думали и вѣрили, что души умершихъ или, какъ они называли, тѣни, невидимо обитали между своими родными, сопутствуя имъ и на землѣ и на морѣ и особенно съ тѣми, кого они любили; и что они въ состояніи были сдѣлать всякое добро и зло; а потому живые призывали ихъ въ помощь въ опасностяхъ и особенно въ войнахъ, предпринимаемыхъ въ отмщеніе за безчестіе, нанесенное всему ихъ роду.

О происхожденіи перваго человѣка Алеутскіе Богословы не согласны между собою; не говоря о многихъ мнѣніяхъ ихъ, или слишкомъ глупыхъ, или весьма похожихъ на священную исторію, я здѣсь представлю только два.

Одни говорятъ, что сначала земля была пуста и ни кѣмъ не обитаема, но въ одно время *съ неба* (й ка́данъ, т. е. сверху) упали на землю два существа, видомъ похожія на человѣка, на тѣлѣ ихъ была длинная шерсть. Отъ нихъ родилась *пара* (инга́ча́гихъ) подобныхъ имъ существъ, но безъ шерсти и отъ этой-то пары произошли всѣ люди и начали распространяться на востокъ, западъ и сѣверъ, (а о югѣ они не говорятъ, тамъ они не полагали людей); мѣсто, гдѣ произошли первые люди, было теплое; тамъ не было ни зимы, ни бурь, но всегдашнее благораствореніе воздуха. Первые люди были долговѣчные, крѣпкіе и сильные. Сна-

Вѣра.

чала люди жили мирно и дружно, не зная никакой ни зависти, ни ненависти, ни вражды и также не знали никакой нужды. Но съ умноженіемъ людей начали появляться недостатки и нужды, а нужды научили дѣлать орудія для промысла животныхъ. Потомъ появились несогласія, вражды и оружіе обратилось на людей. Недостатки и притѣсненія отъ сильнѣйшихъ заставили удаляться отъ перваго мѣста далѣе и далѣе; и отъ того произошли всѣ народы.

Другіе говорятъ, что прежде, нежели люди появились на Уналашкѣ и во всей Америкѣ, былъ на островѣ Юнаскѣ одинъ человѣкъ мущина (имя его не знаютъ), который, живши долгое время въ совершенномъ одиночествѣ, началъ думать, что не можетъ быть, чтобы не было на свѣтѣ людей кромѣ его; и потому, въ намѣреніи поискать подобныхъ себѣ, онъ вздумалъ попутешествовать, и для этаго сдѣлалъ себѣ ладью, родъ байдарки, называемую Ѹлйлякъ. Прежде онъ объѣхалъ Юнаску, и не найдя на ней никого, поѣхалъ на Четырехсопочные острова; и тамъ тоже не нашелъ никого. Потомъ онъ поѣхалъ на Умнакъ и приставъ на западной оконечности вышелъ на берегъ, и тотчасъ увидѣлъ тропу человѣческую. Спустя нѣсколько времени къ нему приходитъ съ лайды женщина (въ травныхъ торбасахъ), съ которою онъ, разумѣется, скоро познакомился и, которая ему

понравилась и сдѣлалась женою. Отъ сего-то супружества произошли всѣ народы, населяющіе сѣверозападную Америку. Первымъ плодомъ ихъ была собака, вторымъ— какое-то странное существо мужескаго пола съ крыльями, которое, подростя, начало говорить своимъ родителямъ: «я не способенъ для человѣка, и такъ подумайте объ «моей участи.» Мать, слышавъ нѣсколько разъ одно и тоже, и можетъ быть видя, что въ самомъ дѣлѣ онъ не способенъ къ продолженію человѣческаго рода и даже будетъ вреденъ,—предложила своему мужу убить его, и отецъ согласился. Когда они его сбыли съ рукъ, тогда у нихъ родился сынъ, а потомъ дочь — совершенные люди. И отъ сей-то послѣдней пары начали размножаться люди. Но раждающіеся отъ нихъ дѣти и внуки не всѣ говорили однимъ языкомъ. И это самое заставило ихъ разлучаться и разходиться въ разныя стороны. Говорящіе однимъ и тѣмъ же языкомъ поселялись вмѣстѣ; ушедшіе далѣе къ востоку сдѣлались праотцами народовъ: Чугачь, Кенайцовъ, Аглегмютовъ, и Колошъ (но не Кадьякцевъ).

Говоря о вѣрѣ Алеутовъ, кстати сказавь и о ихъ суевѣріяхъ * (по нашему) или ихъ особыхъ догматахъ вѣры.

* Нѣтъ ничего удивительнаго и неизвинительнаго въ томъ, что Алеуты суевѣрны даже и понынѣ

Вѣра. Суевѣрія у Алеутовъ были безчисленны. На всякое дѣйствіе и предпріятіе и почти на каждый шагъ были свои особенныя и часто весьма затѣйливыя *примѣты* и *талисманы*. Изъ послѣднихъ извѣстнѣйшіе были: *поясъ*, сплетенный изъ жилы или травы, съ наговоромъ и съ таинственными

потому что ежели и всякой, не имѣющій живой Евангельской вѣры, не чуждъ суевѣрія—болѣе или менѣе, смотря по его степени просвѣщенія; то, безъ сомнѣнія, въ дикомъ и непросвѣщенномъ суевѣріи можетъ быть самое грубое и самое обширное въ своихъ предметахъ, а потому описаніе суевѣрій не есть что либо особенное, но есть только описаніе новыхъ оттѣнковъ заблужденія ума человѣческаго, оставленнаго самому себѣ. Мнѣ кажется, что на суевѣрія народа описатель долженъ обращать вниманіе если, только не больше, то столько же сколько и на самый характеръ его; ибо они могутъ быть доказательствомъ и поясненіемъ образованности, способностей умственныхъ, обычаевъ и проч. и даже самаго характера народа. Но къ сожалѣнію моему, я не могъ узнать всѣхъ суевѣрій и предразсудковъ Алеутскихъ даже нынѣшнихъ; потому что Алеуты нынѣшніе, многія суевѣрія прежнихъ стариковъ, считая смѣшными и пустыми, забыли ихъ или стыдятся расказывать, а теперешнихъ суевѣрій не хотятъ, чтобы не быть осмѣянными.

узелками; и какой-то *камешекъ*, называемый ими чи́мки́хъ, который изрѣдка выкидываетъ изъ моря *. *Первый* талисманъ носили они на голомъ тѣлѣ какъ предохранительное и вѣрное средство отъ смерти, при нападенiи на непрiятеля и сильныхъ звѣрей. Имѣвшiй его смѣло могъ наступать на нихъ и всегда побѣждалъ и оставался не вредимъ. Не смотря на то, что какъ кажется, сплести поясъ ничего не стóитъ, но таковыхъ завѣтныхъ поясовъ было очень мало, и въ семействѣ, которое имѣло счастiе владѣть такимъ сокровищемъ, онъ переходилъ отъ отца къ сыну, или отъ дяди племяннику, съ какими-то обрядами. *Другой* талисманъ былъ чрезвычайно рѣдокъ и потому очень дорогъ. Счастливецъ, нашедшiй его или доставшiй, хранилъ его, какъ святыню въ чистомъ мѣстѣ и даже не въ жиломъ покоѣ, и послѣ всякаго прикосновенiя къ нему долженъ вымывать руки, иначе ужасная смерть грозила ему. Этотъ камень имѣли они при себѣ какъ приманку для морскихъ звѣрей и особенно бобровъ,

---

* Камень этотъ видомъ похожъ на рѣпу, крѣпкой, внутри пустой и съ наружи гладкой и бываетъ двухъ цвѣтовъ; одинъ, совершенно бѣлый съ желтыми вокругъ поясками, а другой красный съ бѣлыми поясками: первый считали мужскимъ, а другой женскимъ.

*

Вѣра. и потому носили его съ собою только на промыслѣ. Тотъ, кто имѣлъ его при себѣ, всегда и вездѣ былъ счастливъ въ промыслѣ; и не онъ искалъ бобровъ, а бобры его искали, и ему стоило только выбирать любаго.

Для успѣшнаго промысла морской рыбы, они, или нашептывали на уду или привязывали что нибудь. Впрочемъ послѣднее соблюдается еще и по нынѣ, но теперь они привязываютъ къ удѣ какіе-то душистые и горкіе коренья, или травы, или просто какую нибудь зелень и цвѣтки.

При китовомъ промыслѣ особенно много было *примѣтъ* и причудъ. Носки стрѣлъ, коими промышляли китовъ, намазывали человѣчьимъ саломъ, или привязывали къ нимъ какую нибудь часть самаго тѣла, которыя они брали отъ труповъ, называемыхъ асха́нанъ и находящихся въ пещерахъ *, или

---

* Алеуты расказываютъ, что нѣкоторые изъ труповъ, находящихся и по нынѣ въ пещерахъ на одномъ изъ Четырехсопочныхъ острововъ, и въ самыя первыя времена Алеутовъ были въ томъ же видѣ какъ и теперь. Они лежатъ вмѣстѣ другъ подлѣ друга, одѣтые въ собачьи парки, бороды и волосы у нихъ рыжіе или русые; кожа на тѣлѣ черная. И отъ этихъ-то труповъ особенно промышленники старались отрѣзывать

часть матеріи женскаго мѣсячнаго очищенія, или часть платья вдовы, находящейся въ трауръ, или что нибудь изъ ядовитыхъ кореньевъ и травъ. Каждому изъ таковыхъ веществъ приписывалось свое особенное свойство и дѣйствіе; и китопромышленники всегда имѣли ихъ у себя въ байдаркахъ. Промышленникъ, бросивъ стрѣлу, начиненную такими веществами, въ кита, тотчасъ дышалъ на свои руки; и бросивъ одну стрѣлу и попавъ въ кита, другой не кидалъ, хотя бы и могъ; но тотчасъ уѣзжалъ домой и удалялся отъ людей въ особопостроенный шалашъ, гдѣ долженъ пробыть трои сутки безъ пищи и питья и не допуская до себя женщинъ и особенно нечистыхъ. Въ продолженіи этаго времени онъ изрѣдка вздыхалъ, подобно подстрѣленному и умирающему киту, для того, дабы китъ, въ котораго онъ стрѣлялъ, не отошелъ отъ берега и также бы страдалъ и тихо умиралъ. На четвертый день онъ выходилъ изъ своего заключенія и купался въ водѣ кри-

---

часть тѣла и болѣе какой нибудь составъ руки и мизинца, или покрайней мѣрѣ платья. — Но имѣвшій таковыя вещи, хотя и точно бывалъ счастливѣе на промыслахъ; но почти всегда умиралъ преждевременно и страшною смертію, — начиная гнить еще въ цвѣтущихъ лѣтахъ.

Вѣра. ча дикимъ голосомъ и ударяя руками по водѣ. Потомъ, взявъ съ собою товарищей, ѣхалъ туда, гдѣ онъ полагалъ быть киту; и если китъ издохъ, то принимались рѣзать его (мѣсто раны выбрасывали); а если же китъ еще не померъ, то промышленникъ возвращался домой и опять начиналъ мучить себя, пока не помреть китъ.

Для промысла бобровъ таковые стрѣлы не употреблялись; но, такъ какъ Алеуты бобра считаютъ превращеннымъ человѣкомъ (о чемъ будетъ сказано ниже); и потому старались украшать байдарки, камлейки и всѣ стрѣлки, какъ можно лучше, полагая, что бобръ, любя женскія издѣлія, самъ придетъ къ промышленнику щеголю.

Изъ множества суевѣрій, относящихся до здоровья, долгоденствія и проч., я знаю только то, что отцы и дяди старались достать слины какого нибудь старика, славнѣйшаго изъ всѣхъ своими подвигами и безукоризненною жизнію, здороваго и бодраго, и оныя давали глотать своимъ дѣтямъ какъ предохранительное средство отъ заразительныхъ и повальныхъ болѣзней и укрѣпляющее тѣлесныя силы. Таковые старцы, при смерти своей, благословляли внуковъ своихъ или частію сѣдыхъ волосовъ своихъ, или частію своей одежды, или тѣмъ оружіемъ, которое онъ имѣлъ въ сраженіяхъ, и приказывали носить ихъ при себѣ

во всякомъ случаѣ какъ предохранительное средство отъ нещастій и быть счастливымъ во всемъ, здоровымъ, и проч.

У женщинъ были свои примѣты и причуды при беременности, родахъ и проч., о коихъ я подробно ничего не знаю, да кажется и не стóитъ знать.

Стóитъ замѣчанія, что при употребленіи талисмановъ, наговоровъ и вообще всѣхъ суевѣрныхъ примѣтъ, поставлялось правиломъ не прикасаться къ женщинамъ и особенно нечистымъ, въ противномъ случаѣ ужасныя нещастія и лютая смерть постигали нарушителя: такъ напр. китопромышленникъ, нарушившій это правило, прежде нежели издохнетъ подстрѣленный имъ китъ, тотчасъ подвергался кровотеченію изъ носу, потомъ опухоли по всему тѣлу и наконецъ лишался ума и помиралъ. Одинъ только бобровый промышленникъ не подвергался таковымъ карамъ, но за то онъ не имѣлъ счастія на промыслѣ, такъ, что онъ, хотя бы окруженъ былъ бобрами, не упромыслитъ ни одного, и бобры надъ нимъ будутъ какъ-бы насмѣхаться, т. е. вертясь около его байдарки будутъ дразнить его и бросать въ него водою, но не дадутъ попасть въ себя стрѣлою. Точно тоже дѣлаютъ бобры и съ тѣмъ, у кого жена въ отсутствіе его не сохраняетъ вѣрности, или сестра, до замужества своего, не сохранила цѣломудрія. И даже также по-

Вѣра. ступали бобры и съ тѣми, кто хотя и соблюдалъ чистоту, но былъ или своенравенъ, или лѣнивъ, или завистливъ, или злобенъ, или пренебрегалъ ученіе старцевъ и проч.

И такъ если никакая вѣра не можетъ быть безъ нравственнаго ученія; то, судя потому, что у Алеутовъ предписывалось почти во всякомъ предпріятіи и дѣлопроизводствѣ строго соблюдать цѣломудріе и чистоту подъ угрозою смерти и другихъ наказаній, — *соблюденія цѣломудрія и чистоты тѣлесной* можно и должно считать главнымъ нравственнымъ ученіемъ вѣры Алеутовъ. Сюда надобно отнести и всѣ ихъ нравоученія и всю ихъ нравственнную Философію. Ибо, въ Религіи дикихъ, весьма трудно отдѣлить ихъ собственныя умствованія отъ правилъ и догматовъ вѣры, къ нимъ перешедшихъ: и всю философію или мудрованіе ихъ должно считать ученіемъ вѣры. И потому я здѣсь скажу все то, что можетъ касаться нравственности, не раздѣляя ихъ никакъ.

1) Старики говорили, что надобно почитать своихъ родителей за то, что они насъ родили въ болѣзняхъ и воспитывали съ великими заботами, съ любовію и теряя свое здоровье, не зная того каковы будемъ мы къ нимъ; и за то мы должны истинно любить ихъ, т. е. собственными трудами ихъ питать, быть при нихъ безотлучно; и покоить ихъ до смерти; если ослѣпнутъ

или охромѣютъ, водить ихъ за руку и поить водою. Бросить родителей считалось самымъ безчестнымъ поступкомъ.

2) Если нѣтъ отца, то вмѣсто его почитать старшаго брата и слушаться его какъ отца. Братъ брату вездѣ долженъ сопутствовать и на войну и на промыселъ и другъ друга защищать. Но если кто, пребрегая сіе народное правило, захочетъ жить отдѣльно, надѣясь только на себя, того даже и всякой родникъ его долженъ пренебрегать и не подавать помощи въ случаѣ нападенія на него враговъ или звѣрей, или во время бури. И таковой безчестно погибнетъ и сдѣлается посрамленіемъ своему (славному) роду.

3) Дряхлыхъ стариковъ почитать и слушать ихъ наставленія и, въ случаѣ нужды, стараться удѣлять имъ кусокъ изъ своего промысла, и помогать своими трудами, и стараться получить отъ нихъ доброе слово; и ежели кто будетъ исполнять, тотъ будетъ долговѣченъ, при промыслѣ и на войнѣ счастливъ и, будучи старъ самъ, не будетъ оставленъ даже на чужой сторонѣ.

4) Бѣдныхъ не презирать, но по возможности помогать имъ и не только не обижать, но и отъ обиды защищать; потому что человѣкъ никогда не проживетъ вѣку въ одномъ состояніи; и въ лучшихъ племенахъ много бывало славныхъ и богатыхъ (тѹкѹликъ ана́ нинъ); и также много бывало

Вѣра. нищихъ и бѣдныхъ (манўкаӷилаканъ итўхтаналикъ); но не ожиданно и въ одинъ день мѣнялись своимъ состоянiемъ: одни изъ богатыхъ дѣлались бѣдными, а другiе изъ бѣдныхъ богатыми; а потому:

5) Въ бѣдности надобно быть скромнымъ и покорнымъ, а богатому ни въ какомъ случаѣ не забываться и быть снисходительнымъ и во всемъ дѣлиться съ бѣдными, помня участь бѣдныхъ.

6) Быть гостепрiимнымъ; всякаго прiѣзжаго или пришедшаго принимать и сколько возможно покоить и угощать, дабы онъ, по возвращенiи на свою родину, могъ отозваться съ похвалою

7) Всякаго переселившагося съ другаго селенiя первый годъ считать странникомъ, и потому не только его не обидѣть, но стараться помочь ему при обзаведенiи, и считать его своимъ, ни мало не подозрѣвая въ измѣнѣ; въ такомъ случаѣ онъ скорѣе забудетъ родство свое и вступитъ въ новое; и потомъ будетъ вѣрнымъ защитникомъ новаго своего селенiя.

8) Не быть болтливымъ; лучше слушать нежели говоритъ — для сохраненiя своего здоровья и жизни. Прежнiе люди отъ того и были долговѣчны и крѣпки, что мало говорили. Все зло и нещастiе происходитъ отъ языка, (и потому таковыхъ злоязычниковъ, если будетъ доказано, что

причиною бывшей или настоящей вражды были именно они, — не рѣдко наказывали смертію).

9) Дѣтей учили: быть ласковыми въ обхожденіи съ другими, воздерживаться отъ сластолюбія; при нападеніи на непріятеля быть храбрымъ и неустрашимымъ, презирать смерть и стараться въ жизни своей сдѣлать какое либо славное дѣло, въ числѣ коихъ считалось — отмстить съ избыткомъ за смерть своихъ родныхъ.

10) Слѣдующіе поступки считались за *грѣхъ* (тѹннѹхтагѹкъ, т. е. стоющее осужденія или порицанія): напримѣръ напрасно и безъ причины обидѣть товарища своего словомъ или дѣломъ, и особенно убить его; (но убить непріятеля, совсѣмъ дѣло другое); отнять чужое и особенно украсть, воровство считалось не только грѣхомъ, но и стыдомъ; поносить заочно и клеветать на другаго; досадовать на жестокій или противный вѣтръ, на холодъ, на солнечный зной, или на тишину; безъ нужды и съ худымъ намѣреніемъ толковать объ облакахъ и звѣздахъ, словомъ или дѣломъ, т. е. заговоромъ или отравою, испортитъ другаго; въ своемъ или чужомъ мѣстѣ поганить, осквернить (ама́якна́ганъ) рѣчку съ тѣмъ, чтобы не пошла въ нее рыба; или также испоганить морѣ близъ селенія и тѣмъ навсегда отогнать рыбу или звѣря; дѣвицѣ, или незамужней женщинѣ, не за-

Вѣра. коннорожденнаго убить отъ стыда и скрыть, каковое дитя называется аникꙋ̆мъ агꙋча *; (т. е. скрытое дитя). Самымъ большимъ грѣхомъ считалось кровосмѣшеніе единоутробныхъ; даже смотрѣть другъ другу въ лице и играть имъ вмѣстѣ считалось грѣхомъ и вредомъ. Таковаго кровосмѣшника, хотя бы онъ и не былъ открытъ, не приметъ на себя море, гнушаясь его беззаконіемъ и непремѣнно поглотитъ и выкинетъ на берегъ; но если бы онъ остался навсегда на берегу, то у него выростетъ на лбу или изъ верхней челюсти рта клыкъ,

---

* Алеуты говорили и говорятъ, что незаконнорожный младенецъ, убитый отъ стыда, чрезъ нѣсколько времени послѣ похоронъ, на томъ мѣстѣ, гдѣ онъ скрытъ, начинаетъ плакать какъ новорожденное дитя; потомъ начинаетъ ходить по селенію, по ночамъ, въ видѣ зазженнаго фитиля и также плакать; и когда такое дитя начинаютъ видать многіе, тогда собирались отцы семействъ и предлагали узнать виновницу, и даже, если бы она стала запираться, то употребляли пытку. Но до пытки доходило рѣдко; потому что никакой отецъ не хотѣлъ затаить и скрыть даже любимой дочери своей. И когда будетъ отыскана виновница, то, выкрасивъ ее блестящею краскою, садили на вечеръ въ темную и пустую барабору (изъ коей жители въ это время всѣ

на подобіе моржеваго; а отъ такого беззаконнаго брака рожденное дитя будетъ не человѣкомъ, а чудовищемъ, или, самое меньшее, у него на лицѣ будетъ пятно или бородавка.

Здѣсь кстати сказать и мнѣнія прежнихъ Алеутовъ, или ихъ умствованія.

Алеуты говорили, что опытами пред-

выбирались), въ переднемъ углу, огородивши ее церелами, изъ коихъ на одномъ вырѣзывали двѣ дирочки, въ которыя, заключенная, должна была выставить свои груди и ей приказывали, что бы она, лишь только придетъ къ ней *скрытое дитя* и начнетъ сосать, тотчасъ схватила его и закричала бы. И когда это сдѣлается, то на голосъ ея вбѣгали мужчины съ оружіемъ и кидались прямо къ заключенной; и въ рукахъ ея находили не младенца, но черную небольшую птичку, называемую кдакъ. Эту птичку выносили вонъ и къ какими то обрядами раздирали на мелкія части. И тѣмъ уничтожался ночной плачъ и прогулки дитяти. Но говорять, что если не предпримутъ такихъ мѣръ и оставятъ безъ вниманія, то послѣдуетъ ужасное несчастіе: прежде истребится вся родня виновницы, а потомъ и все селеніе, а если это будетъ на многихъ селеніяхъ и также будетъ оставлено безъ вниманія, то за таковое беззаконіе бывало большое наводненіе.

Вѣра. ковъ ихъ дойдено, что за несохраненіе отеческихъ преданій и обычаевъ, и особенно за нарушеніе запрещеній бываетъ всеобщее бѣдствіе и наказаніе.

За сдѣланную добродѣтель всегда платится добромъ, а за сдѣланное зло—зломъ.

Славно ѣхать въ морѣ во время бури; но гдѣ проѣхалъ, тамъ не останется никакого слѣда; и потому славнѣе имѣть на тѣлѣ своемъ знаки того, что былъ на неприступной скалѣ, или безъ помощи другихъ приставалъ въ байдаркѣ на такой пристани, гдѣ никто не можетъ пристать; а еще славнѣе быть храбрымъ на войнѣ.

Первая добродѣтель есть принимать странныхъ, ибо и предки ихъ когда-то странствовали; и потому, что всѣ мы родились отъ одного отца и одной матери, между собою братья.

Свѣтъ есть существо животворное; живая вода подкрѣпляетъ силы, а море есть сильное, страшное, крѣпкое и непобѣдимое; а потому кто съ малолѣтства свыкнется съ моремъ, часто купаясь и проч., тотъ будетъ силенъ, крѣпокъ и на морѣ неустрашимъ; въ промыслахъ счастливъ, на войнѣ непобѣдимъ; и къ тѣлу его не коснется ни болѣзнь, ни зараза, ни вражеское оружіе.

Вѣтръ не рѣчка, (пословица), т. е. рѣчка течетъ безпрерывно и никогда не остановится, а вѣтръ когда нибудь, да перестанетъ.

Медвѣдь не человѣкъ (пословица) этимъ они хотятъ сказать, что медвѣдь не столько мстителенъ и жаденъ какъ человѣкъ.

Не отъ всякаго сладкаго корня родится сладкая трава, (пословица), т. е. не всегда отъ добрыхъ родителей родятся добрые дѣти.

Тотъ не человѣкъ, кто на своемъ роду не бывалъ на чужой сторонѣ, не побѣждалъ непріятеля и проч. (см. стран. 58), т. е. не сдѣлалъ славнаго дѣла *.

Ученіе вѣры и всѣхъ обычаевъ у нихъ передавалось двоякимъ образомъ: или чрезъ отца сыну, или чаще, чрезъ дядю племянникамъ. Это ученіе можно назвать домашнимъ. Другой образъ преподаванія былъ общественный или публичный, гдѣ наставниками или учителями были не шаманы, а старцы, дожившіе до глубокой старости и прославившіеся своими подвигами и безуко-

* Сюда надобно причислить и то, что сказано въ статьѣ о обычаяхъ, стран. 114, 115 и 116.

Всѣ правила и мнѣнія Алеутовъ собраны мною почти чрезъ столѣтіе со времени ознакомленія ихъ съ Русскими, и, какъ большая часть изъ нихъ имѣютъ сходство съ правилами Христіанской вѣры: то точно ли это ихъ собственныя умствованія? Но, какъ бы то ни было, пріятно видѣть въ нихъ и то, что они умѣютъ перенимать.

Вѣра. ризненною жизнію. Таковые старики считали своею обязанностію поучать молодыхъ при всякомъ случаѣ. И это дѣлалось почти каждодневно по утру или въ вечеру, т. е. когда всѣ бываютъ дома. Старикъ для этаго выходилъ на средину бараборы и садился, а всѣ молодые окружали его и слушали безотходно и внимательно до тѣхъ поръ пока онъ говорилъ, не смотря на то хотя бы онъ разсказывалъ это и въ сотой разъ. Они слушали его сколько изъ уваженія къ нему, какъ почтенному старцу, столько же и потому, что они это считали своею обязанностію.

Теперь скажемъ объ ихъ настоящей вѣрѣ.

Алеуты, такъ какъ и Кадьякцы и Американцы (крещенные) наши, — суть Греко-Россійскаго исповѣданія, которое они приняли отъ Русскихъ.

Алеуты по всей справедливости могутъ быть названы примѣрными Христіанами. Потому что лишь только они приняли Христіанство, тотчасъ оставили шаманство и не только его но и самые признаки онаго, какъ-то: личины, маски и проч., которыя они употребляли при плясках и шаманствахъ, и даже самыя пѣсни, напоминающія что нибудь или сколько нибудь ихъ прежнюю вѣру и обряды — все оставлено, и оставлено безъ всякаго принужденія. Первый просвѣтитель или креститель Іеро-

монахъ Макарій, — (членъ Кадьякской Миссіи), посланный къ нимъ отъ Кадьякской Миссіи въ 1795 году для этаго, — отнюдь не употреблялъ какихъ либо насильственныхъ мѣръ для того, чтобы окрестить ихъ, да онъ и не имѣлъ ни надобности и ни средствъ употреблять ихъ; потому что Алеуты охотно принимали новую вѣру. Лучшимъ доказательствомъ этому можетъ быть то, что О. Макарій переѣзжалъ съ мѣста на мѣсто и отправляясь въ дальнія селенія не имѣлъ при себѣ никого для своей безопасности, кромѣ одного Русскаго для прислуги. Тѣ же самые Алеуты перевозили, питали и берегли его, которыхъ онъ долженъ былъ крестить.

И съ того времени и по нынѣ, Алеуты, одинаково набожны и привержены къ Религіи. Они очень охотно собираются на молитву вездѣ, гдѣ отправляется богослуженіе, и особенно — когда посѣщаетъ ихъ Священникъ. При службахъ, или на молитвѣ, они стоятъ съ благоговѣніемъ и удивительною (какъ говорятъ) твердостію, ни при какомъ случаѣ не озираясь назадъ, или въ стороны, и не переступая съ ноги на ногу, сколь бы ни была продолжительна служба, такъ, что по выходѣ ихъ изъ церкви, смотря по ихъ слѣдамъ, почти можно перечесть сколько ихъ было въ церкви. И хотя они очень немного понимаютъ церковнаго чтенія, но во все продолженіе

Вѣра.

службы стоятъ съ неослабнымъ вниманіемъ. Всѣ требуемыя отъ нихъ Религіею обязанности они исполняютъ съ полною охотою и точностію и, очень многіе, съ благоговѣйнымъ страхомъ и смиреніемъ, такъ, что во все мое пребываніе тамъ не было ни одного нерадиваго. Я уже не говорю о томъ, что они строго соблюдаютъ посты когда слѣдуетъ, потому что имъ ничего не значитъ не ѣсть два—три дня. Но ничто не утѣшало меня и не радовало столько, какъ ихъ усердіе или, лучше сказать, жажда къ слышанію слова Божія, которая такъ велика, что, утвердительно скажу, скорѣе ослабнетъ и утомится самый неутомимый проповѣдникъ, чѣмъ — ихъ вниманіе и усердіе къ слышанію проповѣди. Это я могу доказать собственнымъ опытомъ, напримѣръ: по пріѣздѣ моемъ въ какое либо селеніе, * тотчасъ всѣ оставляли свои (т. е. не компанейскія) дѣла и занятія, какъ бы они ни были важны въ отношеніи къ нимъ, и даже самыя заботы о запасеніи и приготовленіи

* Я не буду говорить здѣсь о томъ, что всѣ и каждый встрѣчали меня съ истиннымъ радушіемъ и радостію, такъ, что всегда, во всякое время дня и при всякой погодѣ всѣ выходили на пристань: даже больные и престарѣлые, желали, чтобы ихъ приносили ко мнѣ на квартиру для того, чтобы видѣться со мною и принять благо-

дневной пищи, и собирались ко мнѣ по первому знаку, и всѣ и каждый съ удивительнымъ вниманіемъ слушали мои поученія, не развлекаясь ни чѣмъ, забывая все, и даже, можно сказать, самыя нѣжныя матери въ это время дѣлались почти безчувственны къ плачу дѣтей своихъ, (которыя никогда не были вносимы въ таковыя собранія).

Сравнивая Алеутовъ съ Кадьякцами — ихъ сосѣдями—въ Религіозномъ отношеніи, съ перваго раза видно большое различіе между ними. У Кадьякцевъ еще и по сю пору существуетъ шаманство и всѣ прежнія ихъ суевѣрія почти въ полной силѣ — тогда, какъ у Алеутовъ перваго совсѣмъ нѣтъ, да и послѣднія несравненно въ меншей степени, чѣмъ прежде. Изъ Кадьякцевъ едва сотая часть сколько нибудь исполняютъ обязанности Религіи и весьма не многихъ можно признать усердными къ ней; а Алеуты, по всей справедливости, въ этомъ отношеніи не уступятъ и самымъ лучшимъ Христіанамъ нашего времени. Такое различіе удивляетъ и тѣмъ болѣе, что у Кадьякцевъ съ 1794

словеніе и проч. — потому что выходить на пристань для встрѣчи пріѣзжающихъ водится вездѣ и, что таковыя встрѣчи могутъ быть отнесены ко мнѣ лично, а не къ проповѣднику.

*

Вѣра. года постоянно были нѣсколько миссіонеровъ; а у Алеутовъ постоянное пребываніе Священника началось только съ 1824 года, а до того они видѣли одного только О. Макарія — крестителя ихъ, одинъ разъ и на весьма короткое время, и еще двухъ, бывшихъ здѣсь на казенныхъ судахъ въ 1792 и 1721 годахъ, также на короткое время и только въ главномъ селеніи.

Здѣсь не мѣсто говорить о томъ, почему Кадьякцы, при всѣхъ возможныхъ средствахъ къ просвѣщенію Христіанствомъ, остаются еще полу-Христіанами. Но весьма любопытно найти причину, почему Алеуты, такъ скоро и, такъ сказать, вдругъ оставили свою вѣру — очень не строгую и приняли чуждую — строжайшую? и почему они къ ней усерднѣе чѣмъ ихъ сосѣди?

Общая причина того и другаго, я думаю, находится въ самомъ ихъ характерѣ: Уналашкинцы имѣютъ болѣе добрыхъ качествъ, нежели худыхъ (какъ это сказано выше), и слѣдовательно сѣмя Слова Божія удобнѣе и глубже можетъ пасть на такое основаніе и скорѣе можетъ принести плодъ *.

Другихъ ближайшихъ сильныхъ при-

---

* Здѣсь кстати вспомнить и пророчества Шамановъ. Вѣроятно, что они много облегчили дѣло миссіонеровъ.

чинъ, заставившихъ Алеутовъ принять новую вѣру, я не вижу. Правда, можно сказать, что Алеуты приняли Христіанство потому: 1) что они имѣли вѣру самую неопредѣленную и запутанную и слѣдовательно не удовлетворяющую внутренней потребности души; 2) что они, будучи трусливы, изъ боязни или угожденія Русскимъ сдѣлали это; и 3) что принятіемъ крещенія имъ давалась льгота отъ платежа ясака. Правда все это можетъ быть побудительною причиною къ принятію новой Религіи; но ни сколько для того, что бы сдѣлаться ревностнымъ и вѣрнымъ исполнителемъ правилъ ея. Но по ближайшемъ разсмотрѣніи сихъ причинъ онѣ окажутся весьма слабыми. 1) Прежняя ихъ Религія была неудовлетворительна; это правда *; но болѣе ли постигали Алеуты Христіанскую вѣру въ первое время? о коей имъ, за неимѣніемъ хорошихъ толмачей, едва ли кто могъ дать какое либо понятіе о Богѣ кромѣ общихъ понятій о Его всемогуще-

* Ибо хотя человѣкъ не можетъ быть безъ Религіи, но онъ не можетъ быть усерденъ ни къ той Религіи, которую онъ совсѣмъ не постигаетъ, и ни къ той, которая не выше его понятій. Въ первомъ случаѣ онъ будетъ только бояться ее, а во второмъ не будетъ имѣть къ ней уваженія, и будетъ совершенно равнодушенъ.

Вѣра.

ствѣ, благости и проч. И могла ли тогда Христіанская вѣра казаться имъ удовлетворительной для сердца, (если и предположить въ нихъ тогда такую потребность), когда первый проповѣдникъ, не имѣя возможности дать имъ понятіе о наслажденіяхъ Христіанина высшихъ — духовныхъ, воспрещалъ имъ наслажденія существенныя: т. е. многоженство? 2) Алеуты трусливы. Это также правда; но надобно сказать, что Русскіе никогда и не думали принуждать ихъ къ принятію Христіанства какими либо насильственными мѣрами. 3) Гораздо сильнѣйшею къ тому причиною могло быть то, что принимающимъ св. крещеніе давалась льгота отъ платежа ясака и тѣмъ болѣе, что они тѣмъ избавлялись всякаго вліянія сборщиковъ ясака. Но если взять въ разсужденіе незначительность самаго ясака, который они платили когда хотѣли и чѣмъ хотѣли, и притомъ льгота платежа давалась имъ не навсегда, но только на три года; — то и эта причина окажется весьма не достаточною къ тому, чтобы съ усердіемъ принять новую вѣру.

И такъ главную причину надобно искать въ ихъ характерѣ, тѣмъ болѣе, что всѣ эти же частныя причины были и на сторонѣ Кадьякцевъ, но у нихъ онѣ остались почти не дѣйствительными.

Исторія Х. церкви.

Послѣ сего надлежитъ представить исторію Уналашкинской церкви. Но, говоря

объ ней, я нахожу приличнымъ сказать вообще объ Исторіи Американской церкви.

Христіанская вѣра внесена въ Америку (я разумѣю одну нашу Америку) Русскими. Начальникъ перваго судна, которое открыло Алеутскіе острова, Глотовъ и его товарищи, были первыми проповѣдниками Христіанства въ Америкѣ, (выключая Атхи). Глотовъ въ первое свое пребываніе на Умнакѣ (въ 1759), столь хорошо познакомился и даже подружился съ тамошними жителями, что Тоэнъ ихъ позволилъ окрестить своего малолѣтнаго сына и даже вывезти въ Камчатку *. Этотъ новокрещенный и можно сказать первокрещенный изъ всѣхъ Американцовъ нашихъ, Алеутъ, называвшійся Иванъ съ прозваніемъ Глотова, весьма много могъ содѣйствовать къ распространенію Христіанства между Алеутами. Крестилъ ли Глотовъ и его товарищи кого кромѣ Тоэнскаго сына? не извѣстно. Но извѣстно только то, что они тамъ поставили большой крестъ **, гдѣ въ по-

* Гдѣ онъ, проживши нѣсколько лѣтъ, выучился Русскому языку и Русской грамотѣ и потомъ возвратился на свою родину со властію главнаго Тоэна надо всѣми островами отъ Управлявшаго Камчаткою.

** Крестъ этотъ, по времени, другими Русскими былъ употребленъ при постройкѣ казармы для наръ

Вѣра. слѣдствіи времени выстроена была часовня во имя св. Николая, которая въ 1826 году смѣнена новою.

И такъ первая изъ Американскихъ церквей (послѣ Атхинской) основалась въ Уналашкинскомъ отдѣлѣ и именно на Умнакѣ.

Послѣ перваго пребыванія Глотова на Умнакѣ, Русскіе, приходившіе на Уналашку, долгое время не думали о томъ, чтобы крестить Алеутовъ, занимаясь усмиреніемъ, или иначе сказать, истребленіемъ ихъ. И не прежде какъ съ 1780 года, т. е. по прекращеніи таковыхъ усмиреній, Русскіе начали помышлять объ этомъ.

Конечно и тогда не Христіанское усердіе или, по крайней мѣрѣ, не столько оно, сколько собственная выгода Русскихъ заставила ихъ убѣждать Алеутовъ къ принятію крещенія; ибо окрещенные ими Алеу-

---

или кроватей (и надобно сказать безъ нужды); но, какъ говорятъ старики самовидцы, лишь только строители перебрались на новоселье, какъ тотчасъ между ими открылась какая то необыкновенная болѣзнь, отъ которой померло больше половины жившихъ въ этой казармѣ, тогда, какъ Алеутовъ, жившихъ подлѣ, она не коснулась. И это отъ того, что они употребили крестъ для наръ. И потому нынѣ тамошніе Алеуты не смѣютъ взять щепки, лежащей близь часовни.

ты дѣлались чрезъ то болѣе приверженными къ своимъ крестнымъ отцамъ и промыслы свои отдавали исключительно имъ. Но какія бы причины ни были къ тому, безспорно, что первые Русскіе промышленники были и первыми крестителями Алеутовъ, потомъ Кадьякцевъ и тѣмъ проложили путь и облегчили дѣло послѣдующимъ миссіонерамъ.

Г. Шелеховъ, основатель нынѣшней компаніи, въ числѣ своихъ плановъ и намѣреній въ разсужденіи пользы здѣшняго края, имѣлъ главнымъ распространять Христіанство болѣе и болѣе и устроивать церкви; и для того, по возвращеніи своемъ изъ Кадьяка, въ 1787 году, онъ прежде всего представилъ объ этомъ Правительству и просилъ его назначить духовную миссію, которую онъ, съ товарищемъ своимъ Голиковымъ — какъ доставить, такъ и содержать тамъ принималъ на свое иждивеніе. И въ слѣдствіе ходатайства его, по Высочайшему повелѣнію составлена была въ С. Петербургѣ миссія изъ восьми духовныхъ монашествующихъ особъ, подъ начальствомъ Архимандрита Іосафа, *для проповѣди слова Божія народамъ, пріобрѣтаемымъ подъ Россійскую державу* *, которая, бывъ снабжена всѣмъ, и болѣе чѣмъ было нужно, какъ со стороны ГГ. Шелехова и Го-

* Жизнеописаніе Баранова Г. Хлѣбникова стран. 23.

Вѣра. ликова, такъ и доброхотныхъ дателей, въ 1793 году отправилась изъ С. Петербурга, и въ слѣдующемъ году, осенью, прибыла въ Кадьякъ *, и тогда же приступила къ своему дѣлу. Іеромонахи Макарій и Ювеналій

---

* Списокъ особъ, составлявшихъ Духовную миссію:

1) Архимандритъ Іоасафъ. — Въ 1797 году выѣхалъ въ Иркутскъ для посвященія въ санъ Архіерея, и возвращаясь оттуда въ Кадьякъ Архіереемъ, потонулъ со всѣми бывшими на суднѣ Фениксъ.

2) Іеромонахъ Ювеналій, — (изъ горныхъ офицеровъ) въ 1796 году убитъ Американцами подлѣ озера Илямны (Шелехова).

3) Іеромонахъ Макарій, — Креститель Алеутовъ — въ 1796 году выбылъ въ Иркутскъ и оттуда возвращаясь въ свитѣ Архіерея, потонулъ вмѣстѣ съ нимъ.

4) Іеромонахъ Аѳанасій, до 1825 года, исправлявшій должность Священника въ Кадьякѣ, въ 1825 году выбылъ въ Иркутскъ.

5) Іеродіаконъ Стефанъ (изъ офицеровъ) потонулъ въ свитѣ Архіерея.

6) Іеродіаконъ Нектарій — въ 1806 году выбылъ въ Иркутскъ, и въ 1814 году, будучи Іеромонахомъ — скончался въ Киренскомъ монастырѣ.

въ томъ же году осенью въ два мѣсяца объѣхали весь Кадьякъ и окрестили всѣхъ жителей. Въ слѣдующемъ 1795 году, Ювеналій отправился въ Нучекъ, гдѣ, окрестивъ болѣе 700 душъ Чугачъ, перешелъ въ Кенайскій заливъ и окрестилъ всѣхъ тамошнихъ жителей. Въ 1796 году онъ перешелъ на Аляксу къ озеру Илямнѣ, гдѣ и кончилъ свое равноапостольное служеніе вмѣстѣ съ жизнію своею, послуживъ церкви болѣе всѣхъ своихъ собратій. Причиною смерти его было не только то, что онъ, какъ говорятъ, возпрещалъ многоженство, но болѣе то, что тамошніе тоэны и почетные, отдавъ ему своихъ дѣтей для обученія въ Кадьякѣ, потомъ раскаялись, и догнавъ его напали на него, и отняли отъ него дѣтей своихъ, а его убили какъ обманщика. Говорятъ, что Ювеналій, при нападеніи на него дикихъ, совсѣмъ не думалъ ни бѣжать, ни защищаться, что́ онъ могъ сдѣлать съ успѣхомъ, но безъ всякаго сопротивленія

---

7) Монахъ Іоасафъ — померъ въ Кадьякѣ въ 1823 году.

8) Монахъ Германъ — померъ въ Кадьякѣ въ 1837 году и — имъ кончились члены миссіи Кадьякской.

Изъ двухъ церковнослужителей, бывшихъ при миссіи, одинъ потонулъ въ Кадьякѣ, а другой — въ свитѣ Архіерея.

отдался имъ въ руки, прося только пощады его спутникамъ, что́ и было сдѣлано ими. Потомъ сами Американцы расказывали, что Ювеналій, будучи совершенно убитъ, всталъ и пошелъ за своими убійцами, говоря имъ что-то (вѣроятно тоже что и прежде). Дикіе, считая его еще живымъ, опять напали на него и били; но онъ опять вставалъ и шелъ за ними; и это было нѣсколько разъ. Наконецъ дикіе, чтобы совсѣмъ отдѣлаться отъ него, искрошили его въ куски. И тогда умолкъ Проповѣдникъ Слова Божія и можно сказать мученикъ. Но, по расказамъ тѣхъ же Американцевъ, на томъ мѣстѣ, гдѣ были остатки его, тотчасъ явился дымный столбъ, простиравшійся къ небу. Долго ли продолжалось это явленіе, не извѣстно.

А Іеромонахъ Макарій въ 1795 году отправленъ былъ въ Уналашку, гдѣ онъ, объѣхавъ весь тамошній отдѣлъ отъ Унги до Четырехсопочныхъ острововъ, окрестилъ всѣхъ Алеутовъ безъ остатка, и въ слѣдующемъ году выбылъ въ Иркутскъ.

Прочіе же члены миссіи, во все время, оставались на мѣстѣ и дѣйствія ихъ ограничивались обыкновеннымъ служеніемъ въ церкви и нѣкоторое время обученіемъ дѣтей въ школѣ. Но монахъ Германъ, почти съ перваго времени своего прибытія и до самой кончины жизни своей, жилъ особо на отдѣльномъ островѣ (Еловомъ), занимаясь

молитвою и хозяйствомъ. Въ послѣднее время у него воспитывались нѣсколько дѣвушекъ Алеутокъ — сиротъ, обучаясь грамотѣ и трудолюбію; и это его маленькое заведеніе было въ весьма хорошемъ состояніи, особенно со времени посѣщенія его Г. Барономъ Врангелемъ.

Къ числу дѣйствій Кадьякской миссіи надобно отнести и то, что бывшій въ Кадьякѣ въ 1805 и 1806 годахъ Іеромонахъ Гедеонъ, уполномоченный св. Синодомъ, (который, оставшись здѣсь съ корабля Невы, по томъ выбылъ въ С. Петербургъ чрезъ Охотскъ), перевелъ на Кадьякскій языкъ молитву Господню, которую въ его время и нѣсколько послѣ его пѣли и въ церкви; но потомъ она была оставлена и совсѣмъ затеряна.

Г. Шелеховъ, считая недостаточнымъ для распространенія слова Божія имѣть таковую миссію, представилъ объ открытіи Епархіи въ Кадьякѣ (гдѣ онъ считалъ до 50 тысячь жителей), подъ Управленіемъ Архіерея и въ слѣдствіе его представленія и такого числа жителей, рѣшено было открыть Епархію въ Америкѣ, и Архимандритъ Іосафъ вызванъ былъ въ Иркутскъ для посвященія во Архіерея, гдѣ и былъ посвященъ Иркутскимъ Преосвященымъ Веніаминомъ въ мартѣ 1799 года; но при возвращеніи своемъ въ Кадьякъ, на Компанейскомъ суднѣ Фениксъ, въ томъ же 1799

Вѣра. году, потонулъ со всею свитою *, очень большою и богатѣйшею разницею; а вскорѣ послѣ того скончался и самъ Г. Шелеховъ и съ тѣмъ вмѣстѣ прекратилось и намѣреніе объ открытіи Американской Епархіи, и даже всякія предпріятія касательно распространенія и утвержденія слова Божія.

Г. Барановъ, утвердясь въ Ситхѣ, сталъ просить о Священникѣ для Ситхи и въ 1816 году прибылъ туда Священникъ Алексѣй Соколовъ. Потомъ, когда вновь Высочайше дарованными въ 1821 году Россійско-Американской Компаніи привиллегіями, поставлено было ей въ обязанность имѣть достаточное число Священнослужителей въ колоніяхъ, Компанія начала ходатайствовать объ этомъ; и въ слѣдствіе того прибыли Священники въ Колоніи: въ 1823 году въ Уналашку І. Веніаминовъ, въ 1824 въ Кадьякъ Фрументій Мордовской (вмѣсто Іеромонаха Афанасія), а въ 1825 году въ Атху Іаковъ Нецвѣтовъ, здѣшній урожденецъ — Креолъ **.

* Въ числѣ оной погибъ мой двоюродный братъ Димитрій Поповъ, будучи въ числѣ пѣвчихъ. (Это для себя).

** Достойный пастырь, который какъ примѣрно благочестивою жизнію своею, такъ и словомъ своимъ весьма много сдѣлалъ для блага церкви.

И такъ въ настоящее время въ Колоніяхъ нашихъ въ Америкѣ находятся четыре церкви, а именно: 1-я въ Ново-Архангельскѣ, на островѣ Ситхѣ, во имя Архистратига Михаила съ 1817 года, къ коей принадлежатъ: Ново-Архангельскъ, и два редута: Діонисіевской въ Стахинѣ и Озерской ближайшій *. 2-я Въ Кадьякѣ въ память Воскресенія Христова, съ 1795 года, къ ней принадлежатъ: Кадьякъ и всѣ заселенія въ Кенайской губѣ и Нучекѣ. 3-я Уналашкинская въ память Вознесенія Господня, съ 1824 года, къ ней принадлежатъ: Уналашка со всѣми островами отъ Унги до Четырехсопочныхъ и острова Прибылова. 4-я Въ Атхѣ во имя святителя Николая, съ 1825, къ ней принадлежатъ: Атха и всѣ прочіе острова до Берингова. Но Нушегакъ и Михайловской редутъ въ сѣверѣ

Въ послѣднее время онъ, пересматривая мои переводы Евангелія и Катихизиса на Алеутскомъ языкѣ, сдѣлалъ поясненія для Атхинцовъ и перевелъ еще нѣсколько изъ новаго завѣта съ поясненіемъ для Уналашкинцовъ. — Было предположеніе имѣть церковь въ Курильскомъ отдѣлѣ, но за малолюдствомъ туземцовъ оставлено, и отдѣлъ этотъ причисленъ къ Атхинской церкви.

* И до нынѣшняго времени принадлежало селеніе Россъ въ Калифорніи.

Вѣра. по сіе время оставались еще почти безъ Священника, ибо Кадьякскій Священникъ, которому первый долженъ принадлежать, находитъ посѣщеніе его почти невозможнымъ; а Уналашкинскому священнику посѣщать ихъ удается очень рѣдко. Но такъ какъ число новокрещенныхъ, которые со времени перваго посѣщенія Уналашкинскаго священника въ 1829 году, (положившаго начало тамошнему крещенію), болѣе и болѣе умножается, такъ, что число Американцевъ, принявшихъ св. крещеніе, нынѣ простирается до 300 душъ; и нѣтъ сомнѣнія, что число это увеличится въ нѣсколько разъ, если будетъ тамъ Церковь *, а потому опредѣлено быть тамъ особому священнику въ качествѣ миссіонера.

Сказавъ все, что можно и нужно вообще объ Американскихъ Церквахъ, теперь обратимся къ Уналашкинской.

Послѣ того, какъ Алеуты были окрещены Іеромонахомъ Макаріемъ, т. е. съ 1795 года и по 1824 годъ, оставались безъ священника; только живущіе въ Уналашкѣ

---

* Есть надежда, что скоро будетъ церковь и у Колошъ, которые начинаютъ обращать вниманіе на нашу Религію и охотно слушаютъ расказы объ ней и не воспрещаютъ креститься своимъ собратамъ.

на короткое время видѣли священниковъ, бывшихъ здѣсь случайно, а именно въ 1792 году (т. е. еще до Макарія), священника, бывшаго на кораблѣ *Слава Россіи*, который окрестилъ 92 души изъ Алеутовъ; въ 1807 году Іеромонаха Гедеона, проходившаго изъ Кадьяка въ Охотскъ, и въ 1821 году Священника Михаила, бывшаго при Експедиціи Васильева; но эти священники, не имѣя походныхъ церквей, не могли совершать всѣхъ таинствъ, да и самый креститель Алеутовъ Макарій, не извѣстно по чему, не имѣлъ походной церкви, т. е. св. Антиминса.

Въ разсужденіи ученія вѣры, Алеуты, оставались не только безъ всякаго назиданія, но можно сказать они вѣрили и молились *невѣдомому Богу*; ибо, не говоря о другихъ мимоходящихъ священникахъ и самъ Макарій, при всемъ своемъ усердіи, не могъ передать имъ ясныхъ и необходимыхъ понятій о христіанской вѣрѣ сколько за неимѣніемъ хорошихъ толмачей, столько и по краткости времени. Во все же прочее время, когда не было священниковъ, обряды Христіанской церкви, да и самая вѣра, ограничивались только крещеніемъ новорождающихся, дозволеннымъ мірянамъ, и общественною молитвою въ часовняхъ и домахъ, гдѣ могли найтись люди умѣющіе читать.

Вѣра. Наконецъ, по общей просьбѣ всѣхъ жителей Уналашкинскаго отдѣла и по ходатайству Главнаго Правленія компаніи, съ 1824 года Іюня 29 дня началось постоянное пребываніе священника въ Уналашкѣ, который въ каждые два года посѣщаетъ и видитъ всѣхъ своихъ прихожанъ *.

Въ послѣднее время въ Уналашкинскомъ отдѣлѣ находится одна церковь и три часовни, первая, заложенная 1 Іюля 1825 года и освященная 29 Іюня 1826, — находится въ главномъ селеніи Уналашки **, а изъ прочихъ: одна, на Умнакѣ, во имя св. Николая, построенная въ 1726 году вмѣсто прежней ветхой; другая, на островѣ св. Павла, во имя св. Апостола Петра, построенная въ 1819 году, а третія, на островѣ св. Георгія, во имя того же Георгія побѣдоносца, построенная въ 1833 году. Всѣ сіи храмы деревянные и, кромѣ Умнакской церкви, по-

---

* Здѣсь стоитъ замѣтить, что 1824 года Августа I-го была отправлена первая литургія въ Уналашкѣ, въ воспоминаніе этаго въ Уналашкѣ бываетъ Крестный ходъ вокругъ селенія.

** До тѣхъ поръ, пока не было церкви въ Уналашкѣ, тамъ была часовня деревянная и очень тщательно выстроенная, которая построена около 1808 года и сломана въ 1826 году.

строены на иждивеніе Компаніи, а на Умнакѣ собственными трудами тамошнихъ Алеутовъ, только подъ надзоромъ Байдарщика. Все же внутреннее украшеніе, какъ то: иконы и проч. заведено иждивеніемъ Алеутовъ, которые каждогодно жертвуютъ какъ на этотъ предметъ, такъ и на самое содержаніе церкви, по нѣскольку звѣриныхъ шкуръ, которыя отправляются въ Главное Правленіе для продажи, и на вырученную сумму выписываются разныя вещи для церкви и и часовенъ; а на островахъ Прибылова Алеуты, не имѣя возможности жертвовать шкурами, удѣляютъ часть своей платы, получаемой за промысла.

Касательно просвѣщенія и утвержденія Алеутовъ въ Христіанской вѣрѣ, по сіе время сдѣлано слѣдующее: переведенъ Христіанскій краткій Катехизисъ на ихъ собственный языкъ, который въ 1831 году съ дозволенія св. Синода напечатанъ иждивеніемъ Р. А. Компаніи; переведено Евангеліе отъ Матѳея, которое св. Синодомъ дозволено употреблять въ рукописи, и сверхъ того составлено поученіе на ихъ языкѣ касательно сущности Христіанства подъ названіемъ: краткое показаніе пути къ Царствію Небесному, которое также употребляется въ рукописи.

Къ успѣхамъ просвѣщенія Алеутовъ христіанствомъ можно причесть то, что

многіе изъ нихъ весьма охотно читаютъ переведенные для нихъ книги, и почти всякой имѣетъ у себя печатный катихизисъ.

VII.

Правленіе.

Прежде нежели будетъ сказано о правленіи Алеутовъ, надлежитъ сказать объ ихъ сословіяхъ и правахъ.

Въ нынѣшнее время всѣ Алеуты, можно сказать, составляютъ одно сословіе *работниковъ*; потому что и самые родовые тоэны ихъ суть ничто иное какъ нарядчики, очень часто работающіе вмѣстѣ со своею *командою*, и которые почти совершенно ни чѣмъ не отличаются отъ прочихъ. Только въ послѣднее время главные тоэны ,—утверждаемые начальникомъ колоній и избираемые Алеутами изъ ихъ тоэновъ, — пользуются нѣкоторымъ предпочтеніемъ и то смотря по его отношеніямъ къ правителю конторы.

Въ прежнее время Алеуты раздѣлялись на три сословія: *почетныхъ, простолюдиновъ* и *калговъ* или *рабовъ*. Тоэны и ихъ

дѣти и племянники составляли высшее сословіе; прославившіеся воинскими подвигами и искусствомъ въ промыслахъ и потомки ихъ, составляли такъ называемыхъ собственно почетныхъ; классъ простолюдиновъ составляли всѣ обыкновенные Алеуты, ни чѣмъ не отличившіеся, и вольноотпущенные рабы; а калгами были военноплѣнные и ихъ потомство.

Право владѣть калгами имѣли одни только почетные; простолюдины весьма рѣдко, а калги никогда.

Власть господина надъ рабомъ была почти неограниченна: онъ могъ даже смертію казнить своего раба за преступленіе и безъ всякой отвѣтственности, продавать и мѣнять его на вещи; дарить, давать въ приданое и отпускать на волю. Цѣна калги была почти всегда такова: за байдарку и за хорошую парку давали по парѣ калговъ: т. е. мужа и жену; за каменный ножъ, за пару цуклей и за бобровую парку,—по одному калгѣ.

Калга не могъ имѣть своей собственности; все пріобрѣтенное имъ принадлежитъ господину его. Онъ всегда обязанъ былъ сопровождать своего господина, охранять его и въ случаѣ нападенія защищать его. За то господинъ обязанъ былъ какъ самаго калгу, такъ и все его семейство, содержать безбѣдно; иначе это дѣлало стыдъ го-

Правленіе. сподину его. Добрые и кроткіе господа содержали калговъ своихъ и особенно добрыхъ и заслуженныхъ какъ дѣтей своихъ, и одно только названіе калги было различіе между калгами и дѣтьми господина.

Прежнее правленіе Алеутовъ можно назвать Патріархальнымъ. Всякое селеніе состояло непремѣнно изъ родниковъ и составляло почти одно семейство, гдѣ старшій въ родѣ, называясь тоэномъ (тȣккȣкъ), имѣлъ власть надъ всѣми; но власть его была почти такая же какъ власть отца надъ отдѣлившимися дѣтьми, т. е. онъ долженъ былъ наблюдать общественную пользу, защищать свои границы; (всякое селеніе имѣло свои отдѣльныя мѣста для промысловъ); не позволять постороннимъ промышлять въ мѣстахъ имъ принадлежащихъ, равнымъ образомъ не позволять промышлять въ чужихъ границахъ, и тѣмъ не подать повода къ враждѣ; предводительствовать на войнѣ; но онъ не имѣлъ права брать отъ своихъ подкомандныхъ ничего, кромѣ части, слѣдующей на его семейство, изъ выкиднаго звѣря и лѣсу, не смотря на то, хотя бы онъ при раздѣлѣ и не былъ, но часть его нисколько не была болѣе другихъ. Въ разсужденіи общественныхъ распоряженій власть его не простиралась далѣе того, что онъ могъ послать кого хотѣлъ со своимъ сыномъ, или племянникомъ, осмотрѣть или сдѣлать что нибудь касаю-

щееся до общей пользы; а заставить сдѣлать собственно для себя—онъ не могъ никого. Наружныхъ почестей имъ никогда не отдавали и не оказывали, кромѣ того, что за оскорбленіе и за обиду его — подчиненные его должны были возстать какъ за свое собственное. У Алеутовъ были и наказанія и даже смертная казнь, но приговоръ произвести не могъ одинъ тоэнъ безъ согласія всѣхъ почетныхъ. Тоэнъ не могъ начать войны съ сосѣдями безъ согласія другихъ тоэновъ, живущихъ на томъ же острову, и безъ позволенія старшаго изъ нихъ.

Нѣсколько селеній, происходящихъ отъ одного праотца или однаго поколѣнія, составляли штаты или общество, гдѣ старшій тоэнъ, происходящій по прямой линіи отъ ихъ прародителя, заселившаго ихъ островъ или, за неимѣніемъ таковаго, избранный изъ тоэновъ — за его благоразуміе, дѣйствительную храбрость и превосходство въ искусствѣ промысловомъ — имѣлъ таковую же власть надъ всѣми тоэнами и селеніями, составлявшими ихъ общество, какъ частный тоэнъ надъ своимъ селеніемъ: онъ долженъ былъ защищать всѣхъ и вступатся за обиду и оскорбленіе чести своихъ подчиненныхъ; въ случаѣ войны онъ предводительствовалъ всѣми и съ согласія другихъ тоэновъ заключать миръ; безъ его воли и согласія никто изъ подчиненныхъ его тоэ-

Правленіе.

новъ не могъ не только начать войну съ сосѣдями, но даже предпринять похода къ Кадьякцамъ или отправиться на важные промысла. Изъ всего выкиднаго ему всегда выдѣлялась часть ровная съ прочими; и потому таковые тоэны были богаче всѣхъ и слѣдовательно сильнѣе; и самое уваженіе къ нему его сосѣдей зависѣло отъ его силы и вліянія на своихъ подчиненныхъ. Главный тоэнъ, имѣя такую власть и права, могъ называться владѣтелемъ своего острова или участка; но никогда не бывало у Алеутовъ такого тоэна или властителя, который бы имѣлъ право распоряжаться нѣсколькими или всѣми обществами.

Выше сказано, что у Алеутовъ была и смертная казнь.— Уличенный преступникъ, какъ то: переметчикъ, убійца, переносщикъ, или злоязычный болтунъ, и измѣнившій общественной тайнѣ, наказывались смертію. Напримѣръ когда будетъ доказано, что кто нибудь изъ Алеутовъ, не смотря на его происхожденіе, сдѣлалъ что нибудь достойное смерти; то тоэнъ составлялъ судилище изъ всѣхъ почетныхъ и стариковъ, участвуя и самъ, и предложивъ дѣло спрашивалъ мнѣнія ихъ; и когда всѣ единогласно признаютъ виновника достойнымъ смерти, тогда всѣ мущины идутъ на открытое мѣсто или поле со стрѣлами, куда приходитъ и преступникъ, котораго тотчасъ нѣсколько молодыхъ мущинъ, по приказанію

тоэна, обставъ вокругъ въ приличномъ разстоянiи, вдругъ всѣ бросали въ него по одной стрѣлкѣ; и если послѣ этаго преступникъ оставался еще живъ, то тоэнъ, или первенствующiй судья, приказывалъ кому нибудь изъ бойкихъ Алеутовъ зарѣзать или удавить его. И надобно сказать, что преступника не нужно было держать подъ стражею или на мѣсто казни вести связаннаго; потому что всякой преступникъ старался какъ можно болѣе показать своего хладнокровiя и неустрашимости при видѣ смерти; и потому онъ не думалъ запираться въ своемъ преступленiи или извиняться и еще менѣе просить пощады и милости; но напротивъ того говорилъ предъ судьями безъ робости и свои поступки разсказывалъ хвастовски и какъ бы съ намѣренiемъ раздражить своихъ судей и обвинителей; на мѣсто казни шелъ какъ можно бодрѣе, для того, чтобы оставить по себѣ славу неустрашимаго *.

Другiя меншiя преступленiя наказывались сначала выговоромъ тоэна при всѣхъ, а потомъ для большаго стыда связывали его какъ можно крѣпче и въ такомъ поло-

* И многихъ таковыхъ казненныхъ преступниковъ потомство воспѣвало въ своихъ пѣсняхъ, даже до позднято времени, какъ героевъ.

Правленіе. женіи держали его нѣсколько времени, а иногда связаннаго и били.

Наказанія и казнь калговъ многоразличнѣе и гораздо опредѣленнѣе: за непослушаніе рѣзали уши; за переносъ господскихъ рѣчей отрѣзывали губы; а если онъ не унимался и особенно если отъ его языка раждались вражды, то неминуемая смерть была его участію. За первый побѣгъ наказывали тѣлесно, т. е. били чѣмъ попало; за вторый—связывали руки назадъ и въ такомъ положеніи держали нѣсколько времени, за третій рѣзали у ногъ икры; а за четвертый казнили смертію. Родъ смертной казни калговъ былъ совсѣмъ другой: ихъ не разстрѣливали какъ прочихъ, но давили палками. За первое воровство, какъ самое постыдное дѣло, и особенно если калга укралъ отъ постороннихъ, наказывали тѣлесно, за второе — отрѣзывали нѣсколько пальцевъ у правой руки; за третіе тоже отрѣзывали у лѣвой руки или обрѣзывали губы; за четвертое казнили смертію.

Власть тоэновъ и всѣ права Алеутовъ были во всей силѣ во время самаго большаго народонаселенія; междуусобія уменьшая число Алеутовъ съ тѣмъ вмѣстѣ уменьшали и власть тоэновъ и самыя права ихъ; а по прибытіи Рускихъ послѣднія совсѣмъ уничтожило, да и самой власти тоэновъ оставило одну только тѣнь: Соловьевъ и

его товарищи мщеніемъ за кровь своихъ собратій, усмиреніемъ Алеутовъ и жестокими поступками съ тоэнами положили начало уничтоженію вліянія ихъ власти на Алеутовъ, а послѣдующіе Русскіе, до соединенія компаній поступавшіе съ Алеутами въ томъ же духѣ, продолжили или лучше сказать уничтожили ее—тѣмъ, что не отличали тоэновъ отъ простыхъ Алеутовъ ни въ работахъ, ни въ наказаніяхъ и ни въ чемъ другомъ; а это мало по малу приучило и самихъ Алеутовъ смотрѣть на своихъ тоэновъ не какъ на природныхъ своихъ властителей и нѣкогда бывшихъ владѣтелей острововъ, но какъ на равныхъ себѣ. Правительство наше, поручая начальникамъ морскихъ Експедицій, бывшихъ въ здѣшнемъ краѣ съ 1792 по 1823 годъ судовъ, — раздавать тоэнамъ медали (бронзовыя, серебреныя и золотыя) и постановленіемъ новыхъ правилъ Р. А. Компаніи имѣло въ виду отличать тоэновъ отъ простыхъ и какъ бы поддержать ихъ власть; но трудно поддерживать и возстановить то, что не имѣетъ своей самостоятельности. Въ послѣднее время (1832) года Колоніальное начальство, по многимъ причинамъ найдя нужнымъ, учредило въ здѣшнемъ краѣ имѣть трехъ, или двухъ главныхъ тоэновъ, избираемыхъ самими Алеутами изъ числа обыкновенныхъ родовыхъ тоэновъ и утверждаемыхъ

Правленіе. Главнымъ Правителемъ колоній. И потому нынѣшнее Правленіе Алеутовъ и управленіе Алеутами вполнѣ зависитъ отъ Р. А. Компаніи, дѣйствующей чрезъ правителя Уналашкинскаго отдѣла, который, или именемъ своей конторы даетъ предписанія байдарщикамъ или управляющимъ меньшими отдѣлами, для передачи ихъ чрезъ тоэновъ Алеутамъ; или приглашаетъ къ себѣ Главныхъ тоэновъ, и еще нѣсколькихъ другихъ и объявляетъ имъ свое приказаніе, касающееся впрочемъ однихъ только промысловъ, и спрашиваетъ сколько байдарокъ будетъ для бобровой партіи и сколько человѣкъ для промысла птицъ.

Нынѣшнія права и обязанности Алеутовъ суть слѣдующія: они пользуются покровительствомъ законовъ на равнѣ съ крестьянскимъ сословіемъ и освобождены отъ всякихъ повинностей и податей, но вмѣсто этого обязаны служить компаніи отъ 15 до 50 лѣтъ своего возраста и разумѣется за плату отъ Компаніи. Всѣ промысла, какіе они могутъ пріобрѣсть, должны они продавать исключительно Компаніи, за извѣстную и правительствомъ утвержденную цѣну, (о цѣнахъ будетъ сказано ниже).

Теперь спрашивается: хорошо ли нынѣшнее управленіе Алеутами и хорошо ли

ихъ состоянiе? отвѣчаю: хорошо. Потому, что Алеуты, кромѣ служенiя Компанiи, пользуются совершенною свободою, а служенiе ихъ бываетъ временное и всегда за плату. Компанiя болѣе и болѣе обращаетъ свое вниманiе на то, чтобы занимающiй должность правителя Уналашкинскаго отдѣла былъ человѣкъ благонамѣренный и строгiй исполнитель распоряженiй главнаго колонiальнаго начальства. Если уже прежняя свобода Алеутовъ (впрочемъ болѣе мнимая, и правленiе (и также слишкомъ несовершенное) не возвратимы; то перемѣнять нынѣшнее правленiе Атеутовъ, къ которому они уже привыкли, на какое либо другое, нѣтъ нужды: и всякая другая перемѣна ихъ управленiя для нихъ будетъ вредна и даже гибельна.

И если, что можно пожелать для блага Алеутовъ, то развѣ только того, чтобы всѣ товары и вещи, которыя получаютъ за свои промысла, были *на ихъ руку* и цѣнами, какъ можно, соразмѣрнѣе съ платою, получаемою ими за промысла. И еще — чтобы главные тоэны или одинъ изъ нихъ, избранный самими Алеутами, имѣлъ право всегда видѣть въ конторѣ бумаги и разсчеты, касающiеся до Алеутовъ; и какъ они, такъ и всѣ прочiе тоэны были бы снабжены письменными наставленiями для ихъ руководства, въ которыхъ бы, на

Правленіе. основаніи положеній и учрежденіи о тамошнемъ краѣ, ясно были бы означены какъ ихъ власть, такъ и вліяніе ихъ на дѣла общественныя.

Отдѣленіе второе.

ПРОДОЛЖЕНІЕ ЗАМѢЧАНІЙ ОБЪ АЛЕУТАХЪ.

I.

Число жителей.

Число природныхъ жителей острововъ Уналашкинскаго отдѣла (не считая Русскихъ и Креоловъ), въ послѣднее время, очень не велико, такъ, что къ 1834 году всѣхъ Алеутовъ, принадлежащихъ къ здѣшнему отдѣлу, т. е. живущихъ въ селеніяхъ на Уналашкѣ и находящихся на островахъ Прибылова и въ Ситхѣ,—состояло 682 души мужескаго и 812 душъ женскаго пола, а обоего 1,494 души *. Еще въ 1806

* Въ 1838 году въ Уналашкѣ была оспа, таже что и у Колошъ, и при всемъ усердіи Лекаря Блашке унесла около 85 человѣкъ, (но еще не из-

Число Алеутовъ.

году число Алеутовъ было 1,942, т. е. 965 мужескаго и 988 женскаго пола.

Г. Сарычевъ въ путешествіи своемъ (Ч. II. стр. 156) говоритъ, что съ прибытія Русскихъ на сіи острова много уменьшилось число островитянъ, и въ бытность его (1792 года) едва осталась третія часть жителей. По приложенной же у него табели видно, что въ его время было мужескаго пола 1,235 душъ. Если къ сему прибавить женскаго пола нѣсколько болѣе сего числа (то въ 1792 году жителей въ Уналашкинскомъ отдѣлѣ (не считая жившихъ на островахъ Прибылова) было болѣе 2,500. Когда же это число принять за третію часть, какъ говоритъ Г. Сарычевъ, то въ 1750 году, т. е. около времени прибытія Русскихъ, число жителей здѣшнихъ было не менѣе 8,000.

Преданіе же Алеутовъ говоритъ, что до прибытія Русскихъ число ихъ было болѣе нежели въ десять разъ въ сравненіи съ тѣмъ, которое нашелъ Г. Сарычевъ. Старики разсказываютъ: что встарину и за

вѣстно, чѣмъ кончилась она на Унгѣ); изъ числа же тѣхъ, коимъ привита была оспа, померло только 3 или 4 человѣка, а число привитыхъ было болѣе 1,000.

долго до прибытія Русскихъ, жителей въ Уналашкинскомъ отдѣлѣ было столько, что каждый островъ и всякое удобное на острову мѣсто были заселены; и что въ каждомъ селеніи было отъ 40 до 70 однолючныхъ байдарокъ, т. е. по стольку мущинъ, способныхъ ѣздить въ байдаркѣ, и если къ сему прибавить столько же женщинъ и вдвое дѣтей и стариковъ, то выйдетъ, что въ каждомъ селеніи было жителей отъ 150 до 280 душъ, или среднее 215; а по примѣтамъ, видѣннымъ мною, и по разсказамъ Алеутовъ, должно полагать, что въ здѣшнемъ отдѣлѣ было до 120 селеній. И такъ, полагая, что въ каждомъ селеніи были жители въ одно и тоже время, выйдетъ: что народонаселеніе Алеутовъ, въ лучшія времена, простиралось до 25,000.

Безъ сомнѣнія число это слишкомъ увеличено; но, сколько можно судить по разсказамъ — какъ Алеутовъ, такъ и Русскихъ, заселившихся здѣсь въ концѣ прошедшаго столѣтія, изъ коихъ послѣдніе своими глазами видѣли уничтоженіе нѣсколькихъ селеній, — со всею вѣроятностію можно положить, что число Алеутовъ, въ лучшія времена, было отъ 12 до 15 тысячь. О причинахъ же уменшенія скажемъ ниже, здѣсь только замѣтимъ, что уменшеніе Алеутовъ, начавшись за долго до прибытія Русскихъ, продолжалось постоянно

Число Алеутовъ.

до 1822 года. Съ этаго времени, до 1829 года, уменшеніе остановилось; а съ 1829 по 1838-й годъ, т. е до нынѣшней оспы, число Алеутовъ начало увеличиваться.

Самое меншее число Алеутовъ было въ 1820 и 1821-мъ годахъ. Къ 1822 году, по спискамъ, Алеутовъ было мужескаго пола 695, женскаго 779, а всѣхъ 1,474.

Изъ сего видно, что въ 1834 году число Алеутовъ было болѣе 20-ю человѣками, не считая женщинъ, въ это время вышедшихъ въ замужество за Русскихъ и Креоловъ, коихъ можно положить нисколько не менѣе сего числа.

Изъ прилагаемыхъ при семъ табелей о числѣ родившихся и умершихъ съ 1822 года по 1837-й годъ, видно, что въ первыя пять лѣтъ число родившихся Алеутовъ было 34 круглымъ числомъ, на каждый годъ; а за исключеніемъ незаконнорожденныхъ 29. Въ послѣднія же девять лѣтъ было 40, а за исключеніемъ незаконнорожденныхъ 38. Слѣдовательно, въ послѣднее время, число раждающихся превышаетъ почти четвертою частію. И здѣсь еще надобно взять въ расчетъ то, что число раждающихъ, или способныхъ раждать, до 1828 года, было гораздо болѣе нежели послѣ того. Это видно изъ того, что изъ 172 душъ, родившихся съ 1822 по 1828-й годъ, было незаконнорожденныхъ 25, т. е. 7-я часть всего

числа; а въ послѣднія девять лѣтъ, изъ 362 родившихся незаконнорожденныхъ, было только 17, т. е. не болѣе какъ 21-я часть.

Причины же почему прежде число раждающихся было менѣе нежели въ последнее время, можно полагать слѣдующія:

1). Недостатокъ повивальныхъ бабокъ и неумѣнье поступать съ роженицами, какъ объ этомъ сказано выше (отд. 1. стр. 67). Правда хотя нѣкоторыя, болѣе знакомыя съ Русскими, перестаютъ употреблять свои способы при родахъ и послѣ родовъ, убѣждаясь примѣрами и доводами; но при всемъ томъ еще и до сихъ поръ очень много такихъ, которыя поступаютъ по своему.

2). Слишкомъ большая благосклонность замужнихъ женщинъ къ постороннимъ мущинамъ, которая простиралась даже до безотказности. Но въ послѣднее время видно, что это препятствіе къ плодородію весьма много устранилось.

3). Слишкомъ раннее лишеніе дѣвства, чему весьма много могъ способствовать предразсудокъ Алеутокъ, произшедшій отъ обмана Русскихъ, описанный выше (въ 1 отд. стр. 61); и потому само собою разумѣется, что въ прежнее время найти невѣсту, въ полномъ значеніи сего слова, было весьма трудно; но нынѣ, особливо въ послѣднее

*

Число Алеутовъ.

время изъ 10 дѣвицъ, вступающихъ въ бракъ, вѣрно можно найти болѣе половины невѣстъ *, потому что бабушки и матери также усердно заботятся о доброй славѣ ихъ, какъ прежде были беззаботны.

4). Любострастная болѣзнь, я думаю, также была не маловажною причиною неплодородія женщинъ; но въ послѣднее время она почти совсѣмъ уничтожилась.

5). Отчасти препятствіемъ къ этому можетъ быть и то, что почти каждою весною, Алеуты, терпятъ недостатокъ въ пищѣ, и отцы и матери, въ семъ случаѣ, заботясь только о дѣтяхъ, почти забываютъ себя, и отъ того, какъ мнѣ случилось видѣть это, въ особенности надъ однимъ семействомъ, до того истощаются, что чрезъ нѣсколько дней едва можно узнать отца и мать, а дѣти ихъ здоровы и веселы.

Вотъ причины по чему прежде изъ женщинъ весьма не многія раждали (такъ что не болѣе какъ изъ 9 одна), и почему нынѣ раждаютъ болѣе! И можно надѣяться, что со временемъ еще болѣе будутъ устранены таковыя причины, неблагопріятствующія умноженію числу Алеутовъ.

---

* Нынѣ между Алеутами вводится обычай Русскаго простаго народа — свидѣтельствовать молодую послѣ перваго ложа.

Но должно замѣтить, что при нынѣшнемъ образѣ жизни Алеутовъ, ихъ жены никогда не сравняются плодородіемъ съ Русскими женщинами: потому, что онѣ, не имѣя другаго молока кромѣ своего, должны кормить дѣтей своихъ не менѣе года, отъ чего могутъ раждать толко чрезъ два года.

Выше сказано, что въ теченіи десяти лѣтъ, число Алеутовъ отъ 1474 прибыло только 10, т. е. не болѣе какъ $1\frac{1}{4}$ на сто; но прибыль Креоловъ въ десять лѣтъ не сравненно значительнѣе, такъ, что отъ 100, а принимая въ расчетъ Уналашкинскихъ Креоловъ, находящихся въ Ситхѣ и почти не женатыхъ, отъ 120 душъ, прибыло 31 человѣкъ, т. е. 26 на сто *.

* Причины, почему жены Креоловъ, будучи почти всѣ Алеутки, гораздо плодороднѣе чѣмъ жены Алеутовъ, могутъ быть слѣдующія: 1-я жены Креоловъ, при родахъ, поступаютъ не по Алеутски, но по Русски. 2-я Всѣ Креолы вообще имѣютъ средства доставать муки и чаю, и притомъ никогда не испытываютъ такого недостатка въ пищѣ какъ Алеуты. 3-я. Всѣ Креолы живутъ гораздо лучше Алеутовъ: по крайней мѣрѣ тѣмъ, что имѣютъ теплыя юрты и болѣе платья и бѣлья, чего Алеуты, при всемъ усиліи своемъ, не въ состояніи имѣть.

II.

Причины уменшенія Алеутовъ.

Причины уменшенія, по мнѣнію Алеутовъ, суть *междуусобія, Русскіе и повѣтрія. Первыя*, бывшія до прибытія Русскихъ, подъ конецъ такъ были жестоки, что за жизнь одного истребляли цѣлое селеніе; но самое большое уменшеніе народонаселенія, Алеуты, приписываютъ Русскимъ и именно Соловью или Соловьеву, который, сколько посредственно, столько и не посредственно, былъ причиною этаго; потому что не говоря о тѣхъ, коихъ онъ самъ или его клевреты въ теченіе двухъ лѣтъ лишили жизни, но и, изъ тѣхъ, кои разбѣжались отъ страху, не возвратилось на свои мѣста и третей части *. И притомъ

* Изъ числа невозвратившихся, полагаютъ, большая часть померли отъ голоду и холоду, а молодые и здоровые Алеуты, находя средства къ существованію, не хотѣли возвратиться; и они-то суть первые *бѣглые*, появившіеся здѣсь, но объ этомъ сказано будетъ послѣ.

говорятъ, что даже и тогда, когда всякое убійство было прекращено и Алеуты, покорясь новымъ пришельцамъ, начали жить по прежнему мирно, — народонаселеніе не только не увеличивалось, но весьма примѣтно уменшалось, но отъ чего? этого они не знаютъ.

Но не имѣя ни средствъ, ни возможности узнать обстоятельно о томъ, отъ чего именно и болѣе уменшились Алеуты, я здѣсь представлю то, что можно было узнать касательно сего.

Причины уменшенія здѣшнихъ Алеутовъ можно раздѣлить на три эпохи. 1-я отъ начала ихъ междоусобій до перваго прибытія Русскихъ (т. е. до 1760 года). 2-я отъ перваго прибытія Русскихъ на здѣшніе острова до прибытія экспедиціи Биллингса (т. е. до 1790 года). И 3-я со времени отбытія сей экспедиціи до настоящаго времени. Каждая эпоха, сверхъ общихъ всѣмъ временамъ причинъ, имѣетъ свои собственныя и совершенно различныя между собою, т. е. до прибытія Русскихъ, Алеуты, уменшились отъ междоусобій, по прибытіи Русскихъ отъ насилій и притѣсненія, а напослѣдокъ отъ необходимости разпространять, поддерживать и усиливать другія колоніи.

Каждая эпоха имѣетъ множество частныхъ и мелкихъ случаевъ, описаніе коихъ

Причины уменшенія Алеутовъ.

заняло бы множество страницъ и ни къ чему не могло бы вести, тѣмъ болѣе, что подробности многихъ не совсѣмъ извѣстны: и потому я скажу только о тѣхъ, кои болѣе памятны и болѣе заслуживаютъ вѣроятія.

Первая эпоха. Весьма за долго до прибытія Русскихъ, Алеуты, начали имѣть войны съ сосѣдственными народами, какъ-то: съ Аглегмютами и, болѣе, съ Кадьякцами. Такъ, сказываютъ, что здѣшніе жители истребили Аглегмютское селеніе при рѣкѣ Нушегакъ, бывшее на мѣстѣ нынѣшняго Александровскаго редута: нападеніе сіе столь было удачно, что никто не спасся изъ Аглегмютовъ, и озеро, находящееся подлѣ Редута, сдѣлалось кроваво отъ труповъ и крови.

Также нѣсколько разъ нападали они и на Кадьякцевъ и истребляли цѣлыя селенія. Но, скольбы удачны ни были таковыя нападенія, натурально, что не могли быть безъ урону и со стороны ихъ самихъ. Но случалось нѣсколько разъ, что изъ цѣлаго ополченія здѣшнихъ островитянъ, отправлявшихся въ таковые походы или наѣзды, не возвращалось ни одного, или весьма не многіе, такъ, по словамъ Г. Давыдова, здѣшніе Алеуты погибли въ Уяцкой бухтѣ на Кадьякѣ, пріѣхавшіе съ тѣмъ, чтобы напасть на Кадьякцевъ. И не всегда они только нападали и истребляли другихъ;

но не рѣдко платили имъ тѣмъ же и ихъ сосѣди, непріятели, и особенно Кадьякцы. И напослѣдокъ войны сіи такъ сдѣлались часты и обыкновенны, что жители Шумагинскихъ острововъ или были въ походѣ, или принуждены были сидѣть въ своихъ крѣпостяхъ, т. е. на неприступныхъ островкахъ.

Но избѣгая одной бѣды, они, подвергались другой; потому что, просидя въ крѣпостяхъ и не смѣя удаляться отъ нихъ, или уѣзжая въ походы, они не успѣвали запасать пищи для зимы, и оттого гибли неминуемо.

Кромѣ таковыхъ войнъ и взаимныхъ нападеній заграничныхъ, въ тоже время было и множество междуусобій. Такъ извѣстно, что Унимакскіе жители нападали на Шумагинскихъ, Аляксинскихъ, Уналашкинскихъ и даже Умнакскихъ и на жителей острововъ Креницына; Умнакскіе жители нападали на Уналашкинскихъ и другихъ. И вѣроятно, что и сами нападающіе, или прежде или послѣ видѣли непріятелей въ своихъ селеніяхъ; и какъ тѣ, такъ и другіе поражали и истребляли, и были поражаемы и истребляемы. Извѣстно, что Унимакцы при нападеніи на жителей острова Укнадака (въ Капитанской гавани) легли всѣ на мѣстѣ сраженія.

И наконецъ, мало по малу, междоусобія и вражды, такъ усилились, что не толь-

Причины уменшенія Алеутовъ.

ко жители одного острова нападали на жителей другаго; но даже между жителями одного и того же острова были такія вражды, что не только не помогали другъ другу при нападеніяхъ, но убивали вездѣ, гдѣ только могли и вредили всячески, чѣмъ только могли. Такъ, извѣстно, что Уналгинскіе Алеуты убили нѣсколько человѣкъ въ сосѣдственномъ селеніи, на Уналашкѣ, за то только, что они хотѣли убить изъ нихъ одного человѣка.

Нѣтъ сомнѣнія, что всѣ таковыя междоусобія и войны весьма много уменшили число Алеутовъ сколько оружіемъ, столько и слѣдствіями онаго, такъ напр. вѣроятно жены и дѣти Алеутовъ, погибшихъ въ Уяцкой бухтѣ на Кадьякѣ, весьма много потерпѣли оставшись безъ мужей и отцовъ; и потому весьма вѣроятно то преданіе, которое говоритъ, что до начала войнъ и междоусобій народонаселеніе Алеутовъ было вдвое болѣе того, которое нашли Русскіе. И нѣкоторые старики - Алеуты говорятъ, что если бы Русскіе не пришли на здѣшніе острова, то вѣроятно всѣ бы они были истреблены даже безъ остатка. И съ этой стороны прибытіе Русскихъ, положившее конецъ всѣмъ войнамъ и междоусобіямъ, можно почестъ благодѣяніемъ для островитямъ.

Вторая эпоха. По прибытіи Русскихъ, хотя и прекратились вражды и междоусо-

бія, какъ главныя причины уменшенія островитянъ, но нисколько не прекратилось самое уменшеніе ихъ.

Пріязнь и миръ, бывшіе между Русскими, первыми посѣтителями Умнака и Уналашки, подъ начальствомъ Глотова, продолжались весьма не долго; за подлинное не извѣстно, кто первые подали причину къ раздорамъ; Русскіе ли? притѣсненіемъ въ промыслахъ и насиліемъ всякаго рода; или Алеуты? не хотѣвшіе быть подъ чужеземнымъ игомъ. Первое конечно гораздо вѣроятнѣе, но нельзя совсѣмъ отвергнуть и послѣдняго. Но какъ бы то ни было, первое непріязненное дѣйствіе было со стороны островитянъ, которые, въ одну зиму истребили три судна Русскихъ, и тѣмъ подали поводъ Русскимъ къ отмщенію за кровь своихъ соотечественниковъ и принять сильныя мѣры, для своей безопасности. Глотову и Соловьеву, съ товарищами, досталось быть отмстителями и слишкомъ не умѣренными.

Глотовъ, пришедъ изъ Кадьяка на прежде открытый имъ островъ Умнакъ, вмѣсто дружбы и пріязни, съ какими онъ разстался съ Умнакцами, встрѣтилъ въ нихъ непріязнь; а потому и онъ, вмѣсто мира и согласія, принесъ имъ мечь и огнь. Онъ, сколько подъ предлогомъ отмщенія за смерть соотечественниковъ своихъ, столько и за непокорность, истребилъ почти безъ

Причины уменшенія Алеутовъ.

остатка всѣ селенія, бывшія на южной сторонѣ Умнака, и жителей островов Самалги и Четырехсопочныхъ.

Соловьевъ, прибывшій изъ Камчатки на Уналашку и остановившійся на якорѣ въ Кошигинскомъ заливѣ, особенно жестоко поступалъ съ бѣдными Алеутами, тоже подъ видомъ отмщенія за смерть Дружининскаго судна.

Г. Берхъ, въ своей Исторіи открытія Лисьевскихъ островов, старается уменшить число истребленныхъ Соловьевымъ островитянъ, но при всемъ томъ и онъ говоритъ, что Соловьевъ убилъ *сто* человѣкъ Алеутовъ, нападавшихъ на жилище Русскихъ, и въ одномъ укрѣпленномъ жилищѣ, послѣ сраженія, поднялъ на воздухъ до *двухъ сотъ* человѣкъ. Слѣдовательно, и по его словамъ и при всемъ его стараніи уменшить число истребленныхъ, выходитъ, что Соловьевъ истребилъ не менѣе трехъ сотъ мужчинъ, молодыхъ и способныхъ носить оружіе.

Теперь проходитъ почти уже столѣтіе послѣ того, какъ было это страшное время для Алеутовъ; и потому нѣтъ причины ни скрывать того, что дѣлали первые Русскіе промышленники, здѣсь бывшіе, ни увеличивать ихъ жестокихъ поступковъ съ Алеутами. Прошедшаго не воротить и не поправить. И хотя нѣтъ нужды выставлять на наружу ужасные поступки людей не

образованныхъ и преданныхъ всѣмъ страстямъ, и тѣмъ болѣе, что эти люди были Русскіе — мои соотечественники; но нельзя не сказать того, что я слышалъ отъ весьма многихъ, отчасти бывшихъ самовидцами или слышавшихъ отъ самихъ товарищей Соловьева, (я еще самъ видѣлъ многихъ Алеутовъ изъ тѣхъ, которые видѣли самаго Соловьева); по крайней мѣрѣ для того, что бы представить новое доказательство тому, до чего можетъ дойти невѣжество, предоставленное самому себѣ и не знающее границъ ни своей власти, ни страстямъ своимъ; — иначе — я свои записки буду считать не полными.

Одни, говорятъ, что Русскіе многихъ Алеутовъ перестрѣляли изъ ружей и только изъ потѣхи; а другіе совсѣмъ это отвергаютъ. Но это въ самомъ дѣлѣ было, не только одинъ разъ, (я разумѣю только въ здѣшнемъ отдѣлѣ) и именно въ Кошигинскомъ селеніи. Это сдѣлалъ Соловьевъ, которому пришло въ голову испытать: *въ которомъ* (человѣкѣ) *остановится пуля*? и для этаго онъ велѣлъ связать вмѣстѣ двѣнадцать человѣкъ Алеутовъ, (вѣроятно не совсѣмъ безвинныхъ) и выстрѣлилъ въ нихъ изъ штуцера или винтовки *.

Кромѣ этаго извѣстно, что онъ истре-

* Говорятъ, что пуля остановилась въ девятомъ.

Причины уменшенія Алеутовъ.

билъ двѣ байдары Унимакскихъ Алеутовъ, пріѣхавшихъ къ своимъ родникамъ; и сверхъ многихъ частныхъ убійствъ, онъ наконецъ нашелъ жителей нѣсколькихъ селеній Уналашки, собравшихся на Яичномъ островкѣ или Орѣшкѣ, подлѣ о. Спирки, для защиты. По второмъ покушеніи, Соловьевъ, присталъ къ берегу и истребилъ всѣхъ бывшихъ тутъ Алеутовъ съ женами и дѣтьми. Убійство это было столь жестоко, что море вокругъ островка сдѣлалось кроваво отъ бросавшихся и бросаемыхъ въ оное.

Натрубинъ, товарищъ Соловьева и достойный клевретъ его, губилъ Алеутовъ на Аватанакѣ — безоружныхъ и часто совершенно безвинныхъ. И сказываютъ, что самъ Соловьевъ не столько погубилъ Алеутовъ сколько его товарищи, бывшіе на ближайшихъ островахъ.

Около сего же страшнаго для Алеутовъ времени, были какія то два Русскихъ судна: одно въ Иссанахѣ, а другое у Макушъ, которыя также очень много истребили Алеутовъ.

Русскіе, бывшіе на первомъ суднѣ, или изъ подозрѣнія, или также изъ отмщенія за кровь убитыхъ въ Иссанахѣ Русскихъ — истребили четыре большихъ селенія на Унимакѣ, оставляя изъ каждаго только молодыхъ женщинъ и по нѣскольку молодыхъ мужчинъ для прислуги. Русскіе, подъ пред-

водительствомъ передовщика своего, имѣвшаго при себѣ какую то дѣвку (вѣроятно Атхинскую), оставя на своемъ суднѣ нѣсколько человѣкъ, отправились на Унимакъ именно съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобъ истребить Унимакцевъ, какъ самыхъ безпокойныхъ. Подойдя къ первому селенію тайкомъ, они, прежде всего обобрали стрѣлки съ байдарокъ, (а у Алеутовъ обыкновенно всѣ стрѣлки хранятся на байдаркѣ) и изломали; а потомъ вдругъ напали на беззащитныхъ Алеутовъ, въ ихъ жилищахъ, и били безъ пощады тѣхъ, кои успѣвали выскакивать, а остальныхъ губили или зажигая юрту, со всѣхъ сторонъ, или обрушивая. Такимъ образомъ имъ удалось истребить три первыя селенія отъ Иссанахскаго пролива. Подходя къ четвертому селенію, находившемуся на подножіи Шишалдинской сопки, они встрѣтили сильный вѣтръ съ дождемъ и слячею и не имѣя камлей перемокли до костей и озябли чрезвычайно. Жители, увидя ихъ издалека, узнали что это Русскіе, но не знали, что предпринять. Закащикъ, или старшій по тоэнѣ, предлагалъ не допускать ихъ до селенія и убить, говоря: они не даромъ идутъ къ намъ. Но добрый тоэнъ отвергнулъ его предложеніе, говоря: за чѣмъ ихъ бить? они намъ ничего худаго не сдѣлали. И потому островитяне приняли Русскихъ ласково, отогрѣли и чѣмъ могли угостили. И

Причины уменшенія Алеутовъ.

надобно замѣтить, что Русскіе, до того перезябли, что не имѣли силъ сами собою спускаться въ юрту по лѣстницѣ, и Алеуты спускали ихъ по одиначкѣ, и потомъ отогрѣвали ихъ на жирникахъ. И бѣдные Алеуты — не знали, кого отогрѣвали. Русскіе, лишь только отогрѣлись и подкрѣпили свои силы, тотчасъ начали *свое дѣло*: всѣхъ Алеутовъ, по ихъ приказанію собравшихся въ юрту, они начали стрѣлять, а прочихъ задавили юртою. Кончивъ это они отправились далѣе съ тѣмъ же намѣреніемъ; но жители слѣдующаго селенія, вѣроятно, узнавъ отъ спасшихся Алеутовъ, что сіи гости идутъ къ нимъ совсѣмъ не въ гости, не допустили ихъ до своего селенія; и, сдѣлавъ нечаянное нападеніе на нихъ, убили ихъ передовщика съ дѣвкою, нѣсколькихъ ранили, а остальныхъ обратили въ бѣгство, и заставили воротиться на судно. Селеніе это называлось *Погромскимъ* или Погромнымъ вѣроятно по тому случаю, что жители его задали *погромъ* Русскимъ. Не извѣстно точно, на какомъ суднѣ были эти Русскіе? Унимакскіе Алеуты говорятъ, что они были съ Протасовскаго судна; но едва-ли эти удальцы были не изъ числа экипажа Бечевинскаго судна, о которомъ и самъ Г. Берхъ говоритъ весьма съ невыгодной стороны, (Ист. отк. остр. стран. 43).

Еще сказываютъ, что какіе-то Русскіе

истребили три селенія; два въ Иссанахскомъ проливѣ и одно на Икатакѣ; и они же въ привозившихъ къ нимъ рыбы, Алеутовъ, при возвращеніи ихъ отъ судна, стрѣляли изъ винтовокъ.

Второе судно, стоявшее въ Макушинскомъ селеніи, въ старой гавани, кажется, было то самое, которое, по словамъ Г. Берха, было подъ командою Брагина. Алеуты одного изъ близь лежавшихъ селеній, вѣроятно въ слѣдствіе извѣстія о истребленіи Дружининскаго судна въ Капитанской гавани, — намѣревались также поступить и съ судномъ Брагина. Но Алеуты другаго селенія дали знать объ этомъ Русскимъ; и они предупредили своихъ враговъ, истребивъ ихъ самихъ.

Конечно, ужасны были поступки первыхъ Русскихъ съ Алеутами, но отчасти извинительны и можетъ быть они даже были необходимы. Но поступки послѣдующихъ за ними Русскихъ едва ли сколько нибудь извинительны. Вновь приходящіе Русскіе съ 1770 года по 1790, видя примѣры того, какъ ихъ предшественники поступали съ островитянами, также позволяли себѣ иногда крайнія жестокости, особливо промышленники Очерединской и Полутовской компаній. Изъ нихъ, къ несчастію, по своимъ ужаснымъ дѣяніямъ, остались въ памяти Алеутовъ: Илья Лазаревъ, Молотиловъ, Петръ Катышевцовъ, Шабаевъ,

Причины уменшенія Алеутовъ.

Кукановъ, Ситниковъ, Брюхановъ и Малковъ. Изъ коихъ первые двое были на Акунѣ, а прочіе въ восточномъ краѣ. Эти люди не много дорожили жизнію Алеутовъ. Такъ извѣстно, что первый кидалъ съ утеса, рѣзалъ ножемъ, (который всегда носилъ при себѣ) и билъ обухомъ топора несчастныхъ Алеутовъ за то только, если кто нибудь изъ нихъ осмѣлился заглядѣться на его любовницу, (которая умерла только въ 1838 году). И кто-то изъ этихъ же удальцовъ разпоролъ ножемъ брюхо дѣвкѣ-Алеуткѣ за то, что она, безъ позволенія его, съѣла любимой кусокъ китовины!!

Изчисливъ всѣ таковыя убійства (я не хочу упоминать о тѣхъ, которыя не совсѣмъ достовѣрны). И принявъ въ соображеніе послѣдствія оныхъ, нисколько не покажется увеличеннымъ число Алеутовъ, отправленныхъ на тотъ свѣтъ Соловьевымъ, какъ говоритъ Г. Давыдовъ въ своемъ путешествіи, который число это полагаетъ до 3,000. И даже число 5,000, которое полагаетъ Г. Сарычевъ, истребленныхъ Алеутовъ можно принять за вѣроятное: и кажется, что оно еще слишкомъ умѣренно.

Но напослѣдокъ 1790 годъ, или прибытіе Експедиціи Биллингса, положило конецъ всѣмъ убійствамъ и жестокостямъ и начало мирнаго жительства.

Третія эпоха. Хотя жестокости и убійства прекратились послѣ отбытія Ек-

спедиціи Биллингса, но не прекратилось совсѣмъ самое уменьшеніе Алеутовъ. Несчастія другаго рода, которыя, по необходимости должны были встрѣтиться въ разспространеніи и поддержаніи колоній и промысловъ, — были новою причиною уменшенія островитянъ. Такъ: на острова Прибылова увезено было Меркульевымъ, въ одинъ разъ, 80 семействъ, изъ коихъ едвали возвратилась и половина; ибо 32 человѣка изъ нихъ, подъ начальствомъ Русскаго Захарова, въ 1812 году въ байдарѣ потерялись безъ вѣсти, при переѣздѣ съ одного острова на другой; и нѣсколько человѣкъ въ разныя времена убиты сивучами.

Занятіе Ситхи Г. Барановымъ потребовало подкрѣпленія людьми, и — сто байдарочныхъ ѣздоковъ съ семействами были увезены въ Ситху, откуда не возвратилось и третей части.

Уменшеніе бобровъ потребовало большей дѣятельности и большихъ и дальнихъ переѣздовъ въ сравненіи съ прежними. При таковыхъ переѣздахъ погибло: 1804 года 20 байдарокъ въ Четырехсопочномъ проливѣ; въ 1809 году погибла байдара съ 40 человѣками, подъ начальствомъ Невзорова, при переѣздѣ съ острова Амака на Аляксинскій берегъ; въ 1811 году потерялась байдара съ 30 человѣками, подъ начальствомъ Усова; и наконецъ въ 1828

*

Причины уменшенія Алеутовъ.

году погибла байдара съ 15 человѣками, подъ начальствомъ Меркульева, при переѣздѣ чрезъ Акутанскій проливъ.

Само собою разумѣется, что сверхъ таковыхъ несчастій, такъ сказать общихъ для отряда, бывало очень много и частныхъ; но исчислить ихъ нѣтъ возможности; навѣрное же можно положить, что число всѣхъ погибшихъ по одиначкѣ Алеутовъ, какъ то: при переѣздахъ, въ партіяхъ, на промыслахъ и проч. нисколько не менѣе погибшихъ отрядами.

Сверхъ вышеописанныхъ причинъ уменшенія Алеутовъ и — причинъ, такъ сказать, не неизбѣжныхъ и не непредвидѣнныхъ, были другія причины — непредвидѣнныя и въ здѣшнемъ мѣстѣ не отвратимыя, какъ то: голодъ, повѣтрія и любострастная болѣзнь, которыя также очень много уменшили народонаселеніе. *Голодъ* появился вмѣстѣ съ междуусобіями, какъ говоритъ преданіе Алеутовъ, и случалось, что онъ губилъ Алеутовъ болѣе, чѣмъ самыя войны. Съ этого времени онъ очень не рѣдко посѣщалъ Алеутовъ и до прибытія Русскихъ, и при Русскихъ, составлявшихъ частныя компаніи, и даже при существованіи нынѣшней привиллегированной компаній; потому что Алеуты никогда не имѣли большихъ запасовъ пищи на случай неудачныхъ промысловъ, и оттого почти каждогодно терпятъ недостатокъ въ пищѣ въ

первыхъ мѣсяцахъ года. Самое названіе Марта мѣсяца (кисагѵнакъ, т. е. когда гложутъ рѣмни) — доказываетъ: что въ это время они никогда не были богаты пищею. И потому очевидно, что въ это время, и при самомъ маломъ несчастіи, очень легко могутъ быть ужасныя послѣдствія голода. Но что могло и должно быть съ женами и дѣтьми въ томъ селеніи, гдѣ всѣ мужчины какимъ нибудь образомъ погибали? Какъ это и случалось въ прежнія времена. Подробности таковыхъ весьма многихъ несчастій неизвѣстны; только извѣстно за подлинное то, что во время управленія Уналашкою Г. Буренина всѣ жители одного селенія, находившагося на восточной сторонѣ Акутана, померли отъ голода и осталась одна только старуха. Также въ управленіе Г. Петровскаго, въ 1822 году, померло 7 человѣкъ изъ числа жителей Кошигинскаго селенія тоже отъ голода. Но съ этаго времени, благодаря Бога, и при заботливости правителей и тоэновъ, таковыхъ несчастій уже не бывало, хотя и бывали большіе недостатки въ пищѣ.

О *повѣтріяхъ*, или епидемическихъ болѣзняхъ, можно сказать также очень не много; потому что, сколько извѣстно, въ здѣшнемъ отдѣлѣ, хотя и бывали Епидеміи, но никогда не помирало отъ нихъ столько какъ въ Кадьякѣ. Но когда и какого рода бывали таковыя повальныя болѣзни, за

Причины уменшенія Алеутовъ.

подлинно не извѣстно. Извѣстно только, что въ 1807 и 1808 годахъ было здѣсь повѣтріе — *поносомъ*, которое началось въ главномъ селеніи на Уналашкѣ и потомъ распространилось по всему отдѣлу, и отъ котораго весьма много умирало мужчинъ и молодыхъ женщинъ, но замѣчено, что болѣзнь сія почти совсѣмъ не дѣйствовала на старухъ. Самая же большая смертность была въ главномъ селеніи. — Послѣ разбитія на островѣ Саннахѣ Американскаго корабля, подъ командою Океина, тамъ появился *кровавый поносъ* и, какъ говорятъ, отъ употребленія въ пищу подмоченнаго рису. Потомъ эта болѣзнь распространилась далѣе и коснулась и тѣхъ, кои совсѣмъ не употребляли этого рису. — Въ 1830 году, осенью, началось повѣтріе *кашлемъ* и *стѣсненіемъ въ груди* и продолжалось до самой весны 1831 года. Оно унесло съ собою болѣе 30 человѣкъ большею частію молодыхъ и здоровыхъ мужчинъ, но дѣтей, стариковъ и вообще всѣхъ женщинъ, совсѣмъ миновало. Самая большая смертность была на Унгѣ, гдѣ болѣзнь появилась прежде, а потомъ распространилась по всей Аляксѣ. На прочихъ же островахъ ее не было совсѣмъ *.

---

* Здѣсь надлежало бы сказать и о послѣдней Епидеміи — оспѣ, бывшей здѣсь въ 1838 году; но

Любострастная болѣзнь появилась здѣсь вмѣстѣ съ прибытіемъ Русскихъ. Но самымъ сильнымъ образомъ свирѣпствовала она около 1798 года; тогда бывали цѣлыя семейства такихъ, гдѣ отъ перваго до послѣдняго члена были заражены этою ужасною болѣзнію; и еще мнѣ удалось видѣть одно такое семейство въ Макущинскомъ селеніи, въ коемъ особенно одна женщина была изкажена до чрезвычайности; но можно сказать, что семейство сіе было послѣднею жертвою этой страшной болѣзни; потому, что въ послѣднее время она очень рѣдко появлялась и то почти только въ главномъ селеніи и по уходѣ судовъ.

Алеуты замѣтили, что при всѣхъ вообще повѣтріяхъ, самое сильное дѣйствіе ихъ бываетъ въ началѣ и въ томъ мѣстѣ, гдѣ появлется прежде, а потомъ мало по малу ослабѣваетъ.

III.

Селенія.

Селенія прежнихъ Алеутовъ состояли изъ одной, двухъ и даже шести юртъ, но

послѣдствія оной еще не извѣстны, кромѣ того, что сказано выше на стран. 1.

Селенія. очень большихъ, такъ, что въ каждой изъ нихъ помѣщалось отъ 30 до 45 семействъ. И нынѣшнія селенія Алеутовъ, состоятъ изъ двухъ и даже десяти юртъ, но съ тою только разницею, что въ каждой юртѣ помѣщается не болѣе двухъ семействъ.

Всѣ вообще селенія располагаются при берегахъ моря и, по большой части, въ заливахъ или бухтахъ, для того, дабы имѣть сколько возможно удобную пристань; и всякое селеніе непремѣнно имѣетъ какія либо свои выгоды и средства къ пропитанію, или подлѣ самаго селенія, или по крайней мѣрѣ не очень далеко.

Большая часть селеній нынѣ находятся, и прежде были, на сѣверной сторонѣ острововъ, къ Берингову морю, какъ болѣе изобильному рыбою, плавникомъ и особенно китами.

Самыхъ большихъ селеній прежде было два: одно на Унимакѣ *Погромское*, а другое на Умнакѣ, *Тулинское*. О нихъ сказано выше. Въ нынѣшнее же время самое большое селеніе есть *главное* въ Уналашкѣ, а потомъ *Унгинское*, *Бѣльковское*, *Рѣчешное* на Умнакѣ, и *Павловское*.

Разстояніе между селеніями весьма не ровно (отъ 7 до 70 и болѣе верстъ); и не отъ каждаго селенія къ ближайшему селенію можно пройти пѣшкомъ. По сей причинѣ сообщеніе между ими бываетъ неиначе какъ на байдаркахъ.

При всякомъ селеніи вообще есть рѣчки, кромѣ двухъ Тулинскаго на Умнакѣ и Черновскаго на Уналашкѣ.

Самыя лучшія селенія, по изобилію рыбы: *Шишалдинское; Макушинское, Натыкинское* и *Унгинское*; по лучшему устройству и достатку жителей: *Павловское* и *Тигалдинское* и оба, надо знать, подъ управленіемъ своихъ родовыхъ Тоэновъ, а самыя бѣднѣйшія селенія суть: *Шишалдинское, Акутанское* и *Черновское*.

Пристани не въ каждомъ селеніи хороши; и особенно плохіе пристани находятся въ селеніяхъ: *Бѣльковскомъ, Аватанакскомъ, Акутанскомъ, Веселовскомъ и Макушинскомъ*, гдѣ, не во всякое время, можно отъѣхать и пристать. Но самая худая пристань въ *Шишалдинскомъ* селеніи, гдѣ во всю зиму, т. е. съ Октября и до Марта, совсѣмъ не возможно ни пристать, ни отъѣхать.

Ни въ одномъ селеніи ни прежде, ни нынѣ, нѣтъ и не было ни какихъ общественныхъ зданій напр. *Кажимовъ*, какъ у Кадьякцевъ прежде и у сѣверныхъ Американцевъ нынѣ, кромѣ бань, но и тѣ болѣе или менѣе зависятъ отъ кого либо изъ жителей. Въ нынѣшнее же время, безъ сомнѣнія во всякомъ бы селеніи пожелали имѣть часовни, или особенные домы, для молитвы, если бы позволяли время и средства; и потому нынѣ, кромѣ церкви, находится домъ

молитвенный только въ одномъ селеніи на Умнакѣ, гдѣ плавнику болѣе, нежели во всѣхъ другихъ селеніяхъ.

РОСПИСЬ СЕЛЕНІЯМЪ,

въ Уналашкинскомъ отдѣлѣ находящимся, съ означеніемъ числа жителей, юртъ, байдарокъ и примѣрнаго разстоянія отъ главнаго селенія.

На какомъ островѣ.	Названіе селеній.	Число жителей			Число юртъ.	Число байдарокъ.	Разстояніе отъ главнаго селенія.
		мужес.	женск.	и того			
на Уналашкѣ	Гаванское	90	106	196	27	15	»
	Натыкинское	6	9	15	2	2	12
	Пестряковское	16	21	37	5	4	20
	Веселовское	7	8	15	3	3	40
	Макушинское	15	20	35	6	5	90
	Кошигинское	18	23	41	8	9	140
	Черновское	20	24	44	4	10	170
	Имагнинское	15	17	32	4	2	8
	Калехтинское	6	8	14	2	2	20
	Бобровское	21	20	41	4	6	12—40
И того	10 селеній	214	256	470	65	58	
на Умнакѣ.	Рѣчешное	38	45	83	13	12	300
	Туликское	11	15	26	3	6	200
Итого	2 селенія	49	60	109	16	18	
на Акунѣ.	Артельновское	16	16	32	7	9	120
	Рѣчешное	19	18	37	5	8	160
	Середнинское	7	9	16	2	4	150
Итого	3 селенія	37	43	80	14	21	

на ост. Борк‍ѣ	Седанковское	17	27	44	6	7	40
—— Уналгѣ	Уналгинское	10	13	23	3	4	25
—— Аватанок	Аватанакское	24	25	49	5	9	150
—— Акутанѣ	Акутанское	6	7	13	2	1	90
—— Тигалдѣ	Тигалдинское	38	59	91	6	14	200
—— Унимакѣ	Шишалдинское	38	53	91	2	4	375
на Аляксѣ.	Моржевское	16	29	45	7	6	460
	Бѣльковское	49	53	102	10	16	525
	Павловское	28	31	59	8	9	585
Итого на Аля-	ксѣ 3 селенія	93	113	206	25	31	
На ост. Унгѣ	Унгинское	52	64	116	13	15	650
— Прибылова	2 селенія	88	94	182	»	»	»
Въ Ситхѣ	и другихъ мѣст.	10	18	38	»	»	»
Ивсего	25 селеній	678	806	1484	157	182	

Примѣчаніе. Здѣсь не считаются домы и юрты, принадлежащіе собственно Компаніи, также и байдарки. А байдарки считаются не однихъ тѣхъ, кои могутъ выѣзжать за промысломъ бобровъ, но всѣхъ. За промысломъ же бобровъ могутъ быть высланы не болѣе половины.

При всякомъ почти селеніи есть *глидѣнъ* или правильнѣе глядѣнъ, т. е. возвышенное какое нибудь мѣсто, близъ селенія, съ коего обыкновенно *выглядываютъ* или замѣчаютъ погоду и вѣтръ.

IV.

Жилища.

Нынѣшнія жилища, или юрты, Алеутовъ много не походятъ на прежнія.

Древнія жилища ихъ (ͳлягáмахъ) никогда не были отдѣльныя, какъ нынѣ, для каждой семьи порознь; но всегда общія, въ коихъ помѣщалось нѣсколько семей (отъ 10 до 40), по большой части находящихся между собою въ родствѣ. Прежнія жилища, или юрты, ихъ были ничто иное, какъ сараи, длиною отъ 10 до 30 и болѣе саженъ, а шириною отъ 4 до 7; говорятъ, что въ нѣкоторыхъ селеніяхъ бывали юрты болѣе 40 саженъ. И сколько мнѣ случалось видѣть признаки прежнихъ юртъ, то почти всѣ онѣ были строены длиною отъ востока къ западу, и кажется не всегда потому, чтобы строеніе принаровить вдоль вѣтровъ, дующихъ сильнѣе прочихъ.

Строенія прежнихъ юртъ ихъ были таковы: въ вырутую яму, глубиною отъ 2 до 4 аршинъ и шириною около 5 саженъ, становили четыре ряда столбовъ, вдоль ямы; первые два ряда подлѣ стѣнъ, на равнѣ съ поверхностію земли и въ разстояніи между собою около сажени; а другіе два ряда, вышиною почти вдвое противъ первыхъ, въ

разстояніи отъ стѣнъ отъ $2\frac{1}{2}$ до 5 аршинъ, а между собою—отъ 5 до 7. На всѣ четыре ряда столбовъ, вдоль строенія, клали перекладины, или матни, изъ круглаго лѣсу; потомъ на эти матни утверждали стропила, поперегъ строенія, въ соразмѣрномъ другъ отъ друга разстояніи. И наконецъ на эти стропила накладывали трещины или, по здѣшнему, карбасины, т. е. колотыя или круглыя шесты. Но нерѣдко и особенно въ самой глубокой древности, вмѣсто всѣхъ столбовъ, перекладинъ и стропилъ, употребляли одни ребра большихъ китовъ, которыя, одними концами становили подлѣ стѣны, врывая нѣсколько въ землю, а между другими двумя, вверху, утверждали разпорки или *быки*, связывая ихъ рѣмнями, отъ чего изъ нихъ образовалось полукружіе: потомъ на нихъ утверждали нѣсколько бревенъ, положенныхъ вдоль юрты и въ соразмѣрномъ другъ отъ друга разстояніи, на которые клали сплошь доски, или трещины. Въ верху, посрединѣ строенія, между стропилами, дѣлалось нѣсколько люковъ или отверстій, изъ коихъ одни служили для входа и выхода жильцовъ и вмѣстѣ окнами и дымными трубами, а другія отверстія, прямо для свѣта и дыма. Первыхъ было отъ 1 до 5, а послѣднихъ сколько могло помѣститься. И этимъ оканчивалось строеніе въ отношеніи плотничной работы. Потомъ на все зданіе, ра-

Жилища. зумѣется кромѣ люковъ, настилались толстыя церелы или рогожки травяныя и на нихъ крыли *ветошью*, т. е. осеннею травою, высохшею на корнѣ, толщиною около аршина; потомъ, покрывъ еще свѣжею травою, засыпали землею или закладывали дерномъ. Послѣ того приступали къ внутренней отдѣлкѣ. Въ юртѣ, сдѣланной изъ китовыхъ костей, становились не толстыя столбы вдоль юрты, въ такомъ же разстоянiи отъ стѣнъ и между собою, какъ и въ деревянной юртѣ, потому, что столбы, въ обѣихъ юртахъ, служили рубежами и раздѣлами для каждой семьи. Потомъ, по обѣ стороны юрты, изъ трещинъ дѣлались полати (Кихьянъ) вышиною отъ полу въ ростъ человѣка, которыя устилались чисто сдѣланными рогожками, и на которыхъ, въ зимнее время, хранились кормовые запасы. Половъ и даже кроватей прежде не было никогда. Между столбами, поперегъ юрты, дѣлались перегородки снизу досками, а вверхъ церелами, также и отъ средины юрты придѣлывались доски (называемыя "Аюкъ) вышиною отъ земли около аршина. Подъ полатями, въ каждомъ отдѣленiи, или конуркѣ, дѣлались еще не большiя полки или рѣшетки изъ тонко выструганныхъ палочекъ, (называемые Итгусинъ), гдѣ каждая семья хранила свои пожитки.

Въ передней, или восточной, сторонѣ юрты, по обѣ стороны, помѣщался тоэнъ

или старшій въ родѣ, со всѣми своими женами и дѣтьми, а далѣе отъ него помѣщались его родовичи, или команда, въ каждомъ отдѣленіи по одной семьѣ, со всемъ ихъ имуществомъ. Подъ выходами же почти всегда было порожнее мѣсто и дѣлались иногда ямы для урины. Лѣсницы дѣлались изъ одного бревна, на коемъ нарубались ступени.

Достаточные хозяева иногда дѣлали особыя каморки (Ага́якъ), въ сторону отъ своего отдѣленія, врываясь внутрь стѣны, гдѣ хранили свое имущество и пищу; а у родителей, имѣющихъ взрослыхъ дѣтей обоего пола, онѣ были дѣтскими спальнями. Входы въ эти коморки всегда были тѣсны, и сказываютъ, что у нѣкоторыхъ такъ искусно закрывались, что невозможно было примѣтить; и въ случаѣ нечаянныхъ нападеній непріятеля они въ нихъ скрывались и отсиживались.

Сверхъ того каждый хозяинъ имѣлъ особую бараборку (ӯлякъ) для поклажи промысловыхъ орудій и проч., въ которыхъ они обыкновенно жили въ лѣтнее время со своими семьями (въ общественной же юртѣ жили только зимою).

Закладки большихъ юртъ (ӯлягáмахъ) и переселеніе въ нихъ всегда сопровождались праздниками. Когда приготовятъ яму для

Жилища. будущей ихъ юрты, тоэнъ или старшій въ родѣ, дѣлалъ пиръ на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ будетъ ихъ юрта, для всѣхъ тѣхъ, кто будетъ жить тутъ, и тогда же назначалъ для всякаго мѣсто, гдѣ онъ долженъ будетъ помѣститься, по старшинству ихъ. Потомъ принимались за постройку, каждый хозяинъ отдѣлывая свое отдѣленіе. По окончаніи всей постройки, не вдругъ всѣ хозяева перебирались на новоселье, но по одиначкѣ и по старшинству, начиная съ тоэна, потому что всякой, перешедшій на новоселье, долженъ былъ дѣлать праздникъ (Канꙋляликъ) и угощать всѣхъ жителей того селенія, и потому, новоселье ихъ, праздновалось очень долго. Наконецъ, когда всѣ переберутся на новоселье, дѣлается общій праздникъ, на который приглашались жители и сосѣдственныхъ селеній, и гдѣ происходили пляски и представленія (ꙋка́макъ), описанныя выше. Этотъ общій праздникъ повторялся каждый годъ, при переходѣ изъ маленкихъ частныхъ бараборъ въ общественную.

Въ прежнее время, почти во всякомъ селеніи были крѣпости, называемыя атта́гинъ, для защиты отъ нападающаго непріятеля, которыя строились всегда на возвышенныхъ мѣстахъ; и были ничто иное какъ обширная яма, кругомъ обнесенная досками, вышиною не болѣе человѣческаго росту.

И также бывали подземныя потаенныя убѣжища, гдѣ они, во время нашествія непріятелей, скрывали свои семейства.

Вышеописанное мною расположеніе юртъ продолжалось до 1805 года, т. е. до прибытія Г. Рѣзанова, съ тою только разницею, что съ уменшеніемъ народонаселенія уменшались и самыя юрты, такъ, что Г. Сарычевъ въ бытность свою здѣсь видѣлъ юрты уже не болѣе 10 саженъ.

Г. Рѣзановъ нашелъ, что для здоровья людей гораздо полезнѣе, вмѣсто большихъ и слишкомъ врытыхъ въ землю юртъ, — строить отдѣльныя небольшія и сколько можно болѣе на поверхности земли; и потому приказалъ строить юрты такъ, какъ онъ находилъ удобнѣе. И съ того времени постройка Алеутскихъ юртъ рѣшительно измѣнилась.

Основаніе, планъ и образъ постройки юртъ нынѣшнихъ тоже что и прежде, только съ тою разницею, что въ землю врываютъ не болѣе аршина и вмѣсто люковъ для входа и свѣта на верху, — нынѣ дѣлаются въ передней стѣнѣ окошко, и въ противной сторонѣ двери, почти всегда узкіе и низкіе, въ которые безъ привычки едва можно пролѣзть; у нѣкоторыхъ бываютъ еще маленькія окошечки и по сторонамъ юрты. Впереди, надъ окошкомъ, или на передней стѣнѣ всегда находится обыкновенно св. образъ одинъ или болѣе; подъ окош-

Жилища. комъ придѣлывается доска, служащая вмѣсто стола, или становится ящикъ съ имуществомъ. Въ нѣкоторыхъ селеніяхъ вмѣсто окошекъ въ передней стѣнѣ дѣлаютъ на верху свѣтлый люкъ, (и мнѣ кажется это гораздо лучше); и тогда у передней стѣны, подъ образами, непремѣнно придѣлывается лавка или скамья.

У весьма многихъ всѣ внутреннія брусья тесаны и выструганы, и стѣны обставлены досками и у нѣкоторыхъ даже самый потолокъ обитъ досками. Передъ входомъ юрты всегда придѣлываются сѣни также съ дверями, которыя служатъ вмѣстѣ и переднею и кладовою и поварнею.

Внутри юрты, по обѣ стороны, дѣлаются уруны или кровати, т. е. отъ среднихъ столбовъ до боковой стѣны настилаются доски, вышиною отъ земли на полъ аршина, которыя имъ служатъ и кроватію и диванами и стульями. Въ одной юртѣ иногда живутъ и болѣе одной семьи, и тогда уруны дѣлаются сплошные отъ передней стѣны до задней. Въ нѣкоторыхъ селеніяхъ, какъ то: на Унгѣ, въ Тигалдѣ и на островахъ Прибылова есть казармы, т. е. большія юрты, весьма похожія на прежнія, т. е. большія юрты, съ люками на верху, съ окошками впереди и съ дверями на задней стѣнѣ, въ которыхъ живутъ по нѣскольку семей, также располагаясь по сторонамъ на урунахъ. Печекъ въ юртахъ совершен-

но нѣтъ ни у кого, кромѣ главнаго тоэна, и полъ въ юртахъ находится также у весьма не многихъ. Для окошекъ, вмѣсто стеколъ, употребляютъ обыкновенно сивучьи или китовы кишки; а у многихъ и самыя двери дѣлаются изъ лафтаковъ.

Во многихъ селеніяхъ у жителей имѣются отдѣльныя юрты, или бараборы, для поклажи разныхъ вещей, и всегда безъ замковъ и затворовъ и даже иногда и безъ дверей.

Во всякомъ селеніи непремѣнно есть баня, а въ нѣкоторыхъ даже три.

На постройку юртъ и другихъ строеній употреблется лѣсъ вообще выкидной, только на Аляксѣ и на Унгѣ на трещины употребляется ольховникъ.

Нѣкоторые изъ стариковъ Алеутовъ думаютъ, что нынѣшнія юрты, т. е. безъ люковъ на верху вреднѣе для здоровья чѣмъ прежнія; потому что при низкихъ дверяхъ и маленькихъ окошкахъ воздухъ въ юртахъ всегда спертъ и не можетъ быть чистъ, особенно при прежнемъ образѣ жизни. И даже думаютъ, что это отчасти препятствуетъ плодородію Алеутовъ.

---

*

V.

Одежда.

Главную и необходимѣйшую одежду Алеутовъ составляетъ *парка,* — родъ длинной рубашки, опускающейся ниже колѣнъ, со стоячимъ воротникомъ и съ неширокими рукавами. Парки дѣлаются нынѣ изъ птичьихъ шкуръ, преимущественно топорковыхъ и ипаточьихъ (морскихъ попугаевъ), а иногда арьихъ; за неимѣніемъ же ихъ, изъ нерпечьихъ шкуръ, съ тѣми самыми украшеніями, какія видѣлъ Г. Сарычевъ, кромѣ котовыхъ ремешковъ.

Парка для Алеутовъ есть не замѣнимая вещь въ здѣшнемъ климатѣ. Она, въ дорогѣ, составляетъ для нихъ и постель и одѣяло и, можно сказать, домъ; съ нею они не боятся ни вѣтру, ни морозу. Это я могу доказать собственнымъ опытомъ: до тѣхъ поръ, пока я не началъ употреблять парку во время моихъ переѣздовъ, я весьма много терпѣлъ отъ холода и вѣтровъ, при всѣхъ средствахъ, какія представляютъ фризы и даже мѣха и проч.

И потому-то хотя и многихъ Алеутовъ можно видѣть въ фризовыхъ или суконныхъ куртахъ и даже сюртукахъ; (впрочемъ послѣдніе только у тоэновъ и почетныхъ); но всѣ, во время поѣздокъ, непре-

мѣнно имѣютъ при себѣ парку, а достаточные имѣютъ даже по двѣ, одну новую, а другую старую.

Другая, столь же необходимая одежда Алеутовъ, есть *камлейка*, также родъ длинной рубашки, только съ тою разницею, что вмѣсто воротника къ ней придѣлывается особый куль или мѣшокъ, который въ случаѣ надобности, напр. въ дождь, надѣвается на голову и вокругъ лице затягивается снуркомъ; также и у рукавовъ, на концахъ, придѣлываются снуры для того, чтобы затягивать рукава *. Камлейки дѣлаются вообще изъ кишокъ преимущественно сивучьихъ, (самыхъ большихъ сѣкачей); и также медвѣжьихъ, моржевыхъ и китовыхъ. Камлейки употребляются только при переѣздахъ въ байдаркахъ и иногда на переходахъ во время дождя. Самыя прочныя камлейки суть сивучьи, а щегольскія медвѣжьи. Компанія дѣлаетъ камлеи и изъ сивучьихъ горловъ, но таковыя употребляются не многими, потому что онѣ слишкомъ дороги.

Удобство и польза камлейки ни чѣмъ

* Всѣ прочія камлейки, безъ кулей и плащи, дѣлаемыя изъ кишокъ, совсѣмъ не есть Алеутское національное платье, но выдумка байдарщиковъ, и ни къ чему не годная, кромѣ подарковъ.

Одежда. не замѣнимы въ отношеніи цѣли, для какой они изобрѣтены. Это я также испыталъ нѣсколько разъ; при самой дурной погодѣ, какая только можетъ быть, въ камлѣйкѣ и легко и тепло и удобно, какъ нельзя лучше.

Камлейка и самая лучшая не можетъ служитъ такъ долго какъ парка; для дѣятельнаго мужчины надобно двѣ и даже три камлейки въ годъ; (для прочности камлейку смазываютъ часто жиромъ, но только не рыбьимъ); но хорошо выдѣланная парка, изъ топорковыхъ шкуръ, можетъ служитъ цѣлый годъ, что называется, не спуская съ плечь, если только беречь ее отъ дождя; а съ бережливостію она можетъ служить даже два года; потому что она не столько изнашивается, сколько ломается отъ мытья. Для мытья парки и выдѣлки шкуръ употребляется урина; послѣ чего обыкновенно моютъ въ прѣсной водѣ. На парку полагается обыкновенно 40 шкуръ топорковыхъ и 60 ипаточьихъ. Для шитья парокъ и камлей вообще употребляется жила морскихъ звѣрей. О промыслѣ же птицъ будетъ сказано ниже.

Для обуви нынѣ употребляются вообще торбаса — родъ бродней, у которыхъ голенищи дѣлаются изъ горловъ или лафтаковъ сивучьихъ, къ нимъ пришиваются переда изъ юфтевой кожи, а подошвы — или изъ Русскихъ кожъ, или изъ китовыхъ

и сивучьихъ ластовъ *, послѣднія, будучи морщиноваты, весьма удобны для ходьбы по каменьямъ и скользкимъ мѣстамъ. Прежніе торбаса дѣлались безъ передовъ — мѣшкомъ. Нынѣ многіе изъ мужчинъ носятъ сапоги, а женщины — башмаки.

Шапокъ или фуражекъ прежніе Алеуты совсѣмъ не знали; и вообще оба пола не покрывали головъ своихъ и не подвязывали; и потому Алеуты, увидя первыхъ Русскихъ съ покрытыми головами, назвали ихъ, прежде всякаго другаго имени, салигу̂гинъ, т. е. шапошные или шляпники. Но нынѣ всѣ вообще мужчины носятъ фуражки, сдѣланныя изъ сукна или нерпечьей шкуры съ козырками, сдѣланными иногда изъ китоваго уса довольно искусно; а замужнія женщины, вдовы и старухи подвязываютъ голову платками; и съ непокрытыми головами ходятъ одни только дѣвушки.

Одежда прежнихъ Алеутовъ состояла также изъ парокъ птичьихъ, а болѣе изъ шкуръ морскихъ котовъ и бобровъ съ различными украшеніями; покрой и проч. почти нисколько не разнились отъ парки мужчинъ. Бобровъ и котовъ нынѣ у нихъ нѣтъ; и потому парки женскія дѣлаются изъ тѣхъ же птичьихъ шкуръ или изъ какой либо матеріи: напр. тику и проч. Но

* Т. е. кожи съ переднихъ ногъ съ подошвъ.

Одежда. преимущественно изъ китайки темныхъ цвѣтовъ. Этотъ родъ одежды называется камлейками и замѣняетъ прежнія нарядныя парки; и по покрою отъ парокъ они разнятся только тѣмъ, что съ переди отъ воротника дѣлается не большой разрѣзъ какъ у рубашки. Щегольскія камлейки дѣлаются съ украшеніями изъ узкихъ полосокъ красной, голубой или зеленой матеріи, которыя нашиваются по подолу, на запястьяхъ и подъ воротникомъ.

Рубашки, въ прежнее время, не были совсѣмъ извѣстны Алеутамъ, но нынѣ вошли въ общее употребленіе, впрочемъ не всякой въ состояніи имѣть ее; достаточные же Алеуты носятъ даже жилеты, брюки (о которыхъ прежде также не имѣли понятія) и галстуки; а жены и дочери таковыхъ въ праздники одѣваются въ Русскія модныя платья и шали (что иногда весьма смѣшно при ихъ неловкой выступкѣ и согбенномъ положеніи).

Поясъ Алеуты не употребляютъ кромѣ того только случая, когда надобно итти въ паркѣ или камлейкѣ пѣшкомъ.

Для маленькихъ дѣтей, парки, дѣлаются почти всегда изъ орловыхъ шкуръ съ однимъ только пухомъ; а для подростковъ обыкновенныя парки иногда даже сюртуки или платья.

Постель Алеутовъ состоитъ изъ нѣсколькихъ цереловъ, или травяныхъ рого-

жекъ, одна другой лучше, и на нихъ — нерпечьей шкурки; а въ прежнія времена вмѣсто нерпечьей шкуры употребляли бобровыя и котовыя шкуры. Но нынѣ многіе изъ Алеутовъ имѣютъ шерстяныя одѣяла, пуховыя подушки и даже перины.

Вообще Алеуты и Алеутки не умѣютъ беречь платья и носить его съ разборомъ, (впрочемъ иногда и потому, что не много перемѣнныхъ платьевъ). Весьма часто можно видѣть, что Алеутъ, надѣвши куртку, или Алеутка — камлейку, носятъ ихъ до тѣхъ поръ, пока онѣ не развалятся, а нѣсколько ранѣе нынѣшняго времени многіе носили даже и безъ починки, такъ, что иногда можно было видѣть кого нибудь или въ хорошемъ курткѣ или камлейкѣ, но разорванныхъ и разпоровшихся. Въ послѣднее же время они стали дѣлаться разборчивѣе и бережливѣе отъ того, что завести платье, или обновку, нынѣ можно не всегда, и съ большими трудами и, особенно въ послѣднее время, — не иначе какъ на наличныя денги.

Рукавицъ Алеуты почти не имѣютъ, выключая стариковъ, которые въ холодное время, при переѣздахъ въ байдаркѣ, употребляютъ кожанныя рукавицы, въ которыя, вмѣсто всякой подкладки, кладутъ мягкую траву.

Къ числу одеждъ мужчинъ принадлежатъ деревянныя шапки или фуражки,

Одежда. употребляемыя только при поѣздахъ въ байдаркѣ. Шапки сіи употребляются именно съ тою цѣлію, чтобы предохранить глаза отъ брызгъ морской воды; онѣ бываютъ двухъ видовъ: однѣ глухіе, а другія съ открытымъ верхомъ.

Первыя, дѣлаются изъ корня какого либо выброшеннаго моремъ пня, и загибаются на подобіе неправильной (элипсической) воронки и потомъ разкрашиваются разными красками, — продольными полосками, и украшаются сивучьими усами, корольками и рѣзными костяными фигурками. Таковыя шапки, въ прежнее время, т. е. когда они не имѣли нынѣшнихъ орудій, — были между ими большая рѣдкость; только Тоэны и почетные могли имѣть ихъ; потому что лучшая шапка стоила отъ одного до трехъ калговъ.

Другія шапки, съ открытымъ верхомъ, суть ничто иное какъ большіе и длинные козырки, надѣваемые поверхъ камлейки, или какъ фуражка безъ тульи съ большимъ козырькомъ. Нѣкоторыя изъ нихъ также украшаются сивучьими усами, корольками и костью. Но первыми только съ лѣвой стороны, для того чтобы они не мѣшали кидать стрѣлки; а у тѣхъ, кои дѣйствуютъ лѣвою, усы прикрѣпляются съ правой стороны. Таковыя шапки, большей или меньшей величины, имѣются у всякаго ѣздока.

Большія шапки, при сильномъ вѣтрѣ,

для неопытнаго могутъ быть причиною гибели его тѣмъ, что очень легко вѣтръ можетъ забраться подъ шапки и силою своею опрокинуть его байдарку и потому многіе въ таковое время для предосторожности снимаютъ ихъ.

Въ прежнія времена была еще въ употребленіи круглая шапочка, сдѣланная изъ нерпечьей кожи, вышитая оленьею шерстію, съ длинною косою изъ ремешковъ назади и съ вышитымъ *языкомъ* на переди. Шапки эти употреблялись только при пляскахъ; и нынѣ никто ихъ не имѣетъ.

VI.

Байдарки.

Алеуты, какъ жители островов, необходимо должны имѣть какія нибудь лодки, или боты, для переѣздовъ съ одного острова на другой и проч. Но природа отказала имъ въ нужномъ для лодокъ матеріалѣ, т. е. лѣсѣ; но за то, какъ бы въ вознагражденіе, дала имъ болѣе смышленности къ усовершенствованію флотилліи особенной — новой, т. е. *байдарокъ*. Не извѣстно кто первый изобрѣлъ, Алеуты ли или ихъ сосѣди, т. е. Кадьякцы и другіе сѣверо - Американцы? Но извѣстно только то, что и ихъ *первыя*

Байдарки. байдарки, такъ были несовершенны, что они съ трудомъ могли переѣзжать на нихъ съ одного острова на другой и только въ тихую погоду. Онѣ были широки, коротки и оттого очень тяжелы на ходу. Но, что усовершенствованіе байдарокъ принадлежитъ Алеутамъ, это не оспоримо; стоитъ только видѣть байдарки Кадьякцевъ, Аглегмютовъ, и другихъ сѣверныхъ жителей, и даже самыхъ ихъ одноплеменцовъ — Алеутовъ, живущихъ на ближайшихъ островахъ къ Камчаткѣ; и съ перваго взгляда видно преимущество здѣшнихъ байдарокъ предъ всѣми. Но надобно сказать, что байдарки нынѣшнихъ Алеутовъ уже не столь совершенны, какъ байдарки прежнихъ Алеутовъ наѣздниковъ. Въ то время у отличныхъ ѣздоковъ онѣ столь были легки на ходу, что не отставали отъ *птицъ* *; столь узки и острокильны, что безъ сѣдока не могли держаться на водѣ

---

* Это не ипербола. Я думаю всѣмъ, кто бывалъ въ здѣшнихъ моряхъ, случалось видѣть, какъ нѣкоторыя птицы, напр. ара, вынырнувши изъ воды близь судна, вѣроятно отъ испугу, не можетъ вдругъ подняться на воздухъ, но очень долго *бѣжитъ* по морю, дѣйствуя и ногами и крыльями; и таковыя птицы не могутъ убѣгать отъ лучшей байдарки.

въ прямомъ положеніи, и столь легки, что семилѣтній ребенокъ легко могъ переносить ихъ. Мнѣ уже не случалось видѣть такихъ байдарокъ — скороходокъ. Въ лучшую байдарку однолючную, чтобы сдѣлать ее ходкою, во всѣхъ составахъ ея вставлялось до 60 косточекъ, какъ то втулочковъ, вертлюговъ, замочковъ, пластинокъ и проч. И такой байдарки во время хода всякой почти членъ имѣлъ движеніе. Но нынѣ таковыхъ косточекъ нѣтъ ни у кого, да и никто, кромѣ нѣкоторыхъ стариковъ, не умѣетъ ни сдѣлать, ни употребить ихъ, какъ должно. (У меня была байдарка трехлючная съ косточками, но нисколько не лучше простой). Въ доказательство легкости прежнихъ байдарокъ я приведу извѣстный примѣръ. Въ бытность здѣсь Капитановъ Креницына и Левашева былъ посланъ одинъ Алеутъ, изъ лучшихъ ѣздоковъ, изъ Капитанской гавани въ Иссанахской проливъ, съ важнѣйшимъ извѣстіемъ, который въ 25 или 30 часовъ переѣхалъ разстояніе около 200 верстъ, но пріѣхавши вскорѣ померъ отъ истеченія крови изъ груди. И также весьма много разъ случалось, что отъ 18 до 12 часовъ переѣзжали разстояніе отъ Угамака на Саннахъ *. Лучшія изъ нынѣшнихъ байдарокъ могутъ подняться

* Около 120 верстъ.

Байдарки.

противъ самаго быстраго теченія въ проливахъ напр. Уналгинскомъ, гдѣ на мысахъ теченіе бываетъ до $6^1/_2$ узловъ.

Мнѣ кажется, что байдарка Алеутская, столь совершенна въ своемъ родѣ, что и самый математикъ очень не много и даже едвали что нибудь можетъ прибавить къ усовершенствованію ея морскихъ качествъ.

Въ нынѣшнее время, байдарки, суть 3-хъ родовъ: т. е. однолючныя (и́кахъ), двухлючныя и трехлючныя (ȣлю́хтакъ). Все, что сказано выше о байдаркахъ надобно разумѣть объ однолючныхъ; потому что трехлючныя байдарки начали дѣлаться только съ прибытія Русскихъ и есть уже ихъ приспособленіе; а двухлючныя хотя и были у Алеутовъ всегда; но только или для перевозу легкаго грузу, или для выѣзда въ море старика съ малолѣтнымъ; но не было примѣра даже до сихъ поръ, что бы двое молодыхъ и здоровыхъ гребцовъ по своей волѣ поѣхали за промысломъ бобровъ въ двухлючной байдаркѣ. Это считается за стыдъ.

Главный членъ вообще всякой байдарки есть не киль, какъ говоритъ Г. Сарычевъ, но *шесты* или верхняя рама, съ нѣсколькими поперечными распорками (бимсами), шириною въ срединѣ отъ $2^1/_2$ до $4^1/_2$ четвертей, а къ концамъ сведена вмѣстѣ; самая большая ширина хорошей байдарки

не на срединѣ, но ближе къ носу. Съ нижней стороны рамы придѣлывается потомъ киль, который всегда бываетъ изъ трехъ штукъ, для того, чтобы байдарка на ходу имѣла движеніе или, какъ говорятъ, изгибалась на волнѣ; послѣ того подъ киль, въ шесты, становятся ребра или лучки, въ разстояніи другъ отъ друга отъ 3 до 7 дюймовъ, и на нихъ, сверху, накладываются нѣсколько тоненькихъ шестиковъ вдоль байдарки, и перевязываются волокнами изъ китовыхъ усовъ. И когда все это сдѣлано, тогда рѣшетка (такъ называютъ байдарку безъ обшивки) готова. Обшивка, или оболочка байдарки, дѣлается изъ лафтаковъ сивучьихъ или нерпечьихъ; она прикраивается на самой байдаркѣ и сшивается почти совсѣмъ, выключая только верхняго шва, отъ люка до кормы, а въ двухъ — и трехлючной байдаркѣ отъ передняго люка до кормы; и этотъ послѣдній шовъ зашивается уже на самой байдаркѣ. Само собою разумѣется, что всякая вещь и даже самая обшивка байдарки требуютъ опытнаго мастера; и не всякой Алеутъ можетъ быть мастеромъ; потому-то и не всякая Алеутская байдарка имѣетъ всѣ хорошія качества. Со внутренней стороны не дѣлается ни какой другой обшивки. Но во время ѣзды, внутри, сверхъ рѣшетки, настилается старый лафтакъ, а потомъ подстилки и грузъ.

Для прочности обшивки, ее, въ ясные дни, смазываютъ жиромъ; но какъ бы не сберегали ее, на цѣлый годъ мало одной обшивки; рѣшетка же можетъ служитъ нѣсколько лѣтъ, разумѣется съ поправкою.

Размѣръ байдарокъ бываетъ слѣдующій:

Трехлючная	отъ	$8\frac{1}{2}$	до	9	арш.	Ширин.	отъ	4	до	5	четв.	выш.	отъ	$2\frac{1}{2}$	до	3.
Двухлючная	—	8	—	$8\frac{1}{2}$	—	—	—	$3\frac{1}{2}$	—	$4\frac{1}{2}$	—	—	—	$2\frac{1}{4}$	—	3.
Однолючная	—	6	—	7	—	—	—	$2\frac{1}{2}$	—	3	—	—	—	2	—	$2\frac{1}{4}$.

Для байдарки необходимы обтяжки или *цу́ки*, безъ которыхъ невозможно ѣхать не только въ дальній путь, но при вѣтрѣ и на близкое разстояніе. Обтяжки дѣлаются всегда изъ сивучьихъ кишокъ или иногда изъ горловъ; она вышиною или шириною бываетъ отъ $^1/_2$ до $^3/_4$ аршина; одною стороною надѣвается на люкъ и прикрѣпляется къ байдаркѣ китовымъ усомъ; а другую сторону сѣдокъ, въ случаѣ надобности, затягиваетъ подъ пазухами снуркомъ изъ жилы, и перехватываетъ чрезъ лѣвое плечо.

Весло для байдарки всегда дѣлается двухъ-лапастное, длиною отъ $2^1/_2$ до 3 аршинъ, смотря по росту гребца, и, если только можно, всегда изъ калифорнской чаги, какъ самаго легкаго дерева; впрочемъ у нѣкоторыхъ стариковъ, при двухъ-лючныхъ байдаркахъ, бываютъ весла и однолапастныя, какъ у Кадьякцевъ.

Камлейка и деревянная шапка также суть необходимыя принадлежности байдарки; но объ нихъ сказано выше.

Также считается необходимымъ при байдаркѣ имѣть помпу или морскую губку, для отливки воды; помпа дѣлается изъ дерева, и есть ничто иное какъ цилиндрическая трубка, длиною около полуаршина, а толщиною, посрединѣ, не много толще руки, къ обѣимъ же концамъ толщина ея постепенно уменшается, до того, что самый конецъ можно взять въ ротъ. Въ однолючной байдаркѣ отливатъ воду приходится всегда заднему гребцу, который сверхъ того всегда бываетъ опытнѣе и сильнѣе передняго, потому что править по курсу есть его дѣло.

Въ однолючной байдаркѣ, если она безъ грузу, многіе имѣютъ камень или два какъ баластъ.

Къ числу необходимыхъ вещей при байдаркѣ, прежде принадлежалъ *пузырь*, т. е. вычищенный желудокъ Нерпечей или Сивучій, который былъ нуженъ при томъ случаѣ, когда ѣздокъ какимъ нибудь образомъ опрокинется. Въ этомъ случаѣ вылезть изъ байдарки и поставить ее опять на киль, не зачерпнувъ воды, и даже если и налилась вода, то отлить ее—очень не трудно; но сѣсть въ байдарку, не имѣя посторонней опорной точки, совершенно невозмож-

Байдарки. но. Надутый пузырь въ этомъ случаѣ былъ весьма полезенъ; потому что съ помощію его сѣдокъ можетъ держаться на водѣ и сѣсть въ байдарку. Случалось, что если какъ нибудь обшивка байдарки прорвется, то ѣздокъ съ помощію пузыря выходилъ изъ байдарки, оборачивалъ ее и починивалъ; а потомъ опять садился въ нее, если это случалось при тихой погодѣ: а при свѣжемъ вѣтрѣ и неблагопріятныхъ обстоятельствахъ, пузырь, клали въ байдарку и тамъ надували его сколько возможно болѣе; и онъ поддерживалъ байдарку на поверхности воды, не смотря на то, что она уже полна была воды. Нынѣ таковыхъ пузырей я видалъ у весьма не многихъ; потому что нынѣ почти никогда не ѣздитъ одна байдарка, но всегда двѣ или три; и въ опасномъ случаѣ одна другой можетъ подать помощь.

Паруса, при байдаркахъ, никогда не употреблялись прежде, да и нынѣ нѣкоторые только тоэны имѣютъ по одному небольшому парусу при своихъ трехлючныхъ байдаркахъ. Затѣи же нѣкоторыхъ Русскихъ касательно вооруженія байдарки нѣсколькими парусами—совершенно безполезны.

Г. Сарычевъ говоритъ: что Алеутъ, когда кидаетъ стрѣлку, то другою рукою придерживаетъ весломъ байдарку, сохраняя равновѣсіе оной. Это ошибка; потому что никто и никогда этаго не дѣлаетъ; всѣ

Алеуты умѣютъ соблюдать равновѣсіе во всякомъ случаѣ; и нѣкоторые такъ ловки, что могутъ въ байдаркѣ встать прямо на ноги, лишь бы только у него было весло въ рукахъ; а такіе пріемы какъ напр. кидать стрѣлки, отъѣзжая отъ берегу, и при небольшомъ прибоѣ, одною ногою встать въ байдарку, а другую отряхивать, и прочее есть дѣло обыкновенное.

Всѣ путешественники единогласно говорятъ, что Алеутъ, въ полномъ нарядѣ и на своей байдаркѣ, имѣетъ красивый и даже величественный видъ; тогда онъ точно на своемъ мѣстѣ. Если Калифорняки *, изъ Американцевъ, суть лучшіе наѣздники на лошадяхъ; то Лисьевскіе Алеуты суть лучшіе наѣздники на байдаркахъ. Никакая сила вѣтра, ни волненіе и даже не всякой толчекъ посторонней силы, если только Алеутъ видитъ ихъ, не опрокинутъ его, лишь бы только весло у него было въ рукахъ. Все, чего боится Алеутъ и съ чѣмъ онъ не въ состояніи бороться, есть сильной сулой въ проливахъ, и еще сильный бурунъ на пристани; но и здѣсь, опытный и проворный ѣздокъ, въ послѣднемъ случаѣ очень часто можетъ пристать или отъѣхать и тѣмъ спастись и спасти другихъ. Но въ первомъ случаѣ, если онъ не умѣетъ ми-

* Или Арауканцы, жители югозападной Америки.

Байдарки. новать сулоевъ и проѣхать между ими, то гибель его неизбѣжна.

У прежнихъ Алеутовъ были и байдары для перевозки большихъ грузовъ; но постройка ихъ была совершенно другая, чѣмъ нынѣшніе колоніальные байдары: корма и носъ у нихъ были одинаково круты и не высоки, дно очень узкое, а ребра иногда были гнутыя такъ, какъ и у байдарокъ, и въ такомъ случаѣ особенныхъ распорокъ на килѣ не было; бесѣдокъ или лавокъ въ нихъ не было, и гребцы сидѣли по бортамъ; весла у нихъ были короткія, однолопастныя и небольшія. Байдары ихъ, говорятъ, были очень вертки или валки, но за то на ходу гораздо легче нынѣшнихъ; мнѣ не случилось уже видѣть ихъ прежней байдары.

Описаніе нынѣшнихъ байдаръ здѣсь не кстати, потому что онѣ не есть принадлежность одной Уналашки, и притомъ онѣ уже описаны.

VII.

Пища.

Природа здѣшняя очень скудна земляными произведеніями. Здѣшній климатъ едвали позволитъ развести какія либо цереальныя растѣнія; а потому пищу здѣшнихъ жителей составляютъ единственно произведенія животнаго царства, и преимущественно морскихъ животныхъ; а именно: киты всѣхъ родовъ (кромѣ плавуновъ), сивучи, коты, нерпы, бобры и отчасти моржи; изъ рыбы: треска, калага, рямжа, палтусъ, терпуги, морскіе окуни и налимы, гольцы, красная рыба, горбуша, хайко, и кижучь; изъ ракушекъ: рѣпки, мамаи, черныя ракушки и проч. раки двухъ родовъ; изъ птицъ: куропатки, гуси и утки, разныхъ родовъ, ары, топорки, глупыши, ипатки, чайки, говорушки и другія. Для полнаго списка прибавимъ сюда оленей, медвѣдей, нюняковъ (на Аляксѣ и Унгѣ); и домашнихъ животныхъ, т. е. свиней и куръ. Изъ растительнаго же царства употребляются въ пищу, изъ ягодъ: шикша, малина и отчасти прочія ягоды; изъ кореньевъ: сарана, макарша, чагитка, сладкой корень и морская капуста, двухъ родовъ.

Пища. Такой огромной перечень различныхъ произведенiй, съ перваго взгляда, можетъ дать понятiе, что здѣшнiе жители имѣютъ достаточныя средства къ пропитанiю, даже до роскоши; но въ самомъ-то дѣлѣ пропитанiе ихъ весьма ограниченно и даже скудно; потому что оно вообще зависитъ отъ обстоятельствъ и случаевъ и несравненно болѣе непостоянныхъ, чѣмъ у жителей твердой земли; и нѣтъ ничего такого, что бы всегда могло быть, такъ сказать, фундаментальною и постоянною пищею, кромѣ воды и воздуха. И даже нельзя сказать рѣшительно: чѣмъ болѣе питаются Алеуты? Ибо перiодической рыбы, и въ самое лучшее лѣто, запасается не болѣе 500 штукъ на каждую семью; морская рыба, хотя и во многихъ мѣстахъ находится въ изобилiи, но средства или обстоятельства не позволяютъ запасти ее много, оттого, что заготовленiе рыбы здѣсь можетъ быть не иначе какъ сушкою; но этому очень часто не благопрiятствуетъ погода; а зимою рыба отходитъ на глубину, сильные и почти безпрерывные вѣтры не позволяютъ выѣзжать за нею. Сивучей промышляется очень немного, и то въ немногихъ мѣстахъ; нерпы хотя водятся и вездѣ, но въ маломъ количествѣ; коты только на островахъ Прибылова, а бобры бываютъ только лѣтомъ и притомъ потребляются самыми

промышленниками. Китовъ лѣтомъ бываетъ иногда великое множество, но только въ Уналашкѣ и отчасти подлѣ Акуна; и тамъ хотя промышляютъ или подстрѣливаютъ ихъ каждогодно отъ 30 до 60; но къ рукамъ приходитъ неболѣе 33, а иногда не болѣе 10. Конечно 10 или 20 китовъ, по видимому, есть огромное количество; но киты здѣсь вообще бываютъ только малой породы, такъ, что цѣлаго кита легко можно погрузить въ одну байдару; и при самомъ большомъ изобиліи китовъ запасаются китовиною и жиромъ одни только окольные жители, и притомъ такъ не богато, что запасовъ ихъ никогда не бываетъ достаточно на цѣлый годъ; потому что иные не радятъ и тратятъ напрасно, другіе слишкомъ щедро живутъ съ осени; а болѣе потому, что нѣтъ посуды, въ чемъ бы можно было хранить жиръ. Общая у всѣхъ посуда для жиру суть пузыри сивучьи или нерпечьи, а какъ этихъ звѣрей не много, то и посуды не можетъ быть болѣе, и притомъ, къ несчастію, съ 1828 года завелись здѣсь крысы, которыя иногда въ одну ночь лишаютъ хозяина всего годоваго запаса; деревянной посуды очень мало, потому что хотя бы и многіе изъ Алеутовъ могли ее дѣлать для себя, но нѣтъ для этаго нужныхъ матеріаловъ (и именно обручей).

Главную пищу Алеутовъ составляетъ жиръ, какого бы то ни было звѣря, кромѣ

Пища. плавуновъ. Сколь бы много не было запасено рыбы у Алеута, но если въ тоже время нѣтъ у него жиру; то навѣрное можно сказать, что онъ не избѣгнетъ слѣдствій, если не настоящаго голода, то болѣзни, потому что юкола, сушеная рыба, безъ жиру, при долгомъ употребленіи, производитъ кровавый поносъ; и самая свѣжая рыба безъ него не столь питательна. Напротивъ того, хотя бы у Алеута не было ни одной юколы, но если достаточно жиру, то онъ не увидитъ голоду; потому что съ жиромъ онъ можетъ употреблять въ пищу *все*: и коренья и морскую капусту, (которые безъ жиру, особенно послѣдняя, совсѣмъ вредна) и ракушки, и самую сухую юколу и рѣмни, словомъ сказать все, что только можетъ варить желудокъ. И потому весьма ошибаются тѣ, кои думаютъ, что для Алеута изобиліе и довольство пищи заключается преимущественно въ рыбѣ. Правда, они болѣе питаются рыбою чѣмъ мясомъ, но это только по не достатку морскихъ животныхъ, и если только можно, то всегда съ жиромъ.

Изъ лучшихъ Алеутскихъ блюдъ суть: *шикша* (ягода) съ жиромъ, избитымъ до бѣла; *головки* періодическихъ рыбъ, сквашенныя до нѣкоторой степени, и рыбья *икра*, приготовленная также какъ и головки; *головы* и *жирныя мѣста* палтуса; *нура* (мелкое морское растѣніе) вареная съ жиромъ; и

хорошая *юкола* съ жировою китовиною; особенно превосходнымъ кушаньемъ считается *второе*, отъ котораго не откажутся и привычные къ Русскимъ кушаньямъ.

Алеуты почти все ѣдятъ сырымъ, кромѣ трески, которая, сырая и особенно недоваренaя, очень вредна. Мясо земноводныхъ хотя и варятъ или парятъ въ каменьяхъ, но можно сказать только до того, что оно лишь только согрѣется.

Соли, въ пищѣ, не употребляютъ совсѣмъ; только нынѣ, находящіеся въ работникахъ въ главномъ селеніи, начали употреблять соленую рыбу, но и то по нуждѣ, а отъ хлѣба, чаю и сахару никто не откажется.

Хотя Алеуты ѣдятъ почти все и не слишкомъ разборчивы касательно чистоты; но при всемъ томъ ихъ нельзя назвать *всеядящими*, какъ это говорятъ о Камчадалахъ; потому что есть вещи и изъ произведеній ихъ земли, которыхъ они совсѣмъ не ѣдятъ, напр. *грибовъ* никакого рода и ни въ какомъ видѣ; и даже сначала, когда они увидѣли, что для нѣкоторыхъ овощей, Русскіе, унавоживали землю обыкновеннымъ навозомъ, то не хотѣли ѣсть тѣхъ овощей, которые родились на такой землѣ; и даже нынѣ, когда уже привыкли видѣть это, сами не будутъ дѣлать это, если бы и имѣли нужду въ томъ.

Пища. Запасать рыбу для юколы всегда есть дѣло женщинъ; и для этаго, онѣ, заблаговременно разселяются по извѣстнымъ рѣчкамъ, особливо изобилующимъ рыбою, съ дѣтьми своими, и при каждой партіи находятся одинъ или двое стариковъ или хворыхъ мущинъ, и не столько для пособія при самомъ промыслѣ, сколько для перевозки необходимыхъ вещей, и для охраненія отъ *бѣглыхъ*.

Запасеніе пищи для Алеутовъ, можно сказать, не составляетъ единственнаго предмета или исключительной цѣли существованія ихъ, такъ какъ это можно сказать о весьма многихъ Русскихъ изъ простаго народа, смотря на тѣхъ и другихъ съ этой точки. Всякой Алеутъ запасаетъ себѣ пищу, но запасаетъ ее какъ бы по найму и не для себя; и (какъ сказано выше) сдѣлавъ запасъ на два—три мѣсяца, беззаботно встрѣчаетъ зиму; и не смотря на то, что каждая весна научаетъ его самымъ внятнымъ образомъ быть дѣятельнѣе и попечительнѣе о запасеніи пищи, онъ не пользуется таковыми уроками; но эта беззаботность ихъ происходитъ отъ того, что они, живя при морѣ, во всякое время года надѣются получить что нибудь отъ моря, которое есть неистощимая и богатая житница для всѣхъ живущихъ при немъ, изъ которой можно брать всегда, лишь

бы только позволили обстоятельства и средства. И потому таковая беззаботность Алеутовъ о запасеніи себѣ пищи съ одной стороны похвальна, тѣмъ, что она, болѣе или менѣе, но есть признакъ надежды на Всепитающаго Бога; а съ другой стороны она нисколько не лучше той заботливости, у которой въ виду одно только чрево: ибо она можетъ быть поводомъ къ праздности; а праздность всегда хуже всякой хлопотливости и заботливости.

Постояннаго времени для ѣды у Алеутовъ почти нѣтъ, выключая ужина. По утру, а особливо предъ большою поѣздкою, они, никогда не ѣдятъ для того, какъ они говорятъ, дабы менше пилось, а иначе— будетъ сильная одышка. Во время пути они ѣдятъ очень рѣдко и мало, и только что, какъ говорится, перехватываютъ; но за то, по привалѣ, они даютъ волю своему аппетиту; но и не такъ, какъ говорятъ нѣкоторые, что они ѣдятъ всю ночь безпрерывно и одинъ за десятерыхъ. Правда, одной обыкновенной порціи, для каждаго, въ такомъ случаѣ недостаточно; но надобно взять въ расчетъ ихъ безпрерывный трудъ и постъ; продолжающіеся иногда до 18 часовъ сряду. Въ обыкновенное же время, вообще Алеуты, ѣдятъ весьма умѣренно, даже менѣе, какъ бы казалось, было нужно.

Пища. Всѣ ракушки и особенно рѣпки, въ большомъ количествѣ употребляемыя въ пищу, очень сильно располагаютъ ко сну.

Питье Алеутовъ есть одна только вода; до прибытія Русскихъ, они, не знали ничего хмѣльнаго, но съ тѣхъ поръ узнали водку и табакъ, нѣкоторымъ образомъ замѣнящій хмѣльное.

Водку и всякой спиртовой напитокъ, Алеуты, называютъ тан̆амъ дакӯлга, т. е. дурацкая или одуряющая вода. Нынѣ вводится употребленіе чаю, даже каждодневно, который они достаютъ отъ Русскихъ за работу или за рыбу и прочее. Привычка къ чаю, въ Алеутахъ, до того усиливается, что многіе готовы промѣнивать чашку чаю на рюмку водки.

Табакъ же нынѣ во всеобщемъ употребленіи и по большой части *лемешиною*, т. е. кладутъ за губу, нѣкоторые нюхаютъ, но никто не куритъ.

VIII.

Имущество.

Имущество, или богатство, Алеутовъ, почти не простирается далѣе необходимыхъ потребностей человѣка, какъ то: хижины, одежды и промысловыхъ орудій; такъ, что ни сколько не затруднитъ сказать на угадъ, у кого что есть; и все это безъ всякой роскоши, совершенно безъ излишества, просто и почти у всѣхъ единообразно.

Впрочемъ, таковая ограниченность въ имуществѣ ихъ, совсѣмъ не отъ того, чтобы они не имѣли никакого желанія улучшить свое состояніе; (это противуестественно человѣку, не лишенному какого нибудь разсудка); или не потому, чтобы они совсѣмъ не имѣли средствъ имѣть что нибудь лишнее; ибо, есть изъ нихъ такіе, кои имѣютъ даже роскошныя вещи; но отъ того, что они умѣютъ быть довольными своимъ состояніемъ и могутъ, очень легко, обойтись безъ того, чего не имѣютъ. Это находится въ ихъ характерѣ.

Самымъ бѣдственнымъ состояніемъ, Алеуты, считаютъ только то, когда всѣ

Имущество. мущины, въ цѣломъ селеніи, сдѣлаются не здоровы. Ибо въ такомъ случаѣ имъ угрожаетъ самая крайность. Самое же лучшее состояніе, по мнѣнію ихъ, есть того, кто имѣетъ свою юрту, байдарку въ новой оболочкѣ и съ полнымъ количествомъ промысловыхъ орудій, ружье, топоръ, чайникъ и котелъ, двѣ перемѣны платья для себя и семейства, т. е. тотъ, кто всегда въ состояніи выѣхать когда и куда ему хочется и кто тепло одѣтъ. Вотъ все, что составляетъ и можетъ составить движимое и недвижимое имущество Алеута, и это есть самое лучшее благосостояніе, какого еще очень многіе не въ состояніи имѣть; но весьма многіе изъ нихъ довольны и тѣмъ, если имѣютъ парку, байдарку и камлейку.

Домашняя посуда, кромѣ чайной, состоитъ изъ двухъ—трехъ деревянныхъ калугъ, или лукошекъ, костяныхъ ложекъ и одной или двухъ фляжекъ (съ костяною трубкою) для воды: у нѣкоторыхъ можно найти чашки, блюды и тарелки, глиняныя или какія случится достать отъ Русскихъ.

И такъ, все имущество или богатство Алеута, по нашей оцѣнкѣ, простирается не болѣе какъ отъ 200 до 500 рублей и разумѣется самаго исправнаго; а обыкновенныхъ Алеутовъ не болѣе какъ отъ 50 до 200.

Въ прежнее время, къ числу имущества ихъ принадлежали калги или рабы. Богатые и бойкіе, или храбрые, имѣли ихъ отъ 5 до 20. Но съ прибытія Русскихъ и особенно съ тѣхъ поръ, какъ Алеуты окрестились, калги ихъ сдѣлались свободными; и теперь нѣтъ ихъ ни у кого *.

Дорогія вещи у прежнихъ Алеутовъ, были: лучшая байдарка съ приборомъ, сдѣланная руками знатока, и походная байдара; каменные ножи или кинжалы (Камликъ и са́микъ); деревянная шапка, убранная долгими сивучьими усами и съ разными камешками, (Каягтгӳмъ тӳмгагиганъ алюхсагӳ инглятӳ); хорошіе стрѣлки и лукъ, со стрѣлами, (сангимъ чнга́юхтанъ ангихта́кихъ); и проч. Изъ одеждъ: нарядная парка (са́мъ агӳкакъ); камлейка, чисто шитая, (чи́хдамъ кӳма́данъ а̊люги́); а изъ женскихъ вещей: главное — бобровая, или котовая, парка (чӳгахъ), и покрывало изъ травы, чисто сплетенное, на подобіе плаща, (чӳга́юкъ); а потомъ—свѣтлые камешки, доставаемые въ горахъ, и разныя костяныя украшенія: нгита́кихъ, сӳклюкъ, качи́шинъ, чӳка́шинъ; костяныя иглы для шитья (они дѣлались изъ

---

* Мнѣ еще удалось видѣть одного, который въ малолѣтствѣ былъ калгою какъ сынъ военноплѣннаго.

Имущество. крыловыхъ костей албатроса и вмѣсто ушковъ имѣли зазубринку), и разныя краски; но всего дороже считались долгіе сукли (родъ костяныхъ червей), кои получались или мѣною, или кровію, отъ Американцевъ.

Въ нынѣшнее же время, особенно дорогихъ или дорого-цѣнимыхъ вещей для Алеутовъ нѣтъ, кромѣ байдарки и табаку. Первая какъ самонужнѣйшее средство къ существованію, которая для Алеута стольже необходима какъ для земледѣльца плугъ и лошадь; а послѣдній—какъ ободряющее средство. Весьма важнымъ пріобрѣтеніемъ нынѣ считаютъ, Алеуты, какую нибудь церковную книгу, а особливо псалтирь, Евангеліе и святцы, и также образъ; ни за что или, покрайней мѣрѣ, очень не легко, онъ, разстанется съ таковыми книгами, не смотря на то, что или совсѣмъ не умѣетъ читать, или, читая, не понимаетъ ни слова.

Способы пріобрѣтать имущество, до прибытія Русскихъ къ нимъ, были: война и умѣнье промышлять животныхъ; но нынѣ перваго совсѣмъ нѣтъ, осталось почти одно только послѣднее; но и то, съ прибытіемъ Русскихъ, уменшилось до того, что уже много лѣтъ прошло какъ ни у одной Алеутки нѣтъ бобровой, или котовой, парки, или постели, и этого Алеуты нынѣ *не могутъ* имѣть въ полномъ значеніи сего слова, хотя бы и хотѣли; все же другое, что

прежде считалось богатствомъ и драгоцѣнностію: напр. сукли — нынѣ совсѣмъ не имѣетъ для нихъ цѣны. Въ прежнее время все оцѣнивалось калгами; но нынѣ денгами, такъ какъ и вездѣ.

Пріобрѣтать денги, Алеуты, нынѣ имѣютъ только два средства: или быть работникомъ Компаніи, или получать плату за промысла звѣрей и (отчасти) птицъ. Находящіеся въ работникахъ получаютъ отъ Компаніи отъ 100 до 200 рублей въ годъ, и сверхъ того, Компанія, даетъ имъ дневное пропитаніе; но за все, что работникъ упромыслитъ во время службы Компаніи, ему особенной платы не производится, кромѣ временныхъ наградъ, по усмотрѣнію начальствующихъ. Всѣмъ же прочимъ Алеутамъ, не находящимся въ работникахъ, платится за каждаго упромышленнаго ими звѣря, по таксѣ, утверждаемой Правительствомъ, и которая время отъ времени увеличивается *, и сверхъ того за каждый день случайной работы, они, получаютъ по 50 копѣекъ.

Вообще, по всему Уналашкинскому отдѣлу, за промысла и временныя работы

---

* Напр. до 1821 года за красную лисицу, Алеутамъ, платили по 70 копѣекъ, а нынѣ — два рубля.

Имущество. выплачивается Алеутамъ отъ 8 до 12 тысячь рублей въ годъ; а всѣхъ промышленниковъ, не считая находящихся въ работникахъ Компаніи, среднимъ числомъ можно положить не болѣе 250 человѣкъ. И такъ на каждаго промышленника придется въ годъ около 30 рублей, т. е. отъ 10 до 80.

Кромѣ сихъ средствъ къ полученію денегъ, Алеуты, совершенно никакихъ не имѣютъ; потому, что всѣ мѣха, за которые они безъ сомнѣнія могли бы получать несравненно болѣе того, что платитъ имъ Компанія, — они, по привиллегіи Компаніи, должны продавать исключительно ей одной *. Рыбы продавать не кому да и нечего. Всѣ же прочія вещи ихъ, какъ то: камлейки, шапки и проч., которыя имъ удается продавать на приходящія суда, такъ маловажны, что едва ли и за всѣ вещи они получатъ 300 рублей.

* Это есть единственная повинность, которою обязаны Алеуты за всѣ объ нихъ попеченія и пожертвованія правительства и Компаніи, которая сверхъ того, снабжая недостаточныхъ Алеутовъ необходимыми вещами въ долгъ, время отъ времени принуждена уничтожать таковые долги. Въ послѣднее время такихъ долговъ, накопившихся еще отъ первыхъ временъ существованія Компаніи, уничтожено до 50 *тысячъ.*

Всѣ привозныя вещи и товары, въ Америкѣ, обыкновенно дороже чѣмъ въ Россіи, но не болѣе какъ 50 процентами, а самыя необходимыя — отъ 15 до 30%.

Богатыми изъ Алеутовъ, въ нынѣшнемъ ихъ состояніи, могутъ почесться тѣ, которые живутъ на островахъ *Прибылова*, гдѣ Алеуты, не находясь въ работникахъ, или не считая себя работниками Компаніи, исполняютъ все требуемое Компаніею, которая платитъ имъ не за время службы, какъ въ прочихъ мѣстахъ; но за всякаго упромышленнаго звѣря по таксѣ; и вся сумма, какая причтется за разные промысла, дѣлится на всѣхъ наличныхъ промышленниковъ и работниковъ, смотря по ихъ способности и усердію. Лучшіе промышленники получаютъ отъ 200 до 250 рублей въ годъ, обыкновенные отъ 120 до 200 и послѣдніе, т. е. старики и хворые, которые работаютъ только во время котоваго промысла, — получаютъ отъ 40 до 80 рублей; сверхъ того жены многихъ получаютъ жалованье отъ 60 до 100 рублей въ годъ за шитье байдарокъ и проч. Продовольствіе же ихъ несравненно лучше, чѣмъ въ Уналашкѣ. И кромѣ того, они, еще имѣютъ средства запастись кишками, горлами и лафтаками, т. е. вещами, нужными для байдарокъ, чего всѣ другіе Алеуты лишены. И потому изъ порядочныхъ Алеутовъ, долго тамъ проживщихъ, есть такіе, кои имѣ-

Имущество. ютъ имущества болѣе, чѣмъ на тысячу рублей.

Теперь сдѣлаемъ вопросъ: есть ли у Алеутовъ предметы роскоши? Если взять въ строгомъ смыслѣ слово *роскошь*; то конечно у нихъ найдутся вещи, кои составляютъ предметы роскоши, какъ-то: чай, табакъ, водка, лишнее платье, особливо Русское, чайная посуда, зеркальцо и еще весьма не многія вещицы. (И надобно замѣтить, что изчисленное здѣсь есть почти все, что только можно замѣтить у Алеутовъ роскошнаго). Но если судить объ Алеутѣ, — какъ обыкновенномъ человѣкѣ, съ желаніями наслажденій; то можно ли означенныя вещи почесть роскошью, особливо тогда, когда, Алеутъ, въ состояніи ихъ достать себѣ честнымъ образомъ? Но если даже предположить, что денги, которыя онъ употребляетъ на покупку таковыхъ вещей, могъ бы имѣть въ запасѣ на случай его болѣзни, старости и проч. и тѣмъ болѣе, что въ ихъ состояніи и самый лучшій промышленникъ получаетъ не болѣе 300 рублей; то и въ такомъ случаѣ нѣкоторыя вещи совсѣмъ не будутъ роскошью, какъ то напр. *табакъ* для Алеута есть ободряющее средство, въ его трудныхъ работахъ и скучномъ бездѣйствіи; о *водкѣ* и говорить нечего, потому что имъ достается очень мало; а перемѣнное *платье*, кто почтетъ роскошью! Все, что можно

назвать роскошью, то это чай и нужная для него посуда; но и чай, въ холодное время, особенно зимою, послѣ промысла рыбы, есть живительное питье въ полномъ смыслѣ.

IX.

Орудія.

Орудія у нынѣшнихъ Алеутовъ двоякія, т. е. новыя и древнія. Изъ новыхъ болѣе всего въ употребленіи: топоръ, ножъ, ружье, иглы и другія мелкія орудія. Нѣкоторые изъ нихъ умѣютъ владѣть и столярными и слѣсарными инструментами.

Изъ древнихъ же, или ихъ національныхъ, орудій, нынѣ у нихъ находятся стрѣлки и другія, весьма не многія.

Стрѣлки бываютъ четырехъ родовъ, и у коихъ вообще древко дѣлается изъ калифорнской чаги — какъ самаго легкаго дерева; къ толстому концу его придѣлываются костяные наконешники отъ 5 до 8 вершковъ, дѣлаемые изъ моржевыхъ клыковъ или китовыхъ челюстей, или оленьихъ роговъ. Наконешники стрѣлокъ, особенно бобровыхъ, дѣлаются всегда въ такой пропорціи съ тяжестію древка, что стрѣлка

Орудія. не тонетъ и стоитъ въ водѣ, перпендикулярно, выказываясь изъ оной около фута. Различіе стрѣлокъ состоитъ отчасти въ величинѣ ихъ и вооруженіи снурками, а болѣе въ *носкахъ*. У *бобровыхъ стрѣлокъ*, носки, (которые обыкновенно вставляются въ костяной наконешникъ) бываютъ костяные, длиною около 2 дюймовъ и съ тремя зазубринками, а у *китовыхъ* стрѣлокъ, носки, каменные изъ обсидіана, на подобіе копья, длиною также около 2 дюймовъ; у *птичьихъ* стрѣлокъ, къ одному длинному носку (около 8 дюймовъ) съ зазубринами, придѣлываются съ боковъ еще три, такой же длины, которые, въ концахъ своихъ, расходятся въ рознь на подобіе остроги; и у такого рода стрѣлокъ наконешники почти никогда не бываютъ. *Нерпечьи* стрѣлки бываютъ длиннѣе всѣхъ, наконешникъ у нихъ длиною отъ 3 до 5 четвертей, толщиною около 5 дюймовъ, а носки, похожи на бобровые, только длиннѣе и толще. Кромѣ этихъ стрѣлокъ есть еще особыя съ *пузырями*, которыя, по вооруженію и поноску, похожи на бобровыя, только подлиннѣе и по болѣе; къ древку ихъ прикрѣпляется не большой пузырь съ краномъ или затычкою, для надуванія. Эта стрѣлка употребляется только тогда, когда бобръ, или другой звѣрь, будетъ уже подстрѣленъ, и чтобы онъ не потонулъ или скорѣе замаялся.

Носки у бобровыхъ и нерпечьихъ стрѣ-

локъ вынимаются и вставляются по надобности, а у прочихъ закрѣплены.

Самая лучшая изъ всѣхъ стрѣлокъ, и по вооруженію своему болѣе замысловатая, есть *бобровая*. Когда стрѣлка эта попадетъ въ бобра, то носокъ ея, прикрѣпленный къ древку длиннымъ раздвоеннымъ снуромъ изъ жилы, тотчасъ выходитъ изъ своего мѣста и остается въ бобрѣ, зацѣпившись зазубринками, и тѣмъ распускаетъ обвитый вокругъ древка снурокъ, который, будучи раздвоенъ и прикрѣпленъ близь обѣихъ концовъ стрѣлки, при ходѣ, или по здѣшнему, при поныркѣ бобра, волочится за нимъ не вдоль, но поперегъ, и тѣмъ, бурова въ водѣ, отнимаетъ у него ходъ. А если бы бобръ вздумалъ притаиться, т. е. остаться въ водѣ совсѣмъ, высуня изъ оной одно только рыло, (что онъ дѣлаетъ нерѣдко); то эта стрѣлка измѣнитъ ему, стоя въ водѣ вертикально. Если бы случилось, что стрѣлка изломалась, или древко отдѣлилось отъ наконешника, то для того, чтобы не утонулъ наконешникъ, придѣлывается тоненькой снурокъ, во всю длину древка, и прикрѣпляется къ наконешнику.

Всѣ стрѣлки, выключая нерпечей, кидаются изъ рукъ, съ помощію небольшой дощечки (ӑсхѹкъ), длиною около $^3/_4$ аршина. На одномъ концѣ ея дѣлается дирочка, для придержанія стрѣлки и дощечки, а на другомъ вставляется костяной крючекъ, въ

Орудія. который упирается конецъ стрѣлки, когда ее нужно кинуть; дощечка сія ничто иное есть какъ дополненіе, или наставка, длины руки. Искусный и проворный стрѣлокъ такъ скоро можетъ кидатъ стрѣлки одну за другою, что первая находится еще на полетѣ какъ другая уже полетѣла. Но никто не возмется за одинъ разъ попасть въ цѣль, особливо если она не велика.

Къ числу промысловыхъ орудій принадлежитъ небольшая палка, называемая *дрегалка*, для того дабы добить звѣря, когда онъ будетъ уже пойманъ. — Орудіе самое простое.

Жители Аляксы и Унги имѣютъ обыкновенные луки и стрѣлы, которые вообще очень не длинны и весьма походятъ на употребляемые Аглегмютами и другими сѣверными народами. Но употребляютъ ихъ, они, только для промысла земляныхъ звѣрей, а морскихъ — никогда, и то не всегда, особенно въ послѣднее время, когда, они, въ состояніи имѣть ружья.

Для промысла морской рыбы употребляются крючки или уды, нынѣ вообще металлическія, а прежде костяныя. Для промысла періодической рыбы употребляли и еще по нынѣ употребляютъ также, стрѣлки, т. е. длинные, простые шестики, съ длиннымъ зазубристымъ носкомъ, изъ желѣза. Стрѣлка сія привязывается къ длинному снуру или мауту, котораго другой конецъ

находится въ рукахъ промышленника. Промыселъ этотъ, даже и при изобиліи рыбы, совершенно зависитъ отъ удачи.

Многіе изъ Алеутовъ, еще и понынѣ, употребляютъ топорики свои, которые суть нѣчто иное, какъ небольшія, одноручныя шляхты, съ тою только разницею, что желѣзко не насаживается на ручку, какъ у топора или шляхты, но привязывается къ ней рѣмнемъ. Въ прежнее время, вмѣсто нынѣшнихъ желѣзокъ, употреблялись каменья сіенитъ или аспидъ. Лѣсъ раскалывали костяными клиньями.

На всякой байдаркѣ всегда есть непремѣнно двѣ — три стрѣлки бобровыхъ, которыя никогда не снимаются съ нее даже и на берегу. При отправкѣ же въ партію всякой запасается стрѣлками отъ 5 до 15.

Женскихъ орудій вообще очень немного, кромѣ разной величины иголокъ, у нихъ была и теперь есть *пекулка*, т. е. родъ широкаго изогнутаго ножа, длиною около 3 вершковъ и безъ рукоятки, вмѣсто которой, къ обуху ножа, придѣлывается деревяжка, за которую держатъ. Пекулкою, Алеутки, очень искусно умѣютъ дѣйствовать и вмѣсто ножа и ножницъ. Въ прежнее время, пекулки, дѣлались изъ аспида и сіенита; а нынѣ изъ стали, для рѣзки же китовины всегда дѣлается изъ простаго желѣза, а стальная почти совсѣмъ не годится.

Орудія.

Есть еще женское орудіе для раздиранія сухой жилы морскихъ животныхъ на самыя мелкія волокна, орудіе, которое можетъ имѣть всякая женщина, безъ купли и труда, и которое никогда не потеряется, — это отрощенный ноготь большаго пальца, той или другой руки. Этимъ орудіемъ, онѣ, дѣйствуютъ весьма удобно и такъ искусно, что не скоро можно придумать другаго удобнѣйшаго орудія или средства для раздиранія жилы и травы.

Причисливъ сюда воинскія оружія, о коихъ сказано выше, т. е. щитъ, латы, два рода кинжаловъ и столько же стрѣлъ, — тогда составится полный перечень всѣхъ Алеутскихъ національныхъ орудій, и который показываетъ, что всѣ орудія ихъ, какія они имѣли до прибытія Русскихъ, были самыя простѣйшія и цѣль ихъ не простиралась далѣе необходимости существованія и обороны, и — что не было у нихъ ни какихъ машинъ, или какихъ либо орудій (кромѣ клина), которыя бы увеличивали силу человѣка или ускоряли его дѣйствіе; вездѣ главная машина и главное орудіе у нихъ было — *терпѣніе*.

X.

Рукодѣлія.

Всѣ издѣлія Алеутскія: какъ напримѣръ промысловыя орудія и байдарки, такъ и національная ихъ одежда, — доведены, можно сказать, до возможнаго совершенства въ своемъ родѣ. Все доказываетъ, что много было думано и обдумывано, — чтобы всякая вещь была удобна и пригодна для своего назначенія. Вездѣ видно большое терпѣніе въ работающихъ. Рѣдкую вещь можно видѣть у Алеутовъ даже и нынѣ, которая бы не была отдѣлана со всею аккуратностію и не сдѣлана по извѣстной формѣ или такъ, какъ водится — тогда, какъ средства или орудія ихъ весьма недостаточны. Не много найдется и изъ самыхъ трудолюбивѣйшихъ Европейцевъ такихъ, которые бы простымъ ножемъ, въ продолженіи нѣсколькихъ мѣсяцовъ, стали выдѣлывать, напримѣръ изъ кости, разныхъ животныхъ, коробочки или что нибудь другое, для того, чтобы потомъ подарить ихъ или промѣнять на папушу табаку; — или вышивать или плести какую нибудь вещь цѣлыхъ полгода—для того, чтобы отдать за платокъ или, много, за рубашку.

Рукодѣлія прежнихъ Алеутовъ ограни-

Рукодѣлія. чивалось одними только орудіями, но, разумѣется, не всякой умѣлъ сдѣлать для себя всякую вещь, особливо байдарку и бобровыя стрѣлки, для этаго у нихъ были и есть особые мастера. Но почти всякой Алеутъ умѣетъ владѣть своимъ топорикомъ и сдѣлать для себя весло, простую стрѣлку, поправить байдарку и сдѣлать другія не значущія вещи; а нынѣ много есть изъ нихъ и такихъ, которые умѣютъ владѣть инструментами напримѣръ: точить какія либо вещицы на ручномъ станочкѣ—какъ напримѣръ на островахъ Прибылова, а изъ числа работниковъ Компаніи, особливо находящихся въ главномъ селеніи, есть хорошіе кузнецы, столяры, купора, слѣсари, сапожники и даже рѣзчики. Жители, восточнаго края, почти всѣ умѣютъ выдѣлывать изъ кости разныя вещи и иногда довольно порядочно; а жители, трехъ крайнихъ селеній и особенно Павловскаго селенія, очень хорошо выдѣлываютъ рогдуги и передовыя кожи, употребляя на первыя оленьи шкуры, а на послѣднія преимущественно нерпечьи.

Весьма замѣтно, что Алеуты, перенимая и успѣвая въ рукодѣліяхъ, занятыхъ отъ Русскихъ, теряютъ свои прежнія, напримѣръ сдѣлать отличную байдарку или стрѣлку весьма не много найдется такихъ.

Рукодѣлія женщинъ состоятъ исключительно въ шитьѣ и плетеніи разныхъ ве-

щей. Всѣ вообще женщины умѣютъ шить очень хорошо, такъ, что лучшія изъ нихъ не уступятъ и самымъ лучшимъ швеямъ. И также всякая изъ нихъ умѣетъ сплѣсть простой церелъ или рогожку, ишкатъ или корзинку.

Женщины, западнаго края, преимущественно хорошо выдѣлываютъ разныя вещи изъ травы, какъ то: бумажники, сигарошники и проч. А женщины, восточнаго края, — вышиваютъ оленьею шерстью и волосомъ разныя вещи для украшенія одеждъ. Правда и онѣ сдѣлаютъ что нибудь изъ травы, но не такъ искусно и чисто какъ первыя; точно тоже можно сказать и о женщинахъ западнаго края въ отношеніи вышиванья.

Шитье торбасовъ и байдарочныхъ обшивокъ есть дѣло женщинъ, и всякая умѣетъ это сдѣлать, но кроятъ ихъ всегда мужчины.

Рукодѣлія женщинъ не только не упадаютъ въ сравнении съ прежними, но при лучшихъ средствахъ болѣе и болѣе совершенствуются.

Здѣсь кстати сказать о вкусѣ Алеутовъ въ украшеніи одеждъ и всего того, что шьется.

Яркіе цвѣта и особенно красные имъ болѣе нравятся; а изъ матерій для украшенія употребляются особенно шерстяныя, какъ то: разныхъ цвѣтовъ стамеды; во

Рукодѣлія. всякомъ верхнемъ швѣ на байдаркѣ и на поперешныхъ швахъ на паркѣ, разумѣется щегольскихъ, вкладываются нити стамедовъ, попеременно положенныхъ, которыя потомъ срѣзываются ровно вышиною отъ $^1/_4$ до $^1/_2$ дюйма. Еманья шерсть, особенно длинная, употребляется на всѣхъ лучшихъ шитьяхъ, на паркахъ и байдаркахъ вмѣстѣ со стамедомъ, а на камлейкахъ безъ стамеда. Въ прежнее время, когда они не знали никакихъ матерій, вмѣсто стамедовъ употребляли цвѣтныя перушки маленькихъ птичекъ. Оленья длинная шерсть употребляется при плетеніи травою. Корольки и стеклярусы, разныхъ цвѣтовъ, употребляются еще и понынѣ для украшенія шапокъ и байдарокъ.

XI.

Астрономія и счисленіе времени.

Астрономія Алеутовъ ограничивалась только наблюденіями солнца и луны. Средства къ наблюденіямъ того и другаго были замѣтныя мѣста на окружающихъ горахъ, около селенія. Въ разсужденіи солнца

они замѣтили, что оно, во время поворотовъ своихъ (въ тропикахъ), на одномъ мѣстѣ стоитъ два дня съ половиною, а передъ тѣмъ и послѣ того оно идетъ медленно. Въ разсужденіи луны они говорили, что на третій день по рожденіи ея, она, можетъ быть видна, и астрономы ихъ на своемъ горизонтѣ или на небѣ могли показать мѣсто или точку каждой новой луны, гдѣ она должна закатываться и восходить, чрезъ цѣлый годъ.

Названій звѣздамъ и созвѣздіямъ у нихъ очень не много, и изъ всѣхъ любопытнѣе названіе млечнаго пути, который они называютъ инимъ сиги́да̀, т. е. небесная полоса *.

Время года раздѣляли они двояко. 1) на обыкновенныя четыре времени года: зима канакъ; весна канико́нга, т. е. послѣзиміе; лѣто са́кўдакъ; осень сакўдико́нга, т. е. послѣлѣтіе. 2) раздѣленіе было по мѣсяцамъ, начиная съ мартовскаго; а новолуніе и полнолуніе мартовскія и другихъ мѣсяцовъ, они, узнавали по приливамъ, отливамъ и быстротѣ теченій моря. Излишекъ дней, остающихся отъ 12 лунацій, они прибавляли къ Январю, отъ чего онъ

---

* Словомъ сиги́дакъ собственно называется полоса на брюхѣ, идущая отъ пупа внизъ (linia alba).

Астрономія. и назывался большой мѣсяцъ. Раздѣленія дней не было никакого. Но нынѣ всѣ очень хорошо знаютъ всѣ праздники, числа и дни. Каждое семейство имѣетъ свой деревянный календарь, т. е. дощечку съ дирочками, означающими дни всего года, раздѣленными на 12 частей или мѣсяцовъ. Каждый неподвижный праздникъ, и другія достопамятныя для нихъ числа, означаются особыми знаками. Настоящее число мѣсяца означается спичкою, которая, каждый день, обыкновенно, перестанавливается въ слѣдующую дирочку. Вести этотъ календарь или перестанавливать спичку всегда почти есть дѣло старушекъ или стариковъ.

Каждый мѣсяцъ имѣлъ свое названіе отъ промысла звѣрей или появленія ихъ, или другихъ обстоятельствъ; и потому названія ихъ не совсемъ и вездѣ одинаковы.

1) Мартъ назывался Кадӯгихъ (передній), или Кисагӯнакъ (время, въ которое по нуждѣ гложутъ рѣмни). Въ теченіе этой лунаціи дни становятся больше ночи; вечеромъ огня зажигать перестаютъ; солнце вездѣ начинаетъ обогрѣвать, ясно и сухо и проч.

2) Апрѣль — агалюйгихъ Кисагӯнакъ, т. е. въ послѣдній разъ рѣмни ѣдятъ; или садáганъ кáгикъ, т. е. время, въ которое ѣдятъ внѣ дома или на улицѣ. Въ это время

прилетаютъ лѣтнія птицы и приходятъ морскіе звѣри, какъ то: коты и сивучи.

3) Май—ичичхѫхъ, или чигѫмъ тѫгидá, т. е. мѣсяцъ цвѣтковъ. Въ это время земля покрывается зеленью и промышляютъ сувучей и (прежде) котовыхъ сѣкачей.

4) Іюнь.—Чагалилимъ тѫгидá, или чагалигимъ тѫгидá, т. е. мѣсяцъ птенцовъ и тѣлятъ. Въ это время птицы кладутъ яица и выводятъ дѣтей, а звѣри начинаютъ родить или тѣлиться.

5) Іюль. — Садигнамъ тѫгидá, т. е. мѣсяцъ, въ который жирѣютъ молодые звѣри. Въ это время у всѣхъ птицъ выходятъ дѣти и молодые звѣри дѣлаются бойкими.

6). Августъ.—Ѫгнамъ или Ѫхнамъ тѫгидà, т. е. теплой мѣсяцъ или въ который начинаетъ вянуть трава. Въ это время дѣти у птицъ летаютъ, а у звѣрей становятся совершенными.

7) Сентябрь.—чигѫлимъ тѫгидá, т. е. мѣсяцъ, въ который шерсть у всѣхъ звѣрей и перья у всѣхъ птицъ становятся настоящими. Или, сказать по здѣшнему, звѣри становятся выходными.

8) Октябрь. —Кимáдгимъ тѫгидá, т. е. промысловый мѣсяцъ. Въ это время прежде промышляли котовъ, приходившихъ изъ сѣвера.

9) Ноябрь.—Кимáдгимъ кангинъ тѫгида, т. е. послѣ промысловый мѣсяцъ.

Астрономія.

10) Декабрь.—Агалгўгакъ или агалга̀лўкъ, т. е. мѣсяцъ, въ который промышляютъ нерпъ манщиками, т. е. чучелами.

11) Январь.—Тўгидйгамакъ, т. е. большой мѣсяцъ или всѣмъ мѣсяцамъ мѣсяцъ. Въ это время бываетъ самой сильный морозъ.

12) Февраль.—Анўлгйлякъ, т. е. урилій мѣсяцъ. Въ это время промышляютъ уриловъ сѣтками.

Здѣсь кстати сказать и о томъ, что прежніе Алеуты, и даже нынѣ есть таковые изъ нихъ, которые очень хорошо умѣютъ предугадывать погоду и особенно вѣтры. Ближайшими признаками, по коимъ они узнавали погоду на слѣдующій день, особенно есть закатъ солнца и слѣдующая утренняя зоря, по которымъ, знатоки, безошибочно могли сказать каковъ будетъ наступающій день. Они такъ внимательно смотрѣли на измѣненія цвѣтовъ зори, что это, по ихъ выраженію, называлось *говорить* съ солнцемъ и зорей. О признакахъ же, по которымъ они угадывали о погодахъ слѣдующихъ мѣсяцовъ, какъ напр. туманъ, бывающій въ Январѣ, есть признакъ мятели, которая будетъ въ мартѣ—отчасти сказано выше. Отдѣл. 1. Час. I.

XII.

Болѣзни и лѣченіе оныхъ.

Алеутскіе врачи очень славились своимъ искусствомъ въ прежнее время. Чтобы основательнѣе узнать внутреннія части человѣка, и особенно тѣ мѣста, гдѣ они дѣлали операціи, они вскрывали умершихъ калговъ или убитыхъ непріятелей. Но со времени прибытія Русскихъ не стало у нихъ ни калговъ, ни непріятелей, и потому анатомированіе прекратилось, а съ тѣмъ вмѣстѣ стало упадать и самое врачебное искусство ихъ, такъ, что въ нынѣшнее время не найти уже ни одного такого искуснаго лѣкаря, каковы бывали прежде; (еще мнѣ случилось видѣть нѣсколькихъ изъ Русскихъ стариковъ, которыхъ лѣчили Алеутскіе врачи, и которые отзывались объ нихъ какъ нельзя лучше); и даже многія травы и коренья, которые прежде были употребляемы въ ихъ медицинѣ, нынѣ совсѣмъ забыты; потому что первые просвѣтители ихъ, т. е. Русскіе старовояжные, не умѣя отличить тайны врачебнаго искусства Алеутовъ отъ ихъ колдовства и шаманства, запрещали имъ все безъ разбору, называя грѣхомъ. Конечно есть еще и ны-

Болѣзни и лѣченія оныхъ.

ны изъ Алеутовъ, которые знаютъ отчасти это искуство, но они его скрываютъ отъ Русскихъ изъ боязни.

Изъ наружныхъ болѣзней (кромѣ ранъ) имъ извѣстны были *сыпь* чи́мга́нъ, *чесотка* йчин͠гинъ и *вереда* или чирьи чихт͠дгинъ; а изъ внутреннихъ: *поносъ*, *горячка* чи́нглякъ, которая считалась *общею*, такъ, что почти никто изъ молодыхъ ее не избѣгалъ; *чахотка* двухъ родовъ, которыя вообще считались неизлѣчимыми; одна изъ нихъ происходитъ отъ гніенія легкихъ, призваки ея: кашель съ кровохарканіемъ и удушьемъ; а вторая отъ гніенія печени, призваки ея: частое грызеніе внутренностей, колотье, потеряніе аппетита и очень скорое изтощаніе тѣла; еще извѣстна имъ была какая-то просто называемая *внутренняя болѣзнь*. Цынга и любострастная болѣзнь прежде имъ не были извѣстны.

Главное лѣченіе тѣхъ и другихъ болѣзней у нихъ состояло въ *терпѣніи* и строжайшей *діэтѣ*, такъ, что въ опасныхъ болѣзняхъ, кромѣ лѣкарствъ и полосканья во рту, больнымъ давали не болѣе двухъ ложекъ воды въ цѣлые сутки. Опасныя раны, если онѣ свѣжи, Алеуты лѣчили и нынѣ лѣчатъ совершеннымъ постомъ, т. е. отъ 2 до 4 сутокъ сряду, не давая больному даже капли воды; потому что, по ихъ словамъ, въ этомъ случаѣ пища и питье

чрезвычайно вредны для больнаго — тѣмъ, что лишь только больной напьется воды или что нибудь поѣстъ, то тотчасъ въ ранѣ его появляется жидкость, отъ чего дѣлается воспаленіе и неизбѣжная смерть. Этотъ способъ лѣченія и нынѣ спасаетъ многихъ отъ смерти. Потому что нѣтъ года, въ который бы при промыслѣ лисицъ, два или три человѣка не были ранены *кляпцами*. Ударъ этой ловушки, вооруженной тремя желѣзными зубцами, около 3 дюймовъ длиною, приходится всегда около колѣннаго состава ноги и сквозь кости, такъ, чтобы вынуть изъ ноги зубки почти всегда надобно продѣть ихъ сквозь ногу; но при всемъ томъ, въ бытность мою въ Уналашкѣ, изъ 40 или 50 раненыхъ умерло только двое.

Въ застарѣлыхъ ранахъ, сверхъ діэты, для очищенія и заживленія ихъ употребляютъ теплой жиръ рыбій, или какихъ либо земныхъ млекопитающихъ животныхъ, особенно полезенъ, говорятъ, жиръ изъ головной кости лисицы. Глубокія раны пересыпаютъ пережженымъ зубомъ, истолченымъ въ порошокъ, и прикладываютъ мышачью шкурку, свѣжую.

Опухоль и ломота лѣчится разными припарками и мазью, или при огнѣ обкладываютъ печеными, горькими кореньями. Прочія наружныя болѣзни почти ни чѣмъ

Болѣзни и лѣченія оныхъ.

не лѣчили кромѣ универсальныхъ лѣкарствъ: діэты и терпѣнія.

Больнаго горячкою лѣчили отварами изъ горькихъ травъ, оберегая отъ внѣшняго воздуха.

Противу чахотки, перваго рода, употребляли разныя травы; но если кровохарканіе усилится, то больнаго *кололи* также какъ и въ чахоткѣ другаго рода. Въ обоихъ случаяхъ Алеутскіе врачи полагали, что это происходитъ отъ окиси застоявшейся внутри крови, и потому, чтобы выпустить оттуда худую кровь и дурной *запахъ* или *духъ*, они кололи больнаго съ обоихъ боковъ, ниже реберъ, каменными ланцетами. Но эта операція производилась самыми искусными врачами; ибо здѣсь требовалось обстоятельное знаніе, гдѣ, сколь глубоко, колоть и сколько выпустить *духу*, иначе можно повредить внутреннія части, а выпустя весь *духъ* можно отправить больнаго на тотъ свѣтъ. Этаго рода лѣченіе употреблялось и во *внутренней болѣзни* и въ обыкновенной коликѣ, какъ самое лучшее, особенно въ послѣднемъ случаѣ, и, какъ меня увѣряли сами паціенты съ удивительнымъ успѣхомъ, такъ, что человѣкъ, поутру почти умиралъ, а къ вечеру, послѣ операціи, совсѣмъ дѣлался здоровъ. *Колотье*, въ критическомъ положеніи больнаго, употреблялось какъ самое послѣднее и единственное средство; сверхъ того этоже сред-

ство *колотья* употреблялось и въ другихъ весьма многихъ болѣзняхъ, напр. отъ глазной боли прокалывали кожу между глазъ, отдѣля ее отъ кости; или на косицахъ или въ затылкѣ и проч. Словомъ сказать почти нѣтъ мѣста на тѣлѣ человѣческомъ, кромѣ самыхъ глазъ, которое бы они не могли колоть въ болѣзненномъ состояніи: я зналъ одного Алеута, котораго кололи болѣе 40 разъ и въ разныхъ мѣстахъ. Таковые операторы весьма славились искусствомъ, которое они передавали не иначе какъ только любимѣйшимъ своимъ дѣтямъ и внукамъ; и потому оно нынѣ почти совсѣмъ утратилось.

Обыкновенное кровопусканіе было и у нихъ, но только изъ обѣихъ рукъ и ногъ, и употреблялось: для уничтоженія большой опухоли, для оживленія омертвѣвшей крови, и въ такомъ случаѣ, когда больной чувствуетъ вялость или ослабленіе во всѣхъ членахъ, или головную боль, и когда лишится аппетита.

Противу поносу употребляли вяжущія (adstringentes) коренья, и тогдашнюю пищу больнаго составляла *макарша* (корень).

Есть еще у нихъ способъ лѣченія вообще внутреннихъ болѣзней, присвоенный исключительно однимъ старухамъ,—это то что̀ называется *держать брюхо*, т. е. напр.

Болѣзни и лѣченія оныхъ.

если больной чувствуетъ грызеніе или щемленіе въ животѣ или тому подобное; то его кладутъ на спину и лѣкарка обѣими руками *держитъ* его брюхо, слегка правя и перебирая пальцами внутреннія части, для того, какъ они говорятъ, чтобы привести ихъ въ порядокъ, уложивъ все къ надлежащимъ мѣстамъ; и многіе, испытавшіе этотъ способъ лѣченія, хвалятъ его.

XIII.

Языкъ.

Языкъ, коимъ говорятъ Лисьевскіе Алеуты, совершенно отличается отъ всѣхъ языковъ, употребляемыхъ окружающими народами, и, кажется, еще до сихъ поръ не рѣшено: отъ какого именно языка онъ происходитъ; но если, какъ утверждаетъ Г. Шамиссо, Кадьякскій языкъ есть языкъ Гренландскій, то и Алеутскій языкъ, имѣющій одинаковое образованіе или конструкцію съ Кадьякскимъ, должно причислить къ языкамъ Гренландскаго корня *.

* Но надобно замѣтить, что Кадьякскій языкъ съ Алеутскимъ, въ словахъ, не имѣетъ никакого

Алеутскій языкъ, собственно имѣетъ 15 буквъ, а именно: а, г, д, и, к, ҟ, л, м, н, ӈ, с, т, ȣ, х, ч. Произношеніе ихъ почти тоже, что и въ Русскомъ языкѣ, выключая двухъ буквъ: ӈ и ҟ, изъ коихъ первая состоитъ изъ Латинскихъ буквъ *n* и *g*; а послѣдняя изъ Русскихъ *х, к, х* вмѣстѣ взятыхъ. О надлежащемъ же произношеніи буквъ сказано въ Грамматикѣ.

Выговоръ, или произношеніе Алеутскаго языка, довольно трудно для всякаго Европейца, но гораздо легче, чѣмъ всѣ прочіе Американскіе языки.

Членовъ, какъ напр. въ Греческомъ и другихъ Европейскихъ языкахъ, въ Алеутскомъ языкѣ совсѣмъ нѣтъ. Но всѣ прочія части рѣчи можно найти, изъ коихъ, не измѣняются только союзъ и междуметіе.

Чиселъ три: единственное, двойственное и множественное.

Родъ вездѣ одинъ общій.

сходства до того, что, кажется, кромѣ двухъ словъ: *Адакъ* и *таӈакъ*, нѣтъ ничего общаго. Но образованіе ихъ почти совершенно одно и тоже; такъ напр. въ обоихъ языкакъ есть двойственное число, употребляемое въ именахъ, глаголахъ и предлогахъ, есть притяжательные падежи, число коихъ простирается болѣе 36 и проч.

Языкъ. *Падежей* главныхъ три: именительный или общiй, дательный и предложный, онъ же и Родительный. Но падежи раздѣляются на неопредѣленные, притяжательные и личные творительные или орудные. И потому имя существительное можетъ имѣть болѣе 32 различныхъ окончанiй.

Притяжательныя падежи, суть такiя измѣненiя въ окончанiяхъ, въ коихъ заключаются вмѣстѣ притяжательныя мѣстоименiя: мой, твой, его, нашъ, вашъ, ихъ, и безличныя: свой, свои, напр. (неопредѣленный падежъ Адакъ отецъ), притяжательные именительные: Аданъ мой отецъ, Ада́нъ твой отецъ, Ада́нинъ мои отцы и проч. И потому притяжательные падежи подраздѣляются: на одноличные, многоличные и безличные.

Личные творительные или орудные падежи, употребляются тогда, когда безличныя мѣстоименiя свой, свои, надобно употребить въ творительномъ падежѣ, напр. я, ты, онъ *своею рукою*.

Прилагательныя имена имѣютъ степени: положительную, сравнительную и превосходную.

Числа или *счетъ* Алеутовъ простирается далѣе 10,000 и даже можно означить и миллiоны.

Глаголы, имѣютъ числа, лица, наклоненiя, времена, залоги, степени и спряже-

нія. Глаголъ, въ Алеутскомъ языкѣ, есть самая обильнѣйшая часть рѣчи, такъ, что каждый глаголъ, въ одномъ только дѣйствительномъ залогѣ, можетъ имѣть болѣе 400 различныхъ окончаній. Сверхъ того, кромѣ всѣхъ обыкновенныхъ измѣненій по окончаніямъ, почти всѣ Алеутскіе глаголы, предъ измѣняющимися окончаніями, могутъ принимать разные слоги неизмѣняемые, которые, въ приличномъ соединеніи съ глаголомъ, измѣняютъ его значеніе, напр. простой глаголъ камгаликъ значитъ молился; сложные изъ него: камга*сига*ликъ, камга*сига́та*ликъ, камга*сигасяда*ликъ, камга*сигатасяда*ликъ и проч. здѣсь въ первомъ слогѣ *сига* означаетъ: совершенно, совсѣмъ, истинно; во второмъ *та*: не одинъ разъ; въ третьемъ *сигасяда* означаетъ: очень сильно; а въ послѣднемъ *тасяда* означаетъ чрезвычайное дѣйствіе. И потому камгасигатасядаликъ значитъ: молился съ величайшимъ усердіемъ, совершенною или истинною молитвою, прилѣжно или не одинъ разъ и очень сильно, каковое выраженіе можно употребить, говоря только о Богочеловѣкѣ (Луки XXII. 44), таковыхъ вставныхъ частицъ находится болѣе 40.

Глаголы, Алеутскаго языка, въ сравненіи съ Русскими, измѣняются съ излишкомъ, напр. *неубей* можно сказать асхаса́гана́нъ, асхаса́ганахтхинъ, асхалага́да, асхалагада-

Языкъ. каганъ и даже асхадаўлюкъ, гдѣ каждое слово поставлено въ повелитительномъ наклоненіи и означаетъ: не убей.

Третіе лице въ нѣкоторыхъ временахъ бываетъ двоякое, напр. сюкўнъ берутъ они и сюкўманъ тоже.

Наклоненій шесть: изъявительное, сослагательное, самостоятельное *, обязательное **, неокончательное и повелительное. Изъ коихъ неокончательное имѣетъ всѣ лица и числа.

Временъ главныхъ, шесть: настоящее, два прошедшихъ и три будущихъ.

Степени глаголовъ дѣлаются чрезъ вставку слоговъ дига, сяда и проч., о коихъ вообще сказано выше.

Залоговъ, три: дѣйствительный, средній и страдательный.

Дѣепричастія глаголовъ имѣютъ три времени: настоящее, прошедшее и будущее, всѣ лица, числа, и два наклоненія изъявительное и сослагательное.

Причастія бываютъ всѣхъ временъ и могутъ имѣть всѣ падежи; а въ личныхъ

---

* Которое соотвѣтствуетъ Славянскому дательному самостоятельному, напр. *Іисусу родшуся, вшедшу ему* и проч.

** Гдѣ подразумѣется глаголъ *надобно* или *должно*.

падежахъ онѣ могутъ быть и склоняемы какъ имена, и спрягаемы какъ глаголы.

Нѣкоторыя нарѣчія могутъ имѣтъ числа, а предлоги почти всѣ имѣютъ ихъ.

Въ словосочиненіи, имѣющемъ многія свойственныя сему языку правила, стоитъ замѣчанія особенно то, что въ большихъ періодахъ глаголъ, управляющій всемъ періодомъ, всегда полагается назади.

На Алеутскомъ языкѣ, до перевода катехизиса на ихъ языкъ, не было ни граматы и ни буквъ.

Главные недостатки сего языка суть:

a) Въ немъ нѣтъ именъ существительныхъ отглагольныхъ, напр. вмѣсто: чтеніе св. книгъ весьма полезно, — надобно говорить: ежели кто читаетъ св. книги, тому польза есть.

b) Въ немъ почти совсѣмъ нѣтъ глаголовъ отвлеченныхъ, напр. святить, умствовать, благословлять и проч.

c) И слѣдовательно нѣтъ нарѣчій, происходящихъ отъ таковыхъ глаголовъ, и вообще всѣхъ, кои въ Русскомъ языкѣ кончатся на *но*, напр. непремѣнно, умственно.

Стоитъ замѣчанія, что въ Алеутскомъ языкѣ не было словъ *терпѣть* и *прощать*.

Языкъ. Впрочемъ Алеутскій языкъ имѣетъ много словъ, касающихся до Религіи, Анатоміи и Ботаники, и особенно много у нихъ названій мѣстъ и очень чисто-собственныхъ, не переводимыхъ; и говоря вообще языкъ этотъ не бѣденъ въ словахъ для объясненія даже отвлеченныхъ понятій.

Нынѣшнее употребленіе языка весьма не благопріятствуетъ для того, что бы сохранить его въ древнемъ состояніи; ибо Алеуты, по принятіи Христіанской вѣры, оставили всѣ свои старинныя пѣсни, въ коихъ воспѣвались подвиги ихъ предковъ и даже самая исторія ихъ, такъ, что изъ нынѣшнихъ Алеутовъ почти никто не знаетъ ихъ. И старики увѣряютъ, что нынѣшній языкъ много разнится отъ того, какимъ говорили ихъ дѣды, напр. *море*, прежде называли иньюдакъ (гибкое), а небо— Кȣюдакъ; но нынѣ первое называется алягукъ а другое и́никъ. Но главное то, что многіе изъ знающихъ Русскій языкъ и особенно граматныхъ Алеутовъ, въ разговорахъ своихъ, безъ нужды употребляютъ Русскія слова, и даже порядокъ въ словосочиненіи; а самымъ важнымъ доказательствомъ сему можетъ служить то, что почти всѣ молодые Алеуты не только не употребляютъ, но даже не безъ труда могутъ понять многія измѣненія глаголовъ по окончаніямъ.

Алеутскій языкъ раздѣляется на два главныхъ нарѣчія: *Уналашкинское* и *Ат-*

хинское, изъ коихъ первое имѣетъ свои подраздѣленія, а именно: Алеуты, живущіе въ восточной половинѣ, говорятъ очень скоро и въ словахъ, кончащихся на *нъ*, послѣднюю букву опускаютъ и особенно предъ словами, начинающимися съ гласной. Живущіе же въ западномъ краѣ, говорятъ нѣсколько похоже на Атхинцовъ. Различіе же между Уналашкинскимъ и Атхинскимъ нарѣчіемъ, главное, состоитъ въ томъ, что слова, во множественномъ числѣ: первые оканчиваютъ на *нъ*, а другіе на *сь* или *шъ*, напр. вмѣсто та́нгинъ (острова), Атхинцы и тоже Умнакцы, говорятъ та́нгись. Уменьшительныя слова: первые оканчиваютъ на *дакъ*, а другіе на *кӱчакъ*.

XIV.

Преданія.

1) Алеуты, говорятъ: что встарину погоды были яснѣе и теплѣе, вѣтры умѣреннѣе и тише; послѣднее подтверждаютъ даже Русскіе, старовояжные. О погодѣ.

2) Говорятъ, что предки ихъ произошли и первоначально жили, въ западной сторонѣ, на какой-то большой землѣ, называв- Откуда пришли Алеуты на здѣшнія острова?

Предавія. шейся также Аляхсха, т. е. материкъ; и гдѣ не было ни бурь, ни зимы, но всегдашнее благораствореніе воздуха, и жили мирно и спокойно; но вражды и потомъ междуусобія заставили ихъ подвигаться далѣе и далѣе къ востоку; и наконецъ они придвинулись къ самому морю. Но и здѣсь не могли оставаться они долго въ мирѣ, ихъ тѣснили другіе народы, и потому они должны были искать убѣжища на островахъ, и потомъ, перебираясь съ острова на островъ, они заселились на здѣщнихъ островахъ *.

3) Прежде, нежели начались у нихъ здѣсь вражды и междуусобія, они имѣли обыкновенія, побуждаясь славою странствовать (агѹлáганъ) на востокъ и западъ *для узнанія, другихъ народовъ, и ихъ обычаевъ и показать себя*, и однимъ изъ таковыхъ *странствователей* (агѹлананъ) удалось достигнуть до сѣвернѣйшаго мыса Америки, который они назвали Кигадитиганъ кáмга, т. е. сѣверная голова, и которые по возвращеніи своемъ на родину

---

* Это преданіе подтверждаетъ то мнѣніе, что Алеуты суть Монгольскаго происхожденія, и принявъ это можно думать, что та земля, гдѣ нѣтъ зимы, могла быть около Японіи.

разсказывали, что тамъ все ледяное: и произведенія земли, и жилища людей и самые люди, которые боятся тепла столько же, какъ мы полюсныхъ морозовъ; и въ солнцестояніи они не выходятъ изъ жилищъ своихъ, боясь растаять. Потомъ цѣль таковыхъ путешествій мало по малу измѣнилась и, вмѣсто *узнаванія обычаевъ*, они начали ѣздить *для* торговли, а потомъ — *для* грабежа и разбоя, т. е. *воеваться*.

4) Алеуты считаютъ своими *родниками* Кенайцовъ, Чугачъ, Якутатцовъ и Колошъ *. Въ подтвержденіе сего они расказываютъ, что какой-то знаменитый Алеутъ — отецъ многочисленнаго семейства, по необходимости, долженъ былъ удалиться съ своего селенія, бывшаго на Уналашкѣ. Въ одно лѣто, онъ, собравши всѣхъ своихъ домочадцевъ и родниковъ, отправился въ нѣсколькихъ байдарахъ, по сѣверную сторону Аляксы, съ намѣреніемъ попутешествовать (агѵлӑганъ) и поискать лучшихъ и богатыхъ мѣстъ. Онъ, съ своими родовичами, въ тоже лѣто достигъ одного селенія Аглегмютовъ и остановился тутъ; но Аглегмюты приняли ихъ не какъ гостей, а какъ непріятелей, и, сдѣлавъ на нихъ нападеніе, прогнали отъ себя. Алеуты, не находя удобнымъ или возможнымъ поселиться близь моря, пошли вверхъ по какой-то большой

---

* Но Колоши этаго не говорятъ.

Преданія. рѣкѣ и, выбравъ тамъ удобное мѣсто, поселились навсегда. Происшедшее отъ нихъ потомство, смѣшиваясь съ Туземцами, размножилось; но съ умноженіемъ его въ немъ мало по малу измѣнились прежнія ихъ обычаи и особенно отъ того, что они занимались болѣе войною, чѣмъ промысломъ звѣрей. По прошествіи многаго времени между потомствомъ коренныхъ Уналашкинцовъ и происшедшими отъ нихъ Креолами или Мулатами, по одному случаю, произошла вражда, а потомъ и междоусобіе. Селеніе ихъ было расположено по обѣ стороны рѣки, одна половина противъ другой. Они имѣли обычай, вмѣсто забавы и для навыку, дѣлать другъ на друга примѣрныя нападенія и сраженія, стрѣляя другъ въ друга стрѣлками, безъ наконешниковъ; но въ одно изъ таковыхъ примѣрныхъ сраженій кто-то пустилъ стрѣлку съ наконешникомъ и попалъ своему непріятелю въ глазъ; и сраженіе тотчасъ изъ примѣрнаго сдѣлалось настоящимъ; но такъ какъ число Креоловъ было гораздо болѣе, потому Уналашкинцы принуждены были оставить это мѣсто и идти далѣе къ востоку, и наконецъ также по какой-то рѣкѣ вышли въ Кенайской заливъ, гдѣ и поселились навсегда; и нынѣшніе Кенайцы суть потомки ихъ. Оставшіеся же отъ нихъ Креолы по времени умножились еще болѣе, и также по причинѣ вражды и несогласій начали

раздвигаться къ сѣверовостоку, и въ послѣдствіе были родоначальниками: *Чугачъ, Якутатцовъ* и *Колошъ*.

5) Алеуты, говорятъ, что въ прежнее время предки ихъ, дѣлая глубокія ямы для убѣжищъ отъ нечаянныхъ нападеній непріятеля, иногда находили кости и даже остовы великановъ людей, которыхъ они называли шѹга́нанъ (с̾ѹга́нанъ) или ита́ӈихъ тайя́гѹнъ, т. е. первые люди и которые, по ихъ мнѣнію, жили до потопа. Таковые кости, или скелеты, находились, по большой части, подъ третьимъ слоемъ земли и почти всегда еще не потерявшіе природныхъ соковъ; и отъ того лишь только отрывали хотя одну изъ таковыхъ костей, то тотчасъ воздухъ заражался ужаснымъ зловоніемъ; и потому ихъ невозможно было держатъ на открытомъ воздухѣ. Этимъ они доказывали, что былъ когда-то великій потопъ, и что до потопа всѣ люди были таковой величины; а философы ихъ увѣряли, что подъ всею землею живутъ полумертвые люди.

6) Говорятъ, что въ ихъ сторонѣ (о прочихъ не знаютъ) было также большое наводненіе *въ наказаніе за преступленіе праотеческихъ обычаевъ и преданій*; тѹнн̾ѹхтаг̾ѹмъ малгака́ӈинъ ѹмли́хсикъ аля́г̾ѹкъ а̂ка́накъ, т. е. за грѣхи наши выступало море.

7) Въ прежнія времена, по всей грядѣ здѣшнихъ острововъ, берега моря, въ зали-

Предавія. вахъ и бухтахъ, были гораздо болѣе углублены внутрь острововъ. (Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ это весьма очевидно). И говорятъ: что дѣды нынѣшнихъ Алеутовъ, въ молодости своей, слыхали отъ своихъ дѣдовъ — какъ самовидцевъ, что они, на возвышенныхъ мѣстахъ и часто въ большомъ разстояніи отъ моря, находили признаки прежнихъ жилищъ, какъ то: китовыя ребра и огромныя лѣсины; а отъ этихъ мѣстъ, къ морю, также находили иногда *камешки обвязанные нитями изъ китовыхъ усовъ*, какіе обыкновенно привязываются къ удамъ для ловли рыбы. По такимъ признакамъ, Алеуты, догадывались, что нѣкогда тѣ возвышенныя мѣста, гдѣ находились остатки жилищъ, были берегами моря; а гдѣ находились *камешки* отъ удъ, тамъ было море. Но все это было гораздо послѣ бывшаго потопа.

8) Въ разсужденіи огнедышущихъ горъ, Алеуты, разсказываютъ въ своей сказкѣ: что будто бы когда-то всѣ огнедышущія горы, какія только находились на Уналашкѣ и Умнакѣ, между собою заспорили о первенствѣ въ количествѣ внутренняго ихъ огня; и послѣ продолжительнаго спора, гдѣ, никто изъ нихъ не хотѣлъ уступить своимъ противникамъ, вздумали рѣшить его на дѣлѣ; и тотчасъ между ими открылось общее ужаснѣйшее сраженіе, продолжавшееся безпрерывно нѣсколько дней,

гдѣ онѣ, вмѣсто стрѣлъ, кидали другъ въ друга огнемъ и каменьями; но меньшія сопки не могли устоять противу большихъ, и, видя свое безсиліе, онѣ, съ досады, лопнули и погасли навсегда. И наконецъ остались только двѣ сопки: одна на Уналашкѣ *Макушинская* (а́якъ), а другая на Умнакѣ, *Рѣчешная* (И́смакъ). Онѣ, одержавъ побѣду надъ всѣми своими соперницами, вступили между собою въ единоборство, ужаснѣйшее и весьма гибельное для всего ихъ окружающаго. Огонь, каменья, пепелъ были ими бросаемы въ такомъ количествѣ, что отъ нихъ истребились всѣ животныя, обитавшія близъ ихъ, и воздухъ сдѣлался *тяжелъ*. Но Умнакская сопка наконецъ не могла устоять противъ своей соперницы и, видя свою неминуемую гибель, собрала всѣ свои силы, надулась, лопнула и совсѣмъ погасла; Макушинская же сопка, оставшись побѣдительницею и нисколько не поврежденною, и, не видя никакихъ непріятелей вблизи себя, успокоилась и по нынѣ почиваетъ, дымясь немного.

XV.

Сказки.

Число сказокъ Алеутскихъ чрезвычайно велико, такъ, что каждое селеніе имѣетъ свои сказки. Сказки ихъ заключаютъ въ себѣ или сказанія о подвигахъ и дѣяніяхъ ихъ предковъ, болѣе или менѣе точныя и украшаемыя воображеніемъ разскащиковъ, или какія либо вымыслы или нѣчто въ родѣ миѳъ, какъ напримѣръ: сказаніе о сраженіи огнедышущихъ горъ. И есть также сказки, сочиняемыя въ осмѣяніе причудъ или слабостей ихъ собратій, напримѣръ: излишней ревности къ женамъ, неудальства или вялости женоподобной, и проч. И потому сказки Алеутовъ могутъ почесться очертаніемъ ихъ нрава, обычаевъ и образа жизни.

И такъ сказки Алеутовъ можно раздѣлить на три рода: т. е. *повѣствовательныя*, *баснословныя* и *сатирическія*. Для того, чтобы дать понятіе о тѣхъ и другихъ, я здѣсь представляю три сказки, каждую въ своемъ родѣ, во многихъ мѣстахъ стараясь удерживать самый образъ выраженія ихъ, и вездѣ соблюдая точный смыслъ сказокъ.

Сказка 1-я.

Нѣкто изъ могущественныхъ и славныхъ родоначальниковъ Алеутскихъ, житель селенія а́ду́съ (что послѣ называлось *Егорковскимъ*), находившагося на сѣверовосточной сторонѣ острова Умнака — тоэнъ, по имени Аги́тали́гакъ, наскучивъ своими обыкновенными дѣлами, какія онъ могъ производить около своего мѣста и въ кругу своихъ собратій, вздумалъ прославить себя и родъ свой какимъ нибудь славнымъ и достопамятнымъ дѣломъ, въ чужихъ краяхъ. Поставя для себя это непремѣнною цѣлію, онъ, впрочемъ не открывая никому самаго намѣренія, заблаговременно, т. е. еще во время зимы началъ вызывать охотниковъ быть участниками въ его предпріятіи; и такъ какъ онъ былъ славенъ и могущественъ, то къ нему собралось великое *воинство* (али́тхӯкъ), и которое состояло единственно изъ его *родниковъ* (сга́нъ), т. е. родственниковъ какъ съ его стороны, такъ и женъ его. И когда наступило время удобнѣйшее для предпринятія похода, то тотчасъ они, взявъ съ собою женъ своихъ и дѣтей, отправились въ путь на востокъ, въ байдарахъ. Во время проѣзду ихъ мимо Уналашки, къ нимъ присоединилось еще множество людей, тоже дальнихъ родственниковъ предводителя, такъ, что наконецъ, Тоэнъ Агиталигакъ, имѣлъ удовольствіе ви-

Сказки. дѣть себя предводителемъ и главою великаго воинства и огромнѣйшаго *флота* (иги́лямъ икьямахча́), съ которымъ онъ двинулся далѣе на востокъ отъ Уналашки, направя путь свой по южную сторону полуострова Аляксы.

Не доѣхавъ нѣсколько до острова *Кадьяка*, Агиталигакъ нашелъ двѣ большія бухты, называемыя, по туземному, одна: киѓаѓикъ ма́дѓикъ, а другая: тýгимъ икúхтакъ, которыя, по своему расположенію и мѣстнымъ удобствамъ къ жизни, по его мнѣнію, оказались весьма соотвѣтствующими его предположеніямъ; и онъ рѣшился остаться здѣсь навсегда; и потому, раздѣливъ свое воинство на двѣ половины, приказалъ каждой изъ нихъ селиться въ означенныхъ бухтахъ.

Такимъ образомъ пришлецы сіи поселились здѣсь, составивъ два большія селенія, (одно изъ нихъ, западное, было резиденціею Тоэна), и находя тутъ достаточныя средства къ своему пропитанію, они начали житъ мирно и размножаться. Между ними былъ положенъ клятвенный уговоръ, подъ угрозою смерти: ни зачѣмъ не переѣзжать на сторону другъ друга, кромѣ какъ въ гости, безъ особеннаго позволенія Тоэна. Занятіе ихъ состояло только въ промыслахъ морскихъ и земляныхъ звѣрей. Въ такомъ состояніи они прожили три года, не отлучаясь никуда далеко отъ своихъ

мѣстъ и не видя ни откуда со стороны никакихъ нападеній, ни непріятностей.

Чрезъ три года ихъ пришествія случилось, что жители восточнаго селенія вздумали послать двѣ байдары, съ полнымъ числомъ гребцовъ, для собиранія лѣса и именно въ западную бухту, составлявшую непосредственное владѣніе ихъ Тоэна, и гдѣ у него было собрано много лѣсу. Посланные уже однимъ пріѣздомъ своимъ нарушили клятвенный уговоръ ихъ съ сосѣдями: *не переѣзжать на чужую сторону.* Но они кромѣ того, вопреки особенному приказанію и запрету Тоэна, взяли готовый лѣсъ, изкололи его какъ имъ было удобнѣе для погрузки и только за темнотою ночи не успѣли отправиться обратно, и остались ночевать. Не опасаясь какого либо нападенія ни откуда, потому что внѣшнихъ враговъ они не имѣли, а отъ сосѣдей своихъ, какъ родственниковъ и своихъ, они не ожидали никакихъ непріятностей, и потому на ночь не приняли никакихъ предосторожностей.

Агиталигакъ, какъ-то узнавъ, что въ его владѣніяхъ находятся чужіе люди, послалъ освѣдомиться, что они тамъ дѣлаютъ. Посланные возвратились и сказали, что лѣсъ, который, по его приказанію, былъ собранъ и изготовленъ, весь изколотъ и приготовленъ къ погрузкѣ въ чужія байдары. Тоэнъ тотчасъ же послалъ часть

Сказки. своей команды и приказалъ смертію наказать нарушителей уговора и хищниковъ. Посланные въ точности исполнили приказаніе своего повелителя, и не оставили ни одного въ живыхъ изъ пріѣхавшихъ въ байдарахъ.

Тоэнъ Агиталигакъ имѣлъ у себя сына, по имени: Тайя́гӯхъ Каюли́нахъ, который уже былъ женатъ, и (по древнему обычаю Алеутовъ) на дочери одного изъ жителей сосѣдственнаго селенія. И такъ какъ молодая жена его послѣ замужества своего должна была жить нѣсколько времени у отца своего, и ей еще не пришло время переселиться въ домъ мужа; то Каюлинахъ могъ посѣщать и посѣщалъ жену свою когда хотѣлъ и часто проживалъ у ней нѣсколько дней.

Вскорѣ послѣ описаннаго происшествія въ западной бухтѣ, Каюлинахъ сталъ проситься у отца своего, по прежнему съѣздить посѣтить жену свою, которая была уже беременна и скоро должна была сдѣлать его отцемъ (и тѣмъ вполнѣ утвердить ихъ бракъ и дать ему право увезти ее къ себѣ домой). Но отецъ его, зная, что поступокъ его съ сосѣдями не можетъ остаться безъ отмщенія, долго не хотѣлъ отпустить его, опасаясь что бы мщеніе ихъ не вымѣстилось на немъ, единственномъ его наслѣдникѣ. Наконецъ, уступивъ убѣдительнымъ просьбамъ любимаго своего сына,

отпустилъ его, но съ такимъ условіемъ, чтобы онъ чрезъ 10 дней непремѣнно возвратился домой; а если же онъ къ этому времени не пріѣдетъ, то онъ будетъ считать его уже убитымъ въ отмщеніе за его поступокъ.

Каюлинахъ тотчасъ отправился къ своей женѣ, одинъ, безъ всякихъ провожатыхъ. По пріѣздѣ своемъ въ селеніе, гдѣ жила его жена, онъ былъ встрѣченъ уже не по прежнему: вмѣсто того, чтобы выйти на пристань всѣмъ или по крайней мѣрѣ многимъ, къ нему вышли только три брата жены его, которые тотъ же часъ сказали ему, что въ ихъ селеніи уже извѣстенъ безсовѣстный поступокъ отца его съ людьми ихъ селенія; и что уже дѣлается совѣтъ: какъ и чѣмъ отмстить ему; и совѣтовали ему, что если его сегодня или завтра подъ какимъ либо видомъ будутъ звать въ общее собраніе, то, чтобы онъ отнюдь не ходилъ туда; иначе не избѣжать ему смерти. Каюлинахъ не совсѣмъ внималъ ихъ словамъ и совѣтамъ; ему было не до того: онъ спѣшилъ къ своей возлюбленной, которая родила ему сына — наслѣдника. Жена его также разсказала ему о составляющихся совѣтахъ, и упрашивала не ходить къ нимъ; но онъ пренебрегъ также и ея совѣтами и предостереженіями, думая, что никто не посмѣетъ тронуть его, какъ сына могущественнѣй-

Сказки. шаго и славнаго Тоэна; и притомъ онъ думалъ, что такъ какъ все селеніе ему въ близкомъ родствѣ или по его матери или по его женѣ, то и некого ему опасаться; но вышло совсѣмъ не по его расчету.

На другой день пріѣзда Каюлинаха въ селеніе, его, въ самомъ дѣлѣ, приглашаютъ на совѣтъ, собравшійся въ полѣ за селеніемъ. Онъ, получивъ такое приглашеніе, тотчасъ одѣлся въ лучшее свое парадное платье, т. е. надѣлъ на себя парку, шапку и проч. и, не смотря на слезныя убѣжденія милой жены своей, пошелъ куда его зовутъ. Выйдя изъ дома, гдѣ онъ былъ, онъ остановился на улицѣ и обращая глаза свои во всѣ стороны сказалъ »сей свѣтъ «никогда не помрачится, и ему не будетъ «конца; сей вѣтръ никогда не перестанетъ «совсѣмъ дуть и съ свирѣпостію дѣйство«вать на людей и животныхъ (потомъ гля«дя на горы и холмы); и также сіи *высо«кія красы земли* (Та́намъ анъгна́саясиъгинъ) «никогда не измѣнятся; но всѣмъ людямъ «и всѣмъ прочимъ животнымъ придетъ ко«нецъ и всѣ умрутъ; и я тоже когда ни«будь долженъ буду умереть; и что же «мнѣ теперь бояться смерти славной?« Сказавши это онъ тотчасъ пошелъ въ собраніе, и придя туда вошелъ прямо въ кругъ собравшихся и сѣлъ по срединѣ. Помолчавъ не много и не видя никакого ни вопроса, ни привѣта со стороны присутству-

ющихъ, онъ сказалъ имъ: »вотъ я при-
»шелъ къ вамъ; зачѣмъ вы меня звали?
»Ему отвѣчаютъ: »что мы знали, что ты, по родству своему, пріѣдешь къ намъ, и ждали тебя; и призвали тебя сюда ни зачѣмъ другимъ, какъ только узнать отъ тебя о поѣхавшихъ отсюда въ вашу сторону нашихъ двухъ байдарахъ; не слыхалъ ли ты что объ нихъ? и не видалъ ли кто нибудь изъ вашихъ, куда онѣ поѣхали? И ежели они живы, то имъ давно уже время воротиться; потому что имъ ни откуда и ни отъ кого нельзя встрѣтить опасности въ этой сторонѣ, обитаемой только однимъ нашимъ племенемъ. И такъ ты скажи намъ правду, все, что ты знаешь объ нихъ.« Тогда онъ сказалъ: »Да! я
»видѣлъ ваши байдары съ людьми, и знаю,
»что съ ними сдѣлалось; — но вамъ бу-
»детъ стыдно за столько *воиновъ* мстить
»на мнѣ, на одномъ худенькомъ мальчикѣ.«
Ему говорятъ: »мы не думаемъ мстить тебѣ за нихъ, и не думаемъ тебѣ дѣлать худое; ты только скажи намъ прямо; если ты видѣлъ ихъ убитыми, скажи намъ правду.« Онъ имъ на это отвѣчалъ тоже что и прежде. Тогда всѣ бывшіе въ собраніи разсердились на него и озлобились; и одинъ изъ нихъ, бывшій прежде невольникомъ отца Каюлинахава, сказалъ: что же вамъ толковать съ нимъ и щадить его къ своей досадѣ? видите, онъ только насмѣхается

Сказки. надъ вами: лучше надобно съ нимъ *что нибудь сдѣлать.* На слова сего невольника одинъ изъ родныхъ дядей Каюлинаха, сказалъ собранію: »дѣлайте вы съ нимъ, что хотите. Тогда всѣ дали рѣшительное согласіе убить его.

Исполнить же приговоръ хотѣлось всякому изъ нихъ лично, одному и безъ помощи другихъ; потому что Каюлинахъ (какъ показываетъ и самое имя его) былъ одинъ изъ сильныхъ мужчинъ; и потому убить такого героя всякой считалъ славнымъ дѣломъ. Но дорого заплатили тѣ, которые думали единоборствомъ одолѣть его; Каюлинахъ перваго, который бросился на него, не допустилъ до себя, схватилъ его, поднялъ на воздухъ и свернулъ ему голову руками и бросилъ отъ себя; такимъ образомъ онъ лишилъ жизни семерыхъ своихъ непріятелей и поединщиковъ, которые были одинъ другаго сильнѣе. Тогда Алеуты, видя, что если оставить его единоборствовать, то онъ по одиначкѣ всѣмъ отвертитъ головы, — бросились на него всѣ со стрѣлами; и невольникъ, первый подавшій голосъ убить Каюлинаха, первый вонзилъ ему стрѣлу въ сердце; и тотъ палъ мертвъ.

Тогда ближайшіе родственники убитаго, т. е. дяди и двоюродные братья, съ плачемъ взяли его тѣло, сдѣлали богатую зыбку, украсивъ ее разными нарядами и вещами, положили въ нее и повѣсили его въ

ней подъ байдарою. Жена Каюлинаха не утѣшно плакала объ немъ.

По прошествіи десятидневнаго условленнаго срока, отецъ Каюлинаха, видя, что сынъ его не возвращается, тотчасъ пустился въ путь, одинъ, въ то селеніе, куда онъ уѣхалъ; и пріѣхавъ туда ночью взошелъ въ юрту, гдѣ жила его невѣстка, которая, въ темнотѣ ночи, сидя горько плакала о своемъ мужѣ. Тоэнъ Агиталигакъ тотчасъ узналъ, что плачущая женщина есть именно его невѣстка, и подойдя къ ней тихонько сталъ спрашивать: что твой мужъ Тайягухъ Каюлинахъ живъ ли? Она, услышавъ такой вопросъ и отъ незнакомаго ей мужчины, съ горестію и досадою говоритъ ему: что ты еще насмѣхаешься надо мною, и къ печали моей прибавляешь еще печаль; развѣ ты не видалъ, что нынѣ случилось съ моимъ мужемъ; и не съ ними ли же и ты былъ? Тогда свекоръ ея говоритъ ей: молчи, тише; я отецъ твоего мужа Агиталигахъ; я пріѣхалъ провѣдать сына моего, живъ ли онъ; иди покажи мнѣ тѣло сына моего. Невѣстка повела его туда, гдѣ висѣло тѣло ея мужа. И они оба долго плакали тутъ. Наконецъ свекоръ говоритъ своей невѣсткѣ: »ты никому не сказывай, что я былъ »здѣсь у тебя; я скоро пріѣду сюда опять »и отомщу за смерть сына моего кровію

»моихъ родственниковъ.« Сказавъ это, онъ тотчасъ уѣхалъ. Пріѣхавъ домой на слѣдующее утро, онъ призвалъ къ себѣ своего племянника (сына сестры своей) и всѣхъ своихъ людей, и посадя его прямо предъ собою лицемъ къ лицу, такъ близко, что когда онъ сталъ говорить, то слины брызгами летѣли ему въ лице; и дыша злобою и мщеніемъ ужаснымъ сталъ говорить ему: »Алгихтаяхъ! (такъ назывался его »племянникъ) ты охотникъ и жаденъ до »войны и до крови человѣческой; и я »тебя до сихъ поръ удерживалъ; но те»перь даю тебѣ полную волю; отмсти »смерть своего двоюроднаго брата; братъ »твой и мой сынъ убитъ въ томъ селеніи »его родственниками; готовься на войну »воевать съ своимъ племенемъ.« Сказавъ сіе тотчасъ же далъ приказаніе вооружаться и какъ можно скорѣе быть готовыми къ походу.

Приказаніе его было исполнено, и раздраженный отецъ немедленно отправился съ своимъ *полкомъ* (алихтѹкъ). И подъѣхавъ къ селенію своихъ враговъ и родственниковъ, напалъ нечаянно и весьма удачно атаковалъ всѣхъ жителей въ ихъ юртахъ; и истребилъ ихъ всѣхъ безъисключенія; и изъ цѣлаго огромнѣйшаго селенія не осталось ни одной души въ живыхъ, кромѣ невѣстки его и внука, которыхъ онъ

взялъ съ собою также и тѣло своего сына и отправился домой.

Пріѣхавъ домой онъ сдѣлалъ большіе поминки по своемъ сынѣ; т. е. приказалъ выставить для жителей всѣ жизненные припасы, какіе у него только были, и всѣ, кто только находились въ селеніи, не возбранно приходили и ѣли сколько угодно; а отецъ плакалъ надъ своимъ сыномъ. Угощеніе это продолжалось три дня; и по окончаніи его, тоэнъ, приказалъ тѣло сына своего повѣсить въ его юртѣ въ той же самой зыбкѣ, въ которой онъ былъ положенъ сначала; и объявилъ всѣмъ, чтобы съ тѣхъ поръ никогда и никто не билъ въ бубны и не веселился въ знакъ его безутѣшной печали. Ни время, ни охота, ни слезы ничто не могло уменьшить и облегчить его горькой печали. Онъ думалъ найти облегченіе въ убійствѣ невольниковъ; и потому приказалъ развести большой огонь, и когда онъ разгорѣлся, то онъ началъ бросать въ него своихъ невольниковъ. Но это средство было также безсильно. Наконецъ онъ рѣшился оставить мѣсто новаго своего селенія, а съ тѣмъ вмѣстѣ и всѣ свои планы и намѣренія, *прославить себя въ чужихъ странахъ*, и возвратиться на мѣсто своей родины; и въ наступившее лѣто онъ собралъ всѣхъ своихъ родственниковъ, составлявшихъ его подчиненныхъ, оставшихся въ живыхъ и поѣхалъ обратно

Сказки. туда, откуда пріѣхалъ, въ свой знаменитый походъ, оставя всѣ свои заведенія, юрты и проч.

Пріѣхавъ домой еще болѣе сталъ горевать и плакать о своемъ горѣ и своемъ безславіи.

И такъ вмѣсто того, чтобы совершить какое либо достопамятное и славное дѣло и прославить себя и родъ свой, онъ только обезсилилъ себя, почти истребивъ весь родъ свой, и вмѣсто славы и радости привезъ домой безславіе, печаль, горесть и слезы, которыя не оставляли его до самой его кончины.

Сказка 2-я.

Нѣкто изъ бойкихъ Алеутовъ былъ чрезвычайный охотникъ до *игрушекъ*, т. е. до вечеринокъ (ихъ обыкновенныхъ увеселеній). И во время ихъ любилъ наряжаться въ разныя личины и плясать. Въ одно время онъ вздумалъ сдѣлать игрушку, знаменитѣйшую и на удивленіе всѣмъ. И для того приготовленія его къ тому были особенно хлопотливы и продолжительны. Когда было все готово, то онъ поѣхалъ приглашать гостей изъ другихъ селеній; пріѣхали гости и, по обыкновенію, помѣстились на берегу, въ сдѣланныхъ ими походныхъ шалашахъ (ихсӯнъ). Нетерпѣливый

хозяинъ въ тотъ же вечеръ хотѣлъ начать игрушку; и когда наступило время для игрушки, онъ послалъ жену свою принести личины, а самъ началъ пѣть сочиненныя имъ для сего особыя пѣсни, играя, т. е. ударяя въ бубенъ. Уже проходитъ довольно вечера, а гости его къ нему не собираются и жена его не несетъ ему личины. Онъ пождетъ—пождетъ ихъ, и опять начнетъ пѣть и играть на своихъ бубнахъ. Такимъ образомъ онъ, въ жару и упоеніи своей страсти къ удовольствіямъ, всю ночь пропѣлъ и проигралъ, и совершенно одинъ; и подъ конецъ совсѣмъ забылъ все, и потому ему не пришло и въ голову узнать о причинѣ, почему нейдутъ къ нему гости, и жена его не несетъ ему личины. Но наступившее утро вывело его изъ самозабвенія и открыло ему всю истину. Когда уже совсѣмъ сдѣлалось свѣтло, онъ выходитъ на улицу и что же онъ видитъ? Гости его всѣ уѣхали домой; и къ ужасному его посрамленію сдѣлали еще другое: они увезли съ собою и его молодую жену. Несчастный вечеринщикъ тотчасъ сорвалъ съ себя всѣ наряды и украшенія, которыя были на немъ, и одѣлся въ самое худое платье; и три дня не ѣлъ ни крошки и не пилъ ни капли воды. На третій день сказали ему, что пріѣхали двѣ байдарки изъ того селенія, изъ котораго у него были гости; онъ велѣлъ позвать къ себѣ пріѣз-

Сказки. жихъ, посадилъ ихъ и приказалъ угощать чѣмъ могъ; и когда они начали ѣсть, то и самъ хозяинъ началъ съ ними ѣсть и пить. Во время стола, онъ разсказалъ гостямъ своимъ о случившемся съ нимъ несчастіи и горѣ; и потомъ спросилъ ихъ: не знаютъ ли они, или не слыхали ли отъ кого, на которое селеніе, и куда увезли его жену? Гости сказали ему: что жена его находится въ ихъ селеніи и уже замужемъ, живетъ въ самой большой юртѣ, расположившись на самой срединѣ, и всегда одѣта въ самую нарядную парку и всегда убрана, т. е. съ разскрашеннымъ лицемъ; и среди дня сидитъ при огнѣ и шьетъ своему новому мужу камлейку, изъ сивучьихъ кишокъ. Несчастный хозяинъ, поблагодаривъ своихъ гостей за такую вѣсть, отпустилъ ихъ. На завтрашній день онъ поѣхалъ туда, гдѣ была его жена, и нашелъ ее точно въ томъ самомъ мѣстѣ и положеніи, какъ ему описывали пріѣзжіе. Въ это время всѣ мущины сего селенія разъѣхались за промысломъ звѣрей. Онъ тотчасъ, не говоря ни слова, взялъ свою жену за большую ея косу, вытащилъ на улицу, снялъ съ нее нарядное платье, оставя ее въ природномъ костюмѣ, и тѣмъ же способомъ препроводилъ ее до своей байдарки. Привезя жену свою домой, онъ привязалъ ее на улицѣ у входа въ свой домъ, оставя ее въ послѣднемъ костюмѣ. Въ такомъ ея положеніи

онъ продержавъ ее трои сутки, втащилъ ее въ свою юрту и снова заключилъ ее въ кладовую конурку на 7 дней, и также въ природномъ костюмѣ; а самъ сѣлъ у входа въ кладовую. Такимъ образомъ онъ просидѣлъ семь дней безъ всякой пищи и питья, не давая ничего для утоленія голода и жажды и своей половинѣ. По прошествіи этаго времени онъ поѣхалъ въ море за промысломъ звѣрей, и уѣзжая сказалъ своей матери, чтобы она, въ отсутствіе его, обмыла жену его, одѣла и накормила. Возвратившись вечеромъ съ промысла, онъ вошелъ домой и къ женѣ своей съ такимъ лицемъ и видомъ какъ бы ничего между ними не бывало; и сталъ жить съ нею въ мирѣ и согласіи какъ и прежде; но только страсть свою къ игрушкамъ возненавидѣлъ совершенно и сдѣлался осторожнѣе на счетъ жены своей.

Сказка эта сочинена на счетъ тѣхъ, которые, будучи сами причиною непослушанія и невѣрности женъ своихъ, между тѣмъ жалуются на нихъ.

Сказка 3-я.

На южной сторонѣ острова Уналашки, противъ нынѣшняго Черновскаго селенія, было нѣкогда селеніе, называемое игагакъ. Въ селеніи томъ былъ нѣкто изъ знамени-

 тыхъ Алеутовъ, у котораго были только двое дѣтей: сынъ и дочь. Сынъ былъ уже совершеннымъ промышленникомъ, ловкимъ и удалымъ, а дочь лишь только вступала въ совершенный возрастъ. Отецъ и мать ихъ и всѣ родственники не могли нарадоваться, смотря на молодыхъ людей, и они считали себя счастливѣйшими родителями; но ужасное и неслыханное, ни прежде, ни послѣ, произшествіе, вдругъ разрушило все счастіе ихъ.

Дѣвушка, находясь въ первой разъ въ извѣстномъ очистительномъ положеніи (по древнему обычаю Алеутовъ и многихъ нынѣшнихъ Американцевъ), была отдѣлена въ особую небольшую юрту, куда къ ней никто не могъ ходить кромѣ ея служанки. Въ это же время и братъ ея сталъ уходить по ночамъ за промысломъ уриловъ. Спустя нѣсколько времени послѣ заключенія дѣвушки въ ея затворничествѣ, къ ней сталъ ходить, по ночамъ и когда уже не было огня, какой то молодой человѣкъ и страстно убѣждалъ ее къ исполненію его желанія; но дѣвушка, боясь посрамить своихъ родителей, отнюдь не соглашалась на то. Но наконецъ молодой человѣкъ, не могши достигнуть своей цѣли волею, употребилъ насиліе. Оскорбленная дѣвушка такою дерзостію молодаго человѣка, вздумала наказать и наказала его за свое безчестіе са-

мымъ жестокимъ и безчестнымъ для него образомъ. Когда молодой человѣкъ, по совершеніи своего намѣренія, сталъ возвращаться домой и вылезать изъ ея жилища; то она, при выходѣ его, перерѣзала ему жилы подъ колѣнями у обѣихъ ногъ его; и несчастный юноша со стономъ поползъ отъ нее.

На завтра родители дѣвушки посылаютъ къ ней сказать, что любимый братъ ея, въ сію ночь ходившій, по обыкновенію, за промысломъ уриловъ, упалъ на острыя каменья и перерѣзалъ у себя жилы у ногъ и сей-часъ померъ. Такая ужасная вѣсть поразила дѣвушку и привела въ какое-то изступленіе. Она тотчасъ приказала своей служанкѣ одѣвать себя въ самый лучшій нарядъ, т. е. надѣвать на шею ожерелья, зарукавья на руки, серги въ уши и привѣски въ носъ (изъ лучшихъ суклей) и проч. и нарумянить (раскрасить) щеки; потомъ надѣла на себя самую лучшую нарядную парку (чъгахъ), украшенную рѣмешками изъ котовыхъ шкуръ, топорковыми носами и проч. Одѣвшись такимъ образомъ, она, парку свою, которая на ней была, (и которая обыкновенно шьется на подобіе длинной рубашки безъ разрѣза впереди), спереди разодрала отъ воротника до подола; и тотчасъ пошла, въ сопровожденіи своей служанки, въ общую

Сказки. юрту, гдѣ лежалъ братъ ея. Войдя туда она увидѣла, что братъ ея дѣйствительно умеръ и лежитъ впереди юрты на полу, родители и родственники его плачутъ и рыдаютъ ужасно. Но она, вмѣсто того, чтобы также плакать и рыдать, запѣла пѣсню самымъ веселымъ тономъ: братъ ты «братъ мой, ей вставай, вставай смотрѣть «на ту, для которой ты лишался сна.*» Поя сію пѣсню, она подходила къ тѣлу брата своего, размахивая полами разорванной своей парки и тѣмъ обнажая наготы свои. И когда она такимъ образомъ подошла къ тѣлу брата своего, то пальцы на ногахъ его пошевелились. Она тотчасъ отошла отъ него въ заднюю сторону юрту, и оттуда опять пошла къ нему поя туже пѣсню и также размахивая паркою; и когда она подошла къ брату во второй разъ, на лицѣ у него заигралъ румянецъ. При третьемъ же разѣ, когда подошла она къ брату, то онъ тотчасъ вскочилъ и бросился обнимать сестру свою; но она побѣжала отъ него прочь и выскочила вонъ изъ юрты, онъ—за нею, а за нимъ—и родители и родственники выбѣжали съ тѣмъ, чтобы поймать его. Такимъ образомъ дѣвушка

---

* ʼȣ́юнъ ȃ, ʼȣ́юнъ ȃ! ȃма́кȣхъ и́минъ саɣ̑ȣлюка́-ɣ̑асакинъ ȣкȣминъ ȃхча́ и̑? ȃхча́ и̑?

бѣжала впереди, за нею ожившій братъ, а за ними тѣ, но никто не достигъ своей цѣли. Наконецъ дѣвушка добѣжала до утесистаго края берега и не имѣя возможности убѣжать отъ ужасныхъ объятій своего брата, и, чтобы не дать себя на посрамленіе въ виду всѣхъ родныхъ своихъ, бросилась съ утесу въ море, а за нею и братъ ея. И тотчасъ скрылись въ волнахъ моря. Несчастные родители, прибѣжавъ туда, увидѣли однѣ только колыхающіяся волны, означающія мѣсто, гдѣ погибли ихъ дѣти. И долго они смотрѣли туда, не сводя глазъ и какъ бы ожидая, не выйдутъ ли ихъ дѣти изъ воды. И они, точно, спустя нѣсколько времени вышли на поверхность моря и даже живыми, но только ужъ не людьми, а *бобрами*; и пошли прочь отъ земли одинъ на востокъ, а другой на западъ. Несчастные родители, смотря въ слѣдъ имъ, плакали и говорили: «дѣти вы дѣти наши, для того ли мы воспитывали и возрастили васъ, чтобы вы посрамили насъ своимъ преступленіемъ и чтобы сдѣлались дикими звѣрями? мы надѣялись, что вы будете кормить, покоить и радовать насъ и проч.»

Такимъ образомъ родители плакали объ нихъ во всю жизнь свою; и съ тѣхъ поръ появились въ морѣ *морскіе бобры*.

Въ этомъ родѣ есть у Алеутовъ сказки: о разныхъ превращеніяхъ людей, обоего

Сказки. пола, въ земляныхъ и морскихъ хищныхъ звѣрей, какъ то: медвѣдей, косатокъ и проч: и также въ птицъ, тоже хищныхъ, которые нападали на другихъ животныхъ, слабѣйшихъ или неповоротливыхъ. Всѣ таковыя превращенія дѣлались силою и по воли злыхъ духовъ.

XVI.

Пѣсни.

Пѣсенъ у Алеутовъ еще гораздо болѣе, чѣмъ сказокъ: всякой островъ и всякое селеніе непремѣнно имѣло всегда и имѣетъ нынѣ свои собственныя пѣсни и по нѣскольку десятковъ; такъ, что если собрать всѣ ихъ пѣсни, какія были и есть у нихъ нынѣ, то не помѣстить ихъ и въ нѣсколькихъ томахъ. *Употребляемыя нынѣ, Алеутами, пѣсни* суть произведеніе, по большой части, позднѣйшаго времени, и вновь составляемыя нынѣшними пѣвунами поэтами, и отчасти остатки старинныхъ пѣсенъ. *Особенныхъ сочинителей* или слагателей пѣсенъ у нихъ нынѣ нѣтъ, прежде этимъ занимались болѣе шаманы и ихъ помощники, а нынѣ, можно сказать, что почти вся-

кой изъ Алеутовъ, сколько нибудь смышленѣе прочихъ, можетъ составить новую пѣсню, если не оригинальную, то по образцу прежнихъ. *Содержаніе пѣсенъ* Алеутскихъ весьма многоразлично: въ нихъ они воспѣваютъ и старину свою, и подвиги предковъ, и удальство на промыслѣ своихъ отцовъ и дѣдовъ, ихъ искуство въ ѣздѣ по морю и управленіе байдарою, ихъ обычаи, привычки и проч.; въ нихъ выражаютъ они свои неудачи въ промыслѣ, горе, радости, удовольствія жизни и проч. *Голосовъ* или *напѣвовъ* въ ихъ пѣсняхъ очень немного и, кажется, не болѣе трехъ, но и тѣ очень похожи одинъ на другой. Совершенно полный напѣвъ пѣсенъ Алеутскихъ положить на ноты кажется не возможно; потому что въ пѣніи своемъ, Алеутъ, заимствуютъ не болѣе пяти главныхъ музыкальныхъ тоновъ, но эти тоны подраздѣляются не только на полтоны, но можно сказать до безконечности. *Такты или размѣра* собственно въ пѣсняхъ у нихъ совсѣмъ нѣтъ, но въ музыкѣ ихъ, т. е. въ удареніи бубна — единственнаго ихъ музыкальнаго инструмента, — всегда и у всѣхъ такта совершенно одинакова, и именно: три осьмыхъ или три четверти, т. е. *два удара*, одинъ другаго (перваго) сильнѣе и выразительнѣе, и *одна пауза*.

Пѣсни, на игрушкахъ или вечеринкахъ, поются преимущественно *одними мущи-*

Пѣсни. *нами,* и никогда и нигдѣ не примутъ на себя этаго женщины, хотя почти каждая изъ нихъ знаетъ и содержаніе и напѣвъ всѣхъ, своего селенія, пѣсенъ.

Рифмъ и *размѣра,* или количества слоговъ, въ пѣсняхъ нѣтъ; и пѣсни поются не по слогамъ; но цѣлый стихъ или нѣсколько словъ стиха (смотря по смыслу и складу), высказываются вдругъ и очень скоро, возвышеннымъ голосомъ, и потомъ конечныя слова вытягиваются до извѣстнаго предѣла — низкимъ, одинаковымъ, прерывчатымъ тономъ; а между тѣмъ бубны, начавшіяся до начала пѣсни, не умолкаютъ и не измѣняютъ. *Языкъ въ пѣсняхъ* также бываетъ иногда отличный отъ разговорнаго; иногда нѣкоторыя слова, для удобности въ пѣніи, переставлены, другія сокращены или разтянуты (вставными частицами); а на концѣ, тамъ, гдѣ недостаетъ или словъ или мыслей, или какъ бы для дополненія стопъ стиха, прибавляются слова совершенно безъ смыслу въ родѣ какъ бы припѣва, напр.: ѷáя, ѷáй, ѵдáя, ѵдáй. *Слова въ пѣсняхъ,* сочиненныхъ прежде и уже принятыхъ жителями селенія, по произволу пѣвцовъ также не переставляются, не выкидываются и неперемѣняются.

До принятія Алеутами Христіанства, у нихъ было множество такъ называемыхъ *шаманскихъ пѣсенъ,* т. е. такихъ, которыя пѣты были только во время шаманства или

призыванія духовъ; и не менѣе того было пѣсенъ, употреблявшихся при ихъ сценическихъ представленіяхъ; но лишь только Алеуты окрестились, то совершенно оставили не только всѣ шаманскія, но и такія пѣсни, въ коихъ, хотя сколько нибудь было касающагося сего предмета, — а съ ними и прочія *сценическія*, въ которыхъ не рѣдко воспѣвались ихъ историческія событія.

Для того, чтобы составить нѣкоторое понятіе объ Алеутскихъ пѣсняхъ, т. е. ихъ содержаніи, языкѣ въ пѣсняхъ, размѣрѣ, сложеніи и проч. я здѣсь представляю нѣсколько изъ нихъ.

1.

Каґанакъ, каґáнакъ, ш̆и́нъ анȣхтасáґинъ Ȣлахтаґȣтáликъ - 2.	Благодаренъ, благодаренъ, думаютъ обо мнѣ на этотъ день 2-жды.
Кинґȣнахъ, кинґȣнахъ, ш̆инъ анȣхталикахтаґȣтакȣнъ - - 2.	Бѣденъ, бѣденъ, лучше бы думали обо мнѣ - - - 2 жды.
Каґáнакъ, каґáнакъ, ш̆и́нъ анȣхтасáґинъ, Ȣлахтаґȣталикъ - - 2.	Благодаренъ, благодаренъ думаютъ обо мнѣ на этотъ день 2 жды.
Ȣ́анȣнъ ґȣматáликъ	Здѣсь покуда я бу-

Пѣсни.

анѓаѓидалиѓънъ, Ка́юхъ малиганъ саѓаканингъ. 2.	ду жить, еще также поступлю — 2-жды.*

2.

А́нѓинъ — ангитакъ-киѓа́нъ, ў́ая.	Душа моя, душа во мнѣ есть, вотъ.
Кагна́нингъ кагнах-такъкиѓа́нъ, ў́ая.	Кости мои, кости во мнѣ есть, вотъ.
ўльлюнъ ўльлюхта-къкиѓа́нъ, ў́ая.	Тѣло мое, тѣло у меня есть, вотъ.
И́минъ илгаса́данъ, и́минъ ўкўса́данъ.	Тебя я ищу, тебя стараюсь увидѣть.
Та́ѓа нў́гъ тўнў́да, ѝгама́нанъ нў́гъ ѝда.	Но говори мнѣ, добро, мнѣ скажи.

3.

ўданъ малга́намъ тамада̀га нў́гъ а̀канхта-гўлютингъ ма́ликъ.	Я никакимъ этимъ дѣломъ не могу заняться, знать его.
Аў́я нѓа́нъ айгахтака́нгингъ, и нгалўхтаканингъ а̀каталакака дахлакака.	Вотъ для нее я и похаживаю, выступаю и не знаю какъ угодить.
Нѓа́нъ гўмата́нганъ ўляхтаѓўтакўнъ, аў́я, аў́я.	Для нее я здѣсь поживаю, для нее, для нее.
Та́ѓа а̀хтагаликўкъ,	Но однакожъ, я съ

* Во всякой пѣсни и всякой стихъ повторяется.

áсикъ áсикъ ш̆инъ ӯкӯхтáлка, áсикъ кӯкимйнъ, алююгисахъ аласалаг̆áнанъ.

Кáюхъ мáсалка 'йнанъ чáганъ чаӈӯчáганъ ӯнáнанъ адáминъ сиюлáгананъ.

ней вижусь, я улыбнулся, улыбнулась и она и такъ мы разошлись.

И я еще потянулъ ее къ себѣ за руку, за ручку.

4.

'Аманъ áӯакъ аӯáдамъ мадáнинъ áхтáкӯнъ мáнанъ кагáнамъ, инигсáнанъ агáлитинъ.

Ильлянинӯлюкъ нӯнъ илялгитáсаликъ кагáнанъ, инихсáнанъ агáлиш̆инъ.

Тáг̆а, кадáминъ аягá áма иг̆áдакъ кáнланъ аягá аглáгамъ кӯганъ кӯганъ аягахтáкакъ, йлахтáдакъ.

Тайягӯкъ ляхтанакъ алгáдакъ йляхтáдакъ. Каг̆анасáмъ йлянъ каг̆адӯкӯнъ аякаг̆ӯмъ áнг̆а нáнъ агӯг̆áликъ, чигӯякамъ áнг̆а нáнъ агӯг̆а-

Такъ какъ я челолокъ бѣдной (работающій), долженъ по неволѣ благодарить и веселиться.

Чужихъ людей я долженъ считать за своихъ, благодарить и веселится.

Но говорятъ, была родственница, которая была за мужемъ за Умнакскимъ урожденцемъ.

У ней былъ по имени Алгáдакъ. Во время вечеринки, когда онъ, по приглашенію, началъ плясать, то надъ нимъ стали

ликъ каг̓ȣдȣхчхисхадà-кȣмъ малатȣг̓ȣтагимъ.	смѣяться, крича по лисичьи и по воробьиному, и онъ пересталъ.
Ада́мъ иля́нъ ага́ликъ ӈа́нъ тȣнȣнакъ, йляхтадакъ: ката́ ȣа́я аlкȣлаликъ кȣминъ малга́дакȣнъ малаг̓ȣтакȣкинъ каг̓адȣкȣӈъ аяка́г̓ȣмъ а́ӈг̓а, а̓ма чигȣя́камъ а́ӈг̓а нȣӈъ агȣг̓адакȣкъ, малаг̓ȣтакȣкиӈъ.	Приходитъ онъ къ отцу своему и говоритъ: когда я начну плясать, отчего смѣются надо мной, крича по лисичьи и по воробьиному?
ʼАликъ алга̀тхȣласха́гикъ йӈа́я кȣминъ мадалга́кȣнъ, та́г̓а кага́я агашйӈгинъ ильля́тхинъ Акȣтана́ӈгинъ, Акȣна́ӈгинъ агашйӈгинъ кȣминъ малга́нанъ ӈйнъ йхта́минъ акатхинъ.	Отъ того такъ съ тобою поступаютъ, что ты ничего не упромыслилъ изъ звѣрей иптицъ; но ты долженъ сказать объ этомъ лучше твоимъ родственникамъ Акутанскимъ и Акунскимъ.
Ада́нъ тхинъ йсаӈанъ ака́ганъ ака́ликъ ильля́тхинъ ȣликъ, кȣмъ малга́нанъ йхтакȣкъ айгаса́какъ ахта́кȣкъ ма́ляликъ а̀какȣхъ та́нанъ агȣляликъ.	Онъ по словамъ, сказаннымъ его отцемъ, поѣхалъ къ своимъ родственникамъ, объѣхавъ тѣ острова вокругъ и разсказалъ, что дѣлали съ нимъ.
ʼАlганъ ӈанъ лалга́ликъ тана́ *Адахъ* ȣсакакъ, йляхтадакъ; ма́-	Говорятъ они поѣхали на островъ *Адахъ* бить для него звѣрей,

ликъ áлгамъ лалгакаганъ агалю́нгинъ ӑӣпикъ исхачáнгўсикъ нгáнъ идчáкакъ, иляхтáдакъ; мáляликъ акáганъ акáляликъ акўкўнъ ангакўсангинъ агўсáнакъ, иляхтадакъ.

и, говорятъ, бравши по одному только зубу отъ каждаго убитаго звѣря, нагрузили десять корзинъ; и потомъ говорятъ, онъ возвратился къ тѣмъ его непрiятелямъ, и показывалъ ихъ.

5.

'Ананъ, алкўганъ агӣкўхъ, áлкўнъ ӣдáгӑнъ агӣкўхъ?

Что значитъ это, что это онъ хочетъ сказать мнѣ?

ўая ўмакилянанъ атáлаканъ áнтанъ ангагӑўталакáгинъ.

Я, сѣвши на корму (въ байдаркѣ), не думалъ что это случится со мной.

Танáнингъ, танасáнингъ, кагáя кўсанъ ӣнингинъ ўхляхтáликъ килягӑнъ ӑхсикъ икáя.

Острова мои, острова вы мои, небеса надъ ними утромъ сегодня стоятъ веселыя.

Икáя кáюхъ матóликъ килягӑнъ áхсикъ икáя.

Точно также и утро сегоднишнее (веселое).

ўáя ўматáликъ ангӑгидалӣгўнъ ўгӑнагӑўлюкъ ўгӑнагӑнагўлюкъ.

Ежели я буду жить впредь, пусть точно такъ будутъ въ памяти.

ўанъ ангилакъ, кўлилякъ ўая.

Вотъ скука, а вотъ печаль.

XVII.

Игры.

Подъ именемъ *игръ*, не народныя увеселенія и игры, (объ нихъ сказано выше); но обыкновенныя игры, которыя у всѣхъ народовъ служатъ средствомъ, чтобы убитъ время, имущество, здоровье и даже жизнь.

Азартныхъ игръ у Алеутовъ нынѣ нѣтъ совсѣмъ; и вообще, можно сказать, Алеуты, на интересъ не играютъ. Въ прежнее же время, говорятъ, бывали такіе изъ удалыхъ и богатыхъ, которые проигрывали свое состояніе и даже невольниковъ своихъ.

Національная игра ихъ есть, такъ называемая ими, кака́нъ, гдѣ, обыкновенно, двѣ пары соперниковъ дѣлятся такъ, что на каждой сторонѣ всегда бываетъ два соперника, а не такъ, чтобы соперники были вмѣстѣ и каждая пара на своей сторонѣ.

Дѣлаютъ на полу два небольшія *поля* или *квадрата*, въ небольшомъ одинъ отъ другаго разстояніи, и на немъ проводятъ нѣсколько (кажется три) линій, одна другой далѣе; или, чаще, вмѣсто полей кладутъ на полъ двѣ травяныя рогожки, съ замѣтными полосами. Потомъ соперники

берутъ въ руки по нѣскольку небольшихъ кружечковъ костяныхъ или деревянныхъ, величиною нѣсколько болѣе мѣднаго десятикопѣешника; и ставъ на колѣни па одной рогожкѣ, одинъ изъ играющихъ, кидаетъ кружокъ на другую рогожку, стараясь поставить его на которой нибудь линіи или полосѣ; поставленный имъ кружекъ, находящійся съ нимъ на одной сторонѣ соперникъ, старается сбить своимъ кружкомъ, или, если тотъ далъ промаха, то поставить свой кружокъ на линіи. И когда, попеременно, перебрасаетъ первая пара соперниковъ всѣ, бывшіе у нихъ, кружки, то тотъ изъ нихъ, у котораго болѣе кружковъ осталось на линіяхъ или хотя одинъ, но выше кружковъ соперника, получаетъ извѣстное число *палочекъ* (въ родѣ марокъ или фишекъ, употребляемыхъ въ бостонѣ). Потомъ беретъ тѣже кружки и начинаетъ такимъ же образомъ кидать другая пара соперниковъ. И когда всѣ, извѣстные числомъ палочки, три раза, перейдутъ на которую нибудь одну сторону, то та сторона и выиграла. Но такъ, какъ палочки эти переходятъ изъ рукъ въ руки много разъ, до тѣхъ поръ, пока всѣ онѣ будутъ въ рукахъ одной пары союзниковъ; то игра эта можетъ продолжаться очень долго.

Другая, извѣстная нынѣ и болѣе другихъ употребляемая, игра у Алеутовъ, есть

Игры. большая *игра въ шахматъ* и также въ пѣшки, т. е. въ 12 шашекъ. И надобно сказать и удивляться, что Алеуты, разумѣется одни только мужчины, большіе охотники до шахматной игры, и очень многіе изъ нихъ играютъ очень хорошо, даже есть такіе изъ нихъ игроки, которыхъ съ трудомъ можетъ обыграть и отличной игрокъ. Игру эту переняли они отъ первыхъ пришельцевъ къ нимъ Русскихъ — Сибиряковъ, и оттого игра ихъ нѣсколько разнится отъ обыкновенной шахматной игры, и въ особенности тѣмъ, что *дама* или *ферзь* не ходитъ ходомъ *офицера* или *слона*; но въ такомъ случаѣ дѣйствуетъ она только какъ солдатъ, поражающій непріятеля. Но не впередъ только, а во всѣ стороны.

Карты у Алеутовъ не въ употребленіи, впрочемъ оттого, что нѣтъ возможности достатъ ихъ; но иногда случается видѣть играющихъ и въ карты, но всегда не иначе какъ въ *марьяжъ* и *въ дурачки.*

Мячь и *городки* также входятъ въ употребленіе между молодыми Алеутами, впрочемъ, кажется, еще только въ главномъ селеніи.

Здѣсь хотя и не совсѣмъ кстати, но я разскажу объ одномъ *дѣйствіи* прежнихъ Алеутовъ-мужчинъ, которое было не то что обычай или шаманство, а какъ бы какое то представленіе или игра, которую

они употребляли какъ сильнѣйшее средство для удержанія женъ своихъ въ послушаніи и вѣрности и для наученія дочерей своихъ добродѣтели, имъ свойственной. *Дѣйствіе* это можетъ служитъ доказательствомъ тому, какъ легко заставить людей непросвѣщенныхъ, т. е. не имѣющихъ истинной вѣры, вѣрить всему, что угодно; — и какъ искусно и твердо умѣютъ дикари поддерживать свое суевѣріе и хранитъ тайны онаго. Вѣроятно такими же путями вошли въ міръ и многіе языческіе обряды, бывшіе въ началѣ также нѣчто въ родѣ подобныхъ представленій, игръ и проч. и которые со временемъ усвоились, укоренились и приняли видъ истины, таинственности и знаменательности.

Дѣйствіе это называлось кȣ́ганъ агáликъ, т. е. являются дьяволы; и тайна его извѣстна была однимъ только взрослымъ мужчинамъ, которые, подъ страшною угрозою смерти, хранили ее вѣрно и не смѣли открывать ни женѣ, ни матери, ни милой любовницѣ; иначе, не только ни какое родство не могло спасти предателя отъ поносной смерти, но даже отецъ сына и сынъ отца могъ и долженъ былъ убить безнаказанно, если узнаетъ, что тотъ передаетъ эту тайну женщинамъ. Посвященіе въ это таинство молодыхъ мужчинъ было не иначе какъ тогда, когда они придутъ въ совершенный возрастъ, и дѣлалось

или чрезъ дядю или чрезъ отца. Алеуты такъ крѣпко хранили тайну этаго дѣйтсвія, что до самаго просвѣщенія Алеутовъ Христіанствомъ ни одна женщина не знала объ немъ; съ принятіемъ Христіанства, оставя все противное и неприличное оному, открыли и тайну своего дѣйствія — явленія діаволовъ.

Дѣйствіе это происходило слѣдующимъ образомъ: когда Алеуты вздумаютъ или увидятъ надобность сдѣлать такое представленіе, то заблаговременно распредѣляютъ всѣмъ и каждому свои роли и свое мѣсто дѣйствія и проч. и по утру, въ день самаго представленія, одна часть мужчинъ, долженствующая представлять діаволовъ, уѣзжаетъ изъ селенія на два дня, или болѣе, подъ видомъ промысла звѣрей; а другіе, остающіеся дома, когда наступитъ поздній вечеръ, вдругъ, какъ будто въ какомъ то испугѣ, начинаютъ прислушиваться или представляютъ, что они будто что-то предчувствуютъ худое и тѣмъ наводятъ страхъ на женщинъ, которыхъ отнюдь не выпускаютъ на улицу, будто бы изъ опасенія. Спустя нѣсколько времени послѣ перваго дѣйствія испуга, слышанъ бываетъ глухой не обыкновенный шумъ, происходящій на улицѣ; тогда мужчины избираютъ изъ среды своей храбреца, и посылаютъ на улицу посмотрѣть, что тамъ такое. Тотъ едва успѣетъ выйти, какъ въ туже мину-

ту вбѣгаетъ назадъ, въ величайшемъ страхѣ и ужасѣ, и говоритъ: скоро явятся дьяволы. Со словомъ его, въ туже минуту, на улицѣ, со всѣхъ сторонъ, начинается страшный стукъ и шумъ, такъ, что кажется, что юрта хочетъ разсыпаться въ прахъ и — съ тѣмъ вмѣстѣ необыкновенный ревъ и крикъ отвратительнымъ и неизвѣстнымъ голосомъ; тогда всѣ находящіеся въ домѣ мужчины встаютъ въ оборонительное положеніе и говорятъ другъ другу; держись, крѣпись, не давайтесь. Послѣ того вдругъ видятъ, что кто-то страшный необыкновеннаго роста, вышиною до самой высокой части потолка, съ ужаснымъ свистомъ и ревомъ, спускается въ юрту въ одно изъ отверзтій, служащихъ вмѣсто окна и дымной трубы. Страшилище это есть ничто иное какъ человѣкъ, нарядившійся въ травяную огромную чучелу, похожую на уродливаго человѣка. Тогда мужчины кричатъ: скорѣе гасите огни, и какъ скоро сдѣлается темно, то въ юртѣ и внѣ оной начинается ужасный стукъ, вой, свистъ, крикъ; одинъ изъ находящихся въ юртѣ, командуетъ: боритесь, бейтесь, выгоняйте; и со словомъ его стукъ, и крикъ увеличиваются и поднимаются странный скрипъ, пискъ, ломка и словомъ слышны всѣ возможные звуки. Такая кутерьма продолжается нѣсколько времени; и потомъ будто бы мужчины одолѣютъ чертей и выгонятъ ихъ

Игры.

вонъ и за ними выходятъ сами съ такимъ шумомъ и крикомъ, которые потомъ мало по малу затихаютъ и наконецъ замолкаетъ все. Послѣ того изгонители чертей входятъ въ юрту и велятъ засвѣтить огня; и когда освѣтится юрта, то начинаютъ свидѣтельствовать, всѣ ли живы и цѣлы изъ мужчинъ; и обыкновенно всегда не находятъ кого нибудь одного. Тогда кричатъ давайте скорѣе женщину на жертву и на выкупъ утащеннаго. И съ этимъ словомъ схватываютъ какую нибудь женщину, уже прежде для того назначенную, и не давая ей пикнуть вытаскиваютъ ее на улицу, почти полумертвую. По прошествіи нѣкотораго времени приносятъ утащеннаго чертями мужчину будто бы совсѣмъ мертваго и приводятъ женщину обратно съ честію. И тотчасъ приступаютъ къ оживленію мертваго; для этаго бьютъ его надутымъ пузыремъ, приговаривая: вставай ты теперь у насъ. И мнимый мертвецъ мало по малу оживаетъ и наконецъ становится совсѣмъ живъ и здоровъ; тогда родственники его дарятъ ту женщину, которая собою избавила его изъ рукъ чертей; и — тѣмъ оканчивается все ихъ представленіе. Чрезъ нѣсколько дней возвращаются уѣхавшіе мужчины на промыселъ; и имъ разказываютъ о случившемся въ ихъ отсутствіе явленіи чертей; и тѣ слушаютъ съ необыкновеннымъ вниманіемъ и ужасомъ. И легковѣр-

ные Алеутки отъ души вѣрили, что все это было точное нашествіе чертей.

Говорятъ, надобно было удивляться тому, какъ Алеуты умѣли выдерживать себя въ принятыхъ ими роляхъ въ представленіи этой игрушки; не только никто не подаетъ ни малѣйшаго вида къ подозрѣнію обмана; но на всѣхъ лицахъ видны были точно тѣ выраженія, какихъ требовало представленіе.

XVIII.

Взглядъ на нынѣшнее просвѣщеніе Алеутовъ.

Послѣ всего того, что сказано объ Алеутахъ, слѣдуетъ обратить вниманіе вообще на нынѣшнее ихъ просвѣщеніе или образованность.

Но чтобы сказать объ этомъ сколько можно удовлетворительнѣе, надобно прежде опредѣлить, что разумѣть въ Алеутахъ подъ словомъ *просвѣщеніе* *.

* Кажется у насъ еще и по сіе время не сдѣланы точныя опредѣленія словамъ: *просвѣщеніе* и

Взглядъ на просвѣщеніе Алеутовъ.

Подъ именемъ просвѣщенія я здѣсь буду разумѣть *перемѣну* или *переходъ* изъ ихъ прежняго, такъ называемаго, дикаго состоянія въ нынѣшнее подходящее къ нашему — Европейскому.

Не только странно, но даже смѣшно кажется дѣлать нынѣ вопросы: *должно ли просвѣщать дикарей?* и *полезно ли для нихъ просвѣщеніе?* Но, какъ это ни кажется страннымъ, просвѣтители должны дѣлать себѣ такіе вопросы для того, чтобы не забывать въ чемъ должно состоять просвѣщеніе и просвѣщеніе не одностороннее, не поверхностное, но прочное, благодѣтельное, истинное.

Не много выиграютъ дикари отъ вносимаго къ нимъ просвѣщенія, если оно будетъ только внѣшнее, житейское и если даже оно будетъ состоять только въ одномъ умственномъ образованіи. Ибо чѣмъ улучшится нравственное состояніе дикаря, когда онъ напримѣръ узнаетъ, что не солнце вертится вокругъ земли, а въ тоже время не пойметъ ни цѣли существованія міра, ни цѣли своего существо-

---

образованность; еще въ нынѣшнемъ (1840) году, въ одномъ періодическомъ листкѣ, одинъ нашъ ученый не соглашается съ мнѣніемъ другаго ученаго.

ванія? Счастливѣе ли будетъ дикарь въ быту своемъ, когда онъ изъ звѣриной шкуры переодѣнется въ сукно и шелкъ, а въ тоже время переиметъ съ ними и всѣ злоупотребленія производителей и потребителей?

Такихъ вопросовъ можно сдѣлать еще нѣсколько; но всѣ они, при всей очевидности своей, отнюдь не ведутъ къ тому заключенію, что не должно просвѣщать дикарей, а только убѣждаютъ въ томъ, что, выводя дикарей изъ прежняго ихъ состоянія, надобно наблюдать благоразумную осторожность, дабы вмѣсто того, чтобы сдѣлать ихъ счастливѣе, не лишить ихъ и настоящаго ихъ счастія.

Такъ! надобно стараться вывесть дикаря изъ его грязной жизни; но, очищая нечистоту съ его тѣла, надобно быть осторожнымъ, чтобы не содрать съ него и природной его кожи, и тѣмъ не изуродовать его. Надобно выводить дикарей изъ мрака невѣжества на свѣтъ познаній; но осторожно, чтобы не ослѣпить ихъ и можетъ быть навсегда. И искореняя въ нихъ ложныя правила ихъ нравственности, не сдѣлать ихъ совсѣмъ безъ правилъ нравственности и проч.

Примѣровъ односторонняго просвѣщенія дикарей много. И надобно сказать, что Алеуты могутъ быть исключеніемъ изъ этаго, и даже могутъ быть поставлены въ

Взглядъ на просвѣщеніе Алеутовъ.

примѣръ пользы просвѣщенія. Но при всемъ томъ и къ нимъ, вмѣстѣ съ просвѣщеніемъ, переходятъ такія мнѣнія и обычаи, которые они прежде считали преступленіемъ и стыдомъ; и съ истребленіемъ въ нихъ худаго и вреднаго уничтожается и многое доброе, такъ напримѣръ.

Алеуты, въ прежнемъ быту своемъ, были не слишкомъ трудолюбивы и даже лѣнивы; но у нихъ были и предметы, которые не рѣдко возбуждали и поддерживали ихъ дѣятельность, напримѣръ междуусобія и войны. Въ нынѣшнемъ состояніи ихъ у нихъ не стало таковыхъ предметовъ — какъ вредныхъ, но въ тоже время почти нѣтъ ничего такого, чтобы всегда могло возбуждать и поддерживать ихъ дѣятельность; и отъ того природная ихъ не охота къ трудамъ — и особенно при худыхъ примѣрахъ пришельцевъ ихъ — нынѣ дѣлается чистою лѣнью.

Алеуты прежде не знали многихъ удобствъ жизни и даже жили очень неопрятно и не чисто; но за то они не знали и роскоши и всего, что ей сопутствуетъ; и не имѣя образцовъ, съ которыми бы могли сравнивать свое состояніе, они были довольны. Нынѣ они понимаютъ различіе состояній и выгоды богатыхъ; но въ тоже время не имѣютъ почти никакой возможности улучшить свое состояніе даже до посредственности; и потому это можетъ слу-

житъ только причиною мученій, зависти, жалобы, униженія и проч.

Алеуты прежде не знали искуствъ, полезнѣйшихъ въ быту человѣка и извѣстныхъ просвѣщеннымъ народамъ, но за то они превосходно знали свои искуства, необходимыя въ ихъ быту, какъ то: искусство ѣздить въ байдаркѣ, промышлять и даже искуство врачеванія. Нынѣ они, научаясь искуствамъ новымъ и которыя въ ихъ быту и при ихъ обстоятельствахъ и средствахъ очень мало могутъ приносить имъ пользы, въ тоже время теряютъ свои національныя и болѣе имъ полезныя искуства; такъ напримѣръ нынѣ уже, можно сказать, совсѣмъ нѣтъ у нихъ такихъ врачей и такихъ наѣздниковъ въ байдаркахъ, какіе бывали прежде.

У Алеутовъ, въ прежнемъ быту ихъ, были нѣкоторые обычаи даже вредные, напр. убивать невольниковъ для прислуги умершимъ; но за то въ числѣ ихъ обычаевъ были такіе, которые всегда стоятъ похвалы и подражанія, напр. въ случаѣ крайней нужды дѣлиться послѣднимъ кускомъ. Нынѣ, съ уничтоженіемъ обычаевъ вредныхъ, начинаютъ измѣняться и добрые. Просвѣщеніе имъ внушаетъ: помни, что ты отецъ семейства, ты долженъ заботиться объ нихъ и проч.

Алеуты прежде имѣли многія правила, не сообразныя съ понятіямъ просвѣщен-

Взглядъ на просвѣщеніе Алеутовъ.

ныхъ, но за то они всѣ свои правила исполняли весьма строго; всеобщее презрѣніе и даже смерть были неизбѣжными слѣдствіями нарушенія ихъ: о прощеніи, т. е. просить прощенія или прощать они почти и понятія не имѣли (въ ихъ словарѣ нѣтъ словъ: *прощать* и *просить прощенія*). Нынѣ, они, перемѣнивъ свои прежнія правила жизни на новыя, лучшія, въ тоже время узнали, что у просвѣщенныхъ народовъ всѣ правила жизни превосходны, но строгой и неизмѣнной точности въ исполненіи ихъ очень не много; и нерѣдко явное нарушеніе ихъ не только не преслѣдуется общимъ мнѣніемъ, но прикрывается слабостію, снисходительностію и проч. И, само собою разумѣется, Алеуты начинаютъ пользоваться такою заманчивою амнистіею.

Вотъ слѣдствія ознакомленія, Алеутовъ, съ просвѣщеніемъ и перемѣны прежняго ихъ состоянія на новое! И какъ послѣ этаго не сказать, что не много выиграли Алеуты отъ вносимаго къ нимъ просвѣщенія. Но надобно сказать, что здѣсь высказано почти все, то что можно сказать не въ пользу просвѣщенія; и многіе изъ представленныхъ здѣсь слѣдствій совершенно неизбѣжны и неотвратимы; и всѣ вообще онѣ не суть слѣдствія просвѣщенія, но способа или образа, коимъ вносимо было имъ просвѣщеніе. Истинное просвѣщеніе всегда и всѣмъ полезно.

Представя на видъ слѣдствія не благопріятныя, и слѣдствія, почти только со внѣшней физической стороны, теперь обратимъ наше вниманіе на внутреннюю духовную и, слѣдовательно, существенную пользу перехода Алеутовъ въ нынѣшнее ихъ состояніе.

Самое первое мѣсто въ семъ отношеніи, безъ сомнѣнія, занимаетъ Христіанская вѣра, перенесенная къ нимъ Русскими, и которая, можно сказать, пришлась имъ по сердцу; и отъ того очень скоро распространилась и утвердилась между ими.

О пользѣ Христіянской вѣры, какую она приноситъ даже въ началѣ своего появленія, здѣсь говорить нѣтъ нужды: это высказали вѣки и народы. Мы здѣсь представимъ на видъ только то, что въ особенности касается Алеутовъ.

Алеуты, *терпѣливы*, даже до нечувствительности; Алеуты, *добры*, также можно сказать, до самозабвенія. А эти два качества суть такое прекаснѣйшее поле, на которомъ можно сѣять самыя чистыя сѣмена Христіанства, и суть вмѣстѣ такія важныя средства и пособія къ исполненію сего дѣла, что съ ними почти нѣтъ ничего невозможнаго для нихъ. Тотъ, кто не имѣя никакого понятія объ утѣшеніяхъ высшихъ духовныхъ, терпѣлъ и успѣлъ терпѣть много, доблественно и заничто или не болѣе какъ только для того, чтобы не

Взглядъ на просвѣщеніе Алеутовъ.

показаться малодушнымъ, въ глазахъ своихъ собратій;—безъ всякаго сомнѣнія согласится терпѣть тогда, когда онъ увѣренъ, что терпѣніе его можетъ ему доставить и награду небесную и вѣчное спасеніе и утѣшеніе духовное. Тотъ, кто умѣлъ дѣлиться съ нуждающимися послѣднимъ кускомъ, забывая и себя и дѣтей и не заботясь о завтрашнемъ днѣ; и все это дѣлалъ только потому, что такъ водилось; — конечно подѣлится нынѣ, когда онъ знаетъ, что всякое его благодѣяніе нуждающимся пріемлетъ отъ него самый Великій Мздовоздатель.

Объ усердіи Алеутовъ, въ исполненіи христіанскихъ обязанностей, сказано выше, въ первомъ отдѣленіи сей части; и потому повторять здѣсь было бы излишно.

Алеуты, въ прежнемъ состояніи своемъ, по вѣрѣ предковъ своихъ, убивали рабовъ своихъ для прислуги умершимъ; но теперь все это совершенно прекратилось и не потому, что они не имѣютъ возможности дѣлать это; но потому именно, что они совершенно поняли и убѣдились, что отшедшіе изъ здѣшняго свѣта не требуютъ ни прислуги, ни пособій, кромѣ пособій Христіанскихъ.

Алеуты, до прибытія къ нимъ Русскихъ и особенно предъ самымъ прибытіемъ, имѣли страшныя войны и междуусобія, такъ, что

наконецъ у нихъ до того дошло, что не только жители ближайшихъ острововъ, но даже сосѣдственныхъ селеній и домовъ, были непримиримыми врагами между собою; и если не открытою силою, то тайно и скрытно губили другъ друга. Но теперь все это совершенно прекратилось; и не только нѣтъ между ними ни междуусобій, ни вражды, но даже обыкновенной мелкой домашней ссоры; и прежніе непримирѣйшіе ихъ враги—Кадьякцы теперь уже не только не враги въ глазахъ ихъ, но пріятели, братья и даже друзья. И все это также отнюдь не потому только, что Алеуты нынѣ не имѣютъ возможности враждовать другъ на друга; но болѣе по убѣжденію и увѣренности, что всѣ люди братья, и потому, что Алеуты умѣютъ перенести обиду.

Вотъ важнѣйшіе плоды просвѣщенія Алеутовъ! и кто не порадуется о нихъ?

Къ сему прибавимъ еще и другія благопріятныя слѣдствія ознакомленія Алеутовъ съ новыми понятіями.

Алеуты давно уже стоятъ на той степени просвѣщенія, что безъ всякаго препятствія съ ихъ стороны принимаютъ и готовы принимать всякія нововведенія, клонящіяся къ ихъ пользѣ, напр. прививаніе оспы. Это они особенно доказали въ послѣднее

Взглядъ на просвѣщеніе Алеутовъ.

время, когда въ Америкѣ была оспа (въ 1836 и 1837): сосѣди ихъ, Кадьякцы, бѣгали отъ пособій, подаваемыхъ имъ, и не хотѣли принять прививаніе оспы (и конечно отъ того много уменшилось число ихъ); а Алеуты, на противъ того, не только принимали съ охотою, но и содѣйствовали въ томъ сколько могли. И все это они дѣлали и дѣлаютъ также не отъ того, чтобы не смѣли противиться нововводителямъ, но по убѣжденію въ истинной пользѣ нововведеній.

Измѣрять ли степень просвѣщенія Алеутовъ грамотностію или числомъ умѣющихъ читать? то въ этомъ отношеніи они не уступятъ многимъ просвѣщеннымъ народамъ. Въ послѣднее время, т. е. когда появились переводы на ихъ языкъ, умѣющихъ читать было болѣе чѣмъ *шестая часть*; и есть селенія, гдѣ, изъ мущинъ, болѣе половины грамотныхъ, а на одномъ островѣ (св. Павла), почти всѣ до одного умѣютъ читать. Грамотность между Алеутами распространяется сколько чрезъ училище, существующее у нихъ съ 1825 года, а болѣе самоучкою. И, судя по ихъ желанію и охотѣ къ ученію, можно утвердительно сказать, что со временемъ, Алеуты, всѣ будутъ грамотны.

Всѣ ремесла и искуства, какія только могли Русскіе перенести съ собою въ Аме-

рику, Алеуты перенимаютъ съ охотою, такъ, что теперь между Алеутами можно найти мастеровъ, отъ сапожника до часовщика.

Земледѣлія и промышленности у нихъ, можно сказать, совсѣмъ нѣтъ. Скудость мѣстныхъ произведенiй земли и моря и грубый климатъ никогда не дадутъ распространиться промышленности и земледѣлію. Послѣднее развѣ тогда только будетъ, когда на Алеутскихъ островахъ будутъ лѣса; а лѣса еще и не посѣяны. Впрочемъ и въ этомъ отношенiи, Алеуты, подвинулись сколько имъ позволяютъ средства; картофель и рѣпа, хотя не въ большемъ количествѣ, но засѣваются почти всѣми.

Самый бытъ ихъ, или образъ жизни, въ послѣднее время весьма много улучшился, въ сравненiи съ прежнимъ, не смотря на то, что они лишены весьма многихъ средствъ къ тому. Возможная чистота и порядокъ начинаютъ входить въ общее употребленiе. Но совершенный недостатокъ въ лѣсѣ, всегда будетъ сильнѣйшимъ препятствiемъ къ улучшенiю быта жителей тамошнихъ острововъ, ктобы они ни были.

Различiя въ состоянiи, или имѣнiи Алеутовъ, почти нѣтъ никакого, такъ, что можно сказать, Алеуты, всѣ одинаковаго

Взглядъ на просвѣщеніе Алеутовъ.

состоянія. И это отнюдь не отъ того, чтобы они не хотѣли или не понимали выгодъ лучшаго состоянія; но сколько отъ скудости мѣстныхъ произведеній и средствъ, а болѣе отъ ихъ характера. Но, при всемъ томъ, можно назвать нѣкоторыхъ изъ нихъ богатыми—въ сравненіи съ другими,—и которые не иначе какъ только трудами своими и смышленостію сдѣлались таковыми. Но что всего замѣчательнѣе, то—богатство не портитъ ихъ сердца. Богатые пользуются избытками своими безъ привязанности къ нимъ, безъ гордости и проч., а недостаточные отнюдь не ропщутъ на свое положеніе и не завидуютъ состоянію первыхъ. Слѣдовательно можно сказать, что и *состояніе* Алеутовъ улучшилось и улучшилось много. Ибо *они довольны своимъ состояніемъ*; а это, кажется должна быть одна изъ важнѣйшихъ цѣлей просвѣщенія.

Скотоводства у Алеутовъ еще нѣтъ, да кажется и быть не можетъ; потому что хотя травы у нихъ много, и времени достанетъ на эту часть хозяйства; но не изъ чего сдѣлать пріюту для скота. Многіе изъ нихъ заводили и желали бы имѣть домашнихъ животныхъ; но, онѣ, вмѣсто пользы дѣлали имъ вредъ—тѣмъ, что разрывали ихъ собственныя жилища.

Наконецъ нельзя упустить изъ вида и нынѣшняго правленія Алеутовъ, которое, хотя не есть прямое слѣдствіе ихъ просвѣ-

щенія, но есть одна изъ важнѣйшихъ цѣлей, которой домогаются просвѣщенные народы. Прежнее правленіе Алеутовъ было самое неопредѣленное, или, лучше сказать, у нихъ не было ни правленія, ни законовъ; ибо, тоэны или родоначальники ихъ, были сильны только физическою силою; а закономъ для нихъ были ихъ обычаи и мнѣнія. Теперь же Алеуты, не участвуя нисколько ни въ необходимыхъ тягостяхъ правленія и почти не чувствуя подчиненности, только наслаждаются плодами правленія, и живутъ, можно сказать, въ совершенной свободѣ; ибо у нихъ ни судей, ни разбирателей, ни сборщиковъ податей и проч. нѣтъ, потому что не въ чемъ судить и разбирать ихъ. У нихъ нѣтъ не только преступленій, но даже самыхъ обыкновенныхъ споровъ или ссоръ. И потому законъ гражданскій, подъ которымъ они теперь находятся, для нихъ есть въ полномъ смыслѣ покровъ и источникъ благоденствія. Онъ для нихъ стража крѣпкая и мощная, но стража въ покойномъ и мирномъ городѣ, или обществѣ.

Вотъ плоды и слѣдствія просвѣщенія Алеутовъ и ознакомленія ихъ съ новыми понятіями!

Теперь можно сдѣлать еще одинъ вопросъ: надобно ли стараться выводить Алеутовъ изъ ихъ нынѣшняго (промышлен-

Взглядъ на просвѣщеніе Алеутовъ.

няго) состоянія въ другое, лучшее? кажется нѣтъ (не говоря о частностяхъ).

Потому, что если принять за основаніе: 1-е то, что при просвѣщеніи дикарей (а кажется и всѣхъ), надобно имѣть въ виду болѣе то, что бы мирить ихъ съ своимъ состояніемъ, чтобы они полюбили его и сколько возможно старались исправлять въ немъ недостатки, и тѣмъ быть полезными какъ своему частному обществу, такъ и цѣлому. 2-е, что переходъ изъ состоянія въ состояніе, и особливо быстрый и безъ намѣренія и возможности быть полезнымъ новому обществу, есть зло какъ для общества частнаго и цѣлаго, такъ часто и для самаго переходящаго; — то, рѣшительно можно сказать, что не надобно, особливо стараться и домогаться, переводить ихъ въ другое состояніе, разумѣется не отнимая свободы и возможности переходить имъ. Ибо, что будетъ изъ того, если мы всѣхъ дикарей, просвѣщая ихъ, будемъ только выводить изъ прежняго ихъ быта, а въ тоже время не будемъ имѣть возможности сдѣлать ихъ болѣе полезными и счастливыми?

Если, что можно пожелать Алеутамъ для улучшенія ихъ состоянія, то именно только того, чтобы *въ нравственномъ отношеніи* характеръ ихъ всегда оставался неизмѣннымъ, и духъ христіанства болѣе и болѣе развивался и глубже укоренялся

въ нихъ; а въ *отношеніи быта* ихъ — пожелать имъ можно только *лѣсовъ*; тогда у нихъ будетъ и земледѣліе и скотоводство, а слѣдовательно болѣе возбудится и будетъ поддерживаться ихъ дѣятельность. — Это сильное средство для избѣжанія порчи нравственной и для достиженія благосостоянія внѣшняго.

Отдѣленіе третіе.

ЗАМѢЧАНІЕ О НѢКОТОРЫХЪ ЖИВОТНЫХЪ И ОПИСАНІЕ СПОСОБОВЪ ПРОМЫСЛА ИХЪ.

Точное изслѣдованіе свойствъ здѣшнихъ животныхъ, и даже простое описаніе ихъ качествъ, было бы весьма важное пріобрѣтеніе для науки, потому что здѣсь есть животныя, которыя извѣстны еще не болѣе какъ по названію, и которыя имѣютъ странныя свойства, напримѣръ морской котъ, самецъ, можетъ пробыть безъ сна, безъ пищи и питья, сряду почти три мѣсяца.—Одна изъ періодическихъ рыбъ (красная), идетъ только въ ту рѣчку, которая вытекаетъ изъ озеръ, а въ другую, какъ бы она велика ни была, не заходитъ никогда. И даже изъ извѣстныхъ животныхъ, водящихся здѣсь, многія имѣютъ большое отличіе въ ихъ свойствахъ, напр. медвѣди здѣсь, говорятъ, несравненно кротче и смирнѣе, чѣмъ въ Сибири и проч.

Я упоминаю объ этомъ отнюдь не потому, что хочу сказать что нибудь удовлетворительное, касательно свойства здѣшнихъ животныхъ; но, зная какъ иногда важно для науки и самое незначительное, но вѣрное замѣчаніе, я излагаю здѣсь о нѣкоторыхъ животныхъ то, что знаю объ нихъ замѣчательнаго.

Перечень всѣхъ животныхъ, или, по-крайней мѣрѣ, весьма многихъ изъ тѣхъ, кои водятся въ здѣшнихъ мѣстахъ, представленъ выше (Ч. I. стр. 65.)

I.

Земляные звѣри.

Олени. — Порода здѣшнихъ Оленей самая мелкая, такъ, что и самый большой самецъ не вѣситъ болѣе трехъ пудовъ. Они водятся на нѣкоторыхъ островахъ изъ числа Шумагинскихъ, ближайшихъ къ Аляксѣ, на Унимакѣ и преимущественно на Аляксѣ.

Медвѣди здѣшніе, всѣ имѣютъ шерсть бурую и жесткую; и водятся на Аляксѣ и

Земляныя звѣри.

Унимакѣ, они вообще очень смирны и весьма рѣдко нападаютъ на людей. Промышленники боятся только тѣхъ изъ нихъ, у которыхъ *оборваны уши.* Они питаются мясомъ, рыбою и кореньями. Во время большаго *хода* рыбы въ рѣчки, медвѣди, всѣ обыкновенно приходятъ къ рѣчкамъ, изобилующимъ рыбою. Медвѣдь, забредя въ воду по выше колѣна, стоитъ противу теченія, поднявши переднюю лапу, и высматриваетъ случай когда удобнѣе схватить рыбу; и когда увидитъ ее вблизи себя тотчасъ хватаетъ лапою, и почти всегда удачно. Потомъ бросивъ или отнеся ее на берегъ, опять продолжаетъ свою ловлю до тѣхъ поръ, пока ему хочется. Съ послѣднею рыбою онъ выходитъ на берегъ и начинаетъ ѣстъ. При изобиліи рыбы, медвѣдь, ѣстъ однѣ только ихъ головы, какъ самыя жирныя части.

Зимою, медвѣди также ложатся въ берлогу, гдѣ нибудь, подъ яромъ, но случается видѣть иногда ихъ шатающихся и зимою.

Лисицы.

Лисицы, водящіяся здѣсь, по цвѣту шерсти, раздѣляются на три рода: *чернобурыя, сиводушки* и *красныя.* Чернобурыми называются черныя лисицы, съ бѣлою осью на задней части тѣла. Большая часть изъ красныхъ лисицъ, по цвѣту своему, ближе подходятъ къ желтымъ; а сиво-

душки суть смѣсь той и другой породы. Чернобурыя и сивушки водятся на всѣхъ, значительной величины, островахъ (кромѣ Унимака и Четырехсопочныхъ), а красныя вездѣ; и всѣ онѣ живутъ въ норахъ или ущеліяхъ горъ.

Лисица и здѣсь лукава и хитра какъ и въ басняхъ. Она умѣетъ изловить и птицу и мышь, и даже обмануть самаго промышленника. Никогда, или очень рѣдко, изловитъ лисицу тотъ промышленникъ, который, постановляя ловушку, не возметъ всѣхъ мѣръ осторожности скрыть оную, или оставитъ хотя малѣйшій признакъ своего пребыванія при ловушкѣ; ибо лисица умѣетъ отгадать ловушку даже и потому только, если, напр., промышленникъ, идя по тропинкѣ, своротитъ въ сторону для того, чтобы не попасть самому на свою ловушку, и потомъ опять пойдетъ по тропинкѣ, то тотъ же самой маневръ сдѣлаетъ и лисица.

Промыселъ Лисицъ.

Лисицу промышляютъ двумя способами: т. е. на ружье и клѣпцами. Послѣдній способъ есть самый лучшій и самый употребительнѣйшій.

Кляпцы, или *клѣпца*, есть выдумка Сибирскихъ промышленниковъ, которые принесли ее сюда и передали Алеутамъ; она есть нѣчто въ родѣ капкана, но не капканъ. Кляпцы состоятъ изъ трехъ главныхъ частей:

Земляныя звѣри.

колодки, мотыря и *гужей. Колодка* есть небольшой (около 8 вершковъ длиною) отрубокъ дерева, выдолбленный внутри, насквозь, и на срединѣ имѣющій прорѣзь. *Мотырь* есть простая палка изъ крѣпкаго дерева, длиною около 14 вершковъ, съ тремя желѣзными *зубками*, въ два вершка длиною, которыя укрѣпляются на одномъ концѣ ея, вдоль по палкѣ на разстояніи $3^1/_2$ вершковъ. *Гужи* суть свитые изъ китовой жилы веревки, около 2 вершковъ толщиною, которыя вставляются внутрь *колодки* и съ обѣихъ сторонъ растягиваются клиньями; отъ чего они дѣлаются упруги и туги и замѣняютъ собою пружину. Въ середину гужей и въ прорѣзь колодки вставляется *мотырь* тѣмъ концомъ, на которомъ нѣтъ зубцовъ.

Кляпцы утверждаются въ землю кольями плотно, подлѣ самихъ тропинокъ, по коимъ обыкновенно бѣгаютъ лисицы, такъ, чтобы мотырь, зубцами своими, лежалъ на самой срединѣ тропинки. Потомъ мотырь поднимается и пригибается на землю на другую сторону клѣпца, и тутъ *настораживается*, т. е. прицѣпляется небольшими двумя палочками къ палкѣ, утвержденной въ колодкѣ съ другой стороны. И за одну изъ палочекъ привязывается тонкой снуръ, переносится чрезъ тропинку и укрѣпляется за колышекъ, вбитый въ землю. Стóитъ только тронуть снуръ, и мотырь въ мгно-

веніе ока ударитъ въ землю (или въ того кто коснулся снура) съ такою силою, что зубки, набитые на концѣ его, проходятъ сквозь кости ноги человѣческой на другую сторону *.

Клѣпцу скрываютъ въ землю такъ искусно, что часто и самъ промышленникъ не можетъ примѣтить ее. Становятъ ихъ такъ осторожно, что стараются не уронить на дорогу даже крошки земли, вынутой для клѣпцы.

Промыселъ лисицъ бываетъ осенью и зимою, т. е. въ то время, когда лисицы бываютъ *выходны*, т. е. получатъ новую и полную шерсть Начало промысла бываетъ обыкновенно съ 5 Октября и продолжается до тѣхъ поръ, пока не выпадетъ снѣгъ.

Когда слишкомъ велики бываютъ снѣга, то становятъ кляпцы, и въ снѣгъ, что́ называется *промышлять сугробами*; но здѣсь не утаиваютъ снуръ, а къ концу его прикрѣпляютъ *наживку*, т. е. кусокъ китовины или мяса. Впрочемъ промыселъ этотъ бываетъ очень не удаченъ, потому что только самая неопытная и умирающая съ голоду лисица захочетъ поживить-

---

* Въ первое время, когда Алеуты не умѣли обращаться съ кляпцами, очень многіе изъ нихъ ловили сами себя.

ся даровщиною; а старая, даже и при голодѣ, не коснется *наживки*.

Обыкновенный промышленникъ можетъ управиться съ 10 кляпцами, а болѣе дѣятельный и гораздо съ большимъ числомъ.

О средствахъ къ умноженію лисицъ сказано выше (Час. I. стр. 79.)

Песецъ есть того же рода, что и лисица, но отличается отъ нее шерстію и величиною; они меньше лисицъ. По цвѣту шерсти, песцы, раздѣляются на два рода: *голубыхъ* и *бѣлыхъ*. Песцы водятся только на островахъ Прибылова и преимущественно изъ нихъ—на островѣ Св. Георгія, гдѣ ихъ такъ много, что на такомъ маломъ пространствѣ, какъ островъ Св. Георгія, каждогодно промышляютъ ихъ до 1500. Говорятъ: что, при открытіи острововъ Прибылова, на нихъ были одни только голубые песцы и отличной доброты по шерсти; потомъ, въ какую-то одну зиму, принесло нальдахъ бѣлыхъ песцовъ, которые скоро разплодились и составя новую породу, начали портить породу голубыхъ песцовъ, такъ, что нынѣ шерсть голубыхъ песцовъ уже не стоитъ названія *голубыхъ*, и ихъ можно нынѣ называть *дымчатыми*.

Песецъ также хитеръ, какъ и лисица, и, какъ расказываютъ промышленники, едвали несмѣтливѣе ее. Они такъ иногда бываютъ смѣлы, что отнимаютъ, напр. мясо

изъ рукъ женщины, когда она его моетъ; и почти ни сколько не боятся угрозъ ея.

Промыселъ песцовъ.

Песцовъ промышляютъ различнымъ образомъ: *на ружье, кляпцами, кулемками* и *усами*. Первые два способа уже извѣстны. *Кулемкою* называютъ ловушку, похожую на маленькой шалашъ, съ трехъ сторонъ загороженный кольями, а сверху, вмѣсто крыши, кладется бревно или доска, съ тяжестію, поддерживаемая небольшими палочками — *насторожками*; внутрь шалаша кладутъ *наживку*, т. е. мясо сивучье. Лишь только песецъ всунетъ голову внутрь ловушки и начнетъ трогать мясо, какъ тотчасъ обрушится на него вся крыша и придавитъ его.

Промыселъ *усами* весьма простъ. Берутъ длинный прутъ, сдѣланный изъ китоваго уса, на одномъ концѣ котораго нарѣзаны зазубрины или просто конецъ расколотъ; и подойдя къ норѣ песца, вкладываютъ его въ нору и ощупавъ песца начинаютъ вертѣть имъ коловратно. Конецъ прута, который прикасается къ песцу, сначала ввивается въ шерсть его, а потомъ и въ кожу; и когда промышленникъ почувствуетъ, что прутъ утвердился крѣпко въ песцѣ, вытаскиваетъ его и убиваетъ.

Нюнякъ.

Нюнякъ, или *дикообразъ*, имѣетъ на кожѣ своей между шерстію, и особенно на хвостѣ, маленькія щетинистыя иглы, съ едва примѣтными зазубринами на верхнемъ

Земляные звѣри.

концѣ; иглы эти заключаются еще въ трубочкѣ такого же свойства какъ и перья у птицы. Иглы, у нюняка, суть тоже, что стрѣлы у дикаря. При нападеніи на него непріятеля онъ защищается ими, одни ощетиня на спинѣ, а другими кидая съ хвоста. Иглы его весьма опасны и вредны. Лишь только игла коснется тѣла непріятеля, то уже не выйдетъ назадъ, держась въ немъ зазубринкою, и входитъ далѣе. Нюнякъ бѣгаетъ весьма не быстро; но, при такой по видимому слабой защитѣ, онъ не боится ни медвѣдя, ни волка. Нюняки водятся на Аляксѣ.

Всѣхъ прочихъ земляныхъ звѣрей и животныхъ весьма немного, кромѣ мышей, которыхъ почти по всѣмъ островамъ великое множество.

II.

Земноводные.

Земноводными или *водоземными*, какъ извѣстно, называютъ тѣхъ животныхъ, кои имѣютъ способность жить, или, сказать

правильнѣе, долго быть въ водѣ. Изъ рода сихъ животныхъ здѣсь водятся: *бобры морскіе* *, *выдры*, *коты морскіе* (на островахъ Прибылова), *сивучи*, *тюлени* и *моржи*. Всѣ сіи породы принадлежатъ къ классу млекопитающихъ четвероногихъ; всѣ онѣ вооружены крѣпкими зубами и въ особенности сивучи. Самые большіе изъ нихъ — моржи, меньшіе — выдры; сильнѣйшіе — сивучи; а болѣе смышленые — бобры. *Бобры* и *выдры* имѣютъ короткія лапы, похожія на волчьи; а у всѣхъ прочихъ вмѣсто ногъ — *ласты*, т. е. впереди лапы, въ родѣ плавательныхъ рыбьихъ перьевъ, или какъ бы короткія человѣческія руки, съ пятью длинными пальцами; назади — лапасти, также съ пятью длинными пальцами, но похожія болѣе на ноги, чѣмъ на руки; пальцы тѣхъ и другихъ ластовъ, между собою связаны и одѣты толстою кожею, сверху мягкою, а снизу жесткою

---

* Подъ именемъ *бобровъ* у насъ извѣстны два рода животныхъ водоземныхъ; первые: бобры морскіе или *морскія выдры* имѣютъ драгоцѣннѣйшій пухъ; а другіе бобры, *рѣчные* или собственно *бобры*, имѣютъ также пухъ, но несравненно ниже добротою; сей послѣдній родъ водится преимущественно на материкѣ Амерйкѣ.

Земноводныя.

и шароховатою; на нижней половинѣ ластовъ есть нѣчто въ родѣ ногтей.

Кожа, на всѣхъ водоземныхъ, не плотно приросла къ мясу — какъ напримѣръ у лошади; но *подвижная*, т. е. кожа на нихъ какъ бы не ихъ собственная, — но другаго звѣря, надѣтая на время. Особенно это видно на моржѣ, у котораго, она, слишкомъ велика и со всѣмъ не по пропорціи тѣла, такъ, что кости ластовъ его до самой лапасти одѣты ею.

У первыхъ трехъ родовъ, какъ то: у бобра, выдры и кота, кожа, покрыта шерстію, подсаженною пухомъ; а у послѣднихъ — одною только грубою и жесткою шерстію.

Строеніе тѣла, или наружная форма стана, у всѣхъ ихъ почти совершенно одинакова, особенно у четырехъ послѣднихъ родовъ; кто видалъ тюленя, тотъ можетъ составить себѣ понятіе и о прочихъ. Съ перваго взгляда видно, что тѣло ихъ приспособлено болѣе къ тому, чтобы плавать въ водѣ, а не ходить по землѣ: станъ тѣла, начиная отъ груди и до хвоста, весьма похожъ на рыбій; ихъ ноги, или ласты, способны только для плаванія въ водѣ, а не для хожденія по землѣ; — и отъ того животныя эти на сушѣ бываютъ только на берегахъ, и скоро ходить не могутъ; но при всемъ томъ, всѣ онѣ, безъ атмосфирическаго воздуха долго въ водѣ пробыть не могутъ,

напримѣръ бобръ, въ случаѣ нападенія на него непріятелей, уходитъ въ воду и скрывается съ поверхности моря; но, и въ самую первую *понырку*, онъ можетъ пробыть въ водѣ не болѣе 20 минутъ; во вторую — менѣе, а потомъ еще менѣе и менѣе, такъ, что на послѣдокъ онъ не пробудетъ и полминуты.

Зрѣніе у всѣхъ ихъ приспособлено къ тому, что бы видѣть лучше въ водѣ; и потому оно у нихъ слабо, и чѣмъ яснѣе погода, тѣмъ они хуже видятъ на сушѣ. Но за то обоняніе ихъ очень хорошо. Части тѣла, свойственныя самцамъ (penis), у всѣхъ костяныя обтянутыя кожею.

Всѣ эти животныя питаются только рыбою и раковинами. Онѣ родятся на сушѣ, а не на водѣ, и послѣ рожденія не вдругъ получаютъ совершенство въ плаваніи, но привыкаютъ постепенно. Всѣ водоземныя родятъ обыкновенно по одному. Мясо ихъ вообще тяжеловѣсно и можетъ быть употребляемо въ пищу; лучшее изъ нихъ есть мясо молодыхъ сивучей.

Всѣ земноводныя имѣютъ жесткіе усы (роговаго вещества). Самые длинные, и слѣдовательно лучшіе, усы, имѣетъ сивучій самецъ, у нѣкоторыхъ изъ нихъ бываютъ усы до 10 вершковъ длиною.

Бобръ морской есть самое лучшее животное въ своемъ родѣ, во всѣхъ отношеніяхъ. Шерсть его есть самая драгоцѣн- Бобръ морской.

*

Земноводныя.

нѣйшая изъ всѣхъ животныхъ въ свѣтѣ* станъ тѣла его красивъ; и способности тѣла его несравненно выше всѣхъ прочихъ. Онъ чрезвычайно смышленъ, осторожен, даже разуменъ, такъ, что Алеуты прежде давали ему произхожденіе отъ людей. Чему отчасти способствуетъ и самое строеніе тѣла бобра. Голова у него почти совершенно кругла; грудь, плоская какъ у человѣка; переднія лапы очень похожи на руки, которыми онъ дѣйствуетъ ловко и свободно, напримѣръ доставши со дна моря раковины, онъ ихъ разбиваетъ камнемъ. Обыкновенное положеніе бобровъ, на морѣ, всегда бываетъ на спинѣ, которая также кругла какъ и у прочихъ животныхъ; въ этомъ положеніи онъ можетъ и плавать. Самки очень дѣтолюбивы. Маленькихъ дѣтей, онѣ, всегда имѣютъ на груди своей. Въ случаѣ опасности, мать не покинетъ дитя свое на водѣ; но носитъ и защищаетъ его до невозможности. Многіе изъ старыхъ Алеутовъ сказываютъ, что самки бобровъ съ дѣтьми своими нянчаются почти — точно такъ какъ женщины, даже слыхали какъ онѣ убаюкиваютъ ихъ.

* Стоитъ замѣчанія, что на живомъ бобрѣ или на томъ, который лишь только убитъ, шерсть всегда суха и водою не промокаетъ; но провидите по ней сухою рукою, и на томъ мѣстѣ она смокнетъ.

Бобры не могутъ или, лучше сказать, не хотятъ жить тамъ, гдѣ ихъ безпокоятъ люди; стоитъ только побывать на лежбищѣ бобровъ и оставить малѣйшій признакъ своего посѣщенія, и бобры тотчасъ начнутъ искать себѣ другаго убѣжища; и отъ того, Алеуты, при промыслѣ бобровъ, такую наблюдаютъ осторожность, что, будучи за нѣсколько десятковъ верстъ отъ береговъ моря, не позволяютъ даже плевать на воду.

Въ прежнее время, бобры, водились вездѣ и часто лежали на берегахъ, большими стадами, особливо на одномъ изъ острововъ Прибылова; но нынѣ тамъ нѣтъ со всѣмъ, и по всему Уналашкинскому отдѣлу нѣтъ ни одного мѣста, гдѣ бы лежали бобры. Они водятся нынѣ только вдали отъ береговъ, на мѣстахъ, не глубокихъ и особенно такихъ, гдѣ выростаетъ морская капуста. На берега же они выходятъ только въ жестокой вѣтръ, зимою, и то не иначе какъ на мѣста болѣе недоступныя для человѣка; случается, что подходятъ къ берегамъ и лѣтомъ, но только на самой утренней зарѣ, для сисканія пищи. Днемъ же, въ хорошую погоду и на самыхъ безопаснѣйшихъ для нихъ мѣстахъ, ни найти не одного бобра.

Въ Атхинскомъ отдѣлѣ есть извѣстныя мѣста, гдѣ водятся и плодятся бобры, но въ здѣшнемъ отдѣлѣ нѣтъ совсѣмъ такихъ

Земноводныя.

мѣстъ; а между бобрами: здѣшними, Курильскими, Атхинскими и Калифорнскими, есть большая разница въ шерсти. И потому, если бобры, точно какъ и всѣ водоземныя, родятъ на землѣ, то спрашивается, гдѣ плодятся бобры, тѣ, кои водятся около береговъ Уналашкинскаго отдѣла? Если на водѣ, то почему же они водятся преимущественно около южныхъ береговъ и въ тамошнемъ морѣ, — тогда, какъ въ прежнее время, они, болѣе были въ сѣверномъ? Это обстоятельство заставляетъ также предполагать, что въ южномъ морѣ есть острова или камни, еще намъ не извѣстныя. Для бобровъ, водящихся около Умнака, Алеуты, назначаютъ островъ не далеко отъ Уналашки, на полдень, о коемъ сказано выше (въ 3 отд. первой части). Но откуда приходятъ бобры на Саннахъ, и особенно зимою въ бурное время? весьма вѣроятно оттуда же, откуда коты и сивучи, т. е. съ мѣстъ, еще не извѣстныхъ.

Промыселъ бобровъ.

Промыселъ бобровъ производится почти одинаково, т. е. *партiею*. Время, для промысла бобровъ, есть съ перваго Мая и до Iюля, т. е. въ такое время, когда менѣе всего бываетъ вѣтровъ. Партiя не можетъ состоять менѣе какъ изъ 15 байдарокъ, или 15 промышленниковъ. Промышленники, въ партiю отправляются въ послѣднихъ числахъ Апрѣля или первыхъ Мая, на

мѣста извѣстныя; самый же промыселъ производится такъ:

Выбравъ самый тихій день, на самой зорѣ, промышленники, осмотрѣвъ прежде берега, отправляются въ морѣ *искать бобровъ*, на мѣстахъ извѣстныхъ. Отъѣзжая въ морѣ, всѣ байдарки, сколько ихъ есть въ партіи, ѣдутъ линіею, или строемъ, одна отъ другой въ такомъ разстояніи, что бы можно было видѣтъ между ими бобра. Въ большой партіи линія эта разтягивается на нѣсколько верстъ. Тотъ, кто первый изъ промышленниковъ увидитъ бобра, или къ чьей байдаркѣ будетъ ближе бобръ, дѣлаетъ сигналъ, поднявъ къ верху весло, которое держитъ до тѣхъ поръ пока не окружатъ его байдарки, или пока опять снова не покажется бобръ въ другомъ мѣстѣ. Увидѣвъ сигналъ, тотчасъ или одинъ отрядъ партіи, т. е. нѣсколько байдарокъ или иногда вся партія окружатъ то мѣсто, гдѣ видѣли бобра въ первый разъ, составляя кругъ, сколько можно болѣе, и имѣя стрѣлы на готовѣ. Бобръ, увидя непріятеля не тотчасъ уходитъ въ воду; но осматриваетъ и соображаетъ всѣ обстоятельства и въ водѣ дѣлаетъ разные маневры и хитрости, что бы уйти отъ опасности. Но сколько бы долго онъ ни былъ въ водѣ наконецъ долженъ бываетъ показаться на поверхности моря. И тотъ промышленникъ, близь коего покажется бобръ,

Земноводныя.

если можетъ, разумѣется, кидаетъ стрѣлку въ бобра, тотчасъ поднимаетъ весло; его опять окружаютъ, но уже въ меньшемъ разстояніи, потому, что бобръ, въ другой разъ, не можетъ пройти далеко и пробыть долго въ водѣ. И это дѣлается до тѣхъ поръ пока не посадятъ въ бобра стрѣлку; а бобра, въ которомъ находится стрѣлка, можно считать уже упромышленнымъ; потому, что стрѣлка, тащась за нимъ въ водѣ, отнимаетъ отъ него ходъ, а при выходѣ его изъ воды, если бы онъ и хотѣлъ притаиться, показываетъ мѣсто гдѣ онъ находится.

Послѣ первой стрѣлки кидаютъ вторую и третью и даже болѣе. Но бобръ принадлежитъ всегда тому, кто первый попалъ въ него стрѣлкою; а если двое или многіе вдругъ попадутъ въ него стрѣлками, то бобръ достается тому, чья стрѣлка ближе къ головѣ.

Если въ одно время видно двухъ или многихъ бобровъ, то партія раздѣляется на отряды и каждый отрядъ дѣйствуетъ особо, но безъ всякаго замѣшательства, и стройно.

Лучшее время для промысла бобровъ есть совершенное безвѣтріе и самое малое волненіе. При волненіи же и при вѣтрѣ очень не рѣдко теряютъ бобровъ даже и подстрѣленныхъ.

Мѣста, гдѣ промышляются бобры, всѣ

извѣстны и на перечотѣ; во всякомъ другомъ мѣстѣ, и въ самое лучшее время, не найти ни одного бобра.

Есть еще другой способъ промысла бобровъ, но онъ употребляется весьма не многими и только зимою, и прибыль отъ него не велика. Способъ этотъ заключается главное въ томъ, чтобы при самомъ сильномъ бурунѣ выйти на берегъ, а потомъ бить лежащихъ бобровъ палкою или изъ ружья. И потому не всякой даже изъ удалыхъ Алеутовъ можетъ рѣшиться на такой промыселъ.

Промышляютъ иногда бобровъ также и на ружья, но весьма рѣдко.

Бобры, по своей драгоцѣнности и малому количеству, теперь составляютъ уже почти рѣдкость. Было время когда ихъ промышляли тысячами, а теперь уже сотнями. Во многихъ мѣстахъ, гдѣ прежде было великое множество бобровъ, уже нѣсколько лѣтъ не видно ни одного. Причина того весьма очевидна. Но надобно сказать, что во многихъ мѣстахъ бобровъ не стало, не потому, что бы ихъ всѣхъ выпромыслили, но потому, какъ сказано выше, что они не хотятъ жить, тамъ гдѣ ихъ безпокоятъ. Бобры сколько истреблены, столько же и разпуганы. Каждогодное безпокойство заставляетъ ихъ удаляться въ другія безопаснѣйшія мѣста.

Способъ къ умноженія бобровъ.

И такъ, что бы совсѣмъ не лишиться

Земноводныя.

бобровъ, собственная польза наша требуетъ принять мѣры къ тому такія, что бы не отогнать бобровъ и въ тоже время пользоваться ими сколько можно болѣе.

Но какія же могутъ быть къ тому мѣры?

Одна изъ лучшихъ мѣръ къ тому, по мнѣнію моему, есть та, чтобы *не на всякомъ бобровомъ мѣстѣ производить промыслы каждый годъ*; но ѣздить на каждое мѣсто, не иначе какъ чрезъ три или, по крайней мѣрѣ, чрезъ два года; для того, что бы обезпокоивъ бобровъ въ одно лѣто, дать имъ время опять собраться и успокоиться въ слѣдующіе годы. Я говорю *обезпокоивъ*, потому что нѣтъ примѣра, что бы изъ значительнаго количества бобровъ не спаслись отъ промышленниковъ хотя сколько нибудь сихъ животныхъ; но на противъ того весьма часто случается, что изъ цѣлаго огромнѣйшаго стада, и при самыхъ лучшихъ обстоятельствахъ для промышленниковъ, получали не болѣе 10 бобровъ.

Конечно при такой мѣрѣ количество бобровъ уменьшиться; но за то они никогда не переведутся; — и слѣдовательно выгода отъ нихъ будетъ всегда вѣрна. Но при томъ я думаю, что только въ первые три года количество ихъ будетъ мало, потому что вдругъ надобно оставить двѣ трети мѣстъ бобровыхъ безъ промысла, и слѣдовательно лишиться не менѣе какъ

двухъ третей всего количества; но на четвертый годъ, надобно думать, что количество бобровъ увеличится, потому что на томъ мѣстѣ, гдѣ напримѣръ предъ тѣмъ прежде промышляли пять бобровъ послѣ двухъ лѣтъ на вѣрное можно получить до 20 и болѣе.

Доказательствомъ этаго мнѣнія можетъ быть то, что на островѣ Юнаскѣ, до 1818 года (или ранѣе), промышляли бобровъ около 20. Но не ѣздивъ туда четыре или пять лѣтъ, въ 1822 году, въ одинъ годъ, получено было около 200. И также въ гавани *Купреянова*, отъ промысла пяти или десяти бобровъ, чрезъ три или четыре года, вдругъ упромыслили болѣе ста бобровъ.

Въ противномъ же случаѣ, т. е. не принявъ этой мѣры, весьма статочное дѣло, что чрезъ десять — двадцать лѣтъ можетъ быть ни одного не будетъ бобра во всемъ здѣшнемъ отдѣлѣ, и не потому, что бы ихъ всѣхъ перебили, но потому, что они, видя вездѣ и безпрерывное безпокойство и нападенія, удалятся въ другія безопаснѣйшія мѣста. Надобно вспомнить, что было время когда во всемъ отдѣлѣ Уналашки, въ цѣлое лѣто и со всѣмъ стараніемъ, упромышлено было только 15 бобровъ. Причиною тому было сколько не благопріятное время, а болѣе удачные до того промыслы, т. е. сильное нападеніе на бобровъ.

Земноводныя.

Отъ такой мѣры промысла бобровъ если и не будетъ всей предполагаемой выгоды и пользы, чего ни какъ не можетъ быть; то, по крайней мѣрѣ, отнюдь нельзя предполагать какого либо вреда для размноженія бобровъ, кромѣ того, что въ первые годы менѣе получится бобровъ; но зато нельзя упустить изъ виду и того, что чѣмъ менше будетъ бобровъ, тѣмъ онѣ могутъ быть дороже.

Но быть не можетъ, что бы не было никакой пользы отъ предлагаемой мною мѣры, потому что не естественно, чтобъ какой либо родъ животныхъ, оставленный на свободѣ, при тѣхъ же обстоятельствахъ могъ уменшаться или истребляться самъ собою.

Предполагаемая мною мѣра промысла бобровъ можетъ быть полезна и для самаго размноженія или, по крайней мѣрѣ, для нѣкотораго продолженія рода бобровъ; потому что нынѣ, обыкновенно при промыслѣ бобровъ, бьютъ вмѣстѣ и самцовъ и самокъ, безъ разбора, что впрочемъ и трудно сдѣлать; убивая самку должны убить и дитя ея, шкура котораго совершенно не имѣетъ ни какой цѣны. Правда, было распоряженіе, чтобы не бить дѣтей; но эта мѣра оказалась безполезною, потому что если и не убить дитя, то оно безъ матери погибнетъ само собою и совершенно даромъ. Но при промыслѣ бобровъ, въ каждомъ мѣстѣ, чрезъ три или два года,

въ это время щенки бобровые будутъ въ состоянiи существовать сами собою, и слѣдовательно увеличатъ собою число бобровъ.

Всякой другой способъ промысла бобровъ, кромѣ употребляемаго нынѣ Алеутами, не можетъ быть столько полезенъ, какъ тотъ. Въ морѣ, или въ партiи, можно стрѣлять бобровъ и изъ ружей; но гуломъ и запахомъ пороха можно разпугать ихъ и гораздо болѣе нежели нынѣ, а упромыслить гораздо менѣе; ибо стрѣлять надобно изъ байдарокъ и на волненiи.

Выдра. *Выдры* водятся только въ восточной части Уналашкинскаго отдѣла, т. е. на Шумагинскихъ островахъ, Унимакѣ и на Аляксѣ и живутъ не въ морѣ, но въ озерахъ, находящихся близь моря. Онѣ, имѣя ноги по длиннѣе, лучше всѣхъ водоземныхъ могутъ бѣгать. Количество ихъ здѣсь весьма не значительно, такъ, что и въ лучшiй годъ ихъ промышляютъ не болѣе 100.

Промыселъ выдръ. Выдръ промышляютъ и на ружье и на клѣпцы, т. е. также какъ и лисицъ. Замѣчаютъ, что выдры очень сильны и живущи, такъ, что она бываетъ жива и тогда, когда почти вся изранена и измождена.

Морскiе коты. *Морскими котами* называется одинъ родъ изъ водоземныхъ животныхъ, весьма похожихъ на тюленя. Обыкновенные коты (не большiе самцы) нѣсколько болѣе тюленей, большаго рода. Шерсть на нихъ сѣ-

Земноводныя.

ро — сребристая, мягкая и подсажена пухомъ.

Коты водятся только на островахъ Прибылова и преимущественно на островѣ Св. Павла.

Котовъ можно считать домашними животными *, потому что сколько ихъ не безпокоятъ промышленники, они неизмѣнно приходятъ весною на свои родимыя мѣста. И можно утвердительно сказать, что коты, безъ особенныхъ необыкновенныхъ причинъ, никогда не переведутся и подобно бобрамъ, не уйдутъ на другія мѣста. Это доказываютъ ихъ каждогодныя возвращенія, въ продолженіи уже болѣе нежели пятидесяти лѣтъ.

И потому, при хозяйственномъ распоряженіи, въ промыслахъ котовъ, можно ихъ считать однимъ изъ вѣрнѣйшихъ и важнѣйшихъ доходовъ сего края.

Коты чѣмъ далѣе, тѣмъ будутъ дороже; ибо они уже и теперь становятся рѣдкостію цѣлаго свѣта. Коты водились еще и въ Калифорніи и въ южной Шотландіи,

---

* Всякое домашнее животное требуетъ за нимъ присмотра и попеченія прежде, нежели оно будетъ употреблено въ пользу, а коты напротивъ того, требуютъ, что бы до времени промысла ихъ не казаться имъ даже на глаза.

но въ первомъ мѣстѣ нынѣ ихъ нѣтъ уже со всѣмъ, да скоро не будетъ и въ послѣднемъ, и они остаются только у насъ. И потому благоразуміе требуетъ принять всѣ мѣры, что бы не истребляя котоваго рода, пользоваться ими какъ можно съ бо̀льшею выгодою *.

Промышленники раздѣляютъ котовъ на *пять разрядовъ*. Къ *первому* принадлежатъ *сѣкачи*, ко *второму* — *полусѣкачи*, къ *третьему* — *холостяки*, къ *четвертому* — *матки*, а къ *послѣднему* обыкновенные, такъ называемые, *котики* или *сѣрые коты*.

Подъ именемъ *сѣкача* разумѣется совершеннолѣтній самецъ, которому отъ роду не менѣе пяти лѣтъ, и который уже владѣетъ нѣсколькими самками. Онъ, въ сравненіи съ самкою, болѣе нежели втрое. Шерсть на немъ темносѣрая, и съ головы до половины тѣла, длиннѣе, чѣмъ на другихъ частяхъ тѣла.

Сѣкачь, какъ сильнѣйшій изъ всѣхъ, есть стражъ и защитникъ стада отъ непріятеля, при видѣ котораго онъ даетъ

---

* Случай привелъ меня собрать свѣденія о морскихъ котахъ, гораздо полнѣйшія, и потому я здѣсь буду говоритъ объ нихъ болѣе, чѣмъ о прочихъ.

Земноводныя.

знать всѣмъ особеннымъ крикомъ и старается удержать въ кучѣ и порядкѣ.

Полусѣкачемъ называютъ самца, которому отъ роду четыре или пять лѣтъ; шерсть на немъ нѣсколько свѣтлѣе, чѣмъ у сѣкача, а на загривкѣ также длинная. Онъ есть также самецъ совершенный, но молодой и безъ самокъ, потому что будучи малосильнѣе сѣкача не въ состояніи противостоять ему, и слѣдовательно имѣть самокъ.

Холостяками называютъ двухъ или трехлѣтнихъ самцовъ. И также разумѣютъ и прошлогоднихъ; но послѣднихъ называютъ уменьшительнымъ именемъ *холостячковъ*. У холостяковъ загривка нѣтъ и шерсть свѣтлосѣрая, а особливо весною.

Матками называютъ самокъ, способныхъ раждать. Шерсть на нихъ почти также какъ и у сѣкачей, но временемъ бываетъ то сѣрѣе, то краснѣе. Матки, въ сравненіи съ обыкновеннымъ котикомъ, болѣе въ $2^1/_2$ раза.

Подъ именемъ *котиковъ*, или сѣрыхъ котовъ, разумѣются четырехмѣсячные самцы и самки, родившійся весною, которые составляютъ самое большое и почти существенное количество котовъ употребляемыхъ въ торговлѣ. Шерсть ихъ есть самая лучшая изъ всѣхъ котовъ. Часто молодые сивучи цвѣтомъ шерсти похо-

дятъ на котиковъ, но на нихъ совсѣмъ нѣтъ пуху, и шерсть грубѣе и ниже.

Коты непостоянные жители острововъ Прибылова, но они на лѣто приходятъ съ Юга (и болѣе) при S и SW вѣтрахъ; и, какъ было замѣчено, они, какъ впередъ, такъ и обратно, проходятъ преимущественно Унимакскимъ проливомъ. Но откуда они приходятъ и куда уходятъ на зиму? это еще неизвѣстно. И можетъ быть надолго останется задачею. Сѣкачи появляются всегда первые, не смотря ни на какія препятствія, такъ, что хотя бы на мѣстѣ ихъ лежбищъ былъ ледъ или снѣгъ и проч. Съ 18-го по 23 Апрѣля всегда можно увидѣть на берегахъ сколько нибудь сѣкачей и каждаго на томъ мѣстѣ, на которомъ онъ лежалъ прежде *. За ними появляются полусѣкачи и холостяки; и выходятъ не всегда на то мѣсто, гдѣ лежали прошлаго года. Холостяки, отдохнувъ послѣ прихода, сходятъ въ море за пищею и ложатся на другихъ мѣстахъ, и во время лѣта часто перемѣняютъ свои мѣста, но когда выходятъ на берегъ, то всегда ложатся отдѣльно отъ сѣкачей и дальше ихъ отъ берегу, ; и это

* Это замѣчено по нѣсколькимъ сѣкачамъ, имѣвшимъ какіе нибудь особенные, случайные признаки на тѣлѣ.

Земноводныя.

отъ того, что сѣкачи изъ ревности непозволяютъ имъ быть близь стада.

Съ 26 Мая (или очень рѣдко съ 21 Мая) появляются матки, которыя не вдругъ и не безъ разбору выходятъ на берегъ. Приходъ матокъ, или сказать вѣрнѣе, появленіе ихъ близь береговъ продолжаются даже до 20 Іюня. Вѣроятно, къ островамъ онѣ приходятъ всѣ вмѣстѣ, но на берегъ выходятъ изъ нихъ только тѣ, коимъ приближается время родовъ. Извѣстно за вѣрное, что матки не выйдутъ на берегъ и даже на свое природное мѣсто, если тутъ, по какимъ нибудь обстоятельствамъ, не будетъ сѣкачей. По приближеніи матокъ къ берегу, сѣкачи, закликаютъ ихъ къ себѣ особеннымъ ревомъ. Матки на знакомыя мѣста и къ бойкимъ сѣкачамъ выходятъ охотнѣе. При выходѣ матки сѣкачь ее встрѣчаетъ съ лобзаніемъ.

Доказательствомъ тому, что одни и тѣже коты приходятъ на котовыя лежбища, кромѣ видимыхъ признаковъ на тѣлѣ у нѣкоторыхъ, служатъ: *первое* то, что шерсть котовъ, обитающихъ на островѣ св. Павла, имѣетъ разность (разумѣется, примѣтную только для опытнаго глаза) отъ шерсти котовъ, обитающихъ на островѣ св. Георгія, и что коты не мѣняютъ даже мѣста своего рожденія; *второе* то, что коты и при самомъ большомъ количествѣ ихъ въ прежнее время не занимали островковъ, находящихся

подлѣ самыхъ ихъ лежбищъ, которые, по видимому, едвали не удобнѣе для ихъ, чѣмъ самыя ихъ лежбища.

Всякой сѣкачь старается какъ можно болѣе захватить себѣ матокъ, и для этаго они употребляютъ разныя средства, какъ-то: кричатъ, стращаютъ, таскаютъ за загривокъ зубами, отбиваютъ другъ у друга, а иногда употребляютъ даже хитрость, стараясь *украсть* маленькихъ котиковъ, и мать украденнаго котика по необходимости придетъ къ нему.

Сѣкачи нынѣ имѣютъ отъ 10 до 150 матокъ, смотря по бойкости ихъ и по склонности къ нимъ сихъ послѣднихъ. Въ прежнее время бывали такіе сѣкачи, которые имѣли отъ 500 до 700 матокъ. Есть сѣкачи совсѣмъ безъ матокъ, и таковые не лежатъ такъ постоянно на берегу, какъ прочіе.

Сѣкачи приходятъ къ островамъ чрезвычайно жирные, и до появленія матокъ, они, почти безпрестанно спятъ и даже неслышно ихъ голоса. Сѣкачи съ перваго времени появленія матокъ и до тѣхъ поръ, пока не оплодотворятъ всѣхъ ихъ, отнюдь не сходятъ съ берегу, развѣ за новопришедшею маткою, и кажется совсѣмъ не спятъ: иначе, стадо его матокъ разбредется. Бдительность ихъ за матками до того простирается, что они даже на шагъ не отпускаютъ ихъ отъ себя до тѣхъ поръ, пока они не родятъ; матокъ, освободившихъ-

Земноводныя.

ся отъ бремени, отпускаютъ въ море для снисканія пищи, но въ такомъ случаѣ строго смотрятъ за дѣтьми ихъ, чтобы онѣ не ушли въ другія стада.

Во все время пребыванія своего на берегу съ матками, сѣкачи, совершенно ничего не ѣдятъ и не пьютъ. Иногда, только въ жаркіе дни, они пьютъ морскую воду и не для утоленія жажды, ибо, какъ замѣчали много разъ, чрезъ часъ или менѣе извергаютъ ее обратно бѣлою пѣною. Само собою разумѣется, что отъ такого бдѣнія и поста, сѣкачи, подъ конецъ ослабѣваютъ и истощеваютъ чрезвычайно.

Коты всегда, и днемъ и ночью, кричатъ (крикъ ихъ очень походитъ на овечій, особенно маленькихъ). Замѣчено, что къ ненастью и худой погодѣ, они кричатъ болѣе.

Котовыя лежбища бываютъ всегда на каменистыхъ и некрутыхъ берегахъ.

Матки начинаютъ родить съ 30 Мая и продолжаютъ весь іюнь. Случалось видѣть раждающихъ даже 10 іюля. Котовыя матки обыкнованно родятъ по одному и очень рѣдко по два, и таковые случаи почти всегда стоятъ жизни матери. При родахъ никто не помогаетъ и не препятствуетъ; а подозрѣваютъ, что песцы иногда крадутъ новорожденныхъ котиковъ, потому что не рѣдко въ норахъ ихъ находятъ котовыя

шкурки; впрочемъ это можетъ быть шкурки котиковъ или родившихся мертвыми или какъ нибудь изгибшихъ; ибо случается, что самки родятъ мертвыхъ и сѣкачи, гоняясь за матками, иногда давятъ котиковъ.

Есть матки и безъ дѣтей, но отъ чего за подлинно не знаютъ. Впрочемъ таковыхъ въ обыкновенный годъ бываетъ неслишкомъ много. Въ послѣднее время одинъ разъ (въ 1832 году) видно было не обыкновенно много бездѣтныхъ матокъ, причиною тому полагаютъ прошлогодніе льды, которые весьма долго стояли около береговъ острова Павла, и тѣмъ не допускали матокъ выходить на берегъ; по чему многія матки родили на льдахъ и не бывъ на берегу во время, остались неоплодотворенными.

Три, весьма важные, вопроса касательно рожденія матокъ еще по нынѣ остаются не совсѣмъ рѣшенными, а именно:

1) Сколькихъ лѣтъ начинаютъ рождать матки?

2) Каждогодно ли онѣ раждаютъ? и

3) Сколько разъ въ жизни родятъ?

Все, что можно сказать наэто, будетъ сказано ниже.

Не тотчасъ послѣ родовъ сѣкачь оплодотворяетъ матку; но чрезъ нѣсколько дней, вѣроятно до родоваго очищенія оста-

Земноводныя.

вляетъ ее въ совершенномъ покоѣ и даетъ ей полную волю ходить въ море.

Предъ соитіемъ, коты, также какъ и другія животныя не бываютъ безъ ласканій, которыя продолжаются нѣсколько времени. Время соитія бываетъ обыкновенно около 12 минутъ. За оплодотворенными матками и дѣтьми ихъ, сѣкачь, уже перестаетъ имѣть надзоръ.

Хотя сѣкачь несравненно болѣе матки, но не было примѣра, чтобы онъ при этомъ случаѣ раздавилъ ее. Но случается, и нерѣдко, что сивучи холостяки сходятся съ котовыми матками (впрочемъ всегда противу воли матки); и въ такомъ случаѣ нерѣдко раздавляютъ ихъ своею тяжестію, а отъ уцѣлѣвшей матки родится ублюдокъ, у коего голова, ласты и шерсть сивучьи, а пухъ котовый.

Котовый сѣкачь въ однѣ сутки можетъ управиться даже съ 25 матками.

Болѣе одного раза съ одною маткою сѣкачь не сходится; но полусѣкачи и молодые сѣкачи, не имѣющія стадъ, насилуютъ нѣкоторыхъ матокъ оплодотворенныхъ и вѣроятно отъ таковыхъ-то матокъ и родятся двойни.

Ревность и злость самцевъ въ это время бываетъ самая сильная, и въ это-то время, они, особенно дерутся другъ съ другимъ.

Молодые котики, съ дня рожденія своего и до самаго отхода съ острововъ, питаются однимъ только матернимъ молокомъ; и сосутъ не на водѣ, но всегда на берегу. Чрезъ мѣсяцъ и не ранѣе начинаютъ они подходить къ водѣ и плескаться между каменьями и такимъ образомъ, мало по малу, привыкая къ морю, въ Августѣ становятся уже искусными въ плаваніи, и отходятъ на большое разстояніе отъ своихъ лежбищъ; а потомъ начинаютъ отлучаться отъ матерей даже на цѣлый день, гуляя въ море, или лежа гдѣ нибудь на спокойномъ и тепломъ мѣстѣ, и возвращаются домой неиначе какъ только для того, чтобы поѣсть матерняго молока; тѣхъ же, которые не возвратятся домой къ вечеру, матери ищутъ сами.

Въ нѣкоторые годы, въ Сентябрѣ мѣсяцѣ, молодые котики бываютъ *отборами* (по здѣшнему выраженію), т. е. большими табунами собираются на особыхъ мѣстахъ и ложатся такъ неосторожно, что всѣхъ ихъ безъ остатка можно отогнать: такіе отборы для промысла очень выгодны, а для приплода самые губительные.

Мнѣніе нѣкоторыхъ, что котовыя матки учатъ плавать дѣтей своихъ и будто бы для того таскаютъ ихъ въ зубахъ и проч. совершенно несправедливо. Это случается только съ одними морскими бобрами. Но извѣстно то, что предъ отходомъ котовъ, ма-

Земно-водныя.

тери учатъ дѣтей своихъ убѣгать отъ непріятеля и для этаго они дѣлаютъ ложныя тревоги. Такъ напримѣръ иногда матки, лежа съ своими дѣтьми на берегу и совершено не видя никакого непріятеля, вдругъ съ крикомъ побѣгутъ въ море; а за ними и тѣ изъ дѣтей, кои понимаютъ это, не понимающіе же только что кричатъ и остаются на берегу, къ таковымъ матери возвращяются и опять дѣлаютъ тоже.

Котики родятся черными: и отъ того они издали кажутся очень похожими на маленькихъ щенятъ. Первородный цвѣтъ свой, они, начинаютъ перемѣнять съ половины Августа на сѣрый (извѣстный). Перемѣна цвѣта шерсти котиковъ не есть переходъ чернаго цвѣта на сѣрый; но обыкновенно какъ и у всѣхъ животныхъ, первая шерсть мало по малу спадаетъ, начиная отъ переднихъ ластовъ, и вмѣсто ея является новая, *сребристая*. Въ это время (линяніи) они часто чешутся Послѣдню шерсть котики получаютъ не всегда въ одно и тоже время, но въ иной годъ ранѣе, а въ другой позже, такъ, что иногда многіе даже уходятъ *не выходными*, т. е. несовсѣмъ вылинялыми.

Молодые котики, до тѣхъ поръ пока научатся плавать, всегда лежатъ кучками между матокъ и не случалось видѣть, чтобы сѣкачь кусалъ или крызъ ихъ.

Прошлогодніе котики, т. е. уцѣлѣвшіе отъ прошлогодняго промысла самцы и самки, величиною нисколько небольше молодыхъ четырехъмѣсячныхъ котиковъ, ихъ можно отличить только по ихъ бойкости и смѣтливости и по стану ихъ, который у нихъ тонѣе и красивѣе. До Сентября они всегда лежатъ въ стадѣ, съ матками, и часто сходятъ съ берегу для снисканія пищи.

Въ этомъ возрастѣ котики удивительно игривы; они на берегу, такъ сказать, ни минуты не пробудутъ безъ шалости, то кувыркаются, то кусаютъ другъ друга и таскаютъ въ воду, то плещутся въ водѣ и проч.; иногда можно видѣть, что котикъ съ большимъ усиліемъ карабкается на отдѣльный камень, но за чѣмъ? затѣмъ только, чтобъ стащить съ камня спящаго своего товарища и вмѣстѣ съ нимъ упасть въ воду.

Промыселъ котовый начинается около 28-го Сентября; и для этаго избираютъ, по возможности, лучшій вѣтръ и погоду. Лучшая погода для промысла есть та, когда послѣ двухъ и трехъдневнаго дождя вдругъ сдѣлается ясная погода или покрайней мѣрѣ перестанетъ дождь. Въ это время коты лежатъ спокойно и отдыхаютъ отъ того, что въ ненастье, они, очень часто сходятъ въ морѣ и не могутъ лежать на берегу долго. Лучшій вѣтръ для промысла

Земно-водныя.

есть тотъ, который не можетъ нанести на котовъ запаху отъ людей.

Избравъ удобную погоду и вѣтръ и и не смотря на время дня, всѣ жители, безъ разбора пола и возраста, вооружась *дрегалками*, т. е. небольшими палочками, которыми можно убить кота, идутъ цѣпью вдоль берега, на коемъ лежатъ коты, и отрѣзавъ ихъ отъ моря, отгоняютъ на берегъ, всѣхъ безъ разбора; и отогнавъ на нѣкоторое разстояніе останавливаютъ ихъ, и начинаютъ отлучать матокъ и сѣкачей (послѣдніе очень рѣдко попадаютъ) отъ котиковъ; старыя матки, которыя уже бывали въ отгонахъ, лишь только увидятъ свободный пропускъ къ морю, сами идутъ, а молодыхъ надобно прогонять насильно. Случается, что иныхъ матокъ совсѣмъ нельзя отогнать отъ стада, гдѣ находятся ихъ дѣти и такихъ, по необходимости, гонятъ на самое мѣсто побоища; и когда начинаютъ бить котовъ, то нѣкоторыя изъ такихъ матокъ защищаютъ дѣтей своихъ, и надъ убитыми лежатъ долгое время, такъ, что надобно употребить силу, чтобы прогнать ихъ въ море. Говорятъ, что у нѣкоторыхъ матокъ видны даже слезы.

По разлученіи матокъ и сѣкачей отъ стада, раздѣляютъ его на небольшіе табуны или кучки и легонько гонятъ на самое мѣсто побоища, которое отстоитъ иногда

даже на 10 верстъ; но такіе большіе переходы для нихъ очень трудны. Въ одинъ день коты не могутъ перейти такое разстояніе, потому, что они по строенію своего тѣла не идутъ, а скачутъ; и потому очень часто ихъ останавливаютъ и даютъ роздыхъ. Коты лишь только остановятся, то тотчасъ засыпаютъ отъ усталости. Въ холодную и сырую погоду котики идутъ легче и скорѣе, чѣмъ въ сухую и ясную.

Прогнавъ котовъ на мѣсто побоища, даютъ имъ роздыхъ на часъ или болѣе для того, что мясо убитыхъ въ жару не имѣетъ свойственнаго вкуса и для засолу негодится; послѣ роздыха тотчасъ начинаютъ ихъ бить *дрегалками*. Маленькихъ котиковъ, которые родились сего лѣта, бьютъ безразбора и самцовъ и самокъ, а изъ прошлогоднихъ, по нынѣшнимъ распоряженіямъ, бьютъ только самцовъ, а самокъ стараются прогонять въ море.

Гнать котовъ на мѣсто побоища и бить ихъ могутъ даже дѣти: такъ они смирны, безъзащитны и покорны. Отъ этого говорятъ промышленники не у всякаго легко подымается рука на убіеніе такихъ невинныхъ твореній, которыя виновны только въ томъ, что имѣютъ пухъ.

Съ убитыхъ котиковъ, иногда обстоятельства не позволяютъ, снимать шкуры даже до 4 сутокъ и болѣе. И испытано: что

Земноводныя.

неснятая шкура не опрѣетъ долѣе, чѣмъ снятая и невычищенная.

Шкуры, съ убитыхъ котиковъ, снимаютъ и чистятъ мущины, отъ 50 до 200 въ день, и передаютъ женщинамъ, которыя ихъ растягиваютъ въ деревянныя пяла или рамы, по двѣ вмѣстѣ, одна къ другой шерстью; а потомъ сушатся онѣ въ сушильнѣ, нагрѣваемой каменьями. Банщикъ, или управляющій сушильнею, долженъ быть изъ самыхъ опытныхъ и искусныхъ; иначе можно сжечь или опарить шкуры. Готовыя шкуры вяжутъ въ тюки, по 50 вмѣстѣ, и въ свое время отправляютъ куда слѣдуетъ; а мясо частію готовится для продовольствія живущихъ въ другихъ колоніяхъ; а большею частію просто вѣсится на *лабаза*, или вѣшала, для употребленія зимою; потрохи и остальное мясо складывается въ кучу *для дровъ* *.

Послѣ отгоновъ, которые иногда повторяются даже до трехъ разъ на одномъ и томъ же мѣстѣ, матки, нѣсколько дней ходятъ около береговъ и съ жалобнымъ крикомъ ищутъ дѣтей своихъ.

---

* Потроха, мясо и кости, складенныя въ кучу, во время зимы перегниваютъ и обращаются въ вещество въ родѣ торфа.

Послѣ первыхъ отгоновъ, коты, лежатъ очень близко къ водѣ и дѣлаются слишкомъ осторожны. Случалось видѣть, что въ то время, когда начинали отгонять стадо отъ берега, нѣкоторыя изъ спящихъ матокъ умирали, задрожавъ всѣмъ тѣломъ вѣроятно отъ испуга.

Сѣкачи, по окончаніи своего дѣла, что бываетъ около половины Іюля, отходятъ отъ стада и ложатся на пустыхъ мѣстахъ, гдѣ или спятъ или ходятъ въ море для снисканія пищи.

Коты начинаютъ уходить съ острововъ не ранѣе 3-го Октября; и также избираютъ для того удобные вѣтры; NW и N вѣтры какъ попутные, суть самые лучшіе для ухода котовъ. Большіе коты, предъ отправкою, болѣе лежатъ на берегу нежели ходятъ въ море; а маленькіе напротивъ. Послѣ первыхъ отгоновъ, большіе коты, т. е. самки и холостяки, часто собираются на каменистыхъ мысахъ въ большомъ числѣ, какъ будто для совѣта; уцѣлѣвшіе же отъ побоища котики, по большой части, выходятъ на свои родимыя мѣста.

Въ первыхъ числахъ Ноября уже почти ни одного кота не бываетъ видно близь острововъ, выключая нѣсколькихъ Сѣкачей, которые иногда остаются до послѣднихъ чиселъ Ноября и даже до Декабря. И замѣчаютъ, что они хотя въ это вре-

Земно-водныя.

мя и выходятъ на берегъ, но очень не на долгое время. Въ Генварѣ же и Февралѣ никогда не видали ни одного кота. Когда-то одинъ разъ въ Февралѣ, и въ 1832 году въ Мартѣ на островѣ св. Павла, видѣли по одному сѣкачу, которые, на нѣсколько времени, выходили на берегъ и потомъ опять ихъ не стало, вѣроятно, до настоящаго времени.

Послѣ сего надобно рѣшить вопросъ *куда уходятъ коты на зиму?* Прежде, когда еще не были открыты котовые острова, промышленники, жившіе на Уналашкѣ, видѣли, что коты, осенью, возвращаясь изъ Сѣвера, на нѣсколько времени заходили въ Сѣверные заливы Уналашки, Акумана и Акуна, гдѣ ихъ и промышляли Алеуты; но когда уже зима видимо начинала приближаться, коты уходили на полдень проливами между Уналашкою и Унимакомъ и преимущественно Унимакскимъ проливомъ. Послѣ же открытія острововъ Прибылова, когда тамъ начались промысла котовъ, ихъ стали видѣть въ заливахъ Уналашки менѣе и менѣе, и наконецъ со времени 1815 года во всемъ Уналашкинскомъ отдѣлѣ не видятъ уже ни одного кота, съ тѣмъ вмѣстѣ не стало видно и того, въ которое время и которымъ проливомъ они проходятъ въ сѣверъ и обратно.

Конечно, нельзя сказать, что нынѣ коты перестали совершать свои странствова-

нія, потому только, что ихъ перестали видать и потому, что когда-то видали шатающихся сѣкачей въ Ноябрѣ и Декабрѣ; (такихъ сѣкачей видали иногда, когда еще видѣли ихъ переходы и когда они заходили на Уналашку). И такъ куда же уходятъ коты на зиму и гдѣ они бываютъ съ Ноября по Апрѣль? Около острововъ Уналашкинскаго отдѣла и по всему нашему Американскому берегу ихъ нѣтъ совершенно. Въ Калифорнію? но тамошніе коты, по замѣчанію Гг. Хлѣбалкова и Шелихова (бывшаго правителя Россинской, а потомъ Ситхинской Конторы), много различествуютъ отъ котовъ, промышляемыхъ на островахъ Прибылова; да притомъ уже болѣе 5 лѣтъ какъ въ Калифорніи нѣтъ котовъ. Въ Южную Шотландію? но, чтобы пройти такое разстояніе, имъ надобно проплыть болѣе $7^1/_2$ тысячь миль впередъ и столько же назадъ; и все это путешествіе совершить не болѣе какъ въ 5 мѣсяцовъ; т. е. они въ каждые сутки бъзъ отдыха должны переходить не менѣе какъ 200 верстъ; здѣсь съ перваго взгляда видна невозможность. Если предположить, что коты отдаляются съ острововъ Прибылова только по причинѣ наступающей зимы, и время зимы проводятъ въ морѣ, то почему же они проходятъ (или проходили) преимуществтнно Унимакскимъ проливомъ? тогда какъ имъ за Алеутскую гряду острововъ былобы ближе проходитъ

Земноводныя.

Четырехсопочнымъ и другими проливами— какъ ближайшимъ путемъ къ Югу.

Средства къ умноженію котовъ.

Теперь слѣдуетъ сказать о томъ, какія берутся мѣры для того, чтобы умножить или покрайней мѣрѣ продолжить котовый родъ.

Съ самаго открытія острововъ Прибылова и до 1805 года, т. е. до прибытія въ Америку Г. Генерала Рѣзанова, промыселъ котовъ на обоихъ островахъ производился совершенно безъ всякаго расчета и хозяйства, потому что тогда было много Компаній и слѣдственно много хозяевъ, и всякій изъ нихъ старался промыслить какъ можно болѣе. Но Г. Рѣзановъ, видя, что такой порядокъ промысла грозитъ конечнымъ истребленіемъ котовъ, приказалъ остановить промысла; и вслѣдствіе этого въ 1806 и 1807 годахъ на тѣхъ островахъ совершенно не промышляли котовъ и даже всѣ люди были свезены на Уналашку. Съ 1808 года опять приказано было начать промыселъ, но обстоятельства позволили въ тотъ годъ промышлять токмо на островѣ св. Георгія, а на островѣ св. Павла промысла не было еще и слѣдующій годъ; да даже и на четвертый годъ промыселъ былъ тамъ только половинный *. Со времени тѣхъ запусковъ,

* Вѣроятно это-то самое и есть главною причиною того, что на островѣ св. Павла такъ зна-

т. е. на островѣ св. Георгія съ 1808 года, а на островѣ св. Павла съ 1810 до 1822 года, промыселъ производился на обоихъ островахъ совершенно безъ всякой экономіи и даже съ крайнимъ небреженіемъ, такъ, что и сѣкачей убивали для шкуръ, а матки сотнями гибли при отгонахъ и переходахъ отъ лежбищъ до мѣста побоища.

И только въ 1822 году, Г. Муравьевъ — (Главный Правитель) приказалъ отпускать каждогодно молодыхъ котовъ для приплоду. Но бывшій тогда управляющій островами Прибылова, вмѣсто 50 или 40 тысячь, которыхъ онъ, по приказанію Г. Муравьева, долженъ былъ отпустить, въ четыре года отпустилъ не болѣе 8 или

чительно болѣе количество котовъ въ нынѣшнее время, чѣмъ на островѣ св. Георгія, гдѣ, предъ запускомъ, число котовъ было почти тоже что и на островѣ св. Павла. — Безъ всякаго сомнѣнія такое благоразумное разпоряженіе Г. Рѣзанова весьма много содѣйствовало къ поддержанію котоваго рода: и очень вѣроятно, что безъ этаго Компанія уже давно бы лишилась котовъ, сего драгоцѣннѣйшаго звѣря по многимъ отношеніямъ, который очень скоро будетъ и даже теперь уже есть рѣдкость.

Земно-водныя.

10,000. Бывшій же послѣ Г. Муравьева начальникъ колоній Г. Чистяковъ, полагая, что при такомъ распоряженіи, какое было сдѣлано Муравьевымъ, и по увѣренію самаго управляющаго островами Прибылова, что въ эти четыре года коты на островѣ св. Павла умножились, по крайней мѣрѣ, вдвое противъ прежняго, далъ предписаніе сдѣлать промыселъ въ 40 тысячъ; и новый управляющій островами Прибылова, въ 1828 году, употребивъ всѣ мѣры, чтобъ какъ можно болѣе упромыслить котовъ (т. е. истреблять котовый родъ) со совсѣми усиліями едва собралъ ихъ до 28,000.

Послѣ того когда ясно увидѣли, что коты, при такомъ порядкѣ промысла, болѣе и болѣе уменьшаются, приказано было наблюдать большую осторожность въ отдѣленіи взрослыхъ и молодыхъ самокъ отъ убиваемыхъ котовъ, и стараться, по возможности, отпускать и тѣхъ, коихъ должно было бить. Но все это едва служило только къ поддержанію котовъ въ одинаковомъ количествѣ, но отнюдь не къ умноженію. Наконецъ, въ 1834 году году, Главное Правленіе Компаніи, по яснымъ доводамъ Г. Барона Врангеля, представленнымъ въ оное, рѣшилось сдѣлать новое распоряженіе касательно сего, съ пожертвованіемъ настоящихъ выгодъ, и вслѣдствіе того на

островѣ св. Павла нынѣ промышляется только 4000 вмѣсто 12000 котовъ.

На островѣ Георгія дѣланы были запуски котовъ въ 1826 и 1827 годахъ, и съ того времени тамъ наблюдается большая осторожность и хозяйственная расчетливость въ промыслѣ ихъ.

Изъ сихъ выписокъ видно : что о продолженіи котоваго рода начали заботиться только съ 1805 года, т. е. по соединеніи Компаній.

И также видно, что всѣ полумѣры ни къ чему не ведутъ или, покрайней мѣрѣ, онѣ полезны небольше, какъ только къ нѣкоторому поддержанію котоваго рода; и только послѣдняя мѣра, при нынѣшнихъ обстоятельствахъ, есть самая лучшая. — И если такое распоряженіе Компаніи продолжится на 15 лѣтъ, т. е. до 1849 года; то утвердительно можно сказать, что тогда котовый родъ увеличится болѣе нежели въ трое и, при хозяйственномъ распоряженіи, еще очень надолго будетъ доставлять огромныя выгоды. Въ противномъ же случаѣ, если компанія подорожитъ настоящими выгодами, то коты очень скоро истребятся, доказательствомъ тому служитъ приложенная къ сей части табель подъ № 2.

Всѣ почти старовояжные думаютъ и утверждаютъ, что *запускать* котовъ, т. е. не бить ихъ нѣсколько годовъ, совершенно безполезно для расплода ихъ и значитъ ли-

*

Земноводныя.

шаться ихъ навсегда. Это они доказываютъ тѣмъ, что послѣ запусковъ котовъ всегда было меньше, чѣмъ ихъ быть должно, такъ на примѣръ: на островѣ св. Георгія послѣ двухлѣтняго запуска отъ 5.500 котовъ, въ первый годъ вмѣсто 10 или 8 тысячь, какъ надѣялись, получено только 4778.

Но такое мнѣніе, какъ оно ни кажется убѣдительнымъ, совершенно несправедливо: 1-е) потому что быть не можетъ, чтобы какой нибудь родъ звѣря, или скота, самъ собою уничтожился; 2) потому что здѣсь очень многіе думали и считали за несомнѣнное, что котовыя матки начинаютъ рождать на 3 годъ, т. е. чрезъ два года послѣ своего рожденія. А какъ всѣ извѣстные здѣсь запуски не были болѣе 3-хъ лѣтъ, то потому и не можно было видѣть настоящей прибыли. Въ самомъ же дѣлѣ, по обстоятельномъ соображеніи всѣхъ слѣдствій запусковъ, видно, что котовыя матки начинаютъ рождать не ранѣе какъ *на пятый годъ* своей жизни. Доказательства этому суть слѣдующія:

а) На островѣ Георгія послѣ перваго запуска (въ 1828 году) убыль котовъ до 5-го года продолжалась постоянно 5-ою частію, въ пятый годъ убыль остановилась, въ 6-й годъ показалась прибыль двѣнатцатою частію противъ прошедшаго года, а

въ седьмый годъ седьмою частію *. Это показываетъ, что самки, родившіяся въ 1828 году, начали рождать только на 5-й годъ; а принявши въ соображеніе то, что самая большая прибыль сдѣлалась чрезъ 6 лѣтъ, то видно, что и на пятомъ году раждаетъ не всякая самка.

b) Извѣстно, что котовый самецъ можетъ быть сѣкачемъ шести и не ранѣе пяти лѣтъ. Слѣдовательно можно ли сказать, чтобы самки раждали ранѣе 4-хъ лѣтъ.

c) Если котовый самецъ можетъ быть сѣкачемъ не ранѣе пяти лѣтъ; то,— какъ по мнѣнію Бюффона «животное можетъ про«живать въ семеро столько, сколько ему «нужно времени для совершенной зрѣлости» котовый сѣкачь можетъ прожить не менѣе 30 лѣтъ, а самка не менѣе 28 лѣтъ **. А взявши мнѣніе Бюффона за основаніе и

* Смотри прилагаемую при семъ табель № 1.

** Это мнѣніе подтверждается наблюденіями старовояжныхъ и особенно одного изъ лучшихъ креоловъ *Шаяшникова*, который, по прибытіи своемъ на островъ св. Павла въ 1817 году, замѣтилъ одного сѣкача (примѣтнаго по лысой головѣ), который въ то время имѣлъ уже большое стадо матокъ, равное количеству матокъ, обладаемыхъ бойкимъ старымъ сѣкачемъ. И потому

Земноводныя.

сдѣлавши обратную посылку, что живот-
«ное приходитъ въ совершенную зрѣлость
«(а слѣдовательно и производить подоб-
«ныхъ себѣ можетъ) не ранѣе какъ тогда
«когда ему исполнится седьмая часть его
«жизни». Выходитъ также, что матка ко-
товая не можетъ раждать ранѣе 4 лѣтъ.

И такъ безсомнѣнія, что котовыя мат-
ки начинаютъ раждать не ранѣе какъ на
5 году, т. е. чрезъ четыре года своей жиз-
ни, а не на 3-мъ или 4-мъ. Конечно, можно
допустить, что нѣкоторыя самки родятъ и на
4 годъ; но это неправило, а исключеніе.
Чтобы болѣе убѣдиться въ томъ, что матки
не могутъ родить на 3-й годъ, сто́итъ только
взглянуть на двухлѣтнюю самку и срав-
нить ее съ сѣкачемъ и матками, и тогда
всякой скажетъ, что это невозможно.

*Каждогодно ли раждаютъ котовыя
матки? и сколько разъ въ жизни онѣ ро-*

надобно думать, что этотъ самецъ вступилъ въ
должность сѣкача болѣе, нежели за пять лѣтъ
до сего времени, и слѣдовательно ему тогда бы-
ло отъ роду не менѣе 10 лѣтъ. И этотъ самый
сѣкачь каждый годъ до 1832 года, т. е. еще 15
лѣтъ постоянно приходилъ на островъ св. Павла
и ложился на одномъ и томъ же мѣстѣ; и толь-
ко въ послѣдніе годы стали замѣчать, что число
матокъ его становилось менѣе и менѣе.

дятъ? Рѣшить эти вопросы есть самое трудное дѣло, потому, что не возможно сдѣлать никакихъ наблюденій по сей части. Но думаютъ, что матки, въ первые годы молодости, рождаютъ каждогодно, а подъ старость чрезъ годъ; слѣдовательно, онѣ, при обыкновенныхъ обстоятельствахъ, во всю жизнь свою могутъ принести отъ 10 до 15 дѣтей и даже болѣе. Это мнѣніе основываютъ на томъ, что никогда (выключая одного 1832 года) не видно слишкомъ большаго числа матокъ безъ дѣтей; а сказать, что небеременныя матки совсѣмъ не приходятъ къ островамъ Прибылова, также нельзя, потому, что каждогодно видны таковыя матки. А какъ велико число матокъ безъ дѣтей, то, согласно мнѣнію и глазомѣрному наблюденію старовояжныхъ, безошибочно можно положить, что не болѣе какъ пятая часть изъ наличныхъ матокъ бываетъ бездѣтными. Но, чтобы не ввести въ заблужденіе и другихъ и себя, я, при расчетахъ умноженія котовъ, принимаю одну треть.

Есть еще одинъ вопросъ, очень важный для расчета о приплодѣ котовъ, а именно: *изъ числа молодыхъ котиковъ, родившихся въ одинъ годъ, сколько самцовъ? и всегда ли одинаково постоянно число самцовъ къ числу самокъ?*

Судя по холостякамъ, накопляющимся при запускахъ, какъ то было въ 1822, 23

Земноводныя.

и 24 годахъ на островѣ св. Павла и 1826 и 27 годахъ на островѣ св. Георгія — видно, что число холостяковъ было весьма не ровно; на примѣръ: на островѣ св. Павла, въ 3 года, отпущено было до 11 тысячь котовъ; и въ слѣдующіе три года было упромышлено холостяковъ до 7000, т. е. почти двѣ трети изъ числа отпущенныхъ; напротивъ того на островѣ св. Георгія отъ $8^1/_2$ тысячь котовъ, отпущенныхъ въ два года, получено менѣе 3000, т. е. почти только треть.

Отъ чего такая неровность? отъ того ли, что холостяковъ или самцовъ родится иногда болѣе и иногда менѣе? или бываютъ годы, въ которые весьма много нерождающихъ матокъ? то и другое вѣроятно.

И потому я, согласно мнѣнію промышленниковъ, полагаю, изъ числа родившихся въ одинъ годъ молодыхъ котиковъ, половину самцовъ и столько же самокъ.

Въ доказательство многихъ вышесказанныхъ статей о котахъ, прилагается при семъ табель № 1: о числѣ котовъ, упромышленныхъ на островѣ Прибылова, съ 1817 по 1838 годъ, (см. на концѣ).

Изъ коей видно, что:

1) Нѣтъ ни одного обыкновеннаго года, который бы равнялся числомъ упромышленныхъ котовъ, числу прошедшихъ годовъ; но всегда было менѣе и менѣе.

2) Убыль котовъ бываетъ не ровная:

иногда 16-ю частію, иногда 10-ю, иногда 5-ю и даже $3^1/_2$ частію, а среднее *восьмою* частію.

3) А потому, при обыкновенномъ ходѣ промысла, менѣе чѣмъ чрезъ 15 лѣтъ весь котовый родъ можетъ истребиться.

4) Меньшая убыль бываетъ обыкновенно тогда, когда въ предыдущіе годы было большее число холостяковъ (т. е. когда не дочиста истребляли молодыхъ котиковъ); а большая убыль тогда, когда число холостяковъ было менѣе.

5) Число холостяковъ есть вѣрный метръ, или измѣритель, состоянія числа котовъ, т. е. если холостяковъ увеличивается, то прибываетъ и молодыхъ матокъ; и напротивъ.

6) Холостяки отдѣляются отъ стада и собираются особыми стадами не ранѣе какъ на 3 годъ, какъ то видно изъ отпусковъ на островѣ св. Павла и Георгія (1822, 23, 24 и 1835, 36, 37 и 1826, 27 годахъ).

7) Убыль числа котовъ на островѣ св. Георгія, послѣ двухълѣтняго запуска (1826 и 1827), продолжалась еще два года и постоянно *пятою* частію.

8) Въ пятый годъ по первомъ запускѣ, убыль, можно считать остановившеюся, въ 6-й годъ сдѣлалась уже прибыль двѣнатцатою частію, а въ 7-й годъ прибыла *седьмая* часть противу самаго меньшаго

числа, а потомъ три года число котовъ было почти равное.

9) Если бы на островѣ св. Георгія не было сдѣлано запуска въ 1826 и 1827 годахъ; то, полагая убыль только *восьмою* частію (по 2 пункту), къ 1840 или къ 1842 году, на островѣ св. Георгія не осталось бы ни одного кота, по слѣдующей табличкѣ:

Годы	Число котовъ	Воды	Число котовъ	Годы	Число котовъ	Годы	Число котовъ
1825	5500	1829	2468	1833	1360	1837	700
1826	4400	1830	2160	1834	1190	1838	580
1827	3520	1831	1890	1835	1040	1839	500
1828	2816	1832	1554	1836	850	1840	400

Въ послѣдніе же годы убыль надобно полагать болѣе нежели пятою частію, потому что чѣмъ менѣе стадо, тѣмъ менѣе сѣкачей, т. е. защитниковъ стада, и слѣдовательно, тѣмъ скорѣе косатки * могутъ истребить ихъ.

---

* Управляющій островомъ Георгія самъ лично видѣлъ, какъ косатки, въ весьма короткое время, разтерзали нѣсколькихъ котовъ подлѣ острова Георгія.

10) Слѣдовательно два года запуску, поддержали котовый родъ болѣе нежели на 10 лѣтъ, и убытокъ, понесенный Компаніею во время запусковъ (около $8^1/_2$ тысячь), далеко вознаградился, и именно тѣмъ, что если бы Компанія не сдѣлала запуску въ 1826 и 1827 годахъ, то она съ 1826 по 1838 годъ, т. е. въ 12 лѣтъ, получила бы никакъ не болѣе 24,000; но сдѣлавши запускъ только на два года, она, въ 10 лѣтъ, получила 31,576, да сверхъ того еще можетъ получить котовъ болѣе нежели 15,000 безъ всякаго отпуска.

11) И такъ ежели и столь незначительное число отпущенныхъ котовъ на Георгіи (около $8^1/_2$ тысячь) и на столь короткое время, т. е. только на два года, принесло столь значительную выгоду, т. е. втрое болѣе чѣмъ отпущено; то сколь должна быть велика выгода отъ послѣдняго распоряженія Главнаго Правленія Компаніи на островѣ Павла, гдѣ уже четыре года продолжается отпускъ и въ это время оставлено для приплоду болѣе чѣмъ 30,000 котовъ.

Если не для какихъ либо соображеній, то, по крайней мѣрѣ, для простаго любопытства, я здѣсь представляю табель прибыли котовъ на 15 лѣтъ отъ 7060 котовъ, отпущенныхъ на островѣ Павла въ 1835 году (см. на концѣ № 2).

На островѣ Павла, по распоряженію

Земноводныя.

Главнаго Правленія, сдѣланъ былъ *запускъ* или *отпускъ* котовъ отъ 12,700 котовъ; т. е. въ предыдущемъ 1834 году тамъ упромышлено было 12,700 котовъ. И на слѣдующій 1835 годъ, если бы не сдѣланъ былъ запускъ, при обыкновенныхъ обстоятельствахъ, со всего острова было бы получено не болѣе 12,200, полагая убыль только 25-ю частію; но тогда вмѣсто 12,200 упромышлено было только 4052 кота; слѣдовательно въ 1835 году оставлено для приплода 8148 котиковъ, т. е. самцовъ и самокъ вмѣстѣ.

При составленіи же табели прибыли котовъ, я принимаю убыль среднюю, т. е. восьмую часть; и тогда выйдетъ, что число отпущенныхъ котиковъ будетъ не менѣе 7060.

Въ числѣ 7060 котиковъ положимъ 3600 самокъ, т. е. нѣсколько болѣе противу самцовъ.

Изъ новыхъ матокъ, родившихся по запускѣ, я положилъ рождающихъ въ первый годъ половину, а потомъ постоянно двѣ трети.

Самки, чрезъ 12 лѣтъ послѣ первыхъ родовъ, или чрезъ 18 лѣтъ своей жизни, должны умаляться въ числѣ отъ естественныхъ причинъ, и чрезъ двадцать два года ихъ жизни, онѣ, уже совсѣмъ будутъ безполезны для приплода.

Изъ числа котиковъ, имѣющихъ родить-

ся чрезъ четыре года по запускѣ и далѣе, принята половина самокъ, и это число включено въ таблицу, а самцы или холостяки приданы къ итогу.

Изъ второй табели видно, что:

1) Старыя матки, т. е. тѣ, кои въ 1835 году имѣли способность рождать, въ 1850 году должны уничтожиться (полагая убыль восьмою частію).

2) Первые четыре года по запускѣ, т. е. до тѣхъ поръ пока не начнутъ рождать новыя матки, число ихъ обыкновенно будетъ уменьшаться.

3) *Равное* число противу отпущеннаго числа котиковъ получится чрезъ 6 лѣтъ; *двойное* не ранѣе какъ чрезъ 12 лѣтъ, *тройное* — чрезъ 14 лѣтъ; а чрезъ 15 лѣтъ запуска можно получить въ первый годъ 24,000, во второй 28,000, въ третій 32,000, въ четвертый 36,000, въ пятый годъ 41 тысячу; а всего въ пять лѣтъ болѣе 160,000. Потомъ, при хозяйственномъ распоряженіи, т. е. оставляя пятую часть котовъ, навсегда или, по крайней мѣрѣ, очень долго можно будетъ получать до 32,000 каждогодно.

4) Сверхъ того, въ теченіи 15 лѣтъ запуска, можно будетъ получить холостяковъ отъ 60 до 70 тысячь, что вмѣстѣ съ 160,000 котиковъ составитъ до 230,000.

5) Не сдѣлавши же отпуска, чрезъ 15 лѣтъ весь котовый родъ уничтожился бы

Земноводныя. навсегда, и во все это время, со всѣми усиліями, можно бы было получить ни какъ не болѣе 50,000.

Здѣсь надобно сказать, что предположенія въ табели о прибыли котовъ, сдѣланы самыя умѣренныя и убыль матокъ принята средняя. Сверхъ того на островѣ св. Павла въ 1836 и 1837 вмѣсто 7900 котиковъ упромышлено только 4860, слѣдовательно и здѣсь, въ два года, отпущено до 1500 матокъ, которыя совсѣмъ не приняты въ расчетъ при составленіи табели, и которыя также могутъ доставить очень значительную прибыль.

Для подтвержденія предположеній касательно прибыли котовъ на островѣ Павла, я здѣсь прилагаю таковую же табель о прибыли котовъ, отпущенныхъ на Георгіи въ 1826 и 27 годахъ, составленную на тѣхъ же самыхъ основаніяхъ какъ и предыдущая, которая ясно показываетъ, что мои предположенія очень близки къ истиннѣ (см. на концѣ № 3).

Тюлень. Тюлени здѣсь называются *нерпами*. По цвѣту шерсти ихъ, который бываетъ различенъ, можно раздѣлить ихъ на нѣсколько родовъ, но главныхъ только два рода, отличающіеся другъ отъ друга величиною и шерстію.

Нерпы водятся вездѣ по берегамъ, на каменистыхъ мѣстахъ, но весьма въ не больномъ количествѣ. Въ прежнее время

и ихъ также было много, не смотря на то, что народонаселеніе здѣсь было болѣе. Причина уменьшенія нерпъ не совсѣмъ извѣстна. Конечно самая главная есть та, что ихъ истребляли и нынѣ истребляютъ безъ всякой пощады. Шкура нерпа какъ тончайшая, весьма удобна для малыхъ байдарокъ.

Сказываютъ, что нерпъ часто видаютъ спящими на днѣ моря; но ни кто не можетъ сказать, долго ли и когда онѣ спятъ въ морѣ? Но то вѣрно, что сонъ ихъ не есть спячка, подобная нѣкоторымъ землянымъ животнымъ, а кратковременный отдыхъ.

Промыслъ тюленей.

Нерпъ промышляютъ и *ружьями* и *отгонами* и *стрѣлками*; въ послѣднемъ случаѣ употребляютъ для того *маншики*, т. е. чучела нерпы, которую кладутъ на камень для *приманки* нерпъ, плавающихъ въ морѣ. Промышленникъ садится за камнемъ, положивъ маншикъ предъ собою и, пошевеливая его, кричитъ голосомъ похожимъ на крикъ нерпъ. Нерпа (имѣя тупое зрѣніе) легко обманывается, и когда она подойдетъ близко, то промышленникъ вонзаетъ въ нее большую стрѣлку съ noскомъ, привязанную къ толстому снуру (мауту), сдѣланному изъ жилы и вытаскиваетъ ее на берегъ, гдѣ и убиваетъ ее палкою (дрегалкою).

Не жирная нерпа, будучи убита так-

Земноводныя. же тонетъ какъ и сивучь; но жирная остается на верху.

Моржъ есть самое большое животное изъ всѣхъ водоземныхъ, здѣсь водящихся; онъ отличается отъ прочихъ двумя большими клыками, вырастающими изъ верхней челюсти головы его. Клыки ихъ бываютъ болѣе аршина длины и до 14 фунтовъ вѣсомъ каждый изъ нихъ. Голова у моржей чрезвычайно мала въ сравненіи съ его огромнымъ туловищемъ, въ которомъ, кажется, будетъ до 150 пудовъ вѣсу. Черепъ у головы его еще крѣпче чѣмъ у сивуча.

Моржи водятся преимущественно на сѣверной сторонѣ Аляксы, куда они приходятъ лѣтомъ изъ сѣвера. Есть моржи и на островахъ Прибылова, въ проливѣ между Унимакомъ и на другихъ не многихъ мѣстахъ, но количество и всѣхъ ихъ вмѣстѣ очень не значительное. Весьма замѣчательно, что моржи, приходящіе на Аляксу, суть всѣ самцы, молодые или устарѣлые, и никогда не видали между ими самокъ.

Моржъ. Моржи, имѣя весьма малые и короткіе передніе ласты, которые къ тому еще закутаны его отвисшею кожею, чрезвычайно неповоротливы, такъ, что ихъ промышляютъ не иначе какъ подойдя къ нему съ боку, колятъ ихъ въ сердце. Моржъ ходитъ или, лучше сказать, можетъ передвигаться не иначе, какъ съ помощію своихъ клы-

ковъ, которые онъ прежде вонзаетъ въ землю, или между каменьевъ, и потомъ притягиваетъ къ нимъ свое туловище.

Моржъ можетъ доставлять собою пользу *клыками*, *шкурою*, *мясомъ*, *жиромъ* и *кишками*; но здѣсь нынѣ бьютъ ихъ только для однѣхъ клыковъ, а все прочее и кожа, которая можетъ быть употреблена и для байдаръ, мясо и жиръ, которыми могли бы продовольствоваться почти всѣ Алеуты, все это, кромѣ весьма малаго количества жиру и кишокъ, пропадаетъ совершенно за неимѣніемъ средствъ и возможности употреблять ихъ въ пользу. Но недостатокъ въ сивучьихъ кожахъ заставитъ наконецъ употреблять въ пользу и шкуры моржей, не смотря на то, что онѣ чрезвычайно толсты и потому требуютъ большихъ трудовъ для выдѣлки.

Промыселъ моржей.

Моржей промышляется каждогодно отъ 300 до 2000 штукъ и болѣе. Промышляютъ ихъ только однимъ способомъ: *отгонами*. Ихъ не отгоняютъ отъ берега, потому что моржъ не пойдетъ на берегъ, какъ сивучь; но, обойдя ихъ съ берегу, стараются заколоть ближайшихъ къ водѣ и тѣмъ заградить дорогу въ море лежащимъ далѣе отъ берегу; въ противномъ же случаѣ ничто ихъ не остановитъ. Спастись отъ натиска моржей можно не иначе, какъ только броситься въ море, и

Земно-водныя. между ими выплывать на берегъ, не занятый моржами.

Промышленники говорятъ, что кровь въ моржѣ такъ горяча, что желѣзныя копья, которыми ихъ колютъ, послѣ нѣкоторыхъ убійствъ моржей, гнутся какъ разкаленныя. И конечно это не отъ жару крови.

Видали моржей и съ тремя клыками, но чрезвычайно рѣдко.

Сивучь. *Сивучи*, называемые также и морскими *львами*, суть самые сильнѣйшіе изъ всѣхъ водоземныхъ, здѣсь водящихся. Названіе львовъ они получили, вѣроятно, отъ того, что шерсть ихъ на груди и плечахъ длиннѣе, чѣмъ на прочихъ частяхъ тѣла и цвѣтомъ нѣсколько похожа на львиную; но болѣе всего сивучь похожъ на льва тогда, когда онъ сидитъ на камнѣ и чувствуетъ приближеніе непріятеля.

Величина большаго самца гораздо болѣе быка; а тяжесть его со всѣми потрохами и костями простирается до 80 пудовъ.

Самый сильный медвѣдь нисколько не опасенъ для сивуча. И горе тому, кто осмѣлится подойти къ сивучу: сивучь боится только однихъ касатокъ (родъ кита). Вся сила и единственное орудіе сивучей заключаются въ ихъ зубахъ, которые такъ крѣпки, что они могутъ разкусить ими камень. Большой сивучь весьма легко мо-

жетъ поднять и бросить своего восмидесятипудоваго товарища.

Сивучи также имѣютъ свои переходы съ острововъ Прибылова на югъ, только съ тою разницею, что они не всѣ уходятъ на зиму съ острововъ, но нѣкоторая часть изъ молодыхъ остаются тамъ на цѣлую зиму.

Сивучи лежатъ на берегу такими же семействами, какъ и коты и также плодятся, какъ и тѣ; сивучь-сѣкачь, будучи сильнѣе всѣхъ, при соитіи (которое продолжается вдвое болѣе котовъ) не боится ни кого; даже человѣкъ, котораго одного только запаху боятся всѣ животныя, не страшенъ для него въ это время.

Сивучи, какъ и всѣ земноводныя, питаются рыбою и ракушками, но лакомый для нихъ кусокъ есть печень трески (рыбы).

Сивучь есть весьма полезное животное для здѣшнихъ жителей: *мясо* его употребляется въ пищу, *кожа* для обшивки байдаръ и байдарокъ, *горло* для голенищевъ, *желудокъ* вмѣсто посуды; а изъ *кишокъ* дѣлаются самыя лучшія камлейки.

Въ самомъ большомъ количествѣ сивучи водятся нынѣ на одномъ изъ острововъ Прибылова, островѣ св. Георгія, гдѣ ихъ промышляется до 2000 въ годъ; во всѣхъ же прочихъ мѣстахъ едва упромыслится и 10 доля. Сивучей въ прежнее время также какъ и прочихъ звѣрей было очень

Земноводныя.

много; но отъ безпрерывнаго и также не всегда хозяйственнаго промысла, оно весьма уменьшилось; и судя по той необходимости, какую замѣняютъ собою сивучьи шкуры, надобно позаботиться и о умноженіи сивучей; иначе нѣтъ средствъ замѣнить ихъ. Мѣры къ поддержанію и увеличенію рода сивучей могутъ быть употреблены тѣже, какія предприняты и для котовъ.

Промыселъ сивучей.

Главный промыселъ сивучей производится *отгонами*, т. е. обойдя со стороны моря лежащихъ на берегу сивучей отгоняютъ ихъ далѣе на берегъ и потомъ бьютъ палками по носу и тотчасъ колятъ въ сердце; потому, что большаго сивуча не убить палкою; черепъ головы его такъ крѣпокъ, что даже не прошибетъ его и пуля изъ штуцера. И потому когда стрѣляютъ сивуча, то всегда въ ротъ или въ спай черепа близь уха; а иначе онъ останется безъ всякаго поврежденія. Отгонять сивучей стараются въ то время, когда нѣтъ при стадѣ большихъ сѣкачей или самцовъ-хозяевъ стада; при немъ стадо не боится никого и даже ружейный выстрѣлъ ихъ не испугаетъ.

Не рѣдко сивучи при отгонахъ бросаются на своихъ непріятелей; но человѣкъ всегда можетъ спастись отъ одного или не многихъ сивучей, или подбѣгомъ или удачнымъ выстрѣломъ изъ ружья. Но когда цѣлое стадо обратится на людей, тогда остает-

ся или кидаться въ море, гдѣ сивучи не тронутъ людей, или ложиться между каменьевъ, если нѣтъ опасности быть раздавленнымъ.

Сивучъ, будучи убитъ на водѣ тотчасъ тонетъ; и всплывeтъ только тогда, когда начнетъ гнить его внутренность.

III.

Киты.

Киты суть морскіе звѣри, млекопитающіе, которые кромѣ наружной формы ничего не имѣютъ общаго съ рыбами.

Къ роду китовъ надобно отнести всѣхъ тѣхъ морскихъ животныхъ, которыя имѣютъ на верху головы ноздри, коими они, по временамъ, вдыхаютъ и выдыхаютъ атмосферическій воздухъ.

Долго думали, что киты ноздрями своими извергаютъ *воду*, въ видѣ фонтановъ. Въ самомъ же дѣлѣ это есть ничто иное, какъ только дохновеніе кита или изверженіе воздуха, въ видѣ паровъ, вмѣсто котораго онъ тотъ же разъ вдыхаетъ въ себя свѣжій воздухъ, безъ коею ни

одна порода китовъ не можетъ существовать. Правда, случается, что иногда при изверженіи пара китомъ падаютъ и капли воды, но эта вода, надобно полагать, вылетаетъ не изъ легкихъ кита, а изъ наружной впадины, которую образуютъ собою ноздри его *.

Долго ли можетъ пробыть китъ въ водѣ, не перемѣняя воздуха; за вѣрное никто не можетъ сказать; и безъ сомнѣнія гораздо долѣе, чѣмъ всѣ водоземныя; ибо киты родятся на водѣ и на берегъ никогда не выходятъ.

Кровь у китовъ обыкновенно темно-красная и также горяча какъ у земляныхъ животныхъ. Мясо, средней величины китовъ, весьма похоже на мясо быковъ, оно также слоисто и съ проростнями сала, и нисколько не чернѣе того. Кости китовъ имѣютъ такое же свойство какъ и земляныхъ животныхъ, но только поздреватѣе

* Эти мнимые фонтаны мнѣ случалось видѣть самому, нѣсколько разъ и весьма въ близкомъ разстояніи; и я нисколько не сомнѣваюсь, что это не вода, а паръ, но отъ чего воздухъ въ китѣ принимаетъ видъ паровъ? вѣроятно отъ жару.

и не такъ плотны. Становой хребетъ и ребра у китовъ расположены какъ у рыбъ. Глаза у всѣхъ китовъ чрезвычайно малы по величинѣ головы, и особенно у самой большой породы.

Всѣ киты одѣты кожею, подобно бычачей, болѣе или менѣе толстою и голою, т. е. безъ всякой шерсти. У многихъ китовъ случается видѣть на кожѣ раковины особаго рода, которыхъ у не молодыхъ китовъ бываетъ весьма много. И это не есть какіе либо наросты, свойственные китамъ, но животныя, живущія на китѣ и питающіяся имъ. Ихъ здѣсь называютъ *китовыя вши*.

Вмѣсто плавательныхъ перьевъ, какія бываютъ у рыбы, киты имѣютъ *ласты*, похожіе и на ласты земноводныхъ (потому что въ нихъ есть кости) и на боковыя плавательныя перья рыбы. Хвостъ у всѣхъ китовъ похожъ на рыбій.

Китовъ, въ здѣшнихъ моряхъ находится до 12 родовъ, или видовъ, извѣстныхъ Алеутамъ, подъ слѣдующими именами: *кулема*, *чикахлюкъ*, *алямакъ*, *магнидакъ*, *умгулякъ*, *агамагчикъ*, *чидгукнъ* (кашелотъ), *агдагчикъ*, *хадакъ* (бѣлуга), *аглюкъ* (касатка), *алядакъ* (свинка), и *кданъ*, (тоже свинка). Самые большіе изъ нихъ суть *кулемы*, а меньшіе *кданъ* (свинки делфины).

Не всѣ киты совершенно похожи одинъ

Киты. на другаго, но имѣютъ различныя раздѣленія:

а) *По зубамъ.* У однихъ обыкновенные костяные зубы, бѣлые и крѣпкіе; а другіе, вмѣсто зубовъ, имѣютъ *усы* или, правильнѣе сказать, зубы мягкаго и роговаго вещества, находящіеся въ верхней челюсти, расположенные на ней отъ одного конца до другаго, и совсѣмъ не такъ какъ зубы. Зубы обыкновенно чѣмъ дальше къ концамъ челюстей тѣмъ больше, а у кита усы напротивъ, чѣмъ дальше отъ конца къ срединѣ тѣмъ длиннѣе и шире. Зубы, напримѣръ у человѣка, расположены шириною по длинѣ десенъ, а у кита поперегъ. Самые большіе усы имѣетъ кулема, длина коихъ на самой срединѣ простирается до 5 аршинъ, ширина къ корню около 5 вершковъ, которая чѣмъ далѣе отъ корня тѣмъ становится менѣе и въ концѣ не болѣе полувершка.

Къ первому разряду (зубатыхъ) принадлежатъ *чидгукнъ* (кашелотъ), *аглюкъ* (касатка), *агдакчикъ* и *алядакъ*, а ко второму (съ усами) всѣ прочіе.

b) *По хвосту.* У нѣкоторыхъ китовъ хвостъ отвѣсный, а у другихъ горизонтальный; первые могутъ весьма скоро поворачиваться въ сторону, а другіе быстро уходить ко дну. Къ первому разряду принадлежатъ, кажется, только кашелотъ, касатка и свинки.

c) Есть киты, у которыхъ на брюхѣ кожа расположена *полосами,* поперегъ туловища, въ видѣ толстыхъ и равно разрѣзанныхъ рѣмней, одинъ отъ другаго отдѣляющихся. Такіе киты извѣстны здѣсь подъ именемъ *полосатиковъ*; и они суть: *алямакъ, магнидакъ, умгулякъ* и *агамагчикъ.*

d) Есть также киты, которые имѣютъ на спинѣ перья, или, лучше сказать, мясистую часть въ родѣ рыбьяго пера. Напримѣръ алямакъ, магнидакъ, умгулякъ, агамагчикъ; бѣлуга, касатка и свинка.

Киты питаются червями и мелкою рыбою, а косатки сверхъ того мясомъ самыхъ китовъ и другихъ морскихъ животныхъ.

Кулема есть самое огромнѣйшее морское животное изъ всѣхъ обитающихъ въ здѣшнихъ моряхъ. Сказываютъ, что видали прежде китовъ этой породы до 20 саженъ длиною, и толщиною соразмѣрно длинѣ *, но мнѣ и никому изъ нынѣшнихъ Алеутовъ не случалось видѣть самыхъ большихъ китовъ. Нынѣ обыкновенно попадаются только отъ 5 до 9 саженъ.

Строеніе тѣла кита кулемы самое несоразмѣрное въ частяхъ тѣла. Голова у него занимаетъ почти третью часть длины

---

* Въ одномъ мѣстѣ я видѣлъ только китовыя

Киты. и всей его массы; одна челюсть его равняется величиною съ кита алямака. Маленькіе глаза его находятся очень близко подлѣ ноздрей, или дыхательнаго его орудія, и отъ переднихъ ластовъ отстоятъ не болѣе аршина. А ротъ или зѣвъ его начинается отъ самыхъ ластовъ, и обхватываетъ всю голову. Языкъ у него не отдѣляется отъ нижнихъ челюстей, но приросъ къ нимъ крѣпко. Усы, у кулемы, сидятъ не въ самой челюстной кости, но въ какой то хрящеватой матеріи, лежащей на деснахъ. Всѣхъ усовъ у него бываетъ до 400 и всѣ они вмѣстѣ вѣсятъ отъ 50 до 150 пудовъ. Отъ величины головы кулемы и тяжести усовъ, мертвый онъ, хотя и не тонетъ, но всегда плаваетъ внизъ головою. Кулема весьма мало имѣетъ мясистыхъ мѣстъ, но потчи весь состоитъ изъ жиру и сала.

Кулемъ въ Уналашкѣ бываетъ всегда мало; и здѣшніе Алеуты ихъ не промышляютъ. Изъ всѣхъ китовъ, которыхъ только выкидывало море на берега здѣшніе ни объ одномъ нельзя сказать навѣрное, какою смертію онъ умеръ. Полагаютъ, что они болѣе умираютъ отъ напора сѣвер-

---

ребра, въ окружности около 6 четвертей, и не въ самой толстой части.

ныхъ льдовъ; потому что чѣмъ болѣе бываетъ льдовъ зимою въ Беринговомъ морѣ, тѣмъ болѣе выкидываетъ китовъ. И всегда только на сѣверные берега острововъ и болѣе на Унимакъ.

Алямакъ, есть китъ средней величины; самой большой изъ нихъ не бываетъ болѣе 4 саженъ; онъ имѣетъ усы (не болѣе полуаршина), на спинѣ перо, на брюхѣ полосы и хвостъ горизонтальный. Этой породы китовъ здѣсь, и преимущественно въ Уналашкѣ, лѣтомъ бываетъ множество и иногда до того, что въ нѣкоторыхъ бухтахъ и заливахъ, пускаемые ими фонтаны видны цѣлый день, непрерывно, и на всемъ пространствѣ бухты.

Эта порода китовъ есть единственная, которую промышляютъ Алеуты.

Способъ промысла ихъ есть хотя не самый вѣрный, но самый простѣйшій. Промышленникъ, взявъ съ собою китовыя стрѣлки (описаніе ихъ находится выше) выѣзжаетъ въ море и, увидя кита, подъѣзжаетъ къ нему какъ можно ближе и кидаетъ въ него стрѣлку; и если стрѣлка попала въ кита; то промыселъ его и кончился; остается только подождать, когда умретъ китъ. Такимъ образомъ онъ подъѣзжаетъ къ другому, третьему и болѣе, сколько удастся.

Стрѣлкою кита не убиваютъ, но только ранятъ, (убить его на поваль едвали

Киты. можно и ядромъ), конецъ стрѣлы (каменный) остается въ китѣ и производитъ въ немъ боль и жаръ. А морская вода, солями своими, увеличиваетъ ихъ, и если въ продолженіи промысла время стоитъ теплое, то китъ чрезъ два—три дня умираетъ. Китовъ каждогодно подстрѣливаютъ много, отъ 10 до 50 въ лѣто; но къ рукамъ приходятъ не всѣ; ибо китъ, будучи раненъ, старается уйти въ море и рѣдко умираетъ вблизи береговъ. И потому промыселъ бываетъ удаченъ только тогда, когда во время промысловъ вѣтры дуютъ на берегъ.

Старались здѣсь дѣлать опыты промысла китовъ *гарпунами* *, но не удачно; потому что раненые киты, имѣя горизонтальные хвосты, весьма быстро уходятъ ко дну, такъ, что не успѣвали выпускать линь, и отъ того, или опракидывались вельботы (лодки) или рвался линь.

Алямакъ доставляетъ собою преимущественно жиръ; а мясо его хотя и очень вкусное и хорошее, можетъ годиться только отъ самаго свѣжаго кита; ибо оно, будучи довольно мягко, портится весьма скоро. Изъ свѣжихъ китовыхъ ластовъ можетъ быть сдѣлано такое кушанье (студень), ко-

* Какъ обыкновенно промышляютъ китоловы.

торое понравится и самому лучшему гастроному.

Киты *чидукнъ* и *агдагчикъ* имѣютъ зубы и весьма крѣпкія кости. Жиръ ихъ, и особенно послѣдняго, можетъ быть употребляемъ только для освѣщенія, но для пищи совсѣмъ не годится, ибо онъ имѣетъ такое же дѣйствіе на желудокъ, какъ и ртуть. Отъ чего китовъ сихъ Русскіе и назвали *плаунами* или правильнѣе *плавунами*.

Аглюкъ (касатка) есть самый поворотливый и бойкій звѣрь, который, по справедливости, долженъ быть названъ *хищнымъ морскимъ звѣремъ*. Онъ нападаетъ и растерзываетъ даже самыхъ морскихъ львовъ.

Всѣ киты, большой породы и особенно кулемы, для косатокъ составляютъ очень легкую добычу. Они могутъ спасаться отъ нихъ не иначе какъ только зайдя въ малый заливъ. Косатки всегда ходятъ стадами и отрядами, меньшіе въ переди, а большіе позади. Косатки убиваютъ китовъ не перьями, которыя у нихъ на спинѣ, но рвутъ ихъ зубами. И изъ убитаго ими кита они выѣдаютъ одинъ только языкъ.

Алядакъ и *Кданъ*, свинки или делфины, суть самая малая порода китовъ; онѣ иногда также какъ и косатки ходятъ стадами. Свинки чрезвычайно быстро ходятъ въ водѣ, такъ, что, судя по ходу кораблей, надобно полагать, что свинка почти столь

Киты. же быстро бѣжитъ въ водѣ, какъ албатросъ летаетъ въ воздухѣ.

Свинки фонтановъ не мечутъ или сказать иначе: у нихъ, вдыхаемый ими воздухъ въ паръ не обращается, или, покрайней мѣрѣ, этаго нельзя примѣтить.

О всѣхъ прочихъ китахъ, какъ то: *чикахлюкъ, магнидакъ, умнулякъ, хадакъ,* и *агамагчикъ,* я ничего не могу сказать, потому что ихъ здѣсь бываетъ очень мало; кромѣ того, что первые три бываютъ очень велики и едва ли менѣе кулемы, но тонѣе его и станъ имѣютъ болѣе правильный и похожій на рыбу. Хадакъ (бѣлуга) кожу имѣетъ бѣлую; агамагчикъ есть малая порода китовъ и немного болѣе косатокъ.

IV.

Птицы.

Птицы, обитающія здѣсь, раздѣляются на три разряда: *Земляныхъ, Озерныхъ* и *Морскихъ.* — Первыя водятся на землѣ,

вторыя — на озерахъ и рѣчкахъ, а послѣднія — въ морѣ.

Земляныхъ птицъ здѣсь считается до 20 родовъ; озерныхъ до 8; морскихъ до 35. Перечень всѣхъ ихъ представленъ выше.

О *земляныхъ* и *озерныхъ* птицахъ, я ничего не могу сказать особенно примѣчательнаго.

Морскія, раздѣляются на два разряда: къ одному принадлежатъ собственно *морскія*, а къ другому *береговыя* или *лайденыя*. У всѣхъ морскихъ птицъ ноги находятся почти на самой задней части тѣла; и отъ того онѣ ходить не могутъ нисколько. Перья на нихъ небольшія и лежатъ плотно, такъ, что съ груди у многихъ не пробьетъ и дробь. Пуху не имѣютъ никакого, многія изъ нихъ, напримѣръ: *штормовки* и *албатросы*, отлетаютъ отъ береговъ на нѣсколько сотъ верстъ. Большая часть морскихъ и также лайденыхъ птицъ отлетаютъ на зиму въ мѣста неизвѣстныя, вмѣстѣ съ ласточками.

Лайденыя птицы почти всѣ имѣютъ пухъ, подъ перьями. — Лучшій изъ нихъ есть пухъ *пестряка*, который есть тоже, что *Гаги*, или весьма много на нихъ походитъ.

Промыселъ птицъ бываетъ различный,

Птицы. какъ то: *на ружье*, на *стрѣлки*, *петлями* или силками и пр. На ружье промышляютъ весьма не много, потому что птицъ близь селеній нынѣ почти совсѣмъ уже не водится, отъ безпрестаннаго и сильнаго нападенія на нихъ охотниковъ, число коихъ, въ послѣднее время, до того увеличилось, что почти каждый мущина есть *охотникъ*.

На стрѣлки промышляютъ еще менѣе, потому что этотъ способъ промысла есть самой невѣрный, онъ можетъ служить только забавою и для навыка кидать стрѣлы, а со всѣмъ не для пользы.

Промыселъ на *силки* или *петли*, есть болѣе выгодный, необходимый и самый замѣчательнѣйшій изъ всѣхъ способовъ промысла птицъ. *Петлями* промышляютъ птицъ только изъ числа собственно *морскихъ*, какъ то: *топорковъ* (морскихъ попугаевъ), *ипатокъ* (тоже попугаевъ другаго рода) и *аръ*, шкуры которыхъ весьма удобны для теплой одежды, и для жителей всегда составляли одну необходимѣйшую потребность жизни. *Птичій* промыселъ петлями начинается съ половины Іюля, т. е. когда родятся и начнутъ опериться птенцы, и продолжается почти до самаго отлета птицъ, т. е. до Сентября. Для этаго уѣзжаютъ туда, гдѣ болѣе водится птицъ, т. е. на острова, необитаемые, какъ

то: Четырехсопочные и далѣе къ Западу. Для силковъ употребляются нити изъ китовыхъ усовъ, которыя суть самыя удобнѣйшія для сего дѣла. — На одномъ концѣ ихъ дѣлаютъ петлю удавкою, а другой привязываютъ къ колышкамъ и втыкаютъ по утесамъ, на мѣстахъ, гдѣ болѣе водятся птицы. — Промыселъ этотъ есть одинъ изъ самыхъ опаснѣйшихъ, потому, что надобно лазить по высокимъ утесамъ, недоступнымъ не только людямъ, но даже никакому звѣрю.

Весьма замѣтно, что въ послѣднее время птицъ, этаго рода, стало гораздо менѣе чѣмъ прежде. И такъ какъ онѣ составляютъ одну изъ потребностей жизни; то справедливость требуетъ обратить вниманіе и на размноженіе или поддержаніе ихъ. Средства къ этому могутъ быть кажется только два: или *не промышлять птицъ каждогодно на всякомъ островѣ*, или *промыслъ начинать тогда, когда совсѣмъ оперятся птенцы*. — Потому, что Топорки и другія птицы выводятъ только по одному птенцу и если поймаютъ самку и самца, (которой учавствуетъ и въ высиживаніи и воспитаніи дѣтей); то погибнетъ и дитя.

V.

Р ы б ы.

Здѣсь совсѣмъ нѣтъ рыбы ни озерной, ни рѣчной; но водятся однѣ только *морскія*, которыя раздѣляются на два разряда. Къ первому принадлежатъ собственно *морскія*, живущія въ морской водѣ, а къ другому такъ называемыя *періодическія*, которыя родятся и живутъ тоже въ море, но въ извѣстное время приходятъ въ рѣчки.

Морскія рыбы суть: *палтусъ*, *треска*, *камбола*, *терпугъ*, *рямжа*, и проч. Нѣкоторыя изъ нихъ и особливо треска, зимою отходятъ далѣе отъ береговъ, на глубину моря; а лѣтомъ, въ нѣкоторыхъ заливахъ, водятся у самыхъ береговъ и на малой глубинѣ.

Способъ ловли ихъ есть одинъ: *на уду*, т. е. выѣзжаютъ въ море далѣе или ближе отъ береговъ, судя по времени года и опускаютъ уды на дно; и отъ того удача промысла морской рыбы много зависитъ отъ вѣтровъ.

Изъ рода *періодическихъ* рыбъ, здѣсь извѣстны: *красная рыба*, *гольцы*, *горбуша*,

хайко, *кижучь*, *сиги* и *сельди*. Всѣ онѣ принадлежатъ къ роду семги.

Приходъ или привалъ періодической рыбы, къ берегамъ и въ рѣчки, есть одно изъ удивительнѣйшихъ явленій въ природѣ, и видимое дѣйствіе попеченія Божія о тваряхъ, обитающихъ на землѣ. — Настаетъ лѣто; и тысячи рыбы подходятъ къ берегамъ и идутъ въ извѣстныя рѣчки, пробираясь въ верхъ до невозможности. И за чѣмъ? за тѣмъ, что бы умереть въ нихъ.— Ни тѣснота, ни самый испугъ не заставятъ ихъ воротиться назадъ въ море. Однѣ изъ нихъ (горбуша) до того идутъ въ самый верхъ рѣчки, что отъ недостатка воды спины ихъ совсѣмъ бываютъ на наружи, и едва имѣютъ воды для дыханія; перебираясь по каменьямъ сбиваютъ съ себя кожу даже до мяса; и наконецъ изтощенныя отъ усилія и отъ прѣсной воды умираютъ не достигши своей какой то тайной *цѣли*, или становятся легкою и вѣрною добычею птицъ и звѣрей. Настанетъ зима и ни одной періодической рыбы нѣтъ ни гдѣ *.

Гдѣ рыба сего разряда мечетъ икру? и гдѣ родятся новыя рыбки въ рѣчкахъ или въ морѣ? то и другое можно думать;

---

* Выключая одной рѣчки на Умнакѣ (см. Ч. I. и стр. 141).

Рыбы. потому что: 1-е въ числѣ идущей рыбы въ рѣчки находится рыба и съ икрою; а 2-е, что если рыбки родятся въ рѣчкахъ, то когда они уходятъ въ море, неизвѣстно. И потому вѣроятнѣе предположить, что рыба мечетъ икру въ морѣ подлѣ береговъ, на мѣстахъ, гдѣ есть прѣсная вода.

Ходъ періодической рыбы начинается съ появленіемъ весны и продолжается до самой осени.—Первая изъ нихъ идетъ *красная рыба*, за нею и съ нею *гольцы*, потомъ *горбуша* и *хайко*, а наконецъ *Кижучь*.

Сиги же идутъ въ одно время съ красною рыбою и только въ одномъ мѣстѣ на Унимакѣ. *Сельди* здѣсь попадаются весною и осенью, но всегда въ небольшомъ количествѣ.

Періодическая рыба не каждый годъ приходитъ въ одинаковомъ количествѣ, но иногда болѣе, а иногда менѣе. Замѣчено, что когда зимою бываютъ глубокія снѣги, то рыбы бываетъ меньше, вѣроятно отъ того, что тогда всѣ рѣчки бываютъ полны водою, и слѣдовательно болѣе вливаютъ прѣсной воды въ море; и рыба, находя ее въ морѣ далѣе обыкновеннаго не имѣетъ надобности подходить ближе къ берегамъ. Замѣчаютъ также, что количество рыбы измѣняется почти каждые четыре лѣта. Послѣ изобильнаго рыбою лѣта всегда бы-

бываетъ скудное, а потомъ лучше и лучше.

Красная рыба начинаетъ идти въ последнихъ числахъ Апрѣля, и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ и позже. — Прежде всѣхъ она появляется на Уналашкѣ въ рѣчкѣ *Веселовской*, т. е. самой сѣвернѣйшей; потомъ далѣе къ востоку и югу; въ южныхъ же рѣчкахъ она бываетъ даже въ Августѣ. — Это показываетъ, что рыба идетъ изъ сѣвернаго моря, а не изъ южнаго, и слѣдовательно онѣ зиму проводятъ въ сѣверѣ. Стоитъ особеннаго замѣчанія, что красная рыба идетъ только въ ту рѣчку, которая вытекаетъ изъ озера; а въ рѣчку, текущую съ горъ, какъ бы она ни была велика, никогда не идетъ. — И почему это такъ? И если она по вкусу различаетъ одну воду отъ другой, то сколь тонокъ долженъ быть у нее вкусъ, когда она въ морской водѣ и набольшомъ разстояніи отъ береговъ умѣетъ отличить одну рѣчную воду отъ другой? Красная рыба.

Красная рыба пробравшись въ озеро, далѣе, въ рѣчки впадающія въ него, нейдетъ, но умираетъ въ немъ.

Гольцы могутъ назваться болѣе рѣчною, нежели морскою рыбою, потому что они зиму проводятъ въ рѣчкахъ, весною, съ разливомъ рѣчекъ или со льдомъ, спускаются въ море и оттуда опять возвращаются въ рѣчки. При выходѣ изъ рѣчки Гольцы.

Рыбы. гольцы бываютъ очень сухи и пахнутъ иломъ, и лучшій вкусъ и видъ имѣютъ они тогда, когда идутъ изъ моря.

Гольцы, по большой части заходятъ также только въ тѣ рѣчки, которыя вытекаютъ изъ озеръ, но зимуютъ не въ озерѣ, а въ берегахъ рѣчекъ, впадающихъ въ него, дѣлая въ нихъ норы, которыя иногда бываютъ очень велики и далеко въ берегъ.

Горбуша. *Горбуша* идетъ во всякую рѣчку, но болѣе въ большія рѣчки, текущія съ горъ. Прежде нежели горбуша пойдетъ въ рѣчки, ее большими стадами начинаютъ видать въ морѣ вдали отъ береговъ и на большихъ глубинахъ; потомъ она подходитъ ближе къ берегамъ и нѣсколько времени ходитъ при устьяхъ рѣчекъ и въ небольшихъ заливахъ; на полной водѣ, т. е. когда въ морѣ вода будетъ близь самой высокой точки своего прилива,—она подходитъ ближе къ берегамъ а на малой водѣ отходитъ далѣе. Наконецъ *нагулявшись* въ морѣ, какъ говорятъ здѣсь, начинаетъ входитъ въ рѣчки и также при полной водѣ.

Горбуши всегда бываетъ несравненно въ большомъ количествѣ чѣмъ всѣхъ прочихъ; и она считается самою безвредною и здоровою для больныхъ и страдающихъ хроническими болѣзнями.

Хайко. *Хайко* входитъ также и въ тѣже рѣчки какъ и горбуша. И потому особеннаго

о ней сказать не чего. — Кромѣ того, что этаго рода рыбы здѣсь всегда бываетъ менѣе всѣхъ другихъ *.

Кижучь.

Кижучь заключаетъ собою ходъ всѣхъ періодическихъ рыбъ, появленіе его на устьяхъ и въ рѣчкахъ показываетъ, что ходъ другихъ періодическихъ рыбъ перестаетъ. Кижучь крупнѣе всѣхъ породъ періодической рыбы; и по виду и вкусу своему болѣе всѣхъ подходитъ къ семгѣ. Кижучь бываетъ всегда не въ большомъ количествѣ и, также какъ и красная рыба, заходитъ только въ тѣ рѣчки, которыя вытекаютъ изъ озеръ.

О причинахъ уменьшенія рыбъ сказаное выше (Ч. I. стр. 69), и чтобы увеличить количество рыбы кажется нѣтъ никакихъ средствъ, покрайней мѣрѣ до тѣхъ поръ нельзя найти ихъ, пока не изслѣдованы будутъ всѣ свойства ихъ.

Промыселъ рыбы.

Способъ промысла періодическихъ рыбъ, у Алеутовъ, прежде былъ весьма не удобной и малоприбыльной. Они дѣлали въ рѣчкахъ *запоры*, накладывая крупныя каменья въ родѣ плотины, или *заколы*, гдѣ позволяли обстоятельства, которыя служили преградою для рыбы, идущей вверхъ по рѣчкѣ. Тутъ ее и промышляли стрѣлками

---

* Въ перечнѣ рыбъ (на 67 стр. I части) *Хайко* пропущенъ.

Рыбы. съ желѣзнымъ (а прежде съ костянымъ) носкомъ, имѣющимъ зазубрины, кидая въ воду болѣе на удачу, чѣмъ на вѣрное; и когда по счастію попадутъ въ рыбу, то вытаскиваютъ ее на берегъ снуромъ, привязаннымъ къ стрѣлкѣ. Нынѣ дѣлаютъ для этаго не большія сѣти. А компанія, въ главныхъ мѣстахъ, имѣетъ большія невода, коими ловятъ рыбу еще и въ то время, когда она только начинаетъ подходить къ берегамъ или заходить въ заливы.

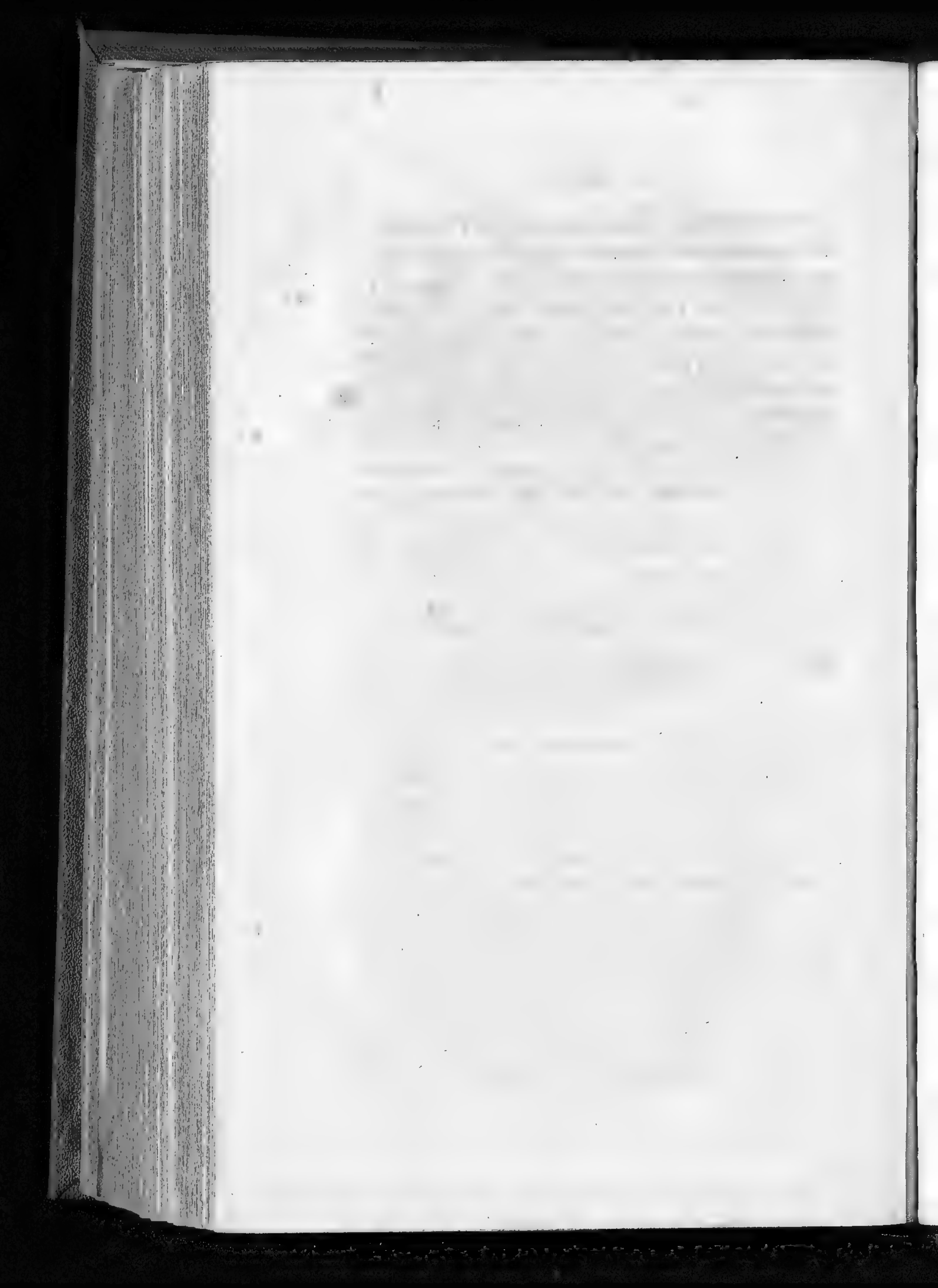
VI.

Черепокожныя.

Подъ симъ названіемъ разумѣются всѣ животныя, ползающія и раковины всѣхъ родовъ; перечень ихъ находится выше (Ч. I. стр. 67).

Замѣчательнѣйшія изъ нихъ: a) *черныя ракушки*, называемыя Алеутами: *Чаланъ*, тѣмъ, что онѣ съ Мая и по Сентябрь бываютъ ядовиты, а зимою довольно хороши и годны для пищи, и въ нихъ находится незрѣлый жежчугъ. b) *Рѣпки*, при употребленіи ихъ въ пищу, особенно сильно располагаютъ ко сну, такъ какъ и всѣ прочія такого рода произведенія.

Ловля сихъ животныхъ весьма проста. Когда бываетъ самой большой отливъ моря, или какъ говорится: *когда обсохнетъ лайда* идутъ на извѣстныя мѣста и собираютъ въ корзину. Однѣ (черныя ракушки) отнимаютъ отъ каменьевъ или собираютъ лежащихъ кучами, а другія (мамаевъ) вырываютъ изъ песку или собираютъ просто между каменьями.



ИЗВЛЕЧЕНІЯ

ИЗЪ МЕТРИЧЕСКИХЪ КНИГЪ

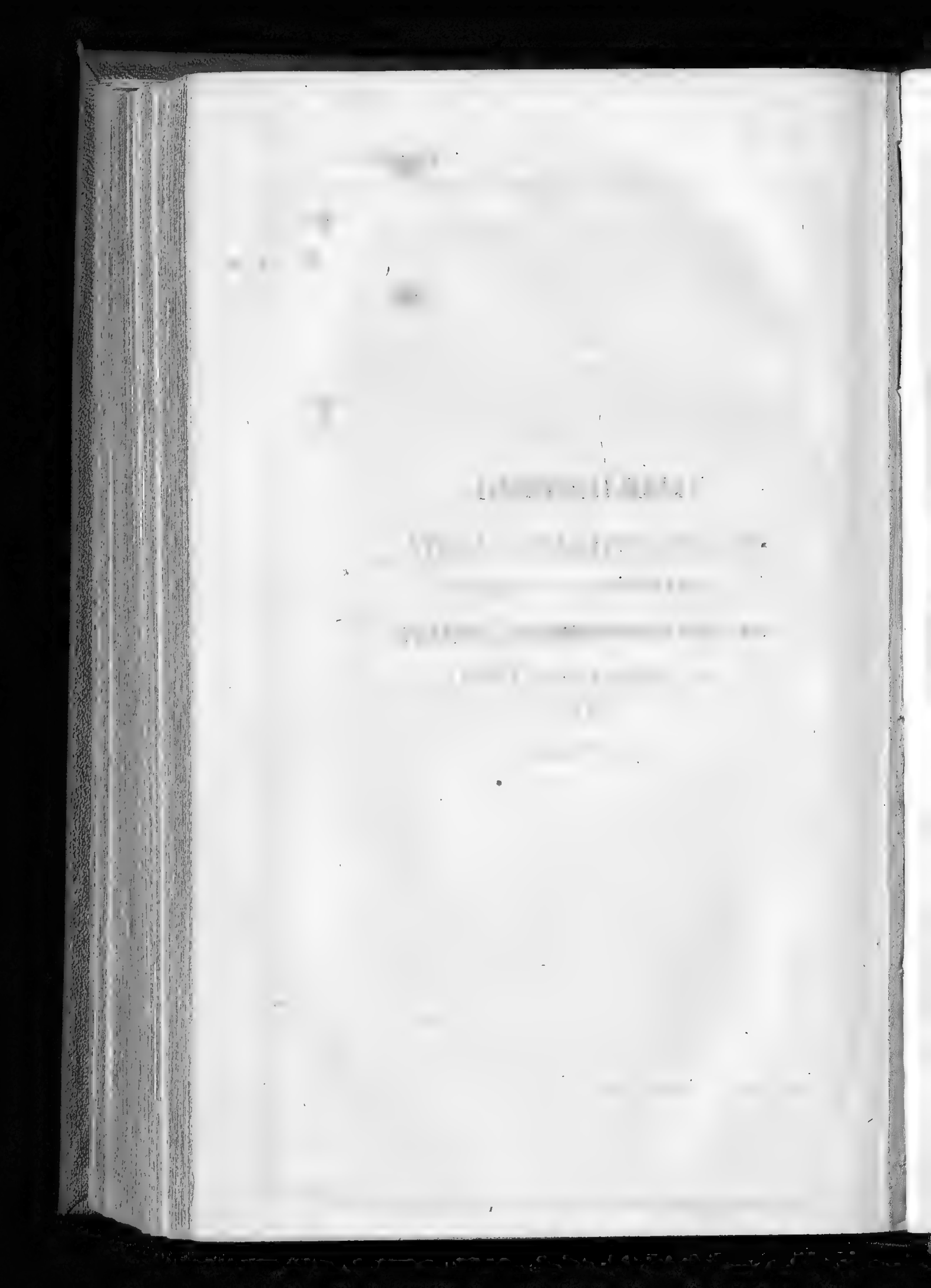
О РОДИВШИХСЯ И УМЕРШИХЪ

ВЪ УНАЛАШКИНСКОМЪ ОТДѢЛѢ

съ 1822-го года по 1837-й

т. е.

въ 14 лѣтъ.



РОДИВШИХСЯ ВЪ УНАЛАШКѢ.

Часть II. Таб 1.

		1822 и 1823				1825				1826 и 1827				1828				1829				1830				1831				1832 и 1833				1834 и 1835				1836				Итого.	
		Законныхъ.		Незаконныхъ.		Законныхъ.		Незаконныхъ.		Законныхъ.		Незаконныхъ.		Законныхъ.		Незаконныхъ.		Законныхъ.		Незаконныхъ.		Законныхъ.		Незаконныхъ.		Законныхъ.		Незаконныхъ.		Законныхъ,		Незаконныхъ.		Законныхъ.		Незаконныхъ.		Законныхъ.		Незаконныхъ.			
Мѣсяцы	Націи	М.	Ж.	М	Ж.	М.	Ж.	М.	Ж.	М.	Ж.	М.	Ж.	М.	Ж.	М	Ж.	М.	Ж.	М.	Ж.	М.	Ж.	М.	Ж.	М.	Ж.	М.	Ж.	М,	Ж.	М.	Ж.	М	Ж.	М.	Ж.	М.	Ж.	М.	Ж.	Итого.	Всѣхъ.
Январь	Русскихъ.	»	»	»														1								1					2											4	43
	Креоловъ.	»	»	«						2																																2	
	Алеутовъ	2	1			2			1	4	2		3	2												2	3			3				3				4	3		2	37	
Февраль	Русскихъ.		1																1			1								1	1							1				6	37
	Креоловъ.				1					1	1																			1	1											5	
	Алеутовъ	2	1	1		1	2			1	1			2	1							1	1			2				3				1	2			3	1			26	
Мартъ	Русскихъ.	1																								1									1			1				4	55
	Креоловъ.	1													1				1											1						1	1	1				7	
	Алеутовъ	2	2				2		1	2	2	1	1		5		1		1				1			2				6	1			5	3		1	3	2			44	
Апрѣль	Русскихъ.									1																														1		2	39
	Креолов													1	1																								1			3	
	Алеутовъ	2	3			1				2	4			1								1	4			1	1			6	5								3			34	
Май	Русскихъ.																																		1							1	54
	Креоловъ.													1				2													1							1				5	
	Алеутовъ	4	3			1	1			8	3		1					4	1			1	6				1			2	1			4	5			3	2			48	
Іюнь	Русскихъ.						1					1			1							2	1			1								2	1							10	55
	Креоловъ.		1																			1			1	1				1				2								7	
	Алеутовъ	1	1		1	1				1	1			3	2			4	3		1	2	3				2			2	4			4	1				1			38	
Іюль	Русскихъ.					1													1																							2	44
	Креоловъ.																										1			2	1											4	
	Алеутовъ	1	3			2	3	2		3	1			1	1							1	1							4	7			5	3							38	
Августъ	Русскихъ.	1				1								1	1							1												1				1				7	62
	Креоловъ.																									1	1															2	
	Алеутовъ	2	4			2	2			3	2			1	1			2	1			4	2				2			6	7			5	4			1	2			53	
Сентябрь	Русскихъ.										2											1				1				1	1				3			1				10	65
	Креоловъ.				1	1													1															1	1							4	
	Алеутовъ	2	3	1		6	1		1	3	5				1				3			4				1	2		1	4	2	1		4	1	1		2	2			51	
Октябрь	Русскихъ.	1							1									1					1												1							5	43
	Креолов																		1							1																2	
	Алеутовъ		1		1		2			2	1			1	3			2	1			2	1			1		2		3	4	1			4	1		1	2		1	36	
Ноябрь	Русскихъ.									1																1																2	52
	Креоловъ.									1																																1	
	Алеутовъ	4	1		1		2			3	3	2	2		1			4	1			5				4	2			7	4			1	4				2			49	
Декабрь	Русскихъ.													1									1				2							1								5	78
	Креолов.										1															1		1			1				1							5	
	Алеутовъ		4			1	1			5	3		2	2				4	6		1		2			6	7			1	3			6	9			1	2	1	1	68	
Итого	Русскихъ.	3	1			2	2			2	2			2	2			4	2			5	2			4	2			2	4			4	7			3		1		54	626
	Креолов.	1	1		1	1				4	2			2	1			2	2			1				4	2			5	3			3	2	1	1	2	1			42	
	Алеутовъ	22	27	2	4	17	16	2	3	37	28	4	9	13	16		1	13	17		2	21	22		1	20	20	3	1	47	38	1		38	36	2	1	19	22	1	4	530	
Всѣхъ	Итого	26	29	2	5	20	18	2	3	43	32	4	9	17	19		1	17	21		2	27	24		1	28	24	3	1	54	45	1		45	45	3	2	24	23	2	4		626
	Всѣхъ	62				43				88				37				40				52				56				100				95				53					

УМЕРШИХЪ ВЪ УНАЛАШКѢ.

Мѣсяцы	Націи	1822		1823		1825		1826		1827		1828		1829		1830		1831		1832		1833		1834		1835		1836		Итого	
		М.	Ж.	М.	Ж.	М.	Ж.	М	Ж.	М.	Ж.	М.	Ж.	М.	Ж.	М.	Ж.	М.	Ж.	М.	Ж.	М.	Ж.	М.	Ж.	М.	Ж.	М.	Ж.	ито-го.	всѣ
Январь	Русских.							1																						2	45
	Креолов.															1														1	
	Алеутовъ			4	1	2	2	1	1	2	3	5	3	1	3	1	2	1	1	1	2			1	2	1	1	1		42	
Февраль	Русских.																	1		1								1		3	39
	Креолов.									1													1	1						3	
	Алеутовъ		2	3	2		1	2		3	1	3		2	3	1	1		2		2	1	1					1	2	33	
Мартъ	Русских.										1																				38
	Креолов.									1																				1	
	Алеутовъ	1	2	4	1		1	1		4	2	1	1	2	1	3		3	1	2		1		1	3	1		1	1	37	
Апрѣль	Русских.															1	1													2	26
	Креолов.																								1					1	
	Алеутовъ			2				1		4	1	2		4	1	3	2					2	1				3		3	23	
Май	Русских.																														48
	Креолов.											1																		1	
	Алеутовъ	1	1	1	2		1	4	1	4	1	3	4			4	1	1				3	2	1	1	1	2		2	47	
Іюнь	Русских.							1										1									1			3	39
	Креолов.			1							1																			2	
	Алеутовъ						1	5	1	1	1	4	3					6	1		2	1	1			2	3		1	34	
Іюль	Русских.				1											1														2	36
	Креолов.				2																					1				3	
	Алеутовъ	2	1			3	3			2	1	5			2	1	1	1		1	3			1	1	1	1	1		31	
Августъ	Русских									1		1																		2	73
	Креолов.														1															1	
	Алеутовъ	2	2			3	4	2	7		3	14	5			2	4	2	3	2	1	6	1	1		1	2	1	2	70	
Сентябрь	Русских.									1			1			1				1					1					6	50
	Креолов.													1																1	
	Алеутовъ	3		1	4	2	1	1	1	1		3			3	4	2	2		1	1	2	1		1	3	1	1	4	43	
Октябрь	Русских.				1																						2			3	50
	Креолов.																1					1	1	1						4	
	Алеутовъ			5	3				2		1	2	1	2	2	7	3	5	1	1	1	1	2		1	2	1			43	
Ноябрь	Русских.	1				1																			1					3	39
	Креолов.																														
	Алеутовъ							1	1	3		1	1	1	1	1	8		1			4	4	3		2	2		1	36	
Декабрь	Русских.																		1					1						3	61
	Креолов.	1																												1	
	Алеутовъ	3	3			2	2			2	3		1		1			3	8	2	1	1	2	2	4	4	5	3	3	57	
Итого	Русских.	1			2			2	n	2		2	1			3	2	2	1	2				1	2		3	2		28	44
	Креолов.	1		1	2					2	1	1		1	1	1	1					1	1	2	1	1				18	
	Алеутовъ	12	11	19	14	13	16	19	14	26	18	43	19	12	17	27	24	25	18	11	13	22	16	10	13	19	21	8	19	498	
Всѣхъ	Итого	14	11	20	18	13	16	21	14	30	19	46	20	13	18	31	27	27	19	13	13	23	17	13	16	19	24	10	19		554
	Всѣхъ	25		38		29		35		49		66		31		58		46		26		40		29		43		29			

[illegible]

а) Отъ какой болѣзни и сколько именно померло.

Какою болѣзнію.	1822	1823	1825	1826	1827	1828	1829	1830	1831	1832	1833	1834	1835	1836	Итого.
Грудными болѣзнями *.	8	11	6	5	11	9	7	24	10	6	4	6	5	4	116
Чахоткою		1	3	5	7	7	5	6	2	3	4	»	6	6	55
Горячкою.		1	3	1	3		1				1	2	3	2	17
Любострастною.			»	3	2	2	1	1					1	1	11
Цынгою.							2						1		3
Водяною.				2	1		2				1	1	1	1	9
Поносомъ.	1	2			1	1				1	2	2	2	2	14
Параличемъ.		2			1								1		4
Каменною болѣз.		1												1	2
Запоромъ.									1						1
Вередами.				1	1	2	1	1	2		1	1	3	1	14
Скоропостижно.	2	1	3	1	1		1	2			1		2		14
Послѣ родовъ.				1							1		1		3
Отъ ядовитыхъ растѣній **.		3			1							2			6
На промыслѣ ***.	1			1		1					1	1			5
Потонули.		1		1		19	2		2	1	2	1	1	1	31
Потерялись безъ вѣсти.	1	2	»	2				1		2					8
Неизвѣстными болѣзнями.	13	8	2	3	12	6	4	6	12	8	6	5	1	5	98
Старческой сухоткой.		4	8	3	2	8	3	5	3	1	12		6	3	63
Младенческой.		1	4	5	6	11	2	12	14	4	4	8	9	2	70
Итого.	25	38	29	35	49	66	31	58	46	26	40	29	43	29	544

* Какъ то: кровотеченіемъ изъ гортани, колотьемъ, кашлемъ, одышкою, давленіемъ груди, самое же большое число умерло тремя первыми.

** *Трое* объѣлись вареной *макарши* (кореньевъ), *одна* черныхъ ракушекъ въ Іюнѣ, а *двое* неизвѣстно.

*** *Двое* упали съ утесу при промыслѣ птицъ, *двое* отъ удару *клѣпцами*, а *одинъ* ушибенъ сивучемъ.

b) Скольких лѣтъ померли.

	Полъ.	1822	1823	1825	1826	1827	1828	1830	1831	1832	1833	1834	1835	1836		Итого.
Отъ 1 до	М.	3	2	1	4	4	6	4	5	1	10	2	1		43	92
4 лѣтъ	Ж.	1	4	3	2	7	5	1	6	1	1	2	9	7	49	
Отъ 4	М.		2			2	2					2	1	1	10	17
до 7	Ж.		1	2						2		2			7	
Отъ 7	М.	1	2	2	2	2	2	1	1	1	»	3	3	1	21	41
до 15	Ж.	1	2	1	1	3		3		3	1	2	2	1	20	
Отъ 15	М	1	1		4	1	5	2	1	2	1	1	1	3	23	41
до 25	Ж.	1	1	2		2	3	3			1		3	2	18	
Отъ 25	М.	3	4	4	8	10	13	8	5	3	2	1	6	3	70	103
до 45	Ж.	1	2	1	2	2	3	2	4	2	6		5	3.	33	
Отъ 45	М.	2	3	1	1	5	4	1	4	4	2	1	2	2	32	66
до 55	Ж.	3	2	2	2		3	7	3	2	3	1	2	4	34	
Отъ 55	М.	3	1			2	3	3	3		3				18	29
до 60	Ж.				2		1	2	3		1	1		1	11	
Отъ 60	М.	1	1			2	1		1		3	1	2	1	13	22
до 65	Ж.	1	2	1	1	1		1			1			1	9	
Отъ 65	М.		3	1		1	2	2	4	2	1				16	24
до 70	Ж.	1	1	1		1			1	1	2				8	
Отъ 70	М.					1	3	1			»		2		7	23
до 75	Ж.	1	1	2	2	2	2	3	1		1	1			16	
Отъ 75	М.										1				1	11
до 80	Ж.	1			1		2	1			1	3	1		10	
Отъ 80	М.		1	2			2	2			1	1	1	1	11	20
до 90	Ж.		2	2			1	1		1		1	1		9	
Отъ 90	М.				1										1	2
до 100	Ж.							1							1	

Здѣсь не включены природные Русскіе.

Извлеченіе изъ таблицъ о родившихся и умершихъ въ Уналашкѣ въ 14 лѣтъ.

Родившихся		Умершихъ		Прибыло		
Русскихъ	54	—	28	—	—	26
Креоловъ	42	—	18	—	—	24
Алеутовъ	53	—	498	—	—	32
Итово	626	—	544	—	—	82

Незаконнорожденныхъ.

Съ 1822 года по 1828 годъ, т. е. въ 5 лѣтъ, — 25
Съ 1828 — — 1837 — — — въ 9 лѣтъ, — 17

Въ первомъ случаѣ по *пяти* на годъ, а въ послѣднемъ по *два.*

Родившихся круглымъ числомъ.

Въ *первые четыре года* по 35 человѣкъ на каждый г.
а за исключеніемъ незаконнорожденныхъ по 30 — — — —
Въ *послѣдніе десять лѣтъ* по 48 — — — —
За исключеніемъ не законнорожденныхъ по 45 — — — —
А *всѣхъ вообще* по — — 45 — — — —

Умершихъ круглымъ числомъ.

На каждый годъ по 39 человѣкъ.

Прибыли круглымъ числомъ.

На каждый годъ по 6 человѣкъ.

ТАБЕЛИ

О МОРСКИХЪ КОТАХЪ.

Ч. II. къ таб. 6.

ТАБЕЛЬ 1-я

О ЧИСЛѢ КОТОВЪ, УПРОМЫШЛЕННЫХЪ НА ОСТРОВАХЪ ПРИБЫЛОВА СЪ 1817 ПО 1838 ГОДЪ.

НА ОСТРОВѢ СВ. ПАВЛА.

	1817	1818	1819	1820	1821	1822	1823	1824	1825	1826	1827	1828	1829	1830	1831	1832	1833	1834	1835	1836	1837	Итого
Котовъ	47,860	45,932	40,300	39,700	35,750	27.900	23,300	18,850	21,450	20,550	17,750	16,900	16,200	14,650	12,500	12,650	12,850	12,400	3,952	2,840	2,020	
Колостяковъ - -						250	800	1,009	3,150	2,700	1,950	1,550	950	550	450	500	350	300	100	1,200	2,200	
Итого	47,860	45,932	40,300	39,700	35,750	28,150	24,100	19,850	24,600	23,250	19,700	18,450	17,150	15,200	12,950	13,150	13,200	12,700	4,052	4,040	4,220	464,259
Отпущено для приплоду						2,700	6.000	2,500										Отпущено для приплоду Котовъ	8,000	7,750	7,000	

НА ОСТРОВѢ СВ. ГЕОРГІЯ.

	1817	1818	1819	1820	1821	1822	1823	1824	1825	1826	1827	1828	1829	1830	1831	1832	1833	1834	1835	1836	1837	Итого
Котовъ	12,328	13,924	11,924	10,520	9,245	8,319	5,773	5,550	5,500	оста- для раз-	влены плода	2,878	2,582	2,545	2,981	3,151	3,151	3,000	2,475	2,450	2,450	
Холостяковъ - -												1,900	1,079	289	103	145	61	51	53	100	132	
Итого	12,328	13,924	11,924	10,520	9,245	8,319	5,773	5,550	5,500			4,778	3,661	2,834	3,084	3,296	3,212	3,051	2,528	2,550	2,582	114,665
А всего на обоихъ островахъ	60,188	59,856	52,225	50,220	44,995	36,469	29,873	25,400	30,100	23,250	19,700	23,228	20,811	18,034	16,034	16,446	16,412	15,751	6,580	6,590	6,802	578,224

ТАБЕЛЬ 2-я

О ПРЕДПОЛАГАЕМОЙ ПРИБЫЛИ КОТОВЪ НА 22 ГОДА.

Годы		1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18	19	20	21	22
		1835	1836	1837	1838	1839	1840	1841	1842	1843	1844	1845	1846	1847	1848	1849	1850	1851	1852	1853	1854	1855	1856
1	1835	3,600	отъ	н и х ъ	прибыль	самокъ	900	1,200	1,200	1,200	1,200	1,200	1,200	1,200	1,200	1,200	1,000	800	400	200			
2	1836	при-	3,150	отъ	н и х ъ	п р и-	былъ	785	1,050	1,050	1,050	1,050	1,050	1,050	1,050	1,050	1,050	1,000	700	300	100		
3	1837		плодъ	2,755	отъ	н и х ъ	п р и-	былъ	680	918	918	918	918	918	918	918	918	918	900	600	300	100	
4	1838			отъ ста-	2,410	отъ	н и х ъ	п р и-	былъ	600	805	805	805	805	805	805	805	805	805	805	750	500	300
5	1833				рыхъ	2,110	отъ	н и х ъ	п р и-	былъ	450	700	700	700	700	700	700	700	700	700	700	600	400
6	1840					самокъ новыхъ	1,845 900	отъ отъ	старыхъ новыхъ	п р и- п р и-	былъ былъ	450 152	615 200	615 200	615 200	615 200	615 200	615 200	615 200	615 200	615 200	600 150	500 100
7	1841					итого	новыхъ	1,580 1,985	отъ	н о-	в ы х ъ	прибыль	315 420	525 572	525 572	525 572	525 572	525 572	525 572	525 572	525 572	525 572	500 500
8	1842						итого	новыхъ	1,355 2,930	отъ	н о-	в ы х ъ	прибыль	325 650	451 909	451 909	451 909	451 909	451 909	451 909	451 909	451 909	451 909
9	1843							итого	новыхъ	1,130 3,768	отъ	н о-	в ы х ъ	прибыль	258 880	376 1,188	376 1,188	376 1,188	376 1,188	376 1,188	376 1,188	376 1,188	376 1,188
10	1844								итого	новыхъ	900 4,423	отъ	н о-	в ы х ъ	прибыль	225 1,020	300 1,440	300 1,440	300 1,440	300 1,440	300 1,440	300 1,440	300 1,440
11	1845									итого	новыхъ	725 5,275	отъ	н о-	в ы х ъ	прибыль	180 1,240	241 1,687	241 1,687	241 1,687	241 1,687	241 1,687	241 1,687
12	1846										итого	новыхъ	580 6,225	отъ	н о-	в ы х ъ	прибыль	125 1,500	190 1.994	190 1,994	190 1,994	190 1.994	190 1,994
13	1847											итого	новыхъ	430 7,560	отъ	н о-	в ы х ъ	прибыль	100 1,810	143 2,420	143 2,420	143 2,420	143 2,420
14	1848												итого	новыхъ	250 9,083	отъ	н о-	в ы х ъ	прибыль	61 2,254	83 2,908	83 2,908	83 2,908
15	1849													итого	новыхъ	100 10,654	отъ	н о-	в ы х ъ	прибыль	25 2,550	40 3.187	40 3.187
Итого	Самокъ	3,600	3,150	2,755	2,410	2,110	2,745	3,565	4,285	4,898	5,323	6,000	6,805	7,990	9,333	10,754	12,369	14.153	16,148	18,216	20,820	20,105	19,358
	Холостяковъ	3,660	3,150	2.755	2,410	2.110	2,745	3,435	4,215	4.102	5,378	6,000	6,795	8,010	9,267	10,746	12,331	14,147	16,102	18,184	20,824	20,095	19,342
	всего	7,060	6,300	5,500	4,820	4,220	5,490	7,000	8,500	9,700	10,700	12,000	13,600	16,000	18,600	21,500	24,700	28,300	32,250	36,400	41,640	40,200	38,700

Изъ сей табели видно, что:

a) чрезъ 15 лѣтъ отъ 3,600 самокъ можно будетъ получить въ 16-й годъ 24,700 котовъ, въ 16-й еще болѣе, а въ 20-й годъ 41,640.

b) Въ 21-й годъ прибыль начнетъ уменьшаться, разумѣется только въ такомъ случаѣ, если въ 16-й и слѣдующіе годы не будетъ оставляемо для приплода молодыхъ котовъ; а если же будетъ оставляемо каждогодно извѣстное число, то и въ слѣдующіе годы не будетъ менѣе 20,000 каждогодно.

ТАБЕЛЬ 3-я.

О ПРИБЫЛИ КОТОВЪ НА ОСТРОВѢ Св. ГЕОРГІЯ, СОСТАВЛЕННАЯ НА ДВА ГОДА НА ТѢХЪ ЖЕ ОСНОВАНІЯХЪ ЧТО И ПРЕДЫДУЩАЯ *.

Годы.		1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
		1826	1827	1828	1829	1830	1831	1832	1833	1834	1835	1836	1837
1	1826	2,200	отъ	нихъ	приб.	самокъ	450	700	700	700	700	700	700
2	1827	При-плодъ	2050	отъ	нихъ	при-	былъ	360	600	600	600	600	600
3	1828	отъ рыхъ	ста-самокъ	1,700	1,500	1,200	1,000	700	550	400	250	100	50
Итого	самокъ	2,200	2,050	1,700	1,500	1,200	1,450	1,760	1,850	1,700	1,550	1,400	1,350
	холостяковъ	2,200	2,050	1,600	1,500	1,200	1,450	1,760	1,800	1,700	1,500	1,500	1,400
	всего	4,400	4,100	3,300	3,000	2,400	2,900	3,520	3,650	3,400	3,050	2,900	2,750

Дѣйствительный же промыселъ котовъ былъ слѣдующій:

Годы.	1828	1829	1830	1831	1832	1833	1834	1835	1836	1837	Итого
Число котовъ.	4,778	3,661	2,834	3,084	3,296	3,212	3,051	2,528	2,550	2,582	31,476

Изъ сей табели видно, что по 1838 годъ промыселъ долженъ
быть по предположенію 30,870
Дѣйствительный же промыселъ былъ . 31,476

Разность 606

Разность произошла отъ того, что предположенія о приплодѣ дѣланы самыя умѣренныя.

---

* И потому онъ служитъ важнымъ доказательствомъ оному.

КОНЕЦЪ ВТОРОЙ ЧАСТИ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

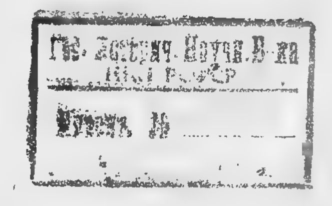
ВТОРОЙ ЧАСТИ.

ОТДѢЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Замѣчанія о жителяхъ.

ОТДѢЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

Продолженіе замѣчаній о жителяхъ.



ОТДѢЛЕНІЕ ТРЕТІЕ.

Замѣчанія о нѣкоторыхъ животныхъ и описаніе способовъ промысла ихъ.